

ТАЙНЫ **ТА**

Век XX

В. Войтинский

1917-й.

ГОД ПОБЕД И ПОРАЖЕНИЙ

ИСТОРИИ

в романах, повестях и документах

ТАЙНЫ ИСТОРИИ

Век XX

В. С. Войтинский
1917-й.
ГОД ПОБЕД
И ПОРАЖЕНИЙ

Под редакцией
доктора исторических наук
Ю. Г. Фельштинского

ТЕРРА

МОСКВА
ТЕРРА—КНИЖНЫЙ КЛУБ
1999

УДК 947
ББК 63.3(2)
В65

Вступительная статья
доктора исторических наук
Г. ЧЕРНЯВСКОГО

Послесловие
доктора исторических наук
Г. ИОФФЕ

Войтинский В. С.

В65 1917-й. Год побед и поражений / Под. ред.
Ю. Фельштинского. — М.: ТЕРРА—Книжный клуб,
1999. — 320 с. — (Тайны истории в романах, повестях
и документах).

ISBN 5-300-02711-1

В этой книге публикуются воспоминания В. С. Войтинского (1885—1960), непосредственного участника революционных событий в России начала XX в. В 1917 г. он являлся членом Исполкома Петроградского совета и комиссаром Временного правительства на Северном фронте. После революции жил в эмиграции.

УДК 947
ББК 63.3(2)

ISBN 5-300-02711-1

© Ю. Фельштинский, составление, 1999
© Г. Чернявский, вступительная статья, 1999
© Г. Иоффе, послесловие, 1999
© ТЕРРА—Книжный клуб, 1999

Г. И. Чернявский ВОЙТИНСКИЙ И ЕГО ВРЕМЯ

Не только специалистам, но и читателям, интересующимся сравнительно недавним прошлым России, предлагаются воспоминания социал-демократа Владимира Савельевича Войтинского, посвященные событиям того года, который стал переломным в истории многострадальной страны. В 1923—1924 гг. в Берлине в русском издательстве З.И. Гржебина вышли два тома мемуаров Войтинского под названием "Годы побед и поражений". Первый том имел подзаголовок "1905 год", второй — "На ущербе революции" (он подробно описывал события 1906—1907 гг. и кратко — послереволюционные перипетии автора вплоть до 1916 г.). Войтинский работал и над третьим томом своих записок, посвященным 1917 г., но, поглощенный другими делами, так и не завершил полностью подготовку его к печати¹. В конце 20-х годов, после многочисленных вставок, сокращений, переработок, автор по неведомым нам причинам навсегда отказался от их издания в данном виде, хотя рукопись была им почти завершена. Хранилась рукопись в плохих условиях, текст последней главы (о большевистском перевороте) и краткое заключение были частично утрачены.

В таком виде работа была передана бывшему деятелю меньшевистской партии, известному историку, автору многочисленных книг и статей о развитии социал-демократического движения России Б.И. Николаевскому, который ее бережно сохранил. Ныне она находится в коллекции Б.И. Николаевского в Архиве Гуверовского института войны, революции и мира при Стенфордском университете в США (ящик 286, папки 1—10).

В 1990 г. воспоминания В.С. Войтинского были опубликованы Ю.Г. Фельштинским в США². Однако тираж издания был небольшим, до советского и постсоветского читателя книга почти не дошла. Исследователи, в частности работавшие в рамках Межуниверситетского проекта по истории меньшевизма,

продолжали в основном использовать рукопись, хранящуюся в Гуверовском институте.

Но еще в начале 1960 г., за несколько месяцев до смерти, В.С. Войтинский завершил работу над своим полным жизнеописанием, которое вышло в свет уже после его кончины³. 1917 году в этом томе посвящен раздел, приблизительно вдвое меньший по объему, чем рукопись из коллекции Б.И. Николаевского.

Настоящее новое издание третьего тома воспоминаний ставит своей целью довести их до широкого читателя. Помимо вступительной статьи в издание включены послесловие (статья Г.З. Иоффе "Керенщина и черемисовщина"), примечания, указатели имен и географических названий.

Рукопись публикуется с любезного разрешения администрации Гуверовского института войны, революции и мира, которой выражается сердечная признательность, под редакцией доктора исторических наук Ю.Г. Фельштинского. Авторы примечаний — доктора исторических наук Ю.Г. Фельштинский и Г.И. Чернявский. Ими же составлены указатели. В подготовке некоторых примечаний принимал участие профессор С.А. Пиналов.

* * *

Владимир Савельевич Войтинский родился 12 ноября 1885 г. в Петербурге в семье преподавателя математики реального училища, ставшего затем профессором Лесного института. Домашняя атмосфера, разносторонние интересы родителей — принявших христианство евреев, либерально мыслящих разночинных интеллигентов второй половины прошлого века — обусловили острое внимание юного Владимира, его братьев Иосифа и Николая, сестры Надежды к русской и мировой литературе, истории и особенно к проблемам экономического и социально-политического развития. Старший брат Иосиф (родился в 1884 г.) стал известным юристом. Он был автором многочисленных работ по трудовому праву, публиковавшихся как в дореволюционной России, так и в советское время⁴. По-видимому, И.С. Войтинский, имя которого перестало появляться в печати с середины 30-х годов, был расстрелян во время "большого террора" или замучен в заключении. Девятнадцати лет Владимир Войтинский поступил на юридический факультет Петербургского университета. Он добросовестно штудировал экономические

(экономика изучалась именно на этом факультете) и правовые курсы, но наибольший интерес вызывали у него проблемы теоретической экономики, к изучению которых юноша пытался применить математические методы — благо способности к математике были им унаследованы от отца. Знакомство с историком и экономистом М.И. Туган-Барановским — видным либералом и сторонником так называемого легального марксизма (приверженцы этого течения использовали Марксову аргументацию для обоснования капиталистического развития России и введения демократических свобод) привлекло внимание Владимира к спорам в среде русских последователей Маркса и взглядам других западных экономистов. Поначалу теория стоимости Маркса воспринималась им сугубо критически, и за выступления на студенческих семинарах с ее нелицеприятным анализом Владимир даже получил прозвище "марксоеда". Более последовательной и логичной студент считал теорию предельной полезности австрийца Э. Бем-Баверка, которая разрабатывалась и другими обществоведами на Западе. Эта теория подкупала большей жизненностью, чем абстрактные построения "отца научного социализма". Ей Войтинский посвятил свою первую книгу "Рынок и цены. Теория потребления и рыночных цен", написанную в основном еще тогда, когда автор оканчивал гимназию, и опубликованную в 1906 г. с предисловием Туган-Барановского (почти через 60 лет эта работа была переиздана в США⁵).

Но еще до этого бурные события 1905 г. повернули жизнь Войтинского в совершенно ином направлении: 20-летний студент был охвачен стихией революции, и его смелости, боевитости, энергии более импонировала большевистская тактика решительного напора на царизм с перспективой "перерастания" революции в социалистическую, чем более осторожная линия меньшевиков и тем более мирно-конституционные планы либералов. Вскоре Войтинский, вчерашний "марксоед", так и не ставший последовательным марксистом (этого от него никто и не требовал), начал сотрудничать в большевистской печати. Этому юношу небольшого роста с огненно-рыжими всклокоченными волосами (который был близорук, но не страдал от этого, ибо привык произносить свои речи без записок) охотно слушали на студенческих собраниях и рабочих митингах. Войтинский, известный в то время в социал-демократических кругах как Сергей Петров, проявил инициативу в создании профсоюза приказчиков, а затем стал руководителем Совета безработных Петербурга. Он был инициатором кампании, в результате которой сто-

личная Городская дума выделила Совету безработных помощь, использованную для организации общественных работ и выдачи бесплатных обедов. К 1906 г. относятся и первые контакты молодого социал-демократа с воинскими частями — результатом стал написанный им наказ подразделений гарнизона социал-демократической фракции II Государственной думы. В ноябре 1905 и январе 1906 г. Войтинский подвергался арестам, но в условиях продолжавшегося еще бурного общественного подъема освобождался. Он отказался принять предложение В.И. Ленина бежать за границу, чтобы стать там руководителем большевистского журнала, и в третий раз был арестован уже после столыпинского государственного переворота — 15 октября 1907 г., но смог бежать из заключения в арестном доме на Васильевском острове, перешел на нелегальное положение и по заданию большевистского центра уехал в Екатеринослав, где примерно месяц возглавлял партийную организацию большевиков.

Здесь в январе 1908 г. его застал четвертый и последний арест. Два года — до суда в мае 1909 г., вынесшего приговор (4 года и 8 месяцев каторжных работ), и после — Войтинский провел в Екатеринославской тюрьме. По сравнению с другими тюрьмами тогдашней империи Екатеринославский централ отличался особо тяжкими условиями. Переполненные камеры, грязь, эпидемии, избиения и даже убийства заключенных — таковы были ее реалии. Для Войтинского они стали источником нового опыта, который был положен в основу меморандума, нелегально переданного в социал-демократическую фракцию III Государственной думы и использованного ею в парламентских выступлениях. Вскоре Войтинский написал серию ярких очерков о тюремных порядках, печатавшихся в журнале "Русское богатство" и других первоклассных изданиях. Попытка бежать из тюрьмы, точнее, из сыпнотифозного барака, куда он был переведен, симулировав болезнь, оказалась неудачной. Из Екатеринославской тюрьмы в 1910 г. Войтинского перевели по этапу в Александровский каторжный централ, находившийся рядом с Иркутском, где он провел оставшуюся часть заключения.

С конца 1912 г. Войтинский находился в ссылке вначале в селе Илкино, а затем в Иркутске, являвшемся центром общественно-политической жизни Восточной Сибири. Здесь он участвовал в попытках создания местной социал-демократической печати (в 1914—1915 гг. удалось выпустить два номера журнала, носившие разные названия, — "Сибирский журнал" и "Сибирское обозрение"), активно занимался журналистикой (одна за другой в 1913—1916 гг. вышли его книги "Призраки", "Безрабо-

тица и локауты", "Вне жизни: Очерки тюрьмы и каторги", "Евреи в Иркутске", "В тайге". Статьи Войтинского появлялись не только в местных изданиях "Сибирское слово" и "Новая Сибирь", но и в столичных журналах и западной социалистической печати), был членом нелегального социал-демократического кружка. Написанная в ссылке работа "Рабочий рынок в Сибири во время войны"⁶ знаменовала собой подход к той исследовательской области — экономических и социальных проблем трудовых отношений, — которой Войтинскому суждено будет плодотворно заниматься в будущем в течение более чем трех десятилетий.

Именно в рамках социал-демократического кружка произошел постепенный отход Войтинского от большевизма и его столь же постепенное сближение с меньшевиками. Собственно, и раньше он не был "образцовым" большевиком — ему претила фракционная дисциплина, внутреннюю борьбу в партии он считал явлением временным, в ссылке он стал причислять себя к нефракционным социал-демократам. Хотя он не пошел еще на открытый разрыв с Лениным, но политические симпатии начали склоняться в пользу меньшевистского крыла. Контакты с большевистскими лидерами, и прежде всего с самим В.И. Лениным, также способствовали политическому и личностному отчуждению от социал-демократических экстремистов. В письме от 20 декабря 1913 г. из Кракова, полученном Войтинским в Иркутске, большевистский лидер, например, крайне негативно оценил его статью, присланную для публикации, за то, что автор, мол, "стоит на сентиментально-исторической точке зрения"⁷.

Особенно повлиял на Войтинского в этот период один из лидеров меньшевиков И.Г. Церетели, находившийся в 1913 г. в ссылке в селе Усолье под Иркутском. Встречи с этим обаятельным, красноречивым и лишенным сектантской замкнутости грузином, знакомство с другими меньшевиками — С.Л. Вайнштейном (Звездиным), Ф.И. Даном, а также с большевиком-историком Н.А. Рожковым, который постепенно освобождался от "ленинских чар", предопределили политический отход от большевизма, завершившийся в годы первой мировой войны. Разумеется, Войтинский понятия не имел о том, что большевиков финансируют германские тайные службы. Но ленинский курс на "поражение своего правительства в империалистической войне", "на перерастание империалистической войны в гражданскую" был для него неприемлем. Он начинает открыто критиковать ленинцев за "пораженчество" и политику раскола социал-демократического движения.

В Иркутске Войтинский встретился с Эммой Шахдан, юной учительницей, дочерью местного предпринимателя средней руки. Возникшая любовь во многом поддерживалась общими интересами в области гуманитарных наук, журналистики, общественной деятельности. Брак Эммы и Владимира был официально зарегистрирован позже, в 1917 г., в Петрограде. Четыре с половиной десятилетия, до смерти В.С. Войтинского, они были неразлучны. Эмма была незаменимым помощником в подготовке книг и статей супруга, соавтором некоторых из них. Память Войтинского она отметила выпуском тома своих воспоминаний⁸ и сборника статей коллег и друзей⁹.

Лишь через несколько дней после того, как в Петрограде началась революция и была свергнута монархия, известия о событиях в столице дошли до Иркутска. Собственно, с этого момента и начинаются воспоминания В.С. Войтинского о 1917 годе. Мы не будем пересказывать содержание тома. Отметим лишь важнейшие вехи деятельности автора в марте—октябре 1917 г.

Прибыв 20 марта (2 апреля) в столицу, Войтинский в начале апреля окончательно перешел к той части меньшевиков, которая стояла на позиции революционного оборончества.

Вначале Войтинский, как и многие другие социал-демократы, высказывался за восстановление единой партии. Однако после того, как возвратившийся в Россию Ленин обеспечил в большевистской партии поддержку своему непримиримому в отношении меньшевиков курсу и линию на непосредственную подготовку "социалистической революции" (Войтинский, кстати, был секретарем на том знаменитом совместном совещании меньшевистских и большевистских деятелей 5 апреля, на котором Ленин выступил со своими "Апрельскими тезисами"), не только отход Войтинского от большевиков, но и признание принадлежности к меньшевикам завершилось. Выступая 5 апреля, Владимир Савельевич особенно резко осудил "Апрельские тезисы": "Ленин очень талантливо вбил в былой раскол осиновый клин. Мы все соединимся без него и против его программы, придуманной в вагоне"¹⁰. Вскоре в центральном меньшевистском печатном органе "Рабочая газета" появилось заявление Войтинского о разрыве с большевиками, которые потеряли "всякую связь с идеями революционного марксизма"¹¹.

Новоявленный меньшевик стал членом Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, его Исполнительного комитета и бюро Исполкома, был делегатом I Всероссийского съезда Советов в июне, где предложил резолюцию в поддержку

наступления на фронте, активно участвовал в восстановлении порядка в первых числах июля, во время вооруженных выступлений распропагандированных большевиками солдат и матросов. В следующие месяцы он был комиссаром Временного правительства на Северном фронте. Здесь он прилагал усилия для укрепления армии, изоляции большевиков, участвовал в ликвидации последствий антиправительственного выступления Верховного главнокомандующего генерала Л.Г. Корнилова. Участвуя во Всероссийском демократическом совещании в сентябре 1917 г., он внес предложения о мерах по укреплению боеспособности армии, которые в основном сводились к необходимости обеспечения твердой революционной власти. От имени соответствующей комиссии Войтинский предложил проект резолюции об образовании Временного совета Российской республики (предпарламента), а затем вошел в его состав.

Бурная общественно-политическая деятельность сочеталась с публицистической. Одна за другой вышли три брошюры Войтинского, посвященные жгучим проблемам революции и сопоставлению исполнительной власти в царской России и после февраля 1917 г.¹². Кроме того, он выпустил небольшие воспоминания о первой революции¹³.

Когда Войтинский узнал о созыве II Всероссийского съезда Советов, он вначале подал заявление об уходе с поста комиссара фронта, чтобы непосредственно включиться в политическую борьбу в Петрограде, но узнав, что большинство членов ВЦИК покинуло съезд, остался и занялся подготовкой подразделений генерала П.Н. Краснова при участии главы Временного правительства А.Ф. Керенского к походу на Петроград. Особенно энергично комиссар Северного фронта настаивал на посылке в Петроград для восстановления порядка казачьих войск. Имея в виду не только эти его действия, но и всю работу на Северном фронте, Краснов позже напишет, что Войтинский — "идейный человек, ставший на защиту армии от разрушения"¹⁴.

Попытки Керенского, Краснова, Войтинского и других противников большевистской диктатуры оказать сопротивление Октябрьскому перевороту были неудачными. 1 (14) ноября руководители антибольшевистского выступления, за исключением скрывшегося Керенского, были арестованы в Гатчинском дворце. Войтинский был привезен в Смольный, а затем препровожден в Петропавловскую крепость.

Условия заключения в знаменитой столичной тюрьме были ничем не лучше, чем в Екатеринославском центральном. Впрочем,

своей карательной политике большевики только учились, и жизнь бывшего их товарища по партии, ставшего теперь "ренегатом" и непримиримым врагом, была сохранена, хотя его арест оказался более долгим, чем даже генерала Краснова, который был освобожден под честное слово, что не будет бороться против новой власти. Правда, и Войтинский был выпущен после того, как в ночь на 6 (19) января 1918 г. было разогнано Учредительное собрание, заседавшее только один день. Видимо, кто-то из партийных лидеров счел, что теперь "товарищ Петров" минувших дней опасности не представляет. Кроме того, за него заступился М. Горький, с мнением которого новые власти подчас считались. Власть имущие почти тотчас же спохватились, и был издан приказ о его новом аресте, однако в Петрограде Войтинского уже не оказалось. Вместе с И.Г. Церетели он немедленно выехал в Грузию и примерно через три недели оказался в Тифлисе.

Чем объяснялся этот отъезд? Видимо, не только стремлением спастись от новых репрессий, которые были неизбежны. Большую роль сыграли связь с Церетели и его предложение о сотрудничестве у него на родине. Б.И. Николаевский с полным основанием пишет, что Войтинский, "войдя в меньшевистскую организацию... не нашел себе в ней настоящего места. Меньшевизм вообще никогда не отличался большой способностью ассимилировать людей, пришедших к нему из других фракций и лагерей". Меньшевизм не смог стать "собирателем всех элементов социал-демократического и вообще социалистического лагеря, отброшенных прочь от ленинского максимализма"¹⁵. Действительно, в 1917 г. Войтинский, став меньшевиком, выступал не столько как представитель этой партии, сколько как социал-демократ в широком смысле слова или даже как демократ вообще, как советский деятель, представитель Временного правительства, и его воспоминания ярко отражают эту особенность его деятельности.

В Тифлисе В.С. Войтинский тотчас же включился в работу социал-демократической партии Грузии (ее часто именуют партией грузинских меньшевиков, но это не вполне точно — меньшевики были общероссийской партией, грузинские социал-демократы стояли во главе борьбы за национальное самоопределение). Войтинскому было доверено редактирование газеты "Борьба" — органа социал-демократической партии на русском языке. Он приступил к работе в министерстве иностранных дел Грузинской демократической республики, комплектовал и редактировал объемистый сборник документов о ее международном положении и внешней политике, предназначенный для Парижской

мирной конференции. Вдобавок к этой интенсивной деятельности он за неполных три года написал и издал две книги о современной Грузии.

В 1919 г. Войтинский выехал за рубеж в качестве советника политико-экономической миссии Грузинской демократической республики, которая вначале была аккредитована в Италии. Почти тотчас же в Париже с предисловием известного бельгийского социалиста Э. Вандервельде на русском и французском языках вышла его работа, посвященная независимой Грузии¹⁶. Однако через год с небольшим поступили известия о вероломном нарушении большевистским правительством только что заключенного договора с Грузией, вторжении Красной армии на ее территорию и провозглашении Грузинской советской республики. С 1921 г. пребывание за границей превратилось в эмиграцию.

Войтинский выехал во Францию, но с лета 1922 г. обосновался в Германии, посвятив себя исследованиям в области экономики. Он оставался весьма плодовитым автором и за десятилетие опубликовал ряд книг. Наиболее значительным из его изданий этих лет был семитомный справочник по проблемам мировой экономики, изданный на немецком языке с многочисленными картами, таблицами, диаграммами. Первые два тома были опубликованы также на русском языке, но издание было прервано, так как попытки договориться с советскими книготорговыми организациями о допуске справочника в СССР провалились¹⁷. Большевистская цензура все пристальнее следила за тем, чтобы работы "врагов советской власти" в страну не проникали. Все же "Большая Советская Энциклопедия", опубликовавшая в первом издании весьма недружелюбную статью о Войтинском, признала ценность этого издания, содержащего "основные данные по основным отраслям хозяйственной жизни"¹⁸. Попытался Войтинский подвести главные итоги хозяйственного развития Германии за десять лет после революции 1918 г. в томе, являвшемся дополнительным к его семитомнику¹⁹. От его внимания не ускользнула и широко дискутировавшаяся проблема европейской интеграции в форме "Соединенных Штатов Европа", которой он также посвятил специальную брошюру²⁰.

Появление всех этих работ сделало Войтинского заметной фигурой в области европейской экономической мысли. Он был признан первоклассным специалистом в области статистики. Ученый стал желанным автором для специальных журналов. Он охотно откликался и на просьбы выступить по жгучим современным проблемам, поступавшим от редакций газет и профсоюзной периодики.

Но проблемы германской и европейской экономики были отнюдь не единственным направлением его работы. Парадоксально, но именно в первые годы эмиграции он стал, правда, ненадолго, настоящим меньшевиком. Установив связь с П.Б. Аксельродом, Войтинский помогал ему представлять интересы РСДПР за границей и работать над воспоминаниями "Пережитое и передуманное". Совместно с П.А. Берлиным и Б.И. Николаевским была подготовлена к печати и издана переписка Г.В. Плеханова с П.Б. Аксельродом²¹. Видимо, заинтересованное участие в аксельродовских воспоминаниях и побудило Войтинского к созданию собственного мемуарного трехтомника. Когда в Берлине начал выходить меньшевистский журнал "Социалистический вестник", Войтинский включился в его работу, хотя публиковал статьи по тематике, не имевшей отношения к России. Впрочем, еще в 1922 г. он выпустил с предисловием К. Каутского брошюру о "коммунистической кровавой юстиции", посвященную судебному процессу над руководителями партии эсеров, проходившему в Москве²². Эта работа была издана на пяти языках. Неоднократно статьи Войтинского публиковались в германских социал-демократических журналах "Die Gesellschaft" ("Общество") и Der Kampf ("Борьба").

В 1929 г. Войтинский принял предложение руководства Федерации профсоюзов Германии, работавшей в тесной связи с социал-демократической партией, возглавить исследовательскую службу этого мощного и влиятельного объединения. Под его руководством была реорганизована статистическая деятельность профсоюзов. Войтинский выступил с рядом статей об опасности проводившейся в Германии в условиях начавшегося в 1929 г. экономического кризиса дефляции (изъятие из обращения избыточной денежной массы путем сокращения бюджетных расходов, стимулирования сокращения кредитов, повышения налогов и т.д.). Ученый полагал, что проблемы преодоления кризиса могут быть решены при сохранении и даже использовании инфляции. Его книга на эту тему "Международное повышение цен как разрешение кризиса"²³ вызвала поначалу гневные отповеди германских и зарубежных экономистов. Лишь через несколько лет, когда он уже находился в США, точка зрения Войтинского стала завоевывать все больше приверженцев в академических и правительственных кругах. Пока же Войтинский совместно с руководителем германского профсоюза плотников Фрицем Тарновым и видным экономистом Фрицем Бааде выдвинул программу преодоления кризиса, в частности путем широкого введения общественных работ за государственный счет для безра-

ботных и использования контролируемой инфляции. Этот В-Т-Б-план широко обсуждался общественностью. Но правительство и лидеры германских профсоюзов намеченную программу отвергли. Углубление кризиса способствовало радикализации политических настроений. Складывалась все большая угроза прихода к власти экстремистских сил.

После установления в Германии в 1933 г. нацистской диктатуры Войтинский переехал в Швейцарию, затем во Францию, а в октябре 1935 г. в США. Б.И. Николаевский вспоминает: "Он рассказывал, что четверть века тому назад, когда он перебрался на эту сторону океана, Америка его пугала, как чужая и мало знакомая страна с новыми, отличными от европейских, отношениями и укладом жизни... Но по-настоящему во весь свой рост он развернулся лишь в Америке — и как ученый, и как общественный деятель. Он действительно сроднился с этой страной — в лучшем значении этого слова нашел в ней свою вторую родину. Вспоминаются его слова о том, что в Америке его больше всего поражала огромная внутренняя свобода этой страны и то чувство широкой терпимости к чужому мнению, которое характерно для американской интеллигенции и которое ее роднит с лучшими традициями старой интеллигенции русской"²⁴.

Владимиру Войтинскому довелось прожить в США четверть века. Полностью отказавшись от марксистских догматов, он стал видным экономистом, практиком и теоретиком. Тотчас же после прибытия в Америку ученый стал работать в Центральном статистическом бюро, а с 1936 г. — в Комитете социального обеспечения, созданном на основе закона 1935 г. о социальном обеспечении. Он стал одним из руководителей основанного при этом комитете Исследовательского совета социальных наук, занимаясь проблемами социального обеспечения и трудоустройства. Он являлся фактическим советником президента Ф. Рузвельта по вопросам трудовых отношений — ведь значительную долю мероприятий правительственного "нового курса" составляли акты, связанные с сокращением безработицы, введением общественных работ, закладкой основ государственного социального страхования путем установления ряда пособий и пенсий. С 1942 г. Войтинский был членом Совета социального обеспечения.

Труды В.С. Войтинского этого периода были посвящены проблемам общей экономической ситуации в стране, деловой активности, хозяйственным прогнозам, занятости, заработной плате и безработице, отношениям между трудом и капиталом²⁵. Работы "Уроки спада" (об экономическом спаде во второй половине 50-х годов), "Занятость и заработная плата в Соединенных

Штатах" и "Три аспекта трудовой динамики" через много лет были переизданы, что свидетельствует о сохранявшейся их научной ценности²⁶. Интересные работы были посвящены проблемам всемирной хозяйственной демографии, мировой торговле и политике правительств, экономическим перспективам Индии²⁷.

В 1947—1955 гг. Войтинский являлся директором совместного исследовательского проекта Фонда Рокфеллера, Фонда XX века и университета имени Джонса Гопкинса (Балтимор), посвященного проблемам мировой экономики и демографии.

Но Войтинский в США сохранял интерес к своей родине, впрочем, пожалуй, больше к ее прошлому, чем к настоящему. Он написал отчасти мемуарную, отчасти исследовательскую работу о движении безработных в Петербурге в конце революции 1905—1907 гг., а затем и обширный мемуарный том, о котором уже упоминалось.

В последние годы жизни ученый совершил несколько длительных поездок за рубеж — в Японию и другие страны Востока, в Латинскую Америку, во время которых он выступал с лекциями, давал консультации, общался с коллегами. Поездки были организованы Государственным департаментом США, по просьбе которого Войтинский затем поделился своими впечатлениями. Незадолго до смерти появилась его последняя брошюра "Проблема процветания на выборах 1960 года"²⁸ и цикл статей о современной экономике США в журнале "The New Leader" ("Новый руководитель"). Они увенчали исследовательско-публицистический капитал ученого и общественного деятеля, насчитывающий 425 трудов на 11 языках²⁹.

Скончался Владимир Савельевич Войтинский на 75-м году жизни, 11 июня 1960 г., в Вашингтоне.

Хотя мировой книжный рынок, особенно в последние годы, наводнился огромным потоком литературы, в том числе мемуарной о революции в России, воспоминания В.С. Войтинского, как мы полагаем, займут в ней достойное место.

Разумеется, записки участников и очевидцев событий обладают хорошо известными особенностями, ограничивающими возможности их использования. Существуют определенные пределы человеческой памяти, ее свойство на первый взгляд произвольно отбирать и интерпретировать пережитые события. Даже самый добросовестный мемуарист склонен особенно подчеркивать значение тех участков деятельности, на которых он был занят, для общего хода и исхода крупных исторических фактов. Нередко современник подменяет описание толкованием, толкование оправданием, анализ убеждением, даже не замечая этой

подмены. Но эти же недостатки превращаются в достоинства, ибо они позволяют воспринять историю объемно, сквозь призму деятельности и мышления реальных действующих лиц определенного мировоззрения, политических пристрастий, культурной среды и т.д., во многих случаях воспроизвести малоизвестные, но подчас очень важные факты, пролить свет на "темные пятна" или заменить "белые пятна" красочной картиной деятельности реальных персонажей.

Думается, книга В.С. Войтинского обладает этими ценными качествами, подтверждением чего являются многочисленные ссылки на ее рукопись в исследованиях ученых, посвященных российской революции 1917 г.

В воспоминаниях прослеживаются три взаимно связанные линии — развитие бурных событий 1917 г. от совещаний социал-демократов в конце марта — начале апреля до Октябрьского переворота, личная деятельность автора, обоснование его позиций, которые предопределили несколько особый статус автора в среде меньшевиков — революционных оборонцев. Пожалуй, наиболее концентрированно, хотя и в общей форме, эта позиция была выражена в следующих словах: "Таким образом, мы приходили к обороне, к продолжению войны во имя того, чтобы избежать сепаратного мира и успеть столкнуться с союзниками. Получалась политика, имевшая две стороны: борьба за всеобщий демократический мир — в Европе, оборона — у себя дома. Эти две стороны нашей политики были связаны одна с другой: оборона была необходимым условием того, чтобы можно было сделать хоть что-нибудь для приближения всеобщего мира; борьба за мир была предпосылкой того, чтобы армия согласилась на продолжение военных действий".

Разумеется, особо интересны страницы, где рассказано о событиях, в которых участие автора было наиболее значительным. Но и о том, в чем он не принимал непосредственного участия, Войтинский повествует на основе своего личного опыта и восприятия.

Книга позволяет расширить представление о том, в каких условиях, по каким причинам на протяжении весны и лета 1917 г. инициатива все более переходила к большевикам. Весьма важен рассказ о событиях 3—4 июля, особенно в связи с повторяющимися утверждениями, участившимися в последние годы не только в "околоисторической" литературе, но и в научной историографии, что это был спланированный большевистский путч, окончившийся поражением. Из фактов, приводимых в мемуарах, видно, что как раз в июльские дни большевики проявили

явную нерешительность. Следует прислушаться и к мнению, что в бунтарских действиях толпы в эти дни сыграли свою роль провокаторы-черносотенцы, пытавшиеся ее использовать в своих целях. Обоснованным представляется вывод мемуариста, что речь шла не о сознательных действиях большевистского руководства, а о "большевистской бунтарской стихии". Очень интересны описания так называемого окопного большевизма, позволяющие объяснить некоторые моменты целого комплекса событий не только до, но и после Октябрьского переворота.

Ярко и выпукло обрисованы Войтинским многие действующие лица, особенно генералы, руководившие войсками Северного фронта.

Отметим и то, что в рукописи В.С. Войтинского почти нет фактических неточностей, в том числе в датах, фамилиях и т.п., которые являются существенным недостатком многих воспоминаний. Сказалась привычка ученого многократно проверять всю находящуюся в его распоряжении информацию.

Итак, перед любознательным читателем — воспоминания одного из активных участников той попытки вывести Россию на уровень современной демократической нации, которая оказалась лишь прелюдией к более чем 70-летнему большевистскому насильственному режиму.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Видимо, лишь отчасти прав Б.И. Николаевский, полагающий, что третий том не был издан в 20-е годы в связи с крахом издательства Гржебина (*Николаевский Б. Войтинский В.С.* // Социалистический вестник, 1960, № 8—9, с. 169).

² *Войтинский В.С.* 1917-й. Год побед и поражений. Chalidze Publications, 1990.

³ *Woytinsky W.S.* Stormy Passage: A Personal History Through Two Russian Revolutions to Democracy and Freedom: 1905—1960. New York, 1961.

⁴ *Войтинский В.С.* Стачка и рабочий договор по русскому праву. СПб, 1911; Его же. Коллективные соглашения об условиях труда. СПб, 1911; Его же. Основы советского права. М., 1927; Его же. Азбука советского трудового права. М., 1929; Его же. Трудовое право. М., 1934, и др.

⁵ *Woytinsky W.* Market and Prices. New York, 1964.

⁶ *Войтинский В.С.* Рабочий рынок в Сибири во время войны. Иркутск, 1917.

⁷ *Ленин В.И.* Сочинения. Изд. 5-е, т. 48, с. 238—241.

⁸ *Woytinsky E.* Two Lives in One. New York, 1965.

⁹ *The Life and Work of W.S. Woytinsky.* Edited by Emma. S. Woytinsky. New York, 1962.

¹⁰ *Меньшевики в 1917 году.* М., 1994, т. 1, с. 178.

¹¹ Рабочая газета, 1917, 11 мая.

¹² *Войтинский В.С.* К чему стремится коалиционное правительство. Петроград, 1917; Его же. Крестьянин, рабочий и солдат. Петроград, 1917; Его же. Ответственность министров при царизме и революционной России. Петроград, 1917.

¹³ *Войтинский В.С.* Луч света среди ночи. Из картин первой революции. Петроград, 1917.

¹⁴ *Краснов П.Н.* На внутреннем фронте. Л., 1925, с. 48.

¹⁵ *Николаевский Б.* Указ. статья, с. 169.

¹⁶ *Войтинский В.С.* Грузинская демократия. Париж, 1921.

¹⁷ *Wojtinsky V.* Die Welt in Zahlen. Berlin, 1925—1928. 7 v. Его же. Мир в цифрах. Берлин, 1924—1925. В 2-х т.

¹⁸ Большая Советская Энциклопедия. М., 1928, т. 12, с. 657.

¹⁹ *Wojtinsky V.* Zehn Jahre neues Deutschland. Berlin, 1929.

²⁰ *Wojtinsky V.* Die Vereinigten Staaten von Europa. Berlin, 1926.

²¹ Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. М., 1925 (перепечатана в 1967 г.)

²² *Wojtinsky V.* Kommunistische Blutjustiz. Berlin, 1922.

²³ *Wojtinsky V.* Internationale Hebung der Preise als Ausweg aus dem Kreise. Leipzig, 1931.

²⁴ *Николаевский Б.* Указ. статья, с. 169.

²⁵ *Woytinsky W.* The Labor Supply in the United States. Washington, DC, 1942; *ibid.* Three Aspects of Labor Dynamics. Washington, DC, 1942; *ibid.* Economic Perspectives. 1942—1947. Washington, DC, 1942; *ibid.* Principles of Cost Estimates in Unemployment

Insurance. Washington, DC, 1948; *ibid.* Employment and Wages in the United States. New York, 1953; *ibid.* Lessons of the Recessions. Washington, DC, 1959 etc.

²⁶ *Woytinsky W.* Lessons of the Recessions. New York, 1980; *ibid.* Employment and Wages in the United States. New York, 1976; *ibid.* Three Aspects of Labor Dynamics. Washington, DC, 1974.

²⁷ *Woytinsky W.* World Commerce and Governments. New York, 1955; *ibid.* World Population and Production. New York, 1953; *ibid.* India. The Awakening Giant. New York, 1957.

²⁸ *Woytinsky W.* The Prosperity Issue in the 1960 Election. Washington, DC, 1960.

²⁹ Библиографию трудов В.С. Войтинского см.: *So Much Alive*, p. 232—263.

**1917-й.
ГОД ПОБЕД
И ПОРАЖЕНИЙ**

ПРЕДИСЛОВИЕ

1917 год застал меня в ссылке, в Иркутске. Мои воспоминания о первых днях революции — это воспоминания о том, как была встречена в далекой Сибири весть о совершившемся в Петрограде перевороте и как она была принята теми, кому пришлось в эти дни стоять во главе местных революционных сил и кому предстояло в дальнейшем участвовать в руководящих центрах общероссийского движения.

В последующий период революции круг моих наблюдений был шире. Со второй половины марта я работал в Петрограде, сперва в составе Исполнительного комитета Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов¹, во Всероссийском ЦИК². Разделяя тактическую линию советского большинства, я по мере моих сил отстаивал ее против враждебных ей течений, волны которых с каждым днем все сильнее бились о стены Таврического дворца³. Здесь застали меня апрельские дни, когда впервые встал над Петроградом призрак гражданской войны, и майский правительственный кризис, и разыгравшиеся затем кронштадтские события, и июньский съезд Советов, и июльское выступление большевиков.

После июльских дней я выехал на фронт, где до конца октября продолжал защищать советскую политику. На фронте мне пришлось быть свидетелем агонии армии и, вместе с тем, агонии всего того движения, которое войдет в историю под названием "февральской революции".

В дни Октябрьского переворота я участвовал в попытке противопоставить петроградскому гарнизону силы фронта, стоявшие еще за Всероссийским ЦИК первого созыва.

После крушения этой попытки и трехмесячного заключения в Петропавловской крепости я уехал из Петрограда на юг, в Тифлис, и дальнейшие события российской трагедии протекали вне поля моих непосредственных наблюдений. Этим определяются рамки предлагаемой книги. Но непосредственное содержание ее уже этих рамок.

Глава первая В ИРКУТСКЕ

Недостаточно сказать, что революция явилась для нас, в Иркутске, *неожиданностью*. Ибо неожиданность имеет свои степени. Ведь и в Петрограде никто не ожидал того, что принесли последние дни февраля! Но Петроград в течение месяцев жил в лихорадочном ожидании переворота. И когда загудел набат, неожиданностью для петроградцев явилось лишь то, что давно уже казавшаяся неизбежной катастрофа пришла в виде *восстания солдат и рабочих*. А далее события представлялись им стремительно возраставшей волной: мирные демонстрации... бездействие полиции... отдельные случаи неповиновения солдат... переход полков на сторону народа... превращение уличных беспорядков в торжествующую революцию... Для нас, в Иркутске, не было ни этого нарастания событий, ни предшествовавшей им лихорадки ожидания — все пришло внезапно, как громовой удар из безоблачного неба.

Пищу политической жизни Иркутска составляли отголоски столичных слухов. Но за последнее время слухи шли смутные, не дававшие оснований для ожидания близких перемен. Помню, когда в декабре 1916 г. до нас дошли слухи об убийстве Распутина⁴, мы как-то стеснялись говорить серьезно об этом деле: безобразная обстановка ночного убийства в графском особняке заслоняла от сознания исторический смысл кровавого завершения распутинщины.

В конце января пришло из Петрограда известие об аресте рабочей группы Военно-промышленного комитета⁵. Было много разговоров по поводу этой новости. Но деятельность рабочей группы не встречала сочувствия среди политических ссыльных: в нашем кругу преобладали интернационалистские (циммервальдские) настроения⁶, идея организации рабочих в царской России под флагом "работы на оборону" представлялась нам в корне ошибочной и вредной. Поэтому в аресте группы большинство склонно было видеть прежде всего не лишенное комизма крушение чересчур хитроумной тактики.

В феврале пошли слухи о забастовках в Москве и в Петрограде. Но по сведениям, доходившим до Иркутска, за этими забастовками не чувствовалось ни мощной организации, ни страстного порыва, ни отчетливой политической мысли — ничего, кроме "глухого брожения". Признаков приближения катастрофы мы не видели.

Оставались скрыты эти признаки и от глаз администрации. Как раз в это время Пильц, незадолго до того сменивший на генерал-губернаторском посту просвещенного и гуманного Л.М. Князева⁷, начал показывать свои полицейские когти. Действовал он исподволь, так как, завидуя популярности своего предшественника, не хотел вооружать против себя местное общество. Лишь подготовив себе почву бесконечными разговорами о том, что Л.М. Князев своими отступлениями от закона запутал все дела управления, новый генерал-губернатор принялся в январе 1917 года за восстановление законности и порядка путем "очистки" Иркутска от политических ссыльных.

Но более заметные из ссыльных почти все имели какую-нибудь службу, и их высылка нарушала интересы лиц и учреждений, с которыми генерал-губернатор не хотел ссориться. Приходилось делать исключения, давать отсрочки — шуму получалось много, а толку, в смысле "очистки" города, — мало.

В числе намеченных к выселению из Иркутска попал и я, хотя я отбыл уже четыре года поселения и должен был в ближайшее время получить право приписки к крестьянскому обществу*. За меня заступилась монгольская экспедиция ген. Козлова⁸, в которой я заведовал статистической частью, и меня временно оставили в покое. Но несколько дней спустя жандармы вновь подняли вопрос обо мне, и генерал-губернатор решил, что интересы порядка стоят выше интересов статистики.

28 сентября ко мне на квартиру явился околоточный с предписанием немедленно, в тот же день, покинуть город. Но исполнить это предписание я не мог, так как лежал с ангиной, с температурой около 40. 1 марта полиция снова явилась ко мне — справиться о моем здоровье. Мне было лучше, и я сказал, что надеюсь к концу недели поправиться и уехать в свою волость**.

Так мирно протекала жизнь в Иркутске в то время, когда в Петрограде представители старого, низвергнутого правительства уже сидели под арестом в министерском павильоне Государственной думы!

* По закону каторжане после отбытия каторги оставались в ссылке 10 лет, но этот срок в 1913 году манифестом по поводу 300-летия Дома Романовых был сокращен всем до четырех лет.

** В село Жилкино, расположенное недалеко от Иркутска, на другом берегу Ангары.

О революции Иркутск узнал по телеграфу. Почта шла из России до Иркутска 8 суток. Письменные или печатные сообщения о беспорядках, начавшихся в Петрограде 23 февраля, мы могли получить, самое раннее, 3 или 4 марта, и потому телеграммы о победе революции опередили письменные сообщения о ее начале.

28 февраля (а может быть, еще вечером 27-го) А.Р. Гоц⁹ получил телеграмму от родных, живших в Москве: "Поздравляем, скоро увидимся". Телеграмма сразу стала известна чуть ли не всему городу и вызвала среди ссыльных большое волнение. Большинство понимало ее в том смысле, что родные Гоца из надежного источника узнали о предстоящей амнистии. Но находились скептики, которые считали более правдоподобным иное трактование: "Скоро увидимся" означает, что всех родных Гоца высылают в Сибирь. А "поздравляем" поставлено ими в шутку.

Поздно вечером 28-го генерал-губернатор пригласил к себе несколько человек из местной радикально-народнической интеллигенции и в довольно сбивчивых выражениях предложил им созвать в Городской думе совещание местных общественных организаций, чтобы обсудить вопрос о создании авторитетного центра на случай могущих возникнуть в городе беспорядков. Общественные деятели пытались уверить генерал-губернатора, что никаких волнений в Иркутске не предвидится. Но Пильц продолжал настаивать: никто, мол, не знает, что будет завтра, время тревожное, общественный центр надо создавать немедленно — на всякий случай. Под конец он признался, что в Петрограде "неспокойно", но более определенных сведений от него получить не удалось.

Ночью трещали по Иркутску телефонные звонки. Среди городских общественных деятелей и политических ссыльных обсуждался вопрос: что делать дальше? Общее мнение было, что все усилия должны быть направлены на то, чтобы организовываться. В сущности, к этому сводилось и предложение генерал-губернатора. Послали человека в Усолье к Ир. Церетели¹⁰, с приглашением приехать немедленно, ввиду событий исключительной важности. А 1 марта (помнится утром) прошла по сибирскому железнодорожному проводу телеграмма Бубликова¹¹, приглашавшая всех служащих оставаться на своих постах и продолжать работу. Не помню точного текста этой телеграммы, не помню также, было ли употреблено в ней слово "революция". Во всяком случае, в телеграмме упоминалось о "Временном комитете Государственной думы"¹², и из текста ее было ясно, что к этому Комитету перешла правительственная власть.

Телеграмма Бубликова явилась для Иркутска — как и для всей Сибири — первым *официальным* свидетельством о совершившемся перевороте. Для сибирских железнодорожников приглашение оставаться на своих постах практического значения не имело — так как об оставлении поста никто из них и не помышлял. Но с каким восторгом встретили они весть о том, что линия перешла в руки "товарища Бубликова"! С каким волнением передавали друг другу подробности об этом "товарище", — оказавшемся, по их сведениям, не то машинистом, не то кондуктором с Николаевской железной дороги! А всем населением Сибири бубликовская телеграмма была принята как благая весть об избавлении от ненавистного общественного строя и, вместе с тем, как сигнал устранять старое начальство, брать в свои руки дело управления.

Ниже я расскажу, как протекал у нас процесс "ликвидации" старого строя. Но сперва остановлюсь на одном частном вопросе.

3—4 дня спустя, когда посылались в Иркутск телеграммы из Петрограда и Москвы, начали раздаваться против Пильца обвинения в том, что он уже *давно* знал о петроградских событиях, но скрывал от населения получаемые из центра известия. В свое оправдание генерал-губернатор представил "дело" с подлинниками телеграмм, извещавших его о том, что происходило в столице. И что же? Пришлось убедиться, что вплоть до 28 февраля генерал-губернатор действительно ничего не знал о значительности происходящих в Петрограде событий и что о победе революции он, как и мы, узнал из бубликовской телеграммы!

В первые дни (23 и 24 февраля) центральная власть, по-видимому, не видела надобности сообщать провинциальным администраторам о вспыхнувших в столице волнениях. Когда беспорядки усилились, когда начались нападения толпы на полицию и обнаружилось колебания в частях петроградского гарнизона, местным администраторам — и в числе их Пильцу — было послано краткое и маловразумительное извещение с предписанием принять меры для "недопущения, пресечения и беспощадного подавления". Только 27-го генерал-губернатор получил более содержательную телеграмму; насколько помню, в начале ее упоминалось об обращении Родзянко¹³ к царю с ходатайством о назначении кабинета, пользующегося доверием общества, а в заключение сообщалось, что "меры принимаются". На другой день, вместе с сообщением о присоединении к восстанию целого ряда полков, пришла копия второй телеграммы Родзянко. Не зная, как далее обернутся события, Пильц вошел тогда в сношения с представителями местной общественности. А когда появилась телеграмма Бубликова, генерал-губернатор понял, что его

песенка спета, и поспешил отойти в сторону, отдав своей канцелярии последнее распоряжение: составить и подшить "секретное дело о беспорядках в Петрограде и о переходе власти" — нельзя было на обложке казенного "дела" поставить слово "революция".

Итак, 1 марта Иркутск узнал о существовании Временного комитета Государственной думы. Немного позже, не помню — в тот же день или 2 марта утром, мы услышали о Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов: это название мелькнуло в каком-то сообщении телеграфного агентства. Помню отчетливо первое ощущение недоумения, ворвавшееся в ликование по поводу осуществления наших давних надежд и мечтаний. "Совет рабочих депутатов" — это было понятно, это возвращало мысль к октябрьским дням 1905 года. Но солдатские депутаты? Почему они здесь? Может быть, восставшие воинские части послали своих представителей в Совет рабочих? А может быть, попросту телеграф напутал? Во всяком случае, название "Совет рабочих и солдатских депутатов" в первый момент казалось неожиданным, странным.

Первым днем революции в Иркутске был четверг, 2 марта. С утра повсюду происходили собрания, выбирали представителей в "Комитет общественных организаций"* . Меня позвали на собрание служащих кооператива Забайкальской железной дороги, просили сделать доклад о происходящих событиях. Я ограничился несколькими словами о том, что радость освобождения не должна заслонять для нас серьезность момента, требующего напряженной работы, дисциплины, полного самообладания и сплочения всех революционных сил. Кто-то поднял вопрос, стоит ли выбирать представителей в Комитет общественных организаций, не лучше ли произвести выборы в Совет рабочих депутатов. Но Комитет уже существовал, а Совета в Иркутске еще не было, — решили пока присоединиться к Комитету общественных организаций. Но выбрали представителей также и в Совет рабочих депутатов.

По городу ходили толпы с красными флагами. На перекрестках улиц и на площадях собирались летучие митинги, произносились речи. Картина живо напоминала мне день 18 октября 1905 г. в Петербурге: то же опьянение, та же неуверенность, та же смутная тревога. Но было и различие между положением тогда и теперь, и различие весьма существенное, решающее: войска на этот раз были с народом.

* Этот Комитет был учрежден накануне на собрании в Городской думе, в котором я по болезни не участвовал. Я вошел в Комитет 2 марта как представитель объединенных продовольственных попечительств.

Я спешил в Городскую думу. Мерным шагом проходила мимо рота солдат. Подбежав к офицеру — молодому человеку с интеллигентным лицом — я потребовал:

— Г. офицер, остановите солдат! Я должен сообщить им о том, что произошло в Петрограде...

Офицер — по-видимому, с большой охотой — отдал команду. Солдаты замерли на месте и с напряженным вниманием слушали меня. Когда я кончил, прокричали "ура". Офицер, приложив руку к козырьку, поблагодарил меня за "разъяснение". Прозвучала команда, звякнули ружья, и рота двинулась дальше.

Вечером происходило в Думе заседание Комитета общественных организаций. Присутствовало человек 200, а может быть, и больше: представители Городской думы, кооперативов, продовольственных попечительств, профессиональных союзов и т.д. Численно преобладали местные общественные деятели из "левых". Но много было также и политических ссыльных, и именно им принадлежала в собрании руководящая роль. Ир. Церетели*, единогласно избранный председателем, открыл собрание приветственной речью, прозвучавшей как гимн торжествующей революции и свободе.

Настроение собрания было торжественное, праздничное, каждое слово о величии революции вызывало взрыв аплодисментов. Обсуждались вопросы текущего момента. Скорее всего, это были попытки восстановить картину событий, разыгрывавшихся за много тысяч верст, на берегах Невы. Но необходимых данных, чтобы восстановить эту картину, у нас не было, и сменявшие друг друга на кафедре представители различных партий и групп возмещали пробелы информации догадками, предположениями. Рассуждения на общеполитические темы сменились организационными вопросами. Множество учреждений предъявили ходатайства о допущении в Комитет их представителей: совет присяжных поверенных, родительские комитеты, банки, биржевой комитет, церковно-приходские советы, миссионерские братства, частные промышленные фирмы. Одни и те же элементы старались войти в Комитет под различными флагами, чтобы этим закрепить свое влияние. Особенно бесцеремонно действовали в этом направлении верхи местной буржуазии и ревнители церковного благочестия. Пустить их всех в Комитет было немыслимо. Но, с другой стороны, не следовало создавать среди населения впечат-

* Церетели вошел в Комитет как официальный представитель меньшевистской партии¹⁴, по избрании образовавшегося накануне ее руководящего Комитета.

ления, что в Комитете объединились исключительно левые. Приходилось, не отказывая ни одной организации в приеме, тщательно проверять каждое ходатайство с точки зрения числа объединяемых данной организацией граждан, помимо еще не представленных в Комитете. Вместе с тем представительство цензовых элементов¹⁵ мы старались уравновесить представительством от демократических слоев населения. Это было тем легче, что как раз в это время происходили во всех частях города собрания различных профессий и нарождались все новые и новые профессиональные союзы.

Было уже далеко за полночь, когда под окнами Городской думы (на Тихвинской площади) послышался шум, топот множества ног, стук подков, грохот тяжелых повозок. Это части Иркутского гарнизона явились приветствовать общественный Комитет и засвидетельствовать свою готовность повиноваться его приказаниям. Члены Комитета вышли на площадь. В темноте глаз с трудом различал прямоугольники рот, полков, эскадронов и смутные очертания орудия. Офицеры просили нас обойти строй, поговорить с солдатами. Сливались отрывистые слова команды, голоса ораторов, раскаты солдатского "ура".

Некоторые из участников этого ночного парада передавали мне, что при появлении войск перед Городской думой первая их мысль была о провокации со стороны Пильца. Поворотным пунктом в развитии событий они считали тот момент, когда выяснилось, что явившиеся на площадь войска видят в общественном Комитете новую власть. Я лично считал эту оценку положения ошибочной: уже утром 2 марта на стороне старой власти в Иркутске не было ничего и никого.

Войска удалились с площади. Заседание в Городской думе возобновилось. Казалось, соприкосновение с вооруженной силой вдохнуло в Комитет решимость и энергию. Быстро, почти без прений, принимались постановления: сосредоточить в своих руках управление городом и губернией, просить Временное правительство¹⁶ о немедленном устранении Пильца и о назначении на его место другого лица, демократизировать городское управление путем пополнения Думы нецензовыми элементами...

Уже рассветало, когда заседание закрылось, избрав исполнительный орган. Я, как и многие другие, не пошел домой: прилеглись спать кое-как на скамейках, на столах, на полу, чтобы с утра приняться за неотложную работу.

В моей памяти сохранилась общая картина первых дней революции в Иркутске. Но детали в значительной степени стерлись, потускнели. Помню, в ночь со 2-го на 3 марта обсуждался вопрос об освобождении из тюрем политических заключенных. Освобождение из Александровского централа решили поручить местному политическому "коллективу", обход иркутской губернской тюрьмы был возложен на меня, причем в помощь мне дали еще двух товарищей. Утром мы поехали за р. Ушаковку, в тюрьму.

В Иркутске была уже получена телеграмма министра юстиции Керенского¹⁷ об освобождении политических. Но копию телеграммы мы не успели взять с собою — взяли лишь бумагу, удостоверяющую, что Комитет общественных организаций возложил на нас такое-то поручение и что должностным лицам надлежит оказывать нам всемерное содействие. Этого было достаточно. Чины тюремной администрации и прокурорского надзора лезли из кожи вон, чтобы доказать свою готовность служить новой власти.

Обходим тюремные корпуса. Никогда не производили на меня столь гнетущего впечатления железные решетки, окованные двери, кандалы, серые, бледные лица арестантов...

Много оказывалось сомнительных случаев: статья уголовная, но мотивы преступления политические, связанные с революцией. Мы толковали постановление об освобождении политических так широко, как только было возможно. Подлежащих освобождению оказалось несколько сот человек.

Лишь к вечеру я вернулся из тюрьмы в Комитет. Здесь за день накопилось много новостей: был образован целый ряд комиссий, появились широкие проекты, были составлены воззвания к населению, а главное, Комитет вступил в сношения с образовавшимся накануне Временным правительством и с Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов, отправив телеграмму кн. Львову¹⁸ и Чхеидзе¹⁹. Текст этой телеграммы, представлявшей как бы политическую платформу Комитета, сохранился в петроградских газетах того времени. Воспроизведу его полностью:

"Комитет общественных организаций в Иркутске приветствует почин вновь образовавшегося Временного правительства в деле низвержения старой власти, своей преступной деятельностью приведшей страну на край гибели.

Комитет взял в свои руки управление местными делами. Задача Комитета — поддерживать в борьбе против остатков старой власти Временное правительство, признанное населением и гарнизоном Иркутска.

Происходят многолюдные собрания. Генерал-губернатор Пильц скрывал все телеграммы до вечера 2 марта. Необходимо немедленное наше постоянное осведомление о всех шагах новой власти, необходимо назначение правительством его представителей по управлению краем и немедленное устранение генерал-губернатора Пильца. Сейчас происходит освобождение из Иркутской и Александровской каторжных тюрем политических заключенных. Намечена передача продовольственного дела демократическим организациям города и губернии, образовался Совет рабочих депутатов.

Комитет твердо верит, что последовательное осуществление надежд демократии сплотит в разгоревшейся борьбе за новую Россию все живые силы страны**.

Какая сдержанная, умеренная телеграмма! Исходное положение ее — признание за Временным правительством *почина* в низвержении старой власти — объясняется тем, что в те дни, плохо представляя себе петроградскую обстановку, мы не могли подозревать, что первое революционное правительство в своем большинстве состояло из людей, не принимавших участия в происшедшем перевороте, ненавидевших революцию и считавших ее великим бедствием. Но остальные особенности телеграммы и весь ее тон не могут быть объяснены ни случайными пробелами в нашей информации, ни присутствием в Комитете общественных организаций цензовых, политически умеренных элементов. Ибо эти элементы в первые дни ничем не проявляли себя, предоставляя право говорить и действовать политическим ссыльным.

Почему же составленная старыми революционерами телеграмма оказалась столь слабой и бледной? Почему, в частности, в ней не было ни слова о чаяниях рабочего класса? Потому, что положение представлялось революционерам, господствовавшим в Комитете, в таком виде: Иркутск — чиновничий, мещанский город, со слабо развитой промышленностью, с незначительным числом рабочих. Кругом — от Уральского хребта до Великого океана — зажиточное, крепкое крестьянство. Казалось, что эта масса населения до конца за революционным знаменем не пойдет. К чему же привела бы в таких условиях попытка в переходный момент крушения старой власти полностью развернуть над городом это знамя? Эти соображения и определяли политику Комитета: оставаться в пределах возможного, идя по равнодей-

* Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов²⁰, 1917, № 8, 7 марта.

ствующей между *нашими* стремлениями и теми стремлениями, которые должна была бы выразить фактически безмолствовавшая оппозиция *справа*.

Церетели был наиболее ярким выразителем этой политики. Но не только все иркутские меньшевики и эсеры²¹, но и большая часть местных большевиков²² признала в иркутской обстановке всякую иную политику невозможной. К тому же были еще особые обстоятельства, заставлявшие нас, революционеров, внезапно оказавшихся хозяевами положения в городе, бывшем для нас всех местом изгнания, особенно настойчиво подчеркивать нашу лояльность по отношению к центральной власти. Мы прекрасно представляли себе, какая вакханалия убийств, грабежей, насилий грозит в насыщенной уголовными элементами Сибири, если край, хоть на короткое время, останется без власти или если авторитет центрального правительства в населении будет поколеблен неосторожными шагами местных деятелей.

Впрочем, были в Сибири и сторонники иной тактики. Числа 4 марта мы получили из Якутска телеграмму, подписанную депутатом Четвертой Государственной думы²³ Петровским²⁴. Телеграмма извещала, что в Якутске объявлена социальная революция, город украшен красными флагами, по улицам его движутся несметные толпы ликующего народа; переворот принят с восторгом всем населением; власть перешла в руки комитета, составленного из представителей "рабочих, приказчиков, духовенства, купечества, чиновников, инородцев, скопцов, учащих, учителей, родителей и женщин".

Телеграмма предназначалась для опубликования и была, очевидно, рассчитана на то, чтобы поднять настроение в тех частях Государства Российского, которые еще не произвели у себя социального переворота. Но дать печатать этот документ у нас не хватало духа. В частности, я лично, зная немного якут-скую жизнь, настаивал на том, что пропустить телеграмму Петровского в газеты значило бы сделать посмешищем его да и всю ссылку. Так и удержали мы этот документ в архиве Комитета.

Быть может, впрочем, в тот самый час, когда мы совещались о том, что делать с телеграммой Петровского, автор ее, получив копию нашей телеграммы Временному правительству, размышлял, можно ли пропустить в местную газету этот явно контрреволюционный документ...

Не помню, какие воинские части стояли в Иркутске и вокруг города. Помню лишь, что солдат было здесь очень много — чуть ли не 40 тысяч штыков и сабель. Солдаты не только приняли переворот, но упорно и страстно пытались осмыслить его. Одна за другой приходили в Комитет солдатские делегации. Задавали вопросы, просили разъяснений, звали представителей Комитета в казармы, на митинги. Настроение среди солдат было двойственное: традиционный "патриотизм" переплетался с опьянением свободой и начавшим пробуждаться бунтарским духом.

Группа только что освобожденных из тюрьмы анархистов вывела из окна отведенной им квартиры красный флаг с надписью: "Долой войну!" Солдаты в помещавшейся поблизости казарме заволновались. Кто-то пустил среди них слух, что под видом политических из тюрьмы освобождены немецкие шпионы. Начались споры — переколоть или арестовать их и отвести обратно в тюрьму? Более благоразумные из солдат бросились в Комитет, оттуда анархистам предложили убрать флаг с соблазнительной надписью, что и было немедленно исполнено. Но до вечера перед домом амнистированных толпились кучки возбужденных солдат.

Наряду с этим уже с первого дня революции можно было слышать в солдатской толпе: "Теперь мы — сила!" Но эти слова на первых порах произносились полупшепотом, с недоумением, почти как вопрос — так говорят люди, не знающие, грезят ли они во сне или бодрствуют. 4-го в Комитет явилась толпа солдат. Они жаловались на своих офицеров, требовали немедленного их смещения. Стоявший во главе их молодой прапорщик в резкой форме выражал эти требования, настойчиво повторяя, что солдаты теперь терпеть не намерены, так как теперь они сила.

— Мы — сила! — поддерживали его солдаты.

Церетели как председатель Комитета вышел к ним.

— Вы сила, — объяснял он им, — поскольку вы выполняете волю народа. Но в тот момент, когда вы вздумаете свои желания ставить выше его воли, вы превратитесь в ничтожную кучку бунтовщиков. Вы сила, поскольку через нас, через местную революционную гражданскую власть, вы приобщаетесь ко всенародной революции. Но ничего не останется от вашей силы, если вы вздумаете ссылаться на нее в подкрепление своих требований.

Речь Церетели произвела на солдат огромное впечатление. Они слушали его с выражением умиления и, когда он кончил, принялись уверять, что никогда и не думали требовать чего бы то ни было, что Комитет для них — все равно как Бог в небе. И они ушли, просветленные, успокоенные.

Но как раз в это время пришла телефонограмма из Александровского: местная воинская команда требует освобождения уголовных каторжан и отказывается нести охрану тюрьмы. Команду кое-как успокоили. А во избежание осложнений Комитет послал Временному правительству телеграмму о необходимости ознаменовать торжество революции актом милости по отношению к лицам, впадшим в уголовные преступления при царизме.

Приходили в Комитет офицеры. Они говорили о своем желании работать в контакте с нами — и в этом видели залог сохранения и укрепления армии. На эксцессы со стороны солдатской массы никто не жаловался. Но офицеры отмечали, что дисциплина пошатнулась, казарменная жизнь выбилась из колеи. Предлагали в воскресенье, 5 марта, устроить на Тихвинской площади парад всем частям гарнизона, объяснив солдатам, что этим заканчивается революция и возобновляется нормальное течение строевых и всяких иных занятий. Командующий войсками округа поддерживал этот план.

Устроили парад. Выдался морозный ясный денек с безоблачным небом. Шкинский верхом, окруженный штабными, принимал парад. Невдалеке от него расположился Комитет общественных организаций. Церетели от лица Комитета обратился к выстроенным на площади войскам с речью, призывая солдат защищать свободу, соблюдать дисциплину и относиться с полным доверием к командному составу.

— Во главе армии, — говорил Церетели, — отныне будут стоять офицеры и генералы, которым доверяет революционная власть. Если ген. Шкинский командует войсками округа, то потому, что мы доверяем ему. Если ген. Шкинский утратит наше доверие, мы поручим командование другому лицу. Но мы будем требовать от революционной армии полного подчинения тем, кого мы поставили во главе ее.

Эта речь вызвала большое неудовольствие ген. Шкинского, и он тут же заявил членам Комитета, что Церетели "бунтует солдат вместо того, чтобы их успокаивать". Но еще большее неудовольствие генерала вызвало окончание парада. Воинские части одна за другой проходили "церемониальным маршем" мимо командующего округом. Отсалютовав генералу, офицеры присоединялись к его свите. Но один полковник, с грудью, увешанной георгиевскими крестами, отдав честь командующему, прошел мимо него, приблизился к Комитету и, опустив шашку, почтительно остановился в двух шагах от Церетели. Солдаты поняли эту демонстрацию и ответили на нее радостным "ура".

Число офицеров вокруг нас становилось все больше. О Шкинском как будто забыли.

А вечером тот же полковник и с ним полдесятка других офицеров, из числа занимавших ответственные должности в командовании округа, явились в Комитет и предложили президиуму, во избежание нежелательных потрясений, сменить Шкинского как человека, не понимающего обстановки и не пользующегося доверием подчиненных, и назначить на его место полковника Фелицына, офицера безупречной боевой репутации и единственного, кто мог бы при настоящих условиях сплотить солдат и офицеров. Полковник Фелицын был тут же, но видно было, что выставление его кандидатуры на пост командующего войсками округа явилось для него неожиданностью. Он держался скромно, указывал на свою неподготовленность, но подтвердил мнение товарищей, что Шкинский ненадежен.

Было решено Шкинского устранить и на его место временно, впредь до подтверждения из Петрограда, назначить Фелицына, возбудив перед военным министром ходатайство о производстве его в генералы. Утром 6-го это решение было приведено в исполнение. Шкинский сдал должность без возражений. Авторитет Комитета в глазах солдат после этого необычайно возрос.

Комитет пополнился в это время представителями Совета рабочих депутатов, с одной стороны, и воинских частей, с другой. Собрания Комитета стали более многочисленны, внешний облик их изменился в сторону большего демократизма. Но организация сохранила свой внеклассовый и гражданский (а не военный) характер. И это импонировало солдатам.

Совет рабочих депутатов, который действовал рядом с Комитетом, напротив, мало интересовал солдат: он был в их глазах чем-то вроде рабочего клуба, тогда как в Комитете общественных организаций они видели революционную власть. Между тем Совет в эти дни делал большое дело по организации рабочих, по осуществлению их экономических требований и особенно по проведению в жизнь 8-часового рабочего дня, декретированного Комитетом общественных организаций чуть ли не на первом его заседании. Ни борьбы за власть, ни столкновений, ни даже простых разногласий между Советом и Комитетом не было. Взаимоотношения между обеими организациями сводились к своеобразному разделению функций. Но разделение это было таково, что фокусом политической жизни в Иркутске оставался Комитет.

Долго удерживаться в первоначально намеченных рамках Комитет общественных организаций не мог. 4 марта он *ходатайство-*

вал перед центральной властью об устранении Пильца, а уже 7-го он собственной властью не только устранил генерал-губернатора, но и арестовал его. Одновременно были подвергнуты домашнему аресту губернатор, вице-губернатор, полицмейстер и начальник жандармского управления. Комитет принял эти меры не потому, что названные лица занимались контрреволюционной деятельностью, а потому, что рабочие и в особенности солдаты *требовали* ареста представителей свергнутой власти; приходилось идти им навстречу, чтобы предотвратить эксцессы. И принятых мер оказалось достаточно — в городе все вошло в норму, страсти улеглись. Только Пилец все боялся, как бы охрана, приставленная к его дому, не оказалась слишком слаба: его воображению чудилось, будто где-то собирается толпа, готовая линчевать его, и он невыносимо надоедал руководителям Комитета, то и дело прося их по телефону приехать переговорить с солдатами.

Другого рода затруднения возникли у нас в связи с вопросом о преемнике губернатора. От председателя Временного правительства пришла телеграмма об устранении губернатора и о передаче его обязанностей городскому голове*. Но пост городского головы в Иркутске занимал ставленник местного черносотенного чиновничества и купечества некий Бобровский, совершенно неприемлемый не только для демократии, но и вообще для прогрессивных кругов. Весть о его назначении вызвала целую бурю. Раздавались требования немедленно арестовать его, и не арестовали лишь потому, что городской голова был в это время в отъезде и не спешил вернуться в среду своих сограждан. Чтобы обеспечить непрерывность работы административной машины, Комитет решил поручить функции "губернского комиссара" советнику губернского правления Лаврову, и это назначение оказалось удачным.

Комитет вступал в полосу будничной, органической работы. Дел было много. Заседания Исполнительной комиссии Комитета происходили с небольшими перерывами с утра до вечера. Новый губернский комиссар просил указаний. Начальник милиции докладывал о состоянии города. Командующий округом излагал возникшие у него сомнения о способах управления войсками в революционное время. Председатели бесчисленных комиссий сообщали о разрабатываемых у них проектах.

* Это была мера общего характера, автоматически обновлявшая верхи местной администрации по всей России. В.Д. Набоков²⁵ правильно характеризует эту меру как одно из наиболее неудачных действий Временного правительства первого состава (см.: *Набоков В.Д. Временное правительство // Архив русской революции*, издаваемый И.В. Гессеном²⁶, кн. 1 [Берлин, 1922], с. 27).

Наряду с серьезными делами много времени отнимали пустяки. Приходил председатель окружного суда с запросом, чем заменить формулу "по указу его императорского величества".

— Замените ее чем хотите!

— Разрешите писать "по указу Временного правительства Государства Российского"?

— Пишите!

Приходил соборный протоиерей с запросом, за кого "возглашать" на эктении²⁷.

— Преосвященный владыка предполагают благословить духовенство возглашать "за державу российскую и благочестивых правителей ее"...

— Возглашайте!

Приходили представители родительских комитетов, сетовали на то, что дети занимаются политикой, устраивают митинги. Требовали нашего вмешательства.

— Подождите, молодежь сама успокоится...

Вопросов — больших и малых, серьезных и пустых — было множество. Но *борьбы* не было. В Комитете не было разногласий, так как и правые элементы, и большевики шли за меньшевистско-эсеровским блоком, возглавляемым и Церетели, и А. Гоцем. А вне Комитета не было сил, которые пытались бы противодействовать ему. В частности, совершенно не заметно было в Иркутске монархических элементов.

Припоминаю лишь одно исключение. После парада на Тихвинской площади в Комитет явился какой-то юноша, ученик школы прапорщиков, и просил принять и выслушать его. К нему вышел С.Л. Вайнштейн. Юноша заявил в большом возбуждении:

— Я присягал моему государю и от присяги моей не отказываюсь!

Вайнштейн ответил ему:

— В таком случае вам придется отказаться от чести быть офицером республиканской армии.

Юноша, ожидавший совершенно иного, стоял в полном смущении.

Вообще контрреволюция не доставляла нам больших тревог. Большое беспокойство внушали запасы спирта, которые могли дать повод для беспорядков и погромов.

* * *

Попытаюсь восстановить, как относились мы в эти дни к общим политическим вопросам. Прежде всего отмечу, что в нашей информации о петроградских событиях все еще оставались большие пробелы. Так, я лично более или менее отчетливо уяс-

нил себе картину Февральской революции, лишь читая воспоминания ее участников, появившиеся в печати в 1920—1921 гг. А в то время, к которому относится мой рассказ, многие пружины событий оставались мне совершенно непонятны, как непонятым оставалось появление на авансцене политической жизни многих персонажей, имена которых как-то странно не соответствовали моменту. Кн. Львов, Керенский, Милюков²⁸ — это было еще понятно. Но сахарозаводчик-балетоман Терещенко²⁹ на посту революционного министра! Приходилось развести руками и признать, что издалека трудно судить о событиях.

Мы не противопоставляли себя Временному правительству, не стремились контролировать его шаги, не собирались толкать его влево. Но, искренне и лояльно поддерживая правительство, мы с первого дня тяготели к Петроградскому совету рабочих и солдатских депутатов и были убеждены, что наша политика совпадет с его политикой.

Борьбу "левых" и "правых" элементов внутри Петроградского совета мы представляли себе довольно смутно, и я затруднился бы определить, какие из этих элементов были нам ближе. Если "левые" выявили себя в принятом 14 марта воззвании "Ко всем народам"³⁰, то мы были, по масштабу Петроградского совета, "левыми". Но если "левизна" уже в первых числах марта требовала подготовки к свержению Временного правительства и такой организации власти, которая бы в наибольшей степени облегчала ее последующее низложение и с самого начала делала ее прозрачной и бессильной, если "левизна" определялась той теорией, которую много позже развил в своих "Записках о революции" Н. Суханов³¹, то мы были "правыми".

Как я отмечал уже, для социалистов, руководивших иркутским Комитетом общественных организаций, характерно было *государственное* настроение, но наше понимание "государственности" не имело ничего общего с тем содержанием, которое вскоре стали вкладывать в это понятие либеральные и реакционные круги.

Для нас, насколько я могу воскресить в памяти господствовавшие в нашем кругу настроения, не было противоположности между "государственным" и "революционным" подходом к тому или иному вопросу. Наоборот, обе точки зрения представлялись неотделимыми одна от другой. Утверждение, укрепление государственности при одновременном наполнении ее новым *революционным* содержанием — в этом видели мы задачу демократии.

С первых же дней во всех речах, как в публичных собраниях, так и в заседаниях его Исполнительной комиссии и в товарищес-

ких беседах, в нашем кругу звучала тревога за исход революции. Но я не помню, чтобы кто-нибудь из нас опасался подавления революции темными, реакционными силами. Недаром 12 лет отделяло нас от 1905 года, когда городская пролетарская революция была залита волнами крестьянского моря и подавлена штыками мужицкой солдатчины. Много воды, много крови утек-ло с той поры. Иной стала деревня, иной стала и армия. Весь ход событий в столицах и в провинции, в тылу и на фронте говорил о том, что теперь силы контрреволюции не представляют сами по себе значительной опасности для освободившегося народа. В Сибири это чувствовалось особенно ясно. Как-то не верилось здесь в существование контрреволюционных сил, когда вчерашние защитники царизма — вплоть до жандармских ротмистров — наперебой друг перед другом доказывали нам, что они давным-давно мечтают о революции, в демократической республике видят для России идеал государственного строя и с радостью приветствуют торжество свободы. Опасность для революции рисовалась нам не в виде притаившейся черной сотни, а в виде полчищ германского империализма, с одной стороны, и в виде гражданской войны и анархии — с другой.

Опасность, угрожающую революции со стороны стоящей на русской земле армии Вильгельма II³², я, как и многие товарищи, ощущал совершенно отчетливо. Германский император представлялся воплощением того же самого строя, представителем которого был Николай II³³. Естественно было ожидать, что теперь Вильгельм поспешит протянуть руку помощи своему низвергнутому "брату". Именно ощущение этой опасности поставило перед нами в совершенно новом освещении вопрос об обороне.

Приходили солдаты и спрашивали:

— Как же теперь с войной? Будем маршевые роты на фронт посылать или нет?

В ответ мы объясняли им, кому было бы при сложившихся обстоятельствах выгодно обнажение фронта и продвижение вперед армии Вильгельма.

Приходили железнодорожники:

— Из Владивостока на Запад идут поезда с воинским снаряжением. Пропускать ли их или задерживать?

Мы отвечали, что теперь все силы должны быть направлены на ускорение продвижения этих поездов, от своевременного прибытия которых на фронт зависит боеспособность армии, то есть в конечном счете, спасение или гибель революции.

Я не утверждаю, что это был единственный ход мысли, приводивший интернационалистов-циммервальдистов³⁴ на позиции

"революционного оборончества". Были и другие пути — голова не у всех работала одинаково. Но *этим* путем переход совершался особенно быстро, и при нем меньше всего ощущалось противоречие между вчерашней проповедью мира и сегодняшним призывом к обороне. Впрочем, было ли здесь противоречие? Ведь в новой обстановке оборона была предпосылкой того, чтобы российская революция могла бросить свои силы на чашу весов мировой политики и склонить их в сторону всеобщего демократического мира!

Вторая опасность, угрожающая революции, представлялась нам в виде анархии. Здесь, как мне кажется, не оставались без влияния на нас особенности сибирской жизни: в Сибири нам особенно легко было представить себе последствия разрушения государственной власти, разнуздания темных инстинктов. Возможно, конечно, что мы точно так же определили бы свое отношение к событиям и в том случае, если бы нам пришлось встретить революцию не в Сибири, а в Москве, Петрограде или где-нибудь в провинциальной глуши европейской России. Ибо каждый из нас, помимо впечатления первых дней революции, руководствовался и своими навыками мышления, и своим общественным темпераментом, своим представлением об обстановке, складывающейся во всей России и, даже больше, во всем мире. Но мне кажется, что единство непосредственных впечатлений не осталось без влияния на сплочение той группы "сибиряков", которой предстояло в скором времени влиться в ряды петроградских революционных организаций.

* * *

Неделю спустя после начала революции ссыльные, руководившие иркутским Комитетом общественных организаций, стали готовиться в дальний путь, в Россию. В частности, собирались в дорогу социал-демократы втородумцы³⁵ — их настойчиво требовали в Петроград руководители Совета рабочих и солдатских депутатов. Цензовые элементы Комитета были в большой тревоге; они заклинали ссыльных остаться, пугали их призраком анархии, которая-де воцарится в городе, лишь только его покинут социалисты. Местный богач-золотопромышленник Фризер произнес даже целую речь: мы с вами, господа, совершали революцию — значит, и до конца должны идти вместе.

В одном отношении цензовики были правы: без ссыльных революционные дни в Иркутске вряд ли протекали бы так мирно и спокойно — в городе за время революции не только не было

пролито ни одной капли крови, но не было разбито ни одного стекла... Но при всем нашем желании и на будущее время оградить Иркутск от потрясений, нас неудержимо тянуло туда, где решается судьба революции, где выковывается будущность свободной России. Мы решили разделиться: несколько человек из руководящей группы Комитета (Ап. Кругликов, Евг. Тимофеев, С.Л. Вайнштейн, Л. Гольдман) остались в Иркутске, другие двинулись в Россию. Во вторую группу, кроме Церетели и других депутатов-втородумцев, вошли А.Р. Гоц, Брудерер (убитый в 1919 году в Омске колчаковскими офицерами), я и др. Церетели, Гоцу и мне — как своим "комиссарам" — Комитет поручил сделать в Петрограде доклад об иркутских делах и в дальнейшем осведомлять иркутян о событиях, происходящих в Петрограде.

Не буду описывать наш путь по Сибири: это толпы, запрудившие вокзальные помещения, бесчисленные знамена, полные энтузиазма речи, приветствия, звуки вырвавшихся из подполья революционных песен, полковые оркестры, во всю силу медных труб дующие "Марсельезу"³⁶, — все это много раз уже описано. Мне хочется остановиться на том, как по мере приближения к цели нашего путешествия постепенно вырисовывалась перед нами политическая обстановка.

* * *

Мы выехали из Иркутска 10 или 11 марта. Последние столичные газеты, которые мы могли получить до отъезда, были от 2 (или, может быть, от 3-го) марта, так что наша более или менее полная информация обрывалась на моменте образования Временного правительства. Дальше шли отрывистые, зачастую противоречивые телеграфные сообщения, фантастический узор воззваний, предположений, фактов и слухов. Теперь мы двигались навстречу потоку столичных газет, переживая ежедневно два газетных дня. Помню, первой новостью большого политического значения явилась для нас борьба между Петроградским советом и Комитетом Государственной думы. В одной из появившихся к нам в поезд газет изображался прием полков в Таврическом дворце. С солдатами говорили Родзянко и Чхеидзе. Оба говорили как будто одно и то же — призывали к сплочению, дисциплине. Оба имели успех. Но вот Чхеидзе предлагает солдатам спросить г. Родзянко, что он думает о земле... Газета была либеральная (или правая), и видно было, что она ретуширует сцену, сгущает краски. Но все же оставалось несомнен-

ным, что между председателем Петроградского совета и председателем Государственной думы идет борьба за солдатские штывы. И чувствовалось, что в этой борьбе по одну сторону — не только Третьеиюньская дума³⁷, но и Временное правительство и вся цензовая общественность.

Кто начал эту борьбу? И время ли для нее теперь, на заре новой жизни раскрепощенной России? Ответа на эти вопросы не было видно.

Из числа газет, которые удавалось получить на станциях, больше всего интересовали нас "Известия Петроградского совета рабочих и рабочих депутатов". Неряшливо изданные, зачастую без руководящих статей, всегда без руководящего плана, полные случайных резолюций, воззваний, писем в редакцию, объявлений — "Известия" все же давали больше, чем какая бы то ни было иная газета, — они давали ощущение трепетного пламени революции.

Не могу припомнить, попался ли нам в пути номер "Известий" со знаменитым "Приказом № 1"³⁸: если до приезда в Петроград я и читал этот документ, то он тогда не удержался в моей памяти. Но помню заметку в "Известиях", предлагавшую объявить вне закона "мятежных генералов", с тем чтобы каждый честный гражданин не только имел право, но и был обязан при встрече убить любого из них. Эта грубая подделка под образцы Великой французской революции³⁹, и при том не под лучшие, а под худшие образцы ее, произвела на нас тягостное впечатление*.

Уже перевалив через Урал, мы получили газеты со знаменитым обращением Петроградского совета "К народам всего мира". В этом документе мы нашли лучшее доказательство того, что наши сердца бьются созвучно с сердцем революционного Петрограда:

"...В сознании своей революционной силы российская демократия заявляет, что она будет всеми мерами противодействовать захватной политике господствующих классов, и она призывает народы Европы к совместным решительным действиям в пользу мира.

Мы обращаемся к нашим братьям-пролетариям австро-германской коалиции и прежде всего к германскому пролетариату.

...Мы будем стойко защищать нашу собственную свободу от всяких реакционных посягательств — как изнутри, так и извне.

* Позже я узнал, что эта заметка была помещена в "Известиях" одним из редакторов (Стекловым)⁴⁰ самовольно, к большому неудовольствию большинства членов Исполнительного комитета.

Русская революция не отступит перед штыками завоевателей и не позволит раздавить себя внешней военной силой. Но мы призываем вас: сбросьте с себя иго вашего полусамодержавного порядка, подобно тому, как русский народ стряхнул с себя царское самовластие, откажитесь служить оружием захвата и насилия в руках королей, помещиков и банкиров — и дружными объединенными усилиями мы прекратим страшную бойню, позорящую человечество и омрачающую великие дни рождения русской свободы..."

Циммервальдская идея прекращения войны объединенными усилиями восставших народов органически сливалась здесь с идеей обороны революционной России от угрожающих ей сил германского империализма. Вопрос был поставлен именно так, как ставили мы его в Иркутске.

Получались в поезде и номера петроградской "Правды"⁴¹. В них, так же как и в "Известиях", чувствовалось отсутствие ясной политической линии. Были в "Правде" статьи, казавшиеся мне совершенно неприемлемыми, продиктованными в корне ложным пониманием положения. А вслед за ними приходили номера, под которыми я готов был подписаться обеими руками. Уже давно по многим вопросам я расходился с большевиками. Но меня связывали с большевизмом воспоминания о первых шагах моей политической жизни, воспоминания, которые нелегко было вырвать из сердца. И потому и в ссылке, и в первые дни революции я чувствовал если не политическую близость, то все же некоторую симпатию к большевикам.

Но теперь, когда я перечитывал в вагоне номера "Правды", большевизм начинал казаться мне какой-то грозной загадкой. В нем, при всех его колебаниях, чувствовалась напряженная сила, страстная устремленность, в нем слышался гром революции. Но вместе с тем неясно было, какую роль сыграет в дальнейшем ходе событий эта партия, столь непохожая на все остальные партии России и столь противопоставляющая себя им всем.

В последний день нашего пути у меня был продолжительный разговор с Церетели о большевизме. Церетели говорил о том, что политика большевиков определит в значительной мере весь дальнейший ход российской революции. От большевиков зависит — предотвратить вспышку гражданской войны или толкнуть страну в пучину анархии. Та или иная роль большевизма определится, когда в Россию вернется Ленин⁴². До его возвращения большевики едва ли сделают окончательный выбор между двумя

открывающимися перед ними путями. И Церетели мечтал о том, чтобы войти в личные сношения с Лениным, объяснить ему пагубность для российской революции максималистских опытов и сговориться с ним о совместных действиях!

Больше всего страшило Церетели углубление раскола между двумя отрядами социалистической демократии — между эсерами и меньшевиками, с одной стороны, и большевиками — с другой. Я колебался: возобновить ли старые связи с большевиками и пытаться в их среде проводить идеи "революционного оборончества" или войти в политически более близкую мне меньшевистскую организацию? Спросил совета у Церетели. Он ответил, что сомневается в том, чтобы я смог долго работать с большевиками, но, конечно, было бы хорошо, если бы в большевистской партии остались люди, способные противостоять ее максималистским устремлениям и чувствующие необходимость упрочения связи между всеми отрядами демократии.

Глава вторая

В ПЕТРОГРАДЕ

Снова я в Петрограде, где когда-то, давным-давно, я пережил первую революционную бурю. Десять лет тому назад я должен был покинуть этот город, должен был бежать отсюда под чужим именем, с измененной наружностью. Теперь я в столице свободнейшей в целом мире страны, у колыбели победоносной революции! В Петрограде я был свидетелем и участником событий величайшей трагической напряженности. Можно ли описать их, когда на палитре нет красок, чтобы воспроизвести фон победного ликования, радости, энтузиазма первого акта трагедии?..

Уже первые впечатления, которые ждали меня в Петрограде, не оправдали тех трепетных ожиданий, которыми я горел, приближаясь к цели далекого путешествия. Пасмурное, слякотное утро. Грязный, пустынный вокзал. Поезда с депутатами-второрудумцами ждали накануне вечером. Готовили встречу с красными флагами, военными оркестрами, речами. Но поезд опоздал, и встреча расстроилась. С вокзала я поехал на квартиру к родным, оттуда в Совет. Таврический дворец был похож на военный лагерь. Повсюду шинели, составленные в козлы ружья, патронные ленты, много, очень много солдат.

Среди членов Исполнительного комитета оказалось двое-трое моих старых товарищей. Познакомился и с руководителями Совета — Чхеидзе, Скобелевым⁴³, Стекловым. Во всех них с первого взгляда мне бросилась в глаза какая-то растерянность, странным образом противоречившая приподнято-революционному тону их речей. Это поразило меня — в Иркутске у нас не замечалось ничего подобного.

На мой вопрос, как идут дела в Петрограде, Чхеидзе, измученный непосильной работой, подавленный выпавшей на него огромной ответственностью, многозначительно и мрачно ответил:

— А вот вы сами увидите.

Стеклов сокрушенно жаловался:

— Черт знает что здесь творится.

А Скобелев улыбался с таким видом, что ему, дескать, все на свете трын-трава.

Днем в большом Белом зале дворца происходило заседание рабочей секции Совета. Обсуждались, помнится, вопросы, связанные с возобновлением работ на заводах и введением 8-часового рабочего дня.

Но подлинным энтузиазмом вспыхнуло собрание, когда председатель сообщил о присутствии в зале вернувшихся из ссылки депутатов Второй Государственной думы. Церетели, окруженный товарищами по фракции, поднялся на трибуну. Он говорил о революционном подвиге, совершенном в февральские дни петроградскими рабочими и солдатами, о политической мудрости, проявленной ими при образовании правительства, когда они отказались от захвата власти и передали власть тем общественным элементам, которые в наибольшей мере способны разрешить поставленные Февральской революцией на очередь дня исторические задачи. Говорил он и о долге демократии соединить борьбу за всеобщий мир с обороной революции против угрожающего ей чужеземного империализма.

Это была большая программная речь. Но, пожалуй, самым значительным в ней было то, что Церетели, говоря от лица объединившихся меньшевиков и большевиков, пытался сделать свою программу *всей* революционной демократии.

"...Тов. рабочие, перед вами не члены отдельных фракций, на которые когда-то делилась наша партия, — говорил он. — Перед вами представители социал-демократической фракции, объединившей большевиков и меньшевиков. Как единое целое они ступают ныне в ваши ряды и предлагают вам в таком великом революционном деле объединить все революционные силы, не только слить обе части социал-демократической партии, но все демократические революционные силы объединить для общей борьбы"*.

Речь Церетели встретила восторженный прием как со стороны рабочих членов Совета, так и среди деятелей Исполнительного комитета: здесь уже чувствовалась потребность в словах объединения, хотя дифференциация направлений внутри Совета еще только началась.

Из Таврического дворца я поехал к Горькому⁴⁴, рассчитывая через него ознакомиться с положением в руководящих кругах большевистской партии. У Горького встретил Суханова и целый ряд

* Известия 1917, № 20, 21 марта.

писателей-марксистов (помнится, среди них были Авилов⁴⁵ и Базаров⁴⁶). Говорили о предстоящем издании большой внефракционной социал-демократической газеты. Предложили и мне принять участие в газете в качестве заведующего рабочим отделом. Я принял это приглашение, так как из слов присутствовавших вынес впечатление, что газета будет стремиться, главным образом, к объединению социал-демократии. Да и вообще настроение собравшихся у Горького товарищей показалось мне весьма близким к тому настроению, которое я привез с собой из Иркутска. В частности, я рад был отметить, что почти все собравшиеся разделяли убеждение в необходимости соединить борьбу за демократический мир с политикой обороны. Горький был особенно горячим сторонником такой политики. Твердо стоял на почве ее и Базаров. Лишь Суханов толковал что-то о недопустимости "шейдемановщины"⁴⁷, но его я не принял всерьез. Вообще при этой встрече с будущими руководителями "Новой жизни"⁴⁸ я не чувствовал, чтобы они были "левее" меня.

От Горького я отправился в штаб-квартиру большевиков, в особняк Кшесинской⁴⁹. В бывших покоях балерины, в обитых цветными шелками, похожих на изысканные бонбоньерки комнатах, стояли простые деревянные столы и лавки, валялись груды газет, брошюр, воззваний. Меня сразу охватила знакомая атмосфера партийной явки. Здесь оказалось много моих старых товарищей — и среди рабочих, и среди партийных интеллигентов. Расспрашивали меня о Сибири, высказывали удовольствие по поводу того, что, вернувшись в Петроград, я в первый же день явился в большевистский центр.

Я говорил товарищам о том значении, какое придаю укреплению фронта, доказывал, что революция в корне изменила для нас постановку вопроса об обороне. Из товарищей одни соглашались, другие возражали. Те и другие ссылались на "Правду": ее противоречивые статьи можно было толковать как угодно. Звали меня работать в центральном органе партии. Относительно намечающихся разногласий говорили:

— Столкнемся!

При яркости революционного настроения здесь не было ясных взглядов: то, что должно было в ближайшие дни выкристаллизоваться в определенную систему, еще сплеталось с чуждыми этой системе идеями. Вот маленький пример этой путаницы. При первых встречах со старыми товарищами я не только не скрывал от них своих взглядов, но и полемически заострял их. И это не помешало представителю партийного большевистского издательства "Прибой"⁵⁰ тогда же обратиться ко мне с просьбой на-

писать агитационную брошюру об Учредительном собрании, которую партия предполагала издать чуть ли не в миллионе экземпляров. Я отказывался:

— Вам, может быть, не подойдет то, что я напишу.

— Прекрасно подойдет! Можете не беспокоиться.

Но две недели спустя, когда я закончил брошюру, положение уже прояснилось настолько, что о передаче ее большевистскому издательству не могло быть и речи.

* * *

Со следующего дня я принялся за работу в Исполнительном комитете Совета рабочих и солдатских депутатов, в состав которого я был принят по кооптации, с приглашением в состав редакции советских "Известий". Но газета и Комитет брали у меня мало времени, и главной моей работой вскоре оказались выступления на публичных собраниях.

В конце марта Петроград все еще митинговал, как и в первые дни революции. Митинги были трех родов: рабочие собрания на заводах и фабриках, солдатские митинги в казармах и буржуазно-интеллигентские "митинги-концерты" в театрах. С первого взгляда все эти бесконечные собрания были пустой тратой времени. В действительности же здесь совершалось дело большого политического значения — оформлялись общественные силы, призванные к решению бесконечно сложных задач. Именно поэтому для Совета было крайне важно, чтобы на всех митингах выступали его представители, выясняя его точку зрения, сплывая вокруг него солдат и рабочих, сглаживая, по мере возможности, недоразумения, которые возникали между ними и цензовыми кругами. Но наладить это дело не удавалось: руководители Совета не имели возможности поспевать повсюду, а новые работники зачастую несли с трибуны околесицу и вместо выяснения положения лишь увеличивали своими речами царившую в умах путаницу.

Президиум Совета просил меня как человека, еще не перегруженного работой, поехать по полкам, заводам, театрам. Большого удовлетворения эта работа не давала, но она доставила мне случай довольно близко ознакомиться с царившими в Петрограде настроениями. Рабочие митинги живо напоминали заводские собрания второй половины октября 1905 года: тот же прорыв вперед, то же сознание ответственности. Максималистских настроений в рабочей толпе не чувствовалось. Единичные, до удивительности редкие, случаи эксцессов вызывали осуждение:

— Теперь у нас революция, безобразить нельзя.

Уже 11 марта состоялось между Петроградским советом и представителями фабрикантов и заводчиков соглашение о введении 8-часового рабочего дня. Насколько интенсивно велись на заводах работы, определить я не мог. Допускаю, что дело не повсюду шло гладко. Но у рабочих было стремление сохранить производство, повысить выработку — особенно в предприятиях, работавших на оборону.

Доверие к Совету было безграничное. Им гордились, его слово считали непреложным законом. Расспрашивали без конца, какие вопросы обсуждаются в Исполнительном комитете, какие приняты решения. Но бросалось в глаза различие в постановке этих вопросов в 1905 году и теперь. Тогда, при первом Совете рабочих депутатов каждый завод получал отчет от своего депутата. Редко-редко приходилось прибавить что-нибудь партийным агитаторам. А теперь ни один заводской митинг не довольствовался отчетом своего представителя — всегда требовался доклад представителя Исполнительного комитета — интеллигента.

Может быть, это зависело от различия в предметах занятий Совета: тогда, в 1905 году, перед Советом стояли вопросы, которые ставила в порядок дня воля массы и решения которым давала та же воля массы — Совет призван был лишь оформить и выразить эту волю. А теперь, в дни победоносной революции, политическая обстановка до последней степени осложнилась; каждый рабочий чувствовал, что и сам он в этой обстановке "концов не найдет", и его товарищ по мастерской, выбранный в Совет, разберется в ней не лучше его. "Свой депутат" уже не мог заменить докладчика от Исполнительного комитета.

Вопросы, которые предлагались из толпы докладчику, говорили о том, в каком направлении работает мысль рабочих. Спрашивали:

— Почему у нас революция, а у немцев нет, хотя они народ образованный и передовой?

— Почему Николая с престола согнали, а землю ему оставили?

— Почему теперь все равны, а, между прочим, председатель правительства — князь?

— Чего от нас буржуазные газеты хотят? Мы от души работаем, а они нас "лодырями" ругают.

Спрашивали и о войне. Но требований немедленного мира я не помню. Вообще в то время, в конце марта, рабочие массы Петрограда еще не выражали своей воли языком требований — особенно по отношению к Совету. В казармах настроение было уже несколько иное. Солдаты слушали со вниманием предста-

вителей Исполнительного комитета, аплодировали, кричали "ура", дружно, враз поднимали руки за резолюцию с выражением доверия и преданности Совету. Но впечатление подъема и сплоченности исчезало, лишь только полковой митинг переходил к своим домашним делам — о начальстве, о занятиях, об отпуске. На трибуну один за другим поднимались солдаты, по большей части невзрачные, обтрепанные, замызганные, и их нескладные речи зажигали серую толпу. Выступали с разъяснениями офицеры — их слушали неохотно. Порой не хотели слушать и представителей собственного полкового комитета, пытавшихся возражать обличителям. Солдатская толпа таила в себе то, чего она не могла выразить, но что откликалось созвучно на всякое резкое слово против начальства.

Раньше мне почти не приходилось сталкиваться с военной средой. Я плохо представлял себе строй казарменной жизни, и вопросы, обсуждавшиеся на полковых митингах, были для меня новые, чуждые, малоинтересные. Но с первых же дней я почувствовал, что в настроениях солдатской массы кроется большая опасность. Поэтому, выступая перед полковыми митингами, я останавливался всегда на вопросе о дисциплине, как условии сохранения армии. Чувствуя, что приходится плыть против течения, я говорил умышленно резко. Солдатская толпа принимала такие речи сочувственно и нередко прерывала их криками "верно". Я не знал, чем объяснить это: тем ли, что говорил представитель Исполнительного комитета, или тем, что в подсознании толпы живет смутный страх перед силами, которые начинают брать власть над нею?

Однако помню совершенно точно: уже в конце марта на солдатских митингах явственно чувствовались признаки *разложения* частей петроградского гарнизона — недоверие к командному составу, стремление отделаться от докучных занятий, разбить стеснительные рамки казарменной жизни. В этом отношении настроения полковых митингов, наиболее точно соответствовавшие настроениям солдатской массы, заметно отличались от духа солдатских манифестаций, проходивших перед Таврическим дворцом. На манифестациях солдаты шли в ногу, привычным строем, рота за ротой, с офицерами во главе, — получалась картина сплоченности, полного доверия командному составу. И знамена, развевавшиеся над полками, соответствовали этой картине — на них мелькали призывы защищать родину и революцию, обещания умереть за свободу, сложить головы на позициях, порой даже клятвы вести войну "до конца". В казармах же совершенно не чувствовалось этой воинственности, и даже заготов-

ленные для парадных манифестаций знамена во время полкового митинга свертывались и убирались в угол.

Это было как раз после поражения нашей армии на Стоходе⁵¹. Ставка и буржуазная печать пытались взвалить на новые революционные порядки ответственность за неудачу. А солдаты говорили об измене начальства, уверяли, что генералы продали неприятелю планы позиций.

На полковых митингах мне приходилось доказывать вздорность этих слухов. А на митингах-концертах, куда нередко я отправлялся прямо из казармы, приходилось объяснять буржуазно-интеллигентской аудитории, что бессмысленно в революции видеть причину поражения, понесенного армией, которая и до революции не всегда торжествовала над врагом!

Митинги-концерты — в том виде, как я застал их по приезде в Петроград, — представлялись удивительной нелепостью. Музыкальные номера чередовались здесь с речами. На сцене мелькали члены Временного правительства, оперные певцы, профессора, балерины, революционные деятели. В артистической и за кулисами, ожидая очереди выступления на подмостки, участники вечера беседовали между собою об искусстве и о политике. Положение представителей Совета было здесь своеобразное: на них смотрели с любопытством, соединенным со страхом и враждой.

После Иркутска, где цензовые элементы были полны благоговения перед государственной мудростью социалистов, отношение к Совету интеллигенции и цензовой общественности в Петрограде особенно бросалось мне в глаза. Буржуазный Петроград кипел ненавистью против Совета. И, не пытаясь бороться с Советом на заводах, на фабриках, в казармах, обыватели отводили душу тем, что в своем кругу всячески поносили и чернили его. Говорили об "анонимах", о "частных организациях, претендующих на общественное значение", о "двоевластии", об анархии, о невозможности проведения 8-часового рабочего дня во время войны, о "Приказе № 1", о Стоходе. В глазах обывателей Совет был не порождением революции и даже не воплощением ее, а виновником и создателем*.

* Родзянко совершенно точно отобразил эти обывательские настроения, когда в своих воспоминаниях он, как о несомненно установленном факте, рассказывает, что революция 1917 года была втайне подготовлена Исполнительным комитетом, образовавшимся в 1905 году и с тех пор не прекращавшим своей деятельности (см.: *Родзянко М. В.* Государственная дума и февральская 1917 года революция // Архив русской истории, кн. 6. Берлин, 1922).

Отношение к Совету буржуазно-интеллигентских кругов было, несомненно, выражением их отношения к революции. Но установившийся "хороший тон" запрещал прямо нападать на революцию: считалось более приличным изображать совершившийся переворот как осуществление заветных стремлений многих поколений русской интеллигенции, а весь пафос негодования, весь гром красноречия направлять против "углубления революции" и против Совета. Либеральные круги "принимали" революцию, но при одном условии: чтобы она считалась закончившейся 2 марта, с появлением Временного правительства кн. Львова. Это была программа сохранения дореволюционного status quo⁵² — по крайней мере, до окончания войны — с переменой лишь некоторых этикеток и лиц.

Конечно, не было надежды словесными объяснениями преодолеть противоречия революции. Но представители Исполнительного комитета старались, по мере возможности, смягчить эти противоречия, разрывая паутину недоразумений, инсинуаций, клеветы, которую ткали вокруг Совета чьи-то прилежные руки. И порою казалось, что эти усилия не пропадают даром.

На блестящем митинге-концерте оратор с большим именем ставит нам в упор вопрос:

— На каком основании Совет присвоил себе законодательную власть и декретировал 8-часовой рабочий день?

Отвечаем:

— 8-часовой рабочий день введен по добровольному соглашению предпринимателей и рабочих.

Разъяснение встречается дружными рукоплесканиями зала.

Другой оратор задает вопрос:

— Почему Совет выступает за мир без аннексий и контрибуций, а не считает аннексией захват немцами русской территории?

Отвечаем:

— Когда мы требуем мира без аннексий и контрибуций, это значит, что должны быть очищены все земли, занятые чужими вооруженными силами, в том числе и русская территория, занятая немцами.

Овации по адресу Совета — как будто воззвание 14 марта могло быть понято в ином смысле, и наше объяснение явилось для собрания неожиданностью!

Пожалуй, можно было пренебречь этими овациями, махнув рукой на концертные залы и сосредоточить все внимание на более серьезных, более содержательных митингах на заводах и в

казармах. Но настроение обывательских кругов и правые речи на митингах-концертах будили злобу в рабочих и особенно в солдатских массах. Это было опаснее гремевших против нас филиппик⁵³. И главным образом для предотвращения этой опасности выступали мы с примирительными речами на театральных подмостках, "разъясняя" недоверчиво настроенной публике политику Совета, говоря о революции между балетным номером и арией знаменитого тенора.

* * *

23 марта рабочие и солдаты Петрограда хоронили своих товарищей, павших в дни Февральской революции. Это были не просто торжественные похороны — это была манифестация, равной которой еще не бывало в России, это был смотр сил победившей революции. В моих воспоминаниях о 1917 годе, где так мало светлых страниц, я должен отметить этот ничем не омраченный день единения демократии. С утра до вечера со всех окраин двигались к центру города и на Марсово поле несметные толпы с красными знаменами. Шли стройными рядами, как бегущие одна за другой волны в море.

Помню, на Знаменской площади я поднялся на ступени памятника Александру III — отсюда колонны манифестантов казались бесконечными. Заводские знамена с портретами Маркса⁵⁴, Энгельса⁵⁵, Лассаля⁵⁶, с изображениями братски обнявшихся рабочего и солдата, с вышитыми золотом по алому бархату призывами пролетариев всех стран к объединению. Иные знамена были украшены золочеными кистями, и в этой расточительности было что-то бесконечно трогательное, наивное, праздничное.

За заводами шли полки, за солдатами — снова рабочие, мужчины и женщины, старые, молодые, подростки. Порой над толпой раздавалось пение — проходил рабочий хор, сотни голосов согласными, дружными звуками рабочего гимна провожали в братскую могилу плывшие над головами манифестантов покрытые цветами и зеленью гробы жертв революции. Порядок был изумительный — это должны были признать самые непримиримые враги Советов.

Буржуазно-интеллигентская публика в манифестации почти не участвовала. Но на улицах был в этот день "весь" Петроград, колонны солдат и рабочих проходили мимо шпалер толпившейся на тротуарах публики — и на стороне манифестантов в этот день было *всеобщее* сочувствие, и оно придавало особую торжественность, внушительность этому смотру сил Петроградского совета...

Совет рабочих и солдатских депутатов был в конце марта центром политической жизни Петрограда. Он заставил позабыть о заседавшей до него в Таврическом дворце Государственной думе и ее "Временном комитете", вытеснил с арены политической борьбы отдельные партии, отодвинул далеко на задний план Временное правительство. Вместе с тем Совет был центром ожесточенной борьбы. Безразличное отношение к нему было невозможно: для одних он был предметом безграничной преданности, для других — предметом ненависти.

Но что представлял он собою в это время? Присутствуя на общих собраниях Совета и на заседаниях его рабочей и солдатских секций, я невольно сравнивал его с Советом рабочих депутатов 1905 года. Особенностью Совета 1905 года была его тесная, непосредственная связь с рабочими массами, все стремления, все колеблющиеся настроения которых он отражал с такой точностью и чуткостью. В 1905 году рабочие депутаты не только *ходили* в Совет, но и действительно обсуждали вопросы, волновавшие заводы и фабрики, высказывались по этим вопросам, сами диктовали резолюции своему Исполнительному комитету. Нередко в порядок дня Совета попадали еще недостаточно подготовленные вопросы, нередко на заседаниях его звучали нескладные, корявые речи, порой и на решениях его лежал отпечаток поспешности и случайности, — но всегда, неизменно это было подлинное отображение воли низов.

Совет 1917 года представлял иную картину. Рабочие и солдаты почти не появлялись на его трибуне. На лучший конец, на его заседаниях от лица рабочих говорили политики-профессионалы, вышедшие из рабочей среды, а от лица солдат — помощники присяжных поверенных, призванные в армию по мобилизации и до революции служившие отечеству в писарских командах. *Подлинные* рабочие и солдаты были в Совете слушателями. Они аплодисментами выражали свое отношение к говорившим в Совете лидерам и голосовали за предлагаемые резолюции. Задачей лидеров было не выявить волю собрания, а подчинить собрание своей воле, "провесть" через Совет определенные, заранее выработанные решения.

Это не значит, что лидеры не "считались" с Советом. Нет, с Советом очень даже считались, и именно поэтому добивались от него определенного голосования. Но — этого, я думаю, не мог бы отрицать ни один внимательный наблюдатель — Совет 1917 года был не столько органом революционной *самодеятельности*

солдат и рабочих, сколько аппаратом, при помощи которого руководители *управляли* рабоче-солдатской массой.

Непосредственное руководство Советом лежало на его Исполнительном комитете. Я не буду останавливаться здесь на подробной характеристике этого учреждения, его состава и царивших в нем порядков; Станкевич⁵⁷ в своих "Воспоминаниях" и Суханов в "Записках о революции" достаточно осветили эти вопросы — один с точки зрения правого крыла Комитета, другой — с точки зрения его левой оппозиции. К их описанию я хотел бы прибавить лишь одну черту: в середине марта, когда мы приехали в Петроград, в Исполнительном комитете царила поразительная растерянность. Это не было бессилие коллектива, раздираемого внутренней борьбой, ибо в Комитете еще не было тех отчетливых группировок, которые являются предпосылкой всякой борьбы. Это был результат того, что ни у правого, ни у левого крыла Комитета, ни у его центров в то время не было ясной, продуманной до конца линии — были лишь осколки программ, разбитых катастрофической быстротой нагрянувших событий.

Одни из членов Комитета были полны страха перед возможностью революционных эксцессов, другим повсюду мерещились контрреволюционные заговоры; одни мечтали о претворении в жизнь идей Циммервальда, другие — о восстановлении военной мощи России. Все это были обрывки политических настроений, которые, в зависимости от обстоятельств, могли или уместиться в рамках одной синтетической платформы, или послужить основой полдюжины взаимно друг друга исключаящих программ.

Это состояние Исполнительного комитета отражалось в советских "Известиях" описываемого периода. "Громадным большинством Комитета, — рассказывает об этом органе Станкевич, — "Известия" воспринимались, как нечто чужое, как безобразия". А Суханов восклицает: "Боже мой, что это был за беспорядочный, невыдержанный, расхлябанный, "неумелый" орган!.. Это была не газета, а какой-то калейдоскоп механически втиснутых в полосы отрывков"***.

Орган, конечно, был никуда не годный. Но недостатки его проистекали не из "неумелости" его руководителей, а из того, что "Известия" неслись по жизненному морю без руля и без ветрил, как плыл в то время по волнам революции и сам Исполнительный комитет Петроградского совета. Отсутствие же ясной

* Станкевич В.Б. Воспоминания. Ленинград, 1926, с. 88.

** Н. Суханов. Записки о революции: В 7 кн. Изд. З.И. Гржебина, Петербург—Берлин—Москва, 1922—1923, с. 169.

политики у руководителей Петроградского совета зависело не от их личных свойств, а от того, что революционная волна подняла их на свой гребень в тот момент, когда сами народные массы еще не осознали своих стремлений, когда ни одна группа населения и, во всяком случае, ни одна группа демократии не могла точно формулировать свою волю.

В этом отношении в несколько ином положении был Церетели: он попал в водоворот событий на 3—4 недели позже остальных руководителей Совета. Это облегчило ему выполнение той роли, которую ему предстояло сыграть в революции. Сила Церетели была не в том ореоле, который со времени Второй Государственной думы окружал его имя, и не в ораторском его даровании, и не в таланте политика-тактика, — главная его сила была в том, что он знал, чего хотел, имел определенный план, верил в него и умел с точки зрения этого плана рассматривать частные вопросы, выдвигаемые жизнью.

19 марта Церетели в первый раз говорил перед рабочей секцией Совета, а 22-го он уже был признанным, бесспорным руководителем Исполнительного комитета. Первым его политическим шагом было предложение Комитету приступить к практическим мерам для проведения в жизнь той политики мира, которая была прокламирована Советом в воззвании 14 марта. После продолжительных и довольно беспорядочных прений Комитет принял предложенную им резолюцию: добиваться от Временного правительства отказа от империалистических целей войны и давления на союзников в том же смысле; обратиться к демократиям союзных и вражеских стран с новым призывом бороться за всеобщий мир на основе отказа от аннексий и контрибуций; добиваться созыва международной социалистической конференции для организации повсеместной борьбы за такой мир; до тех пор, пока над Россией тяготеет угроза со стороны германского империализма, считать одной из основных задач революционной демократии оборону страны.

Во всем этом не было для Исполнительного комитета ничего нового — все эти мысли порознь высказывались и раньше в воззваниях, резолюциях, статьях "Известий". Ново было лишь то, что теперь эти мысли были сведены воедино, в определенную тактическую платформу. А еще было ново, что, после принятия этой резолюции, Церетели предложил сообщить ее Временному правительству и добиваться от него соответствующей декларации. Этим намечалась новая форма взаимоотношений между Советом и правительством, и внешняя политика русской революции ставилась на новые рельсы: Совет не только добивался

"выпрямления" государственной политики в соответствии со своей программой, отличной от стремлений представленных в правительстве цензовых кругов, но и пытался использовать в интересах борьбы за мир официальный государственный аппарат. Эта новая тактика была принята Исполнительным комитетом почти без прений.

Начались переговоры с правительством. Как-то само собой вышло, что эти переговоры от имени Исполнительного комитета вел Церетели, — члены "контактной комиссии", действовавшей до сих пор в подобных случаях, должны были отодвинуться на второй план. Переговоры закончились тем, что правительство опубликовало 28 марта декларацию по поводу войны, в которой говорилось:

"Предоставляя воле народа (т.е. Учредительному собранию) в тесном единении с союзниками окончательно разрешить все вопросы, связанные с мировой войной и ее окончанием, Временное правительство считает своим правом и долгом ныне же заявить, что цель свободной России — не господство над другими народами, не отнятие у них их национального достоинства, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народа. Русский народ не добивается усиления внешней мощи своей за счет других народов, как не ставит своей целью ничьего порабощения и унижения. Во имя высших начал справедливости им сняты оковы, лежавшие на польском народе, и русский народ не допустит, чтобы родина его вышла из великой борьбы униженной, подорванной в жизненных своих силах. Эти начала будут положены в основание внешней политики Временного правительства, неизменно проводящего волю народную и ограждающего права нашей родины, при полном соблюдении обязательств, принятых в отношении наших союзников".

Когда теперь перечитываешь этот документ, невольно остаешься с изумлением перед вопросом: как могло хоть кого-нибудь удовлетворить подобное нагромождение противоречивых, неискренних, ни к чему не обязывающих слов, а в особенности, как могли мы довольствоваться этой декларацией, зная, что во главе министерства иностранных дел стоит П.Н. Миллюков, который имеет свои, вполне определенные взгляды на цели России в войне и который, разумеется, не преминет толковать опубликованное заявление в духе этих взглядов?

Но в то время цитированные слова производили другое впечатление, воспринимались по-иному, нежели теперь. Мы принимали слова декларации за чистую монету и, сравнивая их с

предыдущими заявлениями П.Н. Милюкова, отмечали в них сдвиг в сторону отказа от империалистических целей войны и приближения к демократической платформе мира*. Эта победа "новой тактики" И. Церетели свидетельствовала о возможности установления идейно-политического контакта между Советом и Временным правительством, или, другими словами, между революционной демократией и цензовыми кругами. А такой контакт казался предпосылкой развития революции демократическим путем и предотвращения гражданской войны. Наконец, представлялось хорошим предзнаменованием, что цитируемая декларация появилась в день открытия Всероссийского совещания Советов.

* * *

Всероссийское совещание Советов по мысли его инициаторов должно было способствовать сближению между революционными организациями провинции и Петроградским советом, которому, волею судеб, пришлось с первых же дней революции играть роль центрального общероссийского органа. Задача была не столько политическая, сколько организационная. Но в порядке дня совещания, естественно, оказались все основные политические вопросы, стоявшие в то время перед демократией (о войне, об отношении к Временному правительству, о земле, об Учредительном собрании и т.д.). Вопросы эти приходилось решать в новой, не предвиденной революционными партиями и до крайности сложной обстановке. Но, насколько мне известно, нигде на местах эти вопросы не подвергались серьезной предварительной разработке. Да и в Петрограде за составление проектов резолюций принялись в самый последний момент.

В совещании участвовало, считая и петроградцев, свыше 400 человек. Их партийный состав определить было нелегко, так как среди делегатов было много людей, до революции не входивших ни в какие партии и лишь в марте объявивших себя социалистами. Преобладали все же эсеры. Большевиков было 80—90, большевиков — столько же или немного меньше. Много было солдат, довольно смутно разбирающихся в обсуждаемых вопросах.

Среди делегатов-большевиков я встретил Севрука⁵⁸, с которым некогда работал вместе в петроградской партийной организации, — теперь, приехав на совещание в форме офицера-летчика в качестве представителя какого-то прифронтового Совета,

* Именно так (как о победе демократии) писал и я в "Известиях" о декларации правительства.

он оказался сторонником "революционного оборончества". Вдвоем с ним мы принялись убеждать большевиков, что в вопросе о войне необходимо образовать единый фронт с меньшевиками и эсерами. Такое объединение казалось нам вполне возможным: нужно было лишь найти формулу, которая соединяла бы революционный циммервальдизм с обороной.

Для выработки такой формулы большевистская фракция совещания выделила особую комиссию, в которую в качестве сторонников "революционного оборончества" вошли Севрук и я, а нашим наиболее ярким противником оказался Н.Н. Крестинский⁵⁹ (нынешний представитель СССР в Берлине). Целый вечер прошел в бесплодных спорах, и в результате мы убедились, что столкнуться нам невозможно. Было решено, что от лица большевистской фракции будет предложена совещанию резолюция, направленная против "революционного оборончества", но члены фракции не будут связаны в этом вопросе дисциплиной и меньшинство сможет голосовать за резолюцию Исполнительного комитета.

Докладчиком по вопросу о войне на совещании выступил Церетели. Резолюция, которую он защищал, должна была закрепить во всероссийском масштабе ту политику, которую несколько дней перед тем принял Исполнительный комитет. Сочувственно отметив декларацию правительства, опубликованную 28 марта, резолюция заявляла:

"Придавая огромное значение этому акту Временного правительства, российская демократия видит в нем важный шаг вперед навстречу осуществления демократических принципов в области внешней политики. Советы раб(очих) и солд(атских) деп(утатов) со всей энергией будут поддерживать все шаги Временного правительства в этом направлении и призывают все народы, как союзных, так и воюющих с Россией стран, оказать давление на свои правительства для отказа от завоевательных программ. Вместе с тем каждый народ обеих коалиций должен настоять, чтобы его правительство добивалось от своих союзников общего отказа от завоеваний и контрибуций. Со своей стороны, Исполнительный комитет поддерживает необходимость переговоров Временного правительства с союзниками для выражения общего соглашения в указанном смысле.

Революционный народ России будет продолжать свои усилия для приближения мира на началах братства и равенства свободных народов. Официальный отказ всех правительств от завоевательных программ — могучее средство для прекращения войны на таких условиях.

Пока эти условия не осуществлены, пока продолжается война, российская демократия признает, что крушение армии, ослабление ее устойчивости, крепости и способности к активным операциям* было бы величайшим ударом для дела свободы и для жизненных интересов страны. В целях самой энергичной защиты революционной России от всяких посягательств на нее извне, в видах самого решительного отпора всем попыткам помешать дальнейшим успехам революции, совещание Советов рабочих и солдатских депутатов призывает демократию России мобилизовать все живые силы страны во всех отраслях народной жизни для укрепления фронта и тыла. Этого повелительно требует переживаемый Россией момент, это необходимо для успеха великой революции"***.

Приведенная резолюция не только восстанавливает позицию совещания в вопросе о войне, но вместе с тем свидетельствует, до какой степени "революционное оборончество" в том виде, как защищал и проводил его Церетели, было логическим продолжением "интернационализма", нашедшего свое выражение в советском воззвании от 14 марта.

Доклад Церетели и внесенный им проект резолюции вызвали возражения со стороны большевиков. Но прения носили (сравнительно со спорами позднейшего времени) сдержанный характер. В конце концов текст Исполнительного комитета был принят большинством в 325 голосов против 57, при 20 воздержавшихся. Голоса большевиков раскололись: часть их — приблизительно треть фракции — голосовала с оборонцами.

Прения по вопросу о Временном правительстве были отмечены необычайной хаотичностью, соответствовавшей сумбуру, царившему в то время во взглядах на этот вопрос в советских кругах. Стеклов, выступавший докладчиком от петроградского Исполнительного комитета, вместо политического доклада, обосновывающего тактическую линию Комитета, произнес демагогическую речь против Временного правительства. Рассказывая о сношениях представителей Совета с Временным комитетом Государственной думы и с правительством, он так "разоблачал" трусость, лживость и контрреволюционность думских кругов и буржуазных министров, что сам собою напрашивался вывод: существующее правительство никуда не годится и должно быть немедленно свергнуто. Но этого вывода, который стоял бы в полном противоречии с политикой Исполнительного комитета,

* Последние пять слов внесены в резолюцию в виде поправки фронтовиками.

** Известия, 1917, № 29, 31 марта.

Стеклов не делал: исчерпав весь запас жалоб против Временного правительства, он в заключение скромно предложил комитетский проект резолюции о... поддержке этого правительства! Буржуазная печать много потешалась по этому поводу и характеризовала доклад Стеклова формулой: "обещал большое кровопролитие и съел чижика".

На членов совещания доклад произвел сильное впечатление — провинциалы были поражены поднесенными им "разоблачениями". Но в среде Исполнительного комитета выступление Стеклова вызвало большое неудовольствие. Чтобы рассеять недоразумение, было решено, что Церетели выступит на совещании вторым докладчиком, в порядке защиты комитетского проекта резолюции. Одновременно в этот проект были внесены многочисленные поправки, которые должны были сделать его приемлемым для оппозиции, — получился, таким образом, текст, за который согласилась голосовать и большевистская фракция. В окончательном виде резолюция, принятая совещанием *единогласно*, гласила:

"1) Сложившееся в ходе революции Временное правительство по соглашению с Петроградским советом раб(очих) и солд(атских) депутатов" опубликовало декларацию, содержащую программу правительственной деятельности.

2) Всероссийское совещание Советов раб(очих) и солд(атских) деп(утатов) признает, что эта программа содержит основные политические требования российской демократии и что до сих пор Временное правительство в общем и целом идет по пути выполнения принятых на себя обязательств.

3) Совещание призывает всю революционную демократию России сплотиться вокруг Советов р(абочих) и с(олдатских) д(епутатов) как созданных революцией центров организации сил демократии, способных в союзе с другими прогрессивными силами отразить попытки царистской и буржуазной контрреволюции и упрочить и расширить завоевания революции.

4) Совещание признает необходимость постоянного политического контроля и воздействия революционной демократии на Временное правительство и его местные органы для побуждения его к самой энергичной борьбе с контрреволюционными силами, к решительным шагам в сторону полной демократизации всей русской жизни и к подготовке всеобщего мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов.

5) Совещание призывает демократию, не принимая на себя ответственности за всю деятельность правительства в целом, оказывать поддержку Временному правительству, поскольку оно бу-

дет идти неуклонно в направлении к упорядочению и расширению завоеваний революции и поскольку свою внешнюю политику оно строит на почве отказа от захватных стремлений.

б) Вместе с тем совещание призывает революционную демократию России, организуясь и сплачивая свои силы вокруг Советов р(абочих) и с(олдатских) д(епутатов), быть готовой дать решительный отпор всякой попытке правительства уйти из-под контроля демократии или уклониться от выполнения принятых им на себя обязательств**.

Как видит читатель, эта резолюция, составленная в результате соглашения между двумя течениями, которые сами еще не сознавали всей глубины своих разногласий, отличалась недостатками подобного рода компромиссных документов: центральная мысль ее тонула в уснащавших ее оговорках, так что для неискушенного в политической диалектике человека оставалось тайной, что, собственно, данный документ означает. Но, вместе с тем, вынесенная совещанием резолюция представляла собою формулу *поддержки* Временного правительства. И характерно, что большевики *единогласно* приняли ее! Каменев⁶⁰, официальный оратор большевистской фракции совещания, мотивировал присоединение большевиков к проекту резолюции Исполнительного комитета тем, что "основной пункт большевистской резолюции — указание на то, что организующим центром революционного движения является Совет р(абочих) и с(олдатских) д(епутатов), — вошел в текст резолюции Исполнительного комитета и в этом пункте содержится указание, куда должны быть направлены стремления революционной России"***.

Но в этой плоскости не было разногласия между большинством Совета и большевиками: никто из советских меньшевиков и эсеров не сомневался в том, что Совет рабочих депутатов является организующим центром революционного движения, никто не отрицал необходимости сплочения сил демократии вокруг именно этого центра. Спор шел лишь о том, какое применение должны получить сплоченные вокруг Совета силы, — в частности и больше всего, о том, должны ли они в какой бы то ни было форме признать оборону страны своим делом. К этому вопросу возвращал нас и вопрос о Временном правительстве, ибо обещать поддержку — хотя бы и условную, хотя бы "постольку-поскольку" — правительству, ведущему "империалистическую войну", означало принять участие в этой войне. Большевист-

* Известия, 6 апреля 1917, № 33.

** Там же, № 35.

ская партия 31 марта (когда принималась приведенная резолюция) еще не имела определенной, ясно осознанной политики, и этим объясняется та демонстрация "единого фронта" советской демократии, которую дало совещание. Такая же демонстрация объединения повторилась в последний день совещания, 2 апреля, когда все участники его, стоя, восторженно чествовали вернувшегося из-за границы на родину Г.В. Плеханова⁶¹. В дальнейшем — увы! — подобным демонстрациям уже не могло быть места.

В первую половину марта революционный Петроград пребывал в состоянии хаоса, над которым носился дух Господень, дух революции. Предстоял процесс осознания демократией ее целей и ведущих к этим целям путей. Предстояла, вместе с тем, неизбежная при таком процессе дифференциация. Советское большинство вступило на этот путь под руководством Церетели. Самоопределение крайней левой оппозиции Советов задерживалось отсутствием признанного главы и руководителя большевистской партии и слабостью тех, кто временно заменял его в Петрограде. 3 апреля приехал в Петроград Ленин.

Вместе с другими я был на вокзале при встрече Ленина. Встреча была пышная, с морем красных знамен, со шпалерами войск. Лица вернувшихся на родину эмигрантов сияли восторгом. Ленин был все тот же, каким я знал его 10 лет тому назад, с хитро прищуренными глазами, с тонкой усмешкой на губах. Узнав меня в толпе, он остановился, обнял меня, расцеловал и спросил:

— Что же, тов. Петров, опять с нами?

Я ответил:

— Не знаю еще.

— Ну, потолкуем, потолкуем...

И он пробежал мимо. Пять минут спустя, отвечая на приветствие Чхеидзе, он уже громил Временное правительство за его преступную империалистическую политику и развивал план превращения всемирной войны во всемирную социальную революцию. Говорил Ленин со своей обычной манерой безграничной уверенности в правильности намеченного пути, с обычной полуснисходительной, полупрезрительной усмешкой по адресу "дурачков", которые этого пути не видят и воображают, будто они делают революцию, тогда как в действительности выполняют обычное дело лакеев империализма.

Помню почти всеобщее впечатление недоумения, я сказал бы даже, некоторого конфуза. Но слова Ленина производили впечатление на толпу. Подкупали обычные свойства ленинских

речей — простота построения, элементарность доводов, безыскусственность формы и, главное, побеждающая все сомнения уверенность оратора.

С вокзала поехали в особняк Кшесинской. Здесь собрались работники петроградской большевистской организации и большевики — делегаты закрывшегося накануне Всероссийского совещания, всего человек 200—300⁶². Особняк балерины гудел, как потревоженный улей. На лестнице, в коридорах, в комнатах, в большом зале обменивались впечатлениями от первой речи Ленина. Почти никто не был согласен с нею. Но об "Ильиче" отзывались восторженно, в особенности рабочие. Господствующее мнение, насколько я мог уловить, сводилось к тому, что "Ильич" не успел с дороги осмотреться, но это мелочь, а главное:

— Здорово он о буржуазии! Чего там, в самом деле?..

Поздним вечером, быть может уже ночью, Ленин начал доклад о задачах большевистской партии в российской революции. Говорил он в большом Белом зале, отделанном в антично-греческом стиле. Сверкающие белизной мраморные колонны, золоченые карнизы и люстры, выбитые по мрамору гирлянды цветов, живые пальмы вдоль стен, на всем печать изысканного вкуса и утонченной роскоши. И посреди этой роскоши 2—3 сотни людей — рабочие пиджаки, солдатские шинели, убогие платья партийных работниц; все слушают с напряженным вниманием. Перед ними маленький с блестящим лысым черепом, с глазами-щелками, с широким, размашистым жестом. Говорит, посмеиваясь, переступая с ноги на ногу, наклоняясь всем корпусом то в одну, то в другую сторону, будто танцуя на месте. Большая часть его доклада была посвящена обоснованию двух лозунгов: ни малейших уступок "революционному оборончеству"! Никакой поддержки Временному правительству!

Высмеивались утопические надежды меньшевиков "уговорить" буржуазию не быть империалистической. Доказывалась невозможность прекратить войну иначе, как путем повсеместного свержения ига капитала. Разоблачалось предательство социал-соглашателей. В устах оратора странным образом сплетались избитые, захватанные формулы со словами, лозунгами, мыслями до того новыми, до того непривычными, что требовалось напряженное внимание, чтобы следить за их развитием. Здесь было высказано все. Путь к прекращению всемирной войны — братания на фронте! Государственное устройство России? Не парламентская республика, доказавшая повсюду свою негодность, а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депута-

тов! Аграрный вопрос? Пусть решают его Советы батрацких депутатов на местах! Финансовые затруднения? Слить все банки в один национальный банк под контролем Совета рабочих и солдатских депутатов — и все затруднения кончатся. Экономическая разруха? Контроль Советов над общественным производством и распределением — и никакой разрухи не будет! Наши конечные цели? Социализм! А путь к нему — власть Советов.

Заключительную часть доклада Ленин посвятил внутренним партийным делам. Перед большевистской партией стоят огромные всемирно-исторические задачи, между тем партийный аппарат расстроен, в рядах большевиков небывалый разброд, поколеблена старая дисциплина, нет былого единства взглядов. Нужно организовать, собрать экстренный съезд, столкнуться, выработать ясную тактику. Но этого мало — надо немедленно пересмотреть программу, ибо старая программа не дает ответа на поставленные жизнью вопросы.

И чувствуя, что в данном вопросе ему придется преодолеть особенно значительное психологическое сопротивление со стороны слушателей, Ленин перечислял задачи, выдвинутые войной и революцией, вскрывая непригодность привычных программных положений для разрешения их.

Что удивительного, что программа РСДРП в ходе войны не выдержала испытания? Этого огненного испытания не выдержала ни одна социалистическая программа! Банкротство всемирного социализма — факт непреложный. Социал-предатели, лакеи империализма превосходно это понимают и лишь скрывают правду от народных масс. А не понимают этого лишь жалкие болтуны, дурачки. Но большевики не будут обманывать народные массы, большевики не дурачки, предпочитающие красивые слова горькой правде...

И, будто загоня гвозди в сознание слушателей, Ленин с подчеркнутой резкостью говорил о социалистическом Интернационале как о смердящем трупе, отравляющем воздух. Война разрушила старые партии, построенные на лжи. Бессмысленно мечтать об их восстановлении, нужно строить партию революционного пролетариата заново, не повторяя старых ошибок, не возвращаясь к старым, разоблаченным жизнью обманам.

Ложью, обманом является само название нашей партии. Социал-демократия повсюду в мире запятнала себя союзом с империализмом, участием во всемирной человеческой бойне, предательством интересов пролетариата. Мы же союза с империалистами не заключаем, мы в войне за прибыли французских и английских империалистов не участвуем, мы интересов пролетариата

не предаем, значит, мы не социал-демократы! Отбросим же прочь позорное название партии! Вернемся к тому названию, которое дали партии революционного пролетариата Маркс и Энгельс! Будем называть себя *коммунистами*, ибо мы действительно являемся верными последователями "Коммунистического манифеста"⁶³ основоположников научного социализма...

Моя беглая передача этого воистину исторического доклада не может передать и объяснить то впечатление, которое он произвел на слушателей. Чтобы понять это впечатление, нужно восстановить всю обстановку того времени — опьянение революцией и неудовлетворенность ходом ее, и смутные ожидания чего-то, и царившую в рядах большевистской партии разногласию...

Немедленное низвержение власти капитала! Превращение русской революции в революцию всемирную! Превращение политической революции в революцию социальную! Отказ от демократической республики, от старой программы, от старого названия партии! Новая программа, новое название — "Коммунистическая партия"! А главное — новый лозунг — *вся власть Советам!*

Отмечу, что этот лозунг не был вполне новым для большевиков. Еще в 1905 году в полемике с меньшевиками по вопросу об участии социал-демократов во Временном правительстве большевики исходили из представления об этом правительстве как об органе победоносного вооруженного восстания. Согласно этой концепции Временное правительство должно было состояться из наиболее активных элементов революции. При применении этой старой большевистской схемы к обстановке Февральской революции правительство должно было родиться из казарм и рабочих кварталов, а никак не из "осужденной на слом" Государственной думы. Так и понимал положение ЦК большевиков, когда 28 февраля он обратился к восставшим рабочим и солдатам с "манифестом", в котором говорилось:

"Задача рабочего класса и революционной армии создать временное революционное правительство, которое должно стать во главе нового нарождающегося республиканского строя... Немедленная и неотложная задача временного революционного правительства войти в сношения с пролетариатом воюющих стран для революционной борьбы народов всех стран против своих угнетателей-поработителей, против царских правительств и капиталистических клик и для немедленного прекращения кровавой человеческой бойни, которая навязана поработленным народам".

Ясно, что речь шла здесь о "правительстве" совсем особого рода, не имевшем ничего общего с кабинетом, об образовании

которого шли в то время переговоры в думских кругах. "Манифест" указывал и способ создания временного правительства:

"Рабочие фабрик и заводов, а также восставшие войска должны немедленно выбрать своих представителей во временное революционное правительство, которое должно быть создано под охраной восставшего революционного народа и армии...

По всей России берите в свои руки дело свободы...

По всей России, по городам и селам, создавайте правительство революционного народа".

В этом документе (напечатанном на первом месте в приложении к первому номеру "Известий") уже намечалась, таким образом, та программа действий, которую пять недель спустя воскресил Ленин. В манифесте не было лишь термина "власть Советов", потому что в то время Советы только еще зарождались.

Но в марте 1917-го большевики то ли позабыли о своем первоначальном лозунге, то ли временно "свернули" его. И потому, когда Ленин выдвинул его вновь, как основу деятельности партии, создалось впечатление, будто речь идет о чем-то совершенно новом.

Принять все это сразу было невозможно. Но все это чудесным образом отвечало тому, чего собравшиеся ожидали от своего учителя и мессии. После доклада предполагался обмен мнений. Но прения не налаживались — каждый предпочитал, прежде чем выступить публично, обдумать слова "Ильича", а может быть, и поговорить с ним частным образом. Ленин обводил ряды товарищей насмешливым взглядом прищуренных глаз, будто спрашивал:

— Что же молчите? Если не можете ничего возразить, соглашайтесь!

Впервые со времени приезда в Петроград я чувствовал себя на собрании большевистских работников *чужим*. Вся речь Ленина казалась мне построенной на фантастических, в корень ошибочных посылах, и мне было досадно, что слушатели не замечают этого. В отличие от того, что я испытывал при встречах с "Ильичем" 10 лет тому назад, его аргументация на этот раз не только не подавляла меня, но раздражала своей демагогичностью, я сказал бы даже каким-то презрением к здравому смыслу слушателей, уверенностью, что их можно убедить в чем угодно лишь бы попасть в тон их тайных желаний. Чувствуя пропасть между своим настроением и настроением остальных участников собрания, я понял, насколько утопичен был мой план остаться в большевистской партии и здесь работать в духе политики, которая казалась мне правильной. Выступить на этом собрании не было

смысла. Но когда насмешливый взгляд Ленина остановился на мне, я поднялся и сказал, что считаю его доклад основанным на незнакомстве с положением вещей в России. В частности, т. Ленин совершенно не учел того, что Россия находится в состоянии войны, часть ее территории занята армией Германской империи, и эта армия может при дальнейшем продвижении вперед смести все завоевания революции. Не учел т. Ленин и настроения солдатской массы.

Возражение было довольно слабое, и я сомневаюсь, чтобы участники собрания внимательно слушали меня, — настолько велико было в зале возбуждение, вызванное докладом. Но Ленин слушал со своим обычным вниманием, кивая головой, как бы подтверждая, что именно этих возражений он и ждал. А затем он подхватил мой упрек в том, что им не было принято во внимание настроение солдат.

— Тов. Петров ошибается, — сказал он, — я всего несколько часов нахожусь на русской территории, но уже встречался с солдатами, беседовал с ними и имел возможность ознакомиться с их взглядами.

И он рассказал, как беседовал с солдатом, вернувшимся с фронта, и этот солдат говорил ему, что армия устала, воевать не хочет и ждет не дождется дня, когда можно будет возвращаться по домам.

Насколько помню, этим и закончилось ночное собрание в доме Кшесинской, собрание, на котором впервые перед работниками петроградской большевистской организации сверкнули огненные линии революционных схем Ленина⁶⁴.

На другой день было назначено в Таврическом дворце объединительное собрание социал-демократов меньшевиков и большевиков. Инициаторы собрания — И.П. Гольденберг⁶⁵, Северук, я и др. — все были сторонниками "революционного оборончества", то есть практически разделяли позицию меньшевизма, и притом скорее его правого, а не левого (интернационалистского) течения. Но в прошлом все мы работали в большевистской организации, сохранили связи с нею, и это подавало нам надежду на успех при попытках сблизить обе фракции. Меньшевики относились к нашей попытке сочувственно — особенно Церетели, но из тактических соображений оставляли инициативу в наших руках.

За час до времени, назначенного для общего собрания, большевики собрались отдельно для фракционного совещания. Собрались где-то на хорах думского зала, в длинной пустой комнате, без стульев и скамеек. Предполагалось, что совещание бу-

дет непродолжительное: принципиальных противников объединения с большевиками, казалось, не было; для споров о платформе время еще не пришло; нужно было лишь сговориться об организационных, технических вопросах, связанных с дальнейшими объединительными шагами. Так, по крайней мере, представлялось дело тем, кто не чувствовал еще того нового, что внесло в большевистскую партию появление Ленина.

Но лишь только открылось собрание, один из участников его — помнится, Зиновьев⁶⁶ — обратился к присутствовавшему в конате Ленину с просьбой высказаться по вопросу об объединении с меньшевиками. Ленин отказывался, ссылаясь на то, что он уже обо всем говорил в своем ночном докладе.

— Там не было ничего об объединении, — возражали ему.

Ленин продолжал отнекиваться. Но затем принялся излагать свою точку зрения, увлекся и повторил свой ночной доклад. Так же, как ночью, с наибольшей настойчивостью он останавливался на отрицательных лозунгах — ни малейших уступок "революционному оборончеству"! Никакой поддержки Временному правительству! Так же, как ночью, говорил о близости и неизбежности всемирной социальной революции, о "Республике Советов", о необходимости пересмотра программы и изменения названия партии. Вопросы об объединении с меньшевиками (которые давно уже ждали нас в Белом зале и каждые 10 минут присылали к нам на хоры справиться, скоро ли мы кончим) для докладчика не существовало. Да и многим из его слушателей этот вопрос начал казаться смешным и ненужным.

Не помню, закончил ли Ленин свой доклад или оборвал его, но прений по нему не было. Не было принято также никаких решений относительно тактики на предстоящем объединенном собрании: ясно было, что *общей* тактики у большевиков не будет, что сторонникам объединения предстоит покинуть ряды большевистской партии. Я заметил, что Ленин на этот раз, вопреки своему обыкновению, не напоминал о дисциплине: по-видимому, он никого не хотел удерживать насильно в организации, которая, по его плану, должна была вскоре превратиться в железную когорту авангарда всемирной революции.

Спустились все, вместе с Лениным, в Белый зал. После кратких сообщений инициаторов собрания открылись прения. Предложили высказаться Ленину, чтобы с самого начала выяснить трудности, с которыми придется встретиться объединительным попыткам. Ленин с видимой неохотой поднялся на трибуну. Он начал с краткого заявления, что объединение большевиков и меньшевиков в данный момент и невозможно, и нежелательно.

А затем стал обосновывать этот свой взгляд и вновь повторил почти целиком свой доклад.

За 24 часа после своего приезда в Петроград он в четвертый раз выступал с боевой речью, и на этот раз он говорил менее ярко, менее сильно, чем в особняке Кшесинской. Может быть, к утомлению присоединилось и то, что собрание в Таврическом дворце не воодушевляло его так, как то ночное собрание, где он чувствовал себя полководцем, собирающим свою старую гвардию и строящим ее в колонны накануне боя, равного которому не знала история. Здесь, перед смешанным, на две трети враждебно-скептическим собранием, речь Ленина казалась парадоксальной, неладно скроенной и совсем не страшной⁶⁷. Плеханов (не присутствовавший на собрании) назвал в "Единстве"⁶⁸ эту речь "бредовой", и такой, действительно, показалась она многим слушателям.

Эта речь стала предметом горячих газетных пересудов, но, насколько мне известно, не сохранилось подробной и добросовестной записи ее. Сам Ленин, желая предупредить кривотолки о своей позиции, передал Церетели бумажку с "тезисами" своей речи, набросанными наспех, после доклада в доме Кшесинской⁶⁹. Но эти "тезисы" в большой мере соответствовали ночному докладу, нежели речь на объединенном собрании социал-демократов. К тому же на самом тексте тезисов отразилась обстановка, при которой они были написаны: подробно выписан лишь первый тезис — об отношении к войне. Этот "тезис", соответствовавший началу всех четырех речей Ленина за 3—4 апреля, гласил:

"В нашем отношении к войне, которая со стороны России и при новом правительстве Львова и К^о. безусловно остается грабительской империалистической войной в силу капиталистического характера этого правительства, недопустимы ни малейшие уступки "революционному оборончеству".

На революционную войну, действительно оправдывающую революционное оборончество, сознательный пролетариат может дать свое согласие лишь при условии: 1) перехода власти в руки пролетариата и примыкающих к нему беднейших частей крестьянства; 2) при полном разрыве на деле с интересами капитала.

Ввиду несомненной добросовестности широких слоев массовых представителей революционного оборончества, признающих войну только по необходимости, а не ради завоеваний, ввиду их обмана буржуазией, надо особенно обстоятельно, настойчиво разъяснять им их ошибку, разъяснять неразрывную связь капитала с империалистической войной, доказывать, что кончить вой-

ну истинно демократическим, не насильническим миром нельзя без свержения капитала.

Организация самой широкой пропаганды этого взгляда в действующей армии. "Братанье..."

Начались прения. Церетели высказал уверенность, что особенности речи Ленина зависят от того, что оратор еще не осмотрелся в России; через несколько дней он, Ленин, сам заметит шаткость своих позиций и придет к тому пути, которым идет большинство российской революционной демократии. У меня лично такой надежды на эволюцию взглядов Ленина не было, но я высказал другую надежду: что позиция Ленина оттолкнет от него его приверженцев, и это облегчит дело объединения социал-демократии. В таком же духе высказались и другие ораторы. И лишь И.П. Гольденберг дал иную оценку докладу вождя большевистской партии.

— Не все отдают себе отчет в том, что произошло здесь, — говорил он медленно, отчеканивая слова. — Здесь, с этой кафедры, водружено сегодня над Россией знамя гражданской войны. Здесь тов. Ленин выдвинул свою кандидатуру на пустовавший в течение полувека престол апостола мировой анархии Михаила Бакунина...⁷⁰

Гольденбергу бурно аплодировали, но я думаю, что почувствовать всю правоту его могли лишь те, кто слушал ослепительно яркую ночную речь Ленина, — знамя гражданской войны было поднято именно там, в особняке Кшесинской, а бледный пересказ этой речи в полупустом Белом зале не мог дать оснований для такого толкования, оказавшегося пророческим.

Во время речей противников Ленин равнодушно ушел из зала. Вслед за ним ушло большинство его сторонников. Оставшиеся проголосовали резолюцию о необходимости объединения. За резолюцию высказалось 115 человек (в том числе 20 делегатов Всероссийского совещания, считавших себя большевиками). Против — не было никого. Но, расходясь с собрания, все мы чувствовали, что ничего из объединительной затеи не выйдет: теперь не могло быть никаких иллюзий относительно "единого фронта революционной демократии", как мы его представляли себе еще 3—4 дня тому назад. Против политики, которую приняло Всероссийское совещание Советов, теперь выдвигалась иная политическая линия, в корне ее отрицавшая. Предстояла борьба между течениями, из которых каждое стремилось — да и не могло не стремиться — закрепить за собой руководство революционной демократией. Борьба этих двух течений должна была составить главное содержание последующего периода революции.

НАЧАЛО РАЗБРОДА В РЯДАХ ДЕМОКРАТИИ

В начале апреля авторитет Петроградского совета и его Исполнительного комитета* стоял на исключительной высоте. Со всех концов России неслись к нему приветственные телеграммы и резолюции солидарности. Смолкли рассуждения правых и либеральных газет о том, что Исполнительный комитет является частной, самозванной, анонимной организацией, представляющей лишь часть петроградского гарнизона, тогда как вся Россия, и в частности вся армия, стоит за Временным правительством и Временным комитетом Государственной думы: на второй месяц революции уже никто не мог отрицать, что *вся* армия и *вся* революционная демократия страны видят в петроградском ИК свой полномочный орган.

Но борьба правых кругов против Совета не прекратилась — она лишь приняла новые формы. Началось натравливание одной части демократии против другой ее части — солдат против рабочих, тех и других — против большевиков. Солдатам внушалось, что рабочие — их враги, пособники немцев, что они отказываются от работы на оборону в то время, как армия на фронте переносит жесточайшие лишения и подвергается смертельной опасности из-за недостатка снарядов.

Эта кампания была теснейшим образом связана с распространенной в либеральных кругах легендой о немецком происхождении Февральской революции**. Сторонникам такого взгляда ес-

* Петроградский Исполнительный комитет на совещании был пополнен провинциальными делегатами и объявлен впредь до съезда общероссийским центром Советов.

** Эта легенда удержалась настолько прочно, что министр иностранных дел П.Н. Милюков на заседании правительства мог, не вызывая возражения со стороны своих партийных товарищей, говорить о том, что "ни для кого не тайна, что германские деньги сыграли свою роль в числе факторов, содействовавших перевороту" (*Набоков В.Д. Временное правительство*, с. 23).

тественно было апеллировать к армии против губящих ее вольных или невольных предателей, каковыми изображались в легенде о "германских деньгах" рабочие. И был момент, когда казалось, что солдатская масса не остается глуха к этим науськиваниям. С фронта приходили сердитые резолюции против петроградских рабочих, в иных из них недвусмысленно звучала угроза. Руководителям Петроградского совета приходилось серьезно считаться с возможностью раскола между двумя группами демократии, сыгравшими решающую роль в февральские дни.

В это время Петроград готовился к празднованию 1 Мая. Предполагалось, что блеск этого торжества в революционной столице подымет авторитет русской революции на Западе и даст толчок развитию всеобщей борьбы за мир на платформе воззвания 14 марта. Но в советских кругах при подготовке праздника больше всего думали о том, чтобы использовать его в интересах сплочения солдат и рабочих. Отсюда родилась идея отправки на фронт первомайских подарков от петроградских рабочих. Отсюда также характерные колебания по вопросу о дне празднования 1 Мая.

1 мая по новому стилю (18 апреля по русскому календарю) приходилось в 1917 году на вторник. Явилось опасение, как бы празднование этого дня не дало врагам Совета пищи для агитации против рабочих, которые, мол, не хотят работать и проводят время в митингах и манифестациях. Опасение было настолько серьезно, что ряд заводов (и, помнится, даже рабочая секция Совета) вынес резолюцию о том, чтобы перенести празднование 1 Мая со вторника на воскресенье, 16 апреля. Но это убило бы политическое значение манифестации, интернациональный характер которой подчеркивается именно ее одновременностью во всех странах. Поэтому Исполнительный комитет выдвинул компромиссное предложение: праздновать 1 Мая во *вторник*, но зато работать в *воскресенье*, 16-го, по возможности отчисляя заработную плату за этот день на подарки солдатам-фронтовикам.

Большую роль сыграло также посещение заводов депутациями с фронта. Приезжали эти депутации в Петроград, настроенные довольно подозрительно по отношению к заводским, а возвращались на фронт полные злобы против тех, кто натравливает их против "братьев-рабочих".

Не большего добились правые круги своей ожесточенной кампанией против большевиков и лично против Ленина. Говорилось о plombированном вагоне, о немецких деньгах, раздавались призывы к расправе с изменниками, с агентами вражеского военного штаба. Был момент, когда эта кампания имела та-

кой успех, что во многих полках большевики не могли показаться на митингах. Но после Всероссийского совещания большевики представляли собой лояльную оппозицию в рядах советской демократии. И естественно было, что Совет в целом поднялся на защиту своего левого крыла.

В это время я уже порвал с большевистской партией и вступил в меньшевистскую фракцию Совета. И именно как меньшевик я, как и многие другие, выступал ежедневно на 2—3-х солдатских митингах, защищая большевиков от клеветы, объясняя солдатам, что несогласные с советским большинством товарищи остаются, несмотря на эти разногласия, честными революционерами. В первую половину апреля это была одна из обычных тем на полковых митингах. И Исполнительный комитет был в это время достаточно силен, чтобы своим словом, как щитом, покрыть от ударов справа свою оппозицию.

К празднику 1 Мая (18 апреля) кампания была закончена — удары справа были отбиты. Но за это время борьба внутри Исполнительного комитета обострилась настолько, что теперь руководящему большинству его приходилось серьезно думать об отражении ударов слева.

* * *

Инициатива "боевых действий" внутри Исполнительного комитета и вообще в рядах советской демократии принадлежала большевикам. Но большевизм еще не нашел себя, еще не наметил окончательно своей основной тактической линии, еще не собрал свои силы. Кроме того, положение его затруднялось позицией, занятой его представителями на Всероссийском совещании. Поэтому свою атаку против "оборончества" партия Ленина начала не с общих принципиальных вопросов, а с вопросов частных, более или менее случайных. И теперь, восстанавливая в памяти картину этих схваток, я должен признать, что в выборе точек для первых ударов наши противники обнаружили много ловкости.

Оборонческое крыло Комитета настаивало на отправке на фронт из петроградских запасных полков маршевых рот. Эта мера представлялась необходимой не только с точки зрения материальных интересов обороны, но и из соображений политического характера: немислимо было, чтобы петроградский гарнизон отказывался от участия в обороне, в то время как Петроградский совет призывал всю Россию к отпору германскому империализму! Но легко было предвидеть, что призыв отправляться на фронт

не встретит сочувствия среди солдат петроградского гарнизона. Большевикам, которых правая печать изображала предателями армии, представлялась возможность показать петроградским солдатам, что именно они защищают их интересы. И вот они открывают кампанию против отправки маршевых рот: это "шейдемановщина"! Пусть на фронт идет буржуазия! Революционные полки должны оставаться в столице, на страже революции!

Кампания имела в казармах несомненный успех.

Затем встал вопрос об отношении Совета к "займу свободы"⁷¹. С точки зрения успеха займа сторонникам его разумнее было, пожалуй, не поднимать вовсе этого вопроса: то, что могло "революционное оборончество" сделать для займа, оно уже сделало резолюциями Всероссийского совещания. Но раз вопрос был поставлен, уклоняться от ответа на него мы не могли.

Итак, мы открыли кампанию в поддержку "займа свободы". В ответ большевики начали кампанию против займа: правительство собирает деньги для продолжения войны, война же нужна только буржуазии, — рабочим нужен мир! С рабочих и так собираются косвенные налоги, тогда как буржуазия лишь наживается на войне! Вместо того чтобы тянуть с рабочих их последние гроши, призывая их подписываться на заем, лучше было бы отобрать излишки у богачей!

Наше положение в споре, особенно перед рабочей аудиторией, было тяжелое, тем более что наши противники имели возможность использовать отсутствие ясного решения Совета по данному вопросу. Кампания против "займа свободы" была, пожалуй, первой кампанией, создавшей большевикам популярность в рабочих кварталах. Но еще больший успех имела их атака против Временного правительства, которую они приспособили к совершенно незначительному эпизоду.

Около этого времени Временное правительство приняло решение о выдаче пенсий кое-кому из деятелей старого режима. Деятели Таврического дворца, настроенные доброжелательно по отношению к кабинету, оказались в весьма затруднительном положении. Большевики же поспешили использовать решение правительства для борьбы против советского большинства и для дискредитирования в глазах масс идеи поддержки буржуазного правительства пролетариатом.

Довольно быстро у большевиков выработалась новая платформа, с внешней стороны имевшая мало общего с "тезисами" Ленина. В отличие от "тезисов", построенных в виде дедуктивного применения к российской обстановке принципов левого крыла Циммервальда и Кинталя⁷², эта платформа была, в основных

своих чертах, эмпирична; к 2—3 тактическим и программным требованиям Ленина она присоединила целый ряд требований момента. Выражением этой платформы может служить резолюция, которую большевистские агитаторы предлагали на заводских и полковых митингах. Из заводов первым принял эту резолюцию "Старый Парвийнен" (на Выборгской стороне), из воинских частей — 1-й пулеметный полк. Вот полный текст этой резолюции в том виде, как принял ее названный завод:

"Мы, рабочие завода "Старый Парвийнен", собравшиеся на общезаводском собрании от 13 апреля в количестве 2500 чел. и обсудив вопрос о текущем моменте, постановили:

1) Требовать смещения Временного правительства, служащего только тормозом революционного дела, и передать власть в руки Советов рабочих и солдатских депутатов.

2) Совет рабочих и солдатских депутатов, опирающийся на революционный пролетариат, должен положить конец этой войне, принесшей выгоды только капиталистам и помещикам и ослабляющей силы революционного народа.

3) Потребовать от Временного правительства немедленного опубликования тайных военных договоров, заключенных старым правительством с союзниками.

4) Организовать красную гвардию и вооружить весь народ.

5) Выразить протест против выпуска "займа свободы", который на деле служит закабалением этой свободы.

6) Реквизировать типографии всех буржуазных газет, ведущих травлю против Совета рабочих и солдатских депутатов и рабочей печати, и предоставить их в пользование рабочих газет.

7) Впредь до отобрания типографий бойкотировать нижеследующие газеты: "Русская воля"⁷³, "Новое время"⁷⁴, "Вечернее время"⁷⁵, "Речь"⁷⁶, "День"⁷⁷, "Маленькая газета"⁷⁸, "Копейка"⁷⁹, "Живое слово"⁸⁰, "Современное слово"⁸¹, "Петроградские ведомости"⁸², "Петроградский листок"⁸³, "Петроградская газета"⁸⁴, "Единство".

8) Протестовать против вмешательства Англии в наши внутренние дела и против задержки эмигрантов.

9) Реквизировать все продукты продовольствия для нужд широких масс и установить твердые цены на все предметы потребления.

10) Произвести немедленный захват помещичьей, удельной, кабинетской, монастырской земель⁸⁵ крестьянскими комитетами и передать орудия производства в руки рабочих.

11) Протестовать против вывода революционных войск из Петрограда.

12) Признать, что Временное правительство ни в коем случае не может распорядиться деньгами для выдачи пенсий бывшим министрам и их семействам — этим коренным врагам народа**.

Для политики советского большинства это было намного опаснее, чем схемы Ленина.

* * *

С момента образования в Совете большинства и меньшинства и оформления их политических стремлений неизбежна стала борьба между этими двумя течениями. Нужно было сделать вывод из этого факта. Ленин сделал свой вывод, устранившись с арены советской работы, отдавшись со всей энергией делу собиранию своей партии вокруг своих лозунгов и одновременно тщательно перерабатывая эти лозунги сообразно настроениям масс, стремления которых он всегда умел улавливать с такой чуткостью.

Из представителей советского большинства первым сделал выводы из нового положения Церетели. Числа 10 апреля он поднял в Исполнительном комитете вопрос о создании однородного бюро и о сосредоточении в его руках всей политической работы. Значит ли это, что Церетели недостаточно дорожил единством в рядах Исполнительного комитета? Нет. Но не было иной возможности наладить работу Комитета и вывести ее из трясины ничемных споров, словесных компромиссов, половинчатых решений. Ибо Совет мог вести ту или иную политику, но не мог проводить одновременно две прямо противоположные.

Предложение Церетели натолкнулось на сопротивление не только со стороны большевиков, но и со стороны весьма умеренных помощников присяжных поверенных, представлявших в Комитете петроградский гарнизон. Спор особенно обострился вокруг вопроса о Стеклове, которого наша группа не хотела вводить в бюро, считая, что он своим присутствием в этом органе не увеличил бы ни его работоспособности, ни его общественного веса. В конце концов наше предложение провалилось: бюро было образовано, но в составе, делавшем его неспособным к проведению ясной политической линии.

Это не могло не отразиться на ходе начинавшейся внутри советской демократии борьбы: в то время как большевики по всем правилам военного искусства вели осаду Комитета, обстреливая его со страниц "Правды" и готовя силы для штурма твердыни

* Известия, 1917, № 14, 15 апреля.

"революционного оборончества", осажденная и обстреливаемая, ожидающая штурма крепость не имела даже штаба, который мог бы руководить ее защитой! Вместе с тем руки Исполнительного комитета оказались связаны и в той борьбе, которую он должен был вести с Временным правительством для обеспечения своей линии во внешней и внутренней политике.

* * *

В связи с неудавшейся попыткой сплотить в официальном органе ("бюро Комитета") силы "революционного оборончества" я должен упомянуть о том неофициальном органе, который в течение первого периода революции координировал и объединял работу этих сил — такую роль играли совещания, происходившие ежедневно по утрам на квартире Скобелева (Тверская ул., д. 13), где жил также и Церетели. Совещания носили совершенно частный характер — не было ни председателя, ни порядка дня, ни протоколов, ни резолюций. Просто товарищи, занимавшие ответственные посты в различных организациях, сходились в начале трудового дня сговориться относительно предстоящей им работы. Постоянными участниками совещания, кроме Скобелева и Церетели, были: Чхеидзе, Дан⁸⁶, Анисимов⁸⁷, Ермолаев⁸⁸, Гоц и я. Позже появились С.Л. Вайнштейн⁸⁹ и Рожков⁹⁰. Иногда — хотя не каждый день — принимал в этих утренних беседах участие Чернов⁹¹. Раза два-три появлялся Авксентьев⁹². Время от времени приходил Либер⁹³.

Здесь, в этой "звездной палате", мы стоваривались в вопросах, которые нужно было поставить в Исполнительном комитете, подготавливали проекты резолюций и воззваний. Присутствие Гоца и Чернова делало из наших совещаний орган контакта между меньшевистской партией и партией социал-революционеров. Позже, в период "коалиции", здесь же обсуждались общие вопросы, относившиеся к кругу ведения министров-социалистов.

Душой совещаний был Церетели. Источником его влияния здесь, как и в Совете, была его непоколебимо твердая уверенность в правильности взятой политической линии. По мере того, как усложнялась политическая обстановка, по мере того, как росли колебания в рядах наших политических единомышленников, эта уверенность Церетели не только не уменьшилась, но как будто крепла, — и это все более усиливало его влияние как главы течения.

Невольно напрашивается сравнение Церетели с руководителем противоположного крыла революционной демократии, с Ле-

ниным. При всей противоположности интеллектуального и морального облика этих двух деятелей у них была одна общая черта, которая делает вождя, — уверенность в правильности выбранного пути. Но воля Церетели выявлялась в потоке проникнутых энтузиазмом речей, которыми он стремился убедить рабочих и солдат в том, что их собственные интересы, спасение революции, спасение России требуют от них подвига, жертв, самоотречения. А Ленин сравнительно редко выступал публично, больше работал молча, отыскивая в окружающей среде точки опоры для своей "линии", ловя в насыщенном грозой воздухе те лозунги, которые могли бы стать громовой стрелой его воли.

Но вернусь к совещаниям на квартире Скобелева. После Церетели наиболее деятельным их участником был Дан. Он нередко спорил с Церетели по второстепенным вопросам, но, в конце концов, почти всегда уступал и соглашался. Слабой стороной его позиции было то, что, проводя политику "революционного оборончества", он все время озирался на "интернационалистов". Роль Скобелева на совещаниях была незначительной: он говорил много, но всегда о пустяках — о своих встречах, впечатлениях. Чхеидзе, наоборот, говорил очень мало. Он был постоянно встревожен, озадачен, производил впечатление больного человека, преодолевающего себя и через силу остающегося на своем посту. Но соображения, которые он высказывал, всегда были к делу и производили впечатление. Молчалив был и Гоц. Несмотря на неизменную его улыбку, и в нем чувствовалась большая подавленность. Работа его протекала, главным образом, вне Таврического дворца, в Совете крестьянских депутатов, в эсеровской партии. И ход дел в этих кругах не радовал его. Оптимистически был настроен Чернов. Но он как-то не попадал в тон наших совещаний и нередко сбивался на тон митинговой речи или министерского доклада, тогда как остальные товарищи обменивались короткими замечаниями, соответствовавшими характеру непринужденной беседы. Анисимов и Вайнштейн, насколько помню, постоянно молчали. Речи Либера, когда он появлялся, носили по преимуществу панический характер. Но мы все и без него знали, что "не все ладно в королевстве Датском"⁹⁴, и потому эти речи, всегда искренние, всегда умные и талантливые, вызвали чувство, близкое к досаде. Моя личная роль в "звездной палате" была довольно скромная: влияние на политику руководящей группы я не оказывал, на мне лежала "литературная" часть, составление резолюций и воззваний, причем я делил эту работу с Даном. Проекты Дана всегда отличались обстоятельностью, солидностью. Я же добивался от

резолуций и от воззваний краткости, ударности. Ввиду этого различия в стиле, совместно писать мы не могли, и чаще всего темы делились между нами. Специальностью Дана были документы, относящиеся к международному рабочему движению, а я писал обращения к рабочим, крестьянам и солдатам и резолюции, касавшиеся войны, обороны, фронта.

* * *

Я упоминал выше об успехах, одержанных большевиками в середине апреля в борьбе с оборонческим большинством Совета. Но было бы извращением исторической перспективы представлять себе эти успехи в таком виде, будто большевизм в это время овладел уже душами рабочих и солдат, сразу, в первой же схватке, выбив из седла противоположное течение. Успех большевистской агитации был лишь частичный и пока еще далеко не решающий. Авторитет советского большинства все еще стоял очень высоко. И если кое-где на заводах и в казармах проходили резолюции, формально направленные против Временного правительства, а по существу бившие против политики Исполнительного комитета, то в других казармах и на других заводах в это время выносились резолюции, проникнутые совершенно иными настроениями.

Выступления в духе завода "Старый Парвийнен" и 1-го пулеметного полка имели поэтому значение главным образом как *симптомом* зарождающегося в рабочих и солдатских массах нового течения — пока еще не очень сильного, но усиливающегося со дня на день. В провинции это новое течение ощущалось слабее, чем в Петрограде. Здесь "парвийненских" лозунгов не решались защищать даже большевистские организации, считавшие обязательной для себя единогласно принятую Всероссийским совещанием⁹⁵ резолюцию о поддержке Временного правительства.

С этими настроениями провинциальных большевиков я столкнулся на областном съезде Советов в Финляндии, куда Исполнительный комитет командировал меня для доклада. Съезд был назначен в Выборге на 16 апреля, но в этот день не открылся — ждали представителей из Гельсингфорса, где почему-то затянулись выборы делегатов от военных судов.

Открыли частное совещание. Я делал доклад, выборгские большевики возражали. Спор велся сдержанно — в тонах, от которых мы уже начинали отвыкать в Петрограде. Противники упрекали нас в отсутствии решительности, критиковали распоряжения Временного правительства и его внешнюю политику. Но в их критике не было демагогии, они ограничивались почти

академическими доводами в пользу необходимости устранения от власти буржуазии и сосредоточения власти в руках Советов.

17-го прибыли матросы, и открылся съезд. Делегатов было человек 125—130 — приблизительно поровну солдат, рабочих и матросов. Так и сидели они тремя отдельными группами. Центром всеобщего внимания были матросы — они охотно говорили о себе: "Мы — сила", и никто здесь не пытался оспаривать этот взгляд. К моему удивлению, депутаты-матросы оказались почти сплошь эсерами и при том весьма патриотично настроенными. Но рассуждали они как-то по-своему, придерживаясь партийных шаблонов. Депутаты-рабочие более, чем матросы, тяготели к большевизму, но, как мне показалось, не решались до конца договаривать свои мысли: их как будто подавляло и связывало сознание, что Петроградский совет и Всероссийское совещание отвергли ту политику, которая представлялась им прямее всего ведущей к цели. Солдатское представительство было бесцветное, малозаметное.

Прения продолжались с утра до поздней ночи и минутами принимали страстный характер, но под конец наши противники стали сдавать свои позиции. По вопросу о войне я внес резолюцию, составленную в духе Всероссийского совещания, но еще резче и отчетливее подчеркивающую идею обороны. Подсчитывали голоса: за — 113 голосов, против — 4, воздержались — 5. Бурные аплодисменты — особенно со стороны матросов.

Переходим к вопросу об отношении к Временному правительству. Опять страстные споры, но в результате резолюция о поддержке (разумеется, "постольку, поскольку", ибо об иной поддержке по смыслу нашей политики не могло быть речи) принимается единогласно, при двух воздержавшихся.

В своем докладе я упомянул о "займе свободы", но в резолюцию внести этот пункт я не решился, так как в то время в Петроградском совете вопрос еще не получил окончательного решения. Когда матросы-эсеры указали мне на это упущение, я посоветовал им внести особую резолюцию от их фракции и помог им составить проект ее. Резолюция была принята большинством в 99 голосов против 5, при 8 воздержавшихся. А, между тем, треть съезда считала себя большевиками!

* * *

16 апреля состоялась первомайская демонстрация⁶. Опять, как и 23 марта, сотни тысяч рабочих, бесконечные колонны солдатских шинелей, лес красных знамен, опять рабочие хоры, военные оркестры. Демонстрация продолжалась с утра до поздней

го вечера, и вновь дала подтверждение непоколебимого влияния Совета в массах революционной демократии Петрограда. Успех этого дня был полный. Но, не знаю почему, мне казалось, что в толпе на этот раз не было того энтузиазма, который должен был озарить этот праздник революции. По сравнению с манифестацией 23 марта чувствовался какой-то надлом. И у меня осталось от этого яркого солнечного дня странное ощущение тревоги и щемящей тоски.

А 20 апреля во всех газетах появилась знаменитая нота Милюкова. Формально эта нота была шагом правительства навстречу Совету: это была *сопроводительная* нота, при которой заграничным представителям России сообщался текст правительственной декларации от 28 марта; таким образом, документу, получившему, как мы видели, одобрение Всероссийского совещания Советов, придавалось значение международного акта. Но принимая с нескрываемой неохотой этот шаг, П.Н. Милюков в сопроводительной ноте постарался истолковать декларацию 28 марта так, что она получила смысл, прямо противоположный тому, который хотела видеть и видела в ней демократия.

Прежде всего, вместо того, чтобы прямо сказать "то, что есть", вместо того, чтобы признать, что декларация сообщается за границу по требованию Советов (или по желанию народа), министр иностранных дел придумал фиктивное объяснение предпринимаемого шага: цель его, мол, та, чтобы пресечь слухи о готовности России заключить сепаратный мир. Это объяснение извращало политический смысл сообщения союзникам документа, так как дело было вовсе не в том, что Россия не желает *сепаратного мира*, а в том, что страна жаждет *всеобщего мира* и настаивает на пересмотре целей войны. Тем не менее правительство в целом согласилось с Милюковым. Министр иностранных дел разъяснил, что "высказанные Временным правительством общие положения вполне соответствуют тем высоким идеям, которые постоянно высказывались многими выдающимися государственными деятелями союзных стран" — Ллойд-Джорджем⁹⁷, Клемансо⁹⁸, Вильсоном⁹⁹. Далее подтверждалось, что Временное правительство "будет вполне соблюдать обязательства, принятые в отношении союзников", в том числе и подозрительные для масс "тайные договоры". А в заключение нота выражала уверенность в "победоносном окончании настоящей войны, в полном согласии с союзниками" и в том, что "поднятые этой войной вопросы будут разрешены в духе создания прочной основы для длительного мира и что проникнутые одинаковыми стремлениями передовые демократии найдут способ добиться тех гаран-

тий и санкций, которые необходимы для предупреждения новых кровавых столкновений в будущем".

Едва ли возможны в настоящее время сомнения в том, что эта нота была ошибкой даже с точки зрения той задачи, которую она себе ставила. Ибо если задачей Милюкова было сохранить неизменным положение России в рядах Антанты, то решения этой задачи можно было искать лишь в соглашении с революционной демократией, то есть с Советами. Временное же правительство предпочло иной путь: игнорировать волю Советов, которые одни только обладали в то время реальной силой, дающей право говорить от имени страны, и, вопреки им, прокламировать от имени России такие обязательства, которые ничего не могли изменить в общеевропейской политике, а внутри, в России, должны были прозвучать как вызов цензовых кругов народным массам. Ибо при всей неопределенности в настроениях и стремлениях народных масс в то переходное время в одном вопросе воля их была несомненна: *народ не желал продолжения войны во имя непонятных ему целей*. А именно таковы для него были цели Антанты.

Сила "революционного оборончества" была в том, что оно формулировало новые цели войны (защита революции, приближение всеобщего мира). Только эта идеология обороны — и то лишь при определенных условиях — могла быть воспринята рабочей и солдатской средой и примирить ее с продолжением войны. И потому взрывать эту идеологию, заявлять, что революция не изменила ни в чем цели войны, значило взрывать фронт.

Как могли не видеть этой опасности члены Временного правительства? Я думаю, ослепление их можно объяснить лишь тем, что почти все они долгое время готовились к роли правительства в совершенно иной обстановке, чем та, которая создалась в результате рабочего и солдатского февральского восстания. Революцию они считали выдумкой крайних левых, привходящим обстоятельством, досадной помехой на пути возложенных на их плечи государственных задач.

В Совете нота Милюкова стала известна вечером 19 апреля. На сторонников обороны эта новость подействовала удручающим образом. Церетели с энергией, которая казалась энергией отчаяния, старался предотвратить надвинувшуюся катастрофу, с одной стороны, добиваясь соответствующих разъяснений от Временного правительства, с другой стороны, призывая Исполнительный комитет к осторожной, выжидательной тактике. Но авторитет Церетели в руководящих кругах Совета был поколеблен нотой Милюкова. Его предложения вызвали резкую критику

слева, страсти разгорались. Всю ночь с 19 на 20 апреля Исполнительный комитет обсуждал сложившееся положение, но решений, которые могли бы сплотить Комитет, не намечалось. Предложение Церетели — требовать от правительства разъяснения ноты — казалось недостаточным...

Утром 20-го собралось в Таврическом дворце бюро Комитета. Опять горячие споры, опять никаких путей для выхода из тупика. В это время стали поступать во дворец сообщения о том, что в городе неспокойно: нота Милюкова вызвала волнения в рабочих районах и в гарнизоне; заводы один за другим останавливаются, рабочие собираются на митинги, где раздаются призывы идти к Мариинскому дворцу¹⁰⁰ требовать отставки Милюкова; еще сильнее возбуждение в казармах — солдаты разбирают ружья, требуют от Исполнительного комитета указаний, что делать. Чхеидзе сидел за столом президиума мрачный, раздраженный и по мере поступления тревожных известий повторял все с большей яростью:

— Вот что он наделал этой нотой!

Нужно было тушить пожар, и мы принялись за работу. Звонили по телефону в районные Советы, на заводы, в казармы, посылали людей во все концы города.

— Исполнительный комитет занят вопросом о ноте Милюкова и ведет переговоры с правительством. Недоразумение будет улажено, соглашение будет достигнуто. Комитет призывает солдат и рабочих соблюдать спокойствие: манифестации могут лишь обострить и усложнить положение.

Аппарат Совета работал вовсю. Но волнение возрастало. На улицах появились толпы вооруженных рабочих; с минуты на минуту должны были выйти на улицу и полки. Пришло известие, что многотысячная толпа с Выборгской стороны движется к Мариинскому дворцу. Идут с оружием. Чхеидзе, Станкевич и я сели в автомобиль и поехали наперерез манифестантам. Встретили их на Марсовом поле. Это была *толпа*: стройными рядами, тесной колонной шли рабочие через огромную площадь. Мы подъехали ближе и остановились перед головной частью колонны. Шествие задержалось. Нас узнали, обступили со всех сторон. Лица взволнованные, напряженные, почти у всех винтовки в руках, патронные ленты через плечо. Чхеидзе спросил тех, что стояли ближе к автомобилю:

— Куда идете, товарищи?

— Спасать революцию!

— А оружие зачем?

— На врагов революции.

Тогда Чхеидзе обратился к толпе с речью. После него говорил я. Слушали нас плохо, и впервые я почувствовал сдержанную враждебность в настроении толпы. Раздавались крики:

— Кончайте скорее, идти надо...

Но мы не считали, что этой возбужденной, вооруженной толпе надо было идти к Мариинскому дворцу. И я нарочно затягивал речь. Когда я кончил, у автомобиля очутился один рабочий, который 10 лет тому назад был депутатом на общественных работах Совета безработных. Он с горькой укоризной сказал мне:

— Эх, товарищ Петров, когда-то вы впереди всех шли, а теперь настроение срываете...

Да, мы срывали настроение! Подъехал другой советский автомобиль. Я пересел в него и поехал по беспокойным районам, в то время как Чхеидзе и Станкевич вернулись в Таврический дворец. В рабочих кварталах кипело, как в котле. Встречали меня неприветливо: призывы к спокойствию вызывали раздражение толпы. Но у движения не было ни руководителя, ни программы действия; объединяли его лишь два лозунга: "Долой войну!" и "Долой Милюкова!".

Я не был перед Мариинским дворцом, когда там демонстрировали полки. Очевидцы передавали мне, что эта демонстрация приняла такой характер, что правительство одно время казалось арестованным солдатами. Но агитация Исполнительного комитета не осталась безрезультатна: рабочие Нарвского, Невского и Московского районов, а также Петроградской стороны, Охты и части Васильевского острова подчинились нашим призывам и, хоть неохотно, но отказались от демонстраций перед Мариинским дворцом и в центре города. Равным образом удалось удержать в казармах 9/10 воинских частей Петрограда — выступило всего 5 или 6 полков, да и то их настроение было разбито тем, что на пути из казармы к Мариинскому дворцу они узнали, что Исполнительный комитет — против их выступления.

Под вечер в здании Морского корпуса на Васильевском острове собрался Петроградский совет. Многотысячная толпа, окружавшая здание, встречала прибывавших депутатов громкими требованиями решительных действий и криками: "Долой Милюкова! Долой правительство! Да здравствует Совет!". Депутаты обращались к толпе с речами, призывая ее к спокойствию, выдержке, терпению. Но из толпы как будто исходили какие-то незримые токи, передававшиеся Совету — заседание протекало непривычно бурно, прения носили беспорядочный характер, речи ораторов то и дело прерывались криками. Возмущение против Милюкова и Временного правительства было всеобщее. Но пред-

ложение президиума — отложить окончательное решение до завтра, а пока поручить представителям Исполнительного комитета переговорить с правительством и совместно с ним выяснить положение — не встретило больших возражений и было принято почти единогласно.

В 10 часов вечера в Мариинском дворце открылось совместное заседание правительства с Исполнительным комитетом и Комитетом Государственной думы. На этот раз здание, в котором происходило совещание, оказалось окружено буржуазно-интеллигентской толпой ("публикой Невского проспекта") — это были организованные кадетской партией¹⁰¹ манифестации сочувствия и поддержки Милюкову. Сравнивая эту толпу с теми толпами, которых мы сегодня не допустили ко дворцу, мы могли лишь улыбаться жалкой попытке друзей министра иностранных дел подкрепить его "поддержкой народа". Но члены правительства оценивали положение по-иному и держались уверенно — почти как победители.

Собрание началось с докладов министра о бедственном состоянии финансов, транспорта, армии. Милюков говорил о необходимости крайней осторожности в дипломатических сношениях. Затем говорили представители Исполнительного комитета. Слово было предоставлено представителям всех советских фракций — от Церетели до Каменева. Церетели требовал правительственного разъяснения по поводу ноты Милюкова. Чернов рекомендовал Милюкову отказаться от портфеля министра иностранных дел и заняться народным просвещением. Каменев говорил о том, что власть должна из рук буржуазии перейти в руки пролетариата. Кое-кто из министров крикнул ему:

— Так берите власть!

Каменев сконфуженно и скромно ответил, что его партия о захвате власти не помышляет.

Говорил еще Суханов. Он, по-видимому, ничего не имел ни против классового, ни против персонального состава кабинета, но хотел, чтобы этот кабинет вел другую политику.

Совещание затянулось далеко за полночь и закончилось соглашением, что правительство издаст разъяснение к ноте министра иностранных дел в том духе, как этого потребовал Церетели.

Остаток ночи я провел в Таврическом дворце. Вместе со мной дежурило несколько товарищей из военной секции Совета. Нам звонили из казарм, спрашивали, выступать ли завтра или нет. Мы отвечали, что выступления в данный момент крайне нежелательны, что Исполнительный комитет надеется на благополучное разрешение конфликта. У дворца дежурили автомобили.

То один, то другой из нас выезжал в казармы, чтобы живым словом рассеять недоверие солдат.

21-го с утра манифестации на улицах Петрограда возобновились. Невский проспект был залит "патриотической" публикой, пестрели знамена с призывами к "войне до победного конца". В это время рабочие района кипели толпой, настроенной на совершенно иной лад, и в десятках казарм солдаты порывались выйти на улицу, "проучить буржуев". Нетрудно было представить себе, к каким результатам привело бы столкновение рабочих и солдатских вооруженных колонн с "публикой" Невского проспекта, если бы между ними не стоял Исполнительный комитет с его авторитетом, все еще огромным, несмотря на удар, нанесенный ему правительственной нотой. Днем Исполнительный комитет выпустил воззвание к населению, призывая его "во имя спасения революции от грозящей ей смуты" сохранять порядок. Одновременно он обратился к петроградскому гарнизону с особым воззванием, в котором говорилось:

"Без зова Исполнительного комитета в эти тревожные дни не выходите на улицу с оружием в руках; только Исполнительному комитету принадлежит право располагать вами; каждое распоряжение о выходе воинской части на улицу (кроме обычных нарядов) должно быть отдано на бланке Исполнительного комитета, скреплено его печатью и подписано не меньше, чем двумя из следующих лиц... Каждое распоряжение проверяйте по телефону № 104-6".

День прошел без крови. Но вечером ружья начали стрелять. Станным образом кровавые столкновения разыгрались, когда острота положения уже прошла, когда конфликт был более чем наполовину разрешен.

Перед вечерним заседанием Совета Исполнительный комитет получил пакет выработанного правительством разъяснения по поводу ноты Милюкова:

"Ввиду возникших сомнений по вопросу о толковании ноты министра иностранных дел, сопровождающий передачу союзным правительствам декларации Временного правительства о задачах войны (от 27 марта) Временное правительство считает нужным разъяснить: 1) нота министра иностранных дел была предметом тщательного и продолжительного обсуждения Временного правительства, причем текст ее принят единогласно; 2) само собой разумеется, что нота эта, говоря о решительной победе над врагами, имеет в виду достижение тех задач, которые поставлены декларацией 27 марта; 3) под упоминаемыми в ноте "санкциями и гарантиями" прочного мира Временное правительство подра-

зумеало ограничение вооружений, международные трибуналы и прочее. Означенное разъяснение будет передано министром иностранных дел послам союзных держав”.

Это разъяснение было слабо, бледно, недостаточно. Оно окончательно лишало внешнюю политику Временного правительства всякой ясности — для Европы эта политика определялась теперь тремя взаимно противоречивыми актами — декларацией 27 (28) марта, нотой 18 (20) апреля и новейшим разъяснением.

Но все же некоторая уступка в разъяснении заключалась. Перед Исполнительным комитетом встала дилемма: принять эту уступку и сделать ее исходной точкой для дальнейшего “выпрямления” линии внешней политики России, сообразно требованиям революционной демократии, или отвергнуть разъяснение правительства и сбросить его (что технически не представляло никаких трудностей и могло бы быть выполнено простым принятием резолюции). Третьего выхода не было.

Брать власть в свои руки Исполнительный комитет не предполагал: как мы видели, на “историческом совещании” в Мариинском дворце перед таким разрешением кризиса отступил даже Каменев. Оставалось пока удовлетвориться достигнутым и продолжать борьбу. После страстных прений Исполнительный комитет большинством, 34 голосов против 19, принял эту точку зрения.

Вечером вновь собрался Совет. Заседание протекало с исключительным подъемом, с энтузиазмом, который лишь в редкие дни озарял заседания Совета. Масса депутатов несомненно склонна была считать правительственное разъяснение победой петроградских солдат и рабочих над Милюковым, победой дела мира над силами империализма. Конечно, победа была неполная, но все же она наполняла Совет ликованием. Церетели был предметом непрерывных оваций. Это настроение депутатов не оставляло сомнений в том, что Исполнительный комитет правильно учел положение, решая удовлетвориться правительственным разъяснением. Задолго до голосования было ясно, что резолюция, приготовленная нами в духе этого решения, будет принята огромным большинством голосов.

После приветствия революционной демократии Петрограда и изложения хода событий в резолюции говорилось: “Единодушный протест рабочих и солдат Петрограда показал и Временному правительству и всем народам мира, что никогда революционная демократия России не примирится с возвращением к задачам и приемам царистской внешней политики и что ее делом остается и будет оставаться непреклонная борьба за международ-

ный мир. Вызванное этим протестом... разъяснение правительства... кладет конец возможности толкования ноты 18 апреля в духе, противном интересам и требованиям революционной демократии. И тот факт, что сделан первый шаг для постановки на международное обсуждение вопроса об отказе от насильственных захватов, должен быть признан крупным завоеванием демократии".

Во время доклада Церетели, защищавшего эту резолюцию, я и Дан должны были покинуть заседание Совета, чтобы ехать в типографию "Известий". При этой поездке мы попали в самую гущу свалки, ознаменовавшей конец этого тревожного дня.

Ехали Невским. Недалеко от Морской обогнали толпу манифестантов, человек в 500. Шофер задержал машину и предупредил нас, что сейчас начнется стрельба. Но признаков опасности не было видно, и Дан приказал ему ехать дальше, а я, чтобы лучше следить за происходящим, пересел на переднее сиденье. Происходило вот что. Главная масса манифестантов, заявлявших утром о своей преданности Временному правительству, уже съехала с улиц. Остались лишь небольшие кучки, особенно воинственно настроенные и, по-видимому, не удовлетворенные итогами дня. В то же время в центре города появились отдельные группы рабочих, жаждавших "поучить буржуев". В районе Невского, Садовой, Морской и прилегающих улиц бродили эти кучки, при встречах осыпая друг друга ругательствами и угрозами. А затем они начали стрелять, причем впоследствии так и не удалось выяснить, с какой стороны была выпущена первая пуля.

Наш автомобиль попал под выстрелы на углу Невского и Садовой. У меня получилось впечатление, что начали стрелять со стороны антиправительственной (рабочей) манифестации. Но возможно, что это впечатление было ошибочное. Как бы то ни было, жертвы оказались в рядах "патриотической манифестации". Через минуту после начала стрельбы наш автомобиль въехал в толпу, в которой преобладали студенты и люди буржуазного облика. Определив в нас "советских" людей, они набросились на нас с ругательствами, но, узнав Дана и меня, стали жаловаться на рабочих и просить защиты. Тут же, поблизости, были раненые. Дан, как врач, принялся за перевязку пострадавших. А я, махнув рукой на типографию, поспешил обратно в Морской корпус, чтобы сделать доклад Совету.

В Совете, получив слово для внеочередного заявления, я описал то, что видел на Невском. Меня сменил на трибуне Дан, уже справившийся со своими врачебными обязанностями. Тут же, по предложению Скобелева, Совет принял единогласно по-

становление о воспрещении на два дня каких бы то ни было уличных манифестаций. Это постановление не явилось выполнением какого-либо заранее выработанного в Исполнительном комитете плана — оно было внесено и принято внезапно, под влиянием наших внеочередных сообщений о кровавом происшествии на Невском проспекте.

На другой день, 22 апреля, в городе было спокойно. Само собой разумеется, этим прекращением уличных столкновений не был разрешен кризис, в основании которого лежало глубокое расхождение в отношении к войне революционной демократии и цензовых кругов.

* * *

В мои задачи не входит исчерпывающий анализ "апрельского кризиса". Я восстановил лишь как свидетель некоторые штрихи событий. И этим я ограничился бы, если бы вокруг этих событий, имевших огромное значение для дальнейшего хода революции, не накопилось множества недоразумений. Отмечу некоторые из них.

Прежде всего, для либеральных кругов остался неясен размер возбуждения, царившего в эти дни в рабочих и солдатских кругах, и это лишило их возможности оценить смысл совершившегося. В. Набоков пишет о противоправительственной демонстрации 20 апреля:

"В сущности говоря, вся эта демонстрация была совершеннейшим пуфом и вызвала очень внушительные контрреволюции"*.

Совершенно так же оценивает положение и П.Н. Милюков, который в своей "Истории" замечает по поводу постановления Совета о запрещении уличных манифестаций:

"Этим запрещением достигалась, кстати, и другая цель: прекратить демонстрации сочувствия Временному правительству, совершенно заглушившие 21 апреля враждебные манифестации"***.

Как я пытался показать на предыдущих страницах, в эти дни Исполнительный комитет бросил все свое влияние, все свои силы навстречу волне возмущения, бившей из рабочих кварталов и солдатских казарм. Ему удалось остановить поток — лишь отдельные валы перекатывались через воздвигнутую им плотину — и силу брызгов, летящих поверх плотины, Милюков и Набоков

* Набоков В. Временное правительство, с. 64.

** Милюков П.Н. История второй русской революции, т. 1, вып. 1. София: Российско-болгарское издательство, 1921, с. 98.

приняли за силу потока! Эта ошибка вернула им спокойствие, и они готовы были торжествовать победу, в то время как под надзором направленного против них и остановленного Исполнительным комитетом потока трещал авторитет Совета и колебалось его знамя, знамя "революционного оборончества". Не отдавая себе отчета в размерах апрельского движения, либеральные круги не могли понять и происхождение его. В "Истории" Милюкова этому вопросу посвящены такие строки:

"Кроме войск, в демонстрации (20 апреля) участвовали рабочие подростки, громко заявлявшие, что им за это заплачено 10—15 рублей. Позднее был арестован известный своими германскими связями литератор Колышко, в письмах которого в Стокгольм найдено выражение удовольствия по поводу того, что после долгих усилий удалось, наконец, свалить Милюкова и Гучкова¹⁰². Вернувшиеся в Россию из Берлина сестры милосердия Фелькерзам рассказывали, что задача устранения обоих министров прямо была поставлена в Германии. Все это показывает, что движение 20—21 апреля было инсценировано из тех же темных источников, как и другие ранее упоминавшиеся уличные движения"*.

Нет ничего невероятного в том, что какой-нибудь заводской парнишка на вопрос солидного буржуа на Невском: "Сколько тебе заплатили?" — высунул язык и ответил: "10 рублей!". Но трудно принять эту остроту петроградского "плашкета" в связи с каким-то письмом "литератора Колышко" и с рассказами "сестер Фелькерзам" за объяснение движения, которое со стихийной силой било из глубины и было предвестником другого, более грозного потока, на много лет определившего судьбу России.

Апрельское движение вспыхнуло стихийно, неожиданно для всех. У него не было руководящего центра, а в отдельных пунктах во главе его оказались случайные люди, не знавшие ничего друг о друге и действовавшие по различным, прямо противоположным мотивам. Характерна в этом отношении роль Ф. Линде¹⁰³, который стоял во главе Финляндского полка — первого полка, пришедшего к Мариинскому дворцу с требованием отставки Милюкова. Ф. Линде, ученый, математик по специальности, социал-демократ меньшевик по убеждениям, был членом Петроградского совета по выбору Финляндского полка, в котором он служил. Настроен он был ярко патриотически — и это свое настроение запечатлел позже смертью на фронте. Чело-

* Милюков П.Н. История второй русской революции, т. 1, вып. 1. София: Российско-болгарское издательство, 1921, с. 25.

век страстный, импульсивный и вместе с тем замкнутый, он был потрясен нотой Милюкова, взрывавшей всю политику Совета, и, не справляясь со взглядом тех организаций, членом которых он состоял, отдался потоку и повел свой полк туда, куда рвались солдаты.

С другой стороны, во главе рабочих Выборгского района стояли заводские депутаты *большевики*. Можно ли из последнего факта делать вывод, что демонстрация была большевистская? Напомню, что писал об апрельских днях Ленин:

"Правительство капиталистов, в сущности, только повторило 19 апреля свои прежние ноты, облакавшие империалистическую войну дипломатическими оговорками. Массы солдат пришли в возмущение, ибо они добросовестно верили искренности и миролюбию капиталистов. Демонстрации начались как солдатские демонстрации, *с противоречивым, несознательным, ни к чему не способным повести лозунгом "Долой Милюкова!"* (точно перемена лиц или группок могла изменить суть политики)"*.

С точки зрения большевизма иначе и нельзя было оценить устранение Временного правительства Милюкова: ведь это означало бы частичное улучшение кабинета кн. Львова, то есть его укрепление, то есть удар по политике, требовавшей перехода всей власти в руки Советов!

Но не выдерживал критики с большевистской точки зрения и лозунг "Долой Временное правительство", поскольку с этим лозунгом не связывалась кампания за переход власти к Советам, и в самих Советах большевики еще не пользовались достаточным влиянием.

В связи с этим внутри большевистской партии завязалась любопытная полемика.

Центральный комитет партии вынес 22 апреля резолюцию, в которой разъяснялось:

"...Лозунг "Долой Временное правительство" потому и не верен сейчас, что без прочного (то есть сознательного и организованного) большинства народа на стороне революционного пролетариата такой лозунг либо есть фраза, либо объективно сводится к попыткам авантюристического характера. Только тогда мы будем за переход власти в руки пролетариев, когда Советы р(абочих) и с(олдатских) д(епутатов) станут на сторону нашей политики и захотят взять эту власть в свои руки..."**.

* Статья "Уроки кризиса", без подписи (Правда, 1917, № 39, 25 апреля).— Курсив мой.

** Правда, 1917, № 39, 23 апреля.

В ответ на эту резолюцию большевистская фракция Совета поместила в "Правде" письмо, утверждавшее, что "подавляющее большинство рабочих, участвовавших в манифестациях 20 и 21 апреля и несших плакаты "Долой Временное правительство", понимали этот лозунг в том смысле, что вся власть должна перейти к Советам и что рабочие хотят взять власть, лишь завоевав большинство в Совете р(абочих) и с(олдатских д(епутатов))*".

Спорить о том, как понимался определенный лозунг отдельными участниками массовой демонстрации, дело бесплодное. Факт тот, что среди бесчисленных плакатов этого дня не было ни одного, намекающего на стремление изменить большинство в Советах рабочих и солдатских депутатов.

Как характерна эта путаница для стихийно родившегося движения, заставшего всех врасплох!

* * *

Каковы были последствия апрельского кризиса? У этого кризиса были две стороны: одну сторону его составляли нота Милюкова, переговоры представителей Исполнительного комитета с правительством, разъяснение правительства, резолюция Совета; другую сторону составляли манифестации солдат и рабочих — их начало и их прекращение. Эта вторая сторона описываемых событий была наиболее существенной. Но в первый момент никто не понял ее влияния на группировку революционных сил. 23 апреля я писал в "Известиях" по поводу принятого Советом решения о воспрещении уличных демонстраций:

"...По властному слову Совета р(абочих) и с(олдатских) д(епутатов), по приказу его, не подкрепленному никакими угрозами, улицы Петрограда приняли обычный вид. Жизнь города вошла в русло.

Ни одно правительство в мире не могло бы добиться такой решительной, такой быстрой победы над смутой, грозящей свободе. Ни одно правительство в мире не могло бы издать приказа о прекращении манифестаций без риска вызвать против себя возмущение свободных граждан. На такой шаг мог решиться только Совет р(абочих) и с(олдатских) д(епутатов), ибо Совет — это голос самого свободного народа, Совет — это революция. День 22 апреля был демонстрацией сил Совета. В этот день сказалась власть Совета над стихийными силами революции. В этот день Совет доказал свое право говорить властно и громко от лица

* Правда, 1917, № 39, 23 апреля.

народа. И что значат рядом с этой демонстрацией кучки противников Совета, заполнившие накануне тротуары Невского проспекта?"*.

Да, в апрельские дни Исполнительный комитет овладел стихийными силами революции, одержал победу над ними. Это была *победа*. Но горе революционерам, когда им приходится бороться со стихией народного возмущения и побеждать ее! И трижды горе революции, когда стихийные силы ее приходят в столкновение с требованиями разума! Победа разума в таком столкновении — почти всегда пиррова победа¹⁰⁴. Пиррову победу торжествовали и мы на другой день после апрельского кризиса. Апрельские дни углубили пропасть между революционно-оборонческим большинством Исполнительного комитета и правыми (цензовыми кругами). Результатом явилось последовавшие вскоре после того отставки Гучкова, Милюкова, Корнилова¹⁰⁵. С другой стороны, и взаимоотношения между советским большинством и советской оппозицией становились день ото дня все хуже и обостреннее.

Как одно из последствий кризиса можно отметить увеличение натянутости в отношениях между руководителями Петроградского Совета и Керенским. Представлялось необъяснимым, как мог Керенский "пропустить" ноту Милюкова, не предупредив своих товарищей по партии и Совету? Был ли он солидарен с Милюковым в его вызове революционной демократии? Или не понял, в чем дело? Или считал ниже своего достоинства обращаться в трудную минуту за помощью Совета? Во всяком случае, среди товарищей Керенского рождались сомнения в том, насколько соответствует его силам та роль, которую ему приходилось играть в развивающейся драме революции.

* Известия, 1917, № 48, 23 апреля.

Глава четвертая

ВОЙНА ИЛИ МИР?

Еще до апрельского кризиса против кабинета кн. Львова раздавались слева и справа упреки в нерешительности, бездеятельности, бессилии. Апрельские дни доказали, что правительства в России вообще не существует: внутри страны кабинет оказался настолько бессилён, что лишь вмешательство Совета спасло его от ареста, а заявления, обращенные им к внешнему миру, были с такой решительностью опровергнуты народными массами, что его торжественная "нота" превратилась в пустую бутаду¹⁰⁶.

Такое положение, очевидно, не могло быть терпимо. Страна нуждалась в твердой власти, без нее нельзя было ни положить предел распространению анархии, ни вести активную политику мира, ни продолжать войну. Проблема организации власти, которую три недели тому назад мы пытались разрешить формулой поддержки правительства "постольку-поскольку", теперь вновь встала перед нами. Ясно было, что бессилие и бездеятельность правительства, как и ошибки его, зависят не от личных свойств его членов, а от того, что оно построено на песке. Необходимо было подвести под государственную власть новый прочный фундамент. Задача эта особенно повелительно диктовалась положением фронта.

Я должен остановиться здесь несколько подробнее на последнем вопросе, так как в значительной мере сквозь призму его рассматривался у нас в описываемые дни вопрос о коалиции. Каково было в середине и во второй половине апреля состояние нашей армии? 27 апреля на торжественном заседании четырех Государственных дум¹⁰⁷ военный министр Гучков горько жаловался, что армия "переживает тот же недуг, как страна: двоевластие, многовластие, безвластие... Вся страна когда-то признала: отечество в опасности. Мы сделали еще шаг вперед: отечество на краю гибели". А два дня спустя Керенский перед депутатами фронта говорил о состоянии фронта сло-

вами отчаяния: "Неужели русское свободное государство есть государство взбунтовавшихся рабов? ... Я жалею, что не умер два месяца назад: я бы умер с великой мечтой, что мы умеем без хлыста и палки уважать друг друга и управлять своим государством не так, как управляли прежние деспоты".

Но если к этому времени процесс разложения армии зашел так далеко, что делал психологически возможными подобные слова, то начался этот процесс значительно раньше. Набоков в своих уже цитированных мною записках отмечает, что еще в середине апреля "на основании доклада ген. Алексеева¹⁰⁸ приходилось констатировать, что революция нанесла страшнейший удар нашей военной силе, что ее разложение идет колоссальными шагами, что командование бессильно"*.

Другие наблюдатели относят начало разложения армии к самым первым дням революции. Особенно ценным представляется мне в этом отношении показание Станкевича. Керенский перед своим вступлением во Временное правительство обратился к нему за советом, брать ли ему портфель в министерстве кн. Львова.

— Все равно, — ответил Станкевич, — возьмете или нет, — все пропало.

— Как все равно, — переспросил Керенский, — ведь все идет превосходно.

— Армия разлагается...

Уже в это время Станкевич оценивал положение такой формулой: "Через десять лет будет хорошо, а теперь, через неделю, немцы будут в Петрограде"***.

В это время я был далеко от Петрограда и потому не мог сопоставить с этим свидетельством свои личные наблюдения. Но я уже отмечал, что первые мои впечатления от встреч с частями петроградского гарнизона, впечатления, относящиеся ко второй половине марта, были не утешительные.

Впрочем, петроградские полки, как части тылового гарнизона, находились в иных условиях, чем действующая армия на фронте. Состояние фронтовых частей в описываемое время я могу воспроизвести лишь по рассказам приезжавших на фронт делегатов. Настроение делегатов было по большей части приподнятое, восторженное. В них энтузиазм революции проявлялся ярче, непосредственнее, чем в ком бы то ни было. Особенно сильные, горячие слова для выражения этого энтузиазма находили темные,

* Набоков В.Д. Временное правительство, с. 74.

** Станкевич. Воспоминания, с. 70.

политические малоразвитые окопники. И все же из их рассказов получалось отчетливое тяжелое впечатление: армия охвачена брожением, подавлена множеством новых вопросов, новых идей, новых лозунгов, не может в них разобраться, не знает, куда идти, к чему стремиться; старые скрепы ее распались, дисциплина разрушена, доверие к командному составу убито, *воевать солдаты не хотят.*

На этом последнем впечатлении я особенно настаиваю. Дело в том, что почти все фронтовики, приезжавшие в Петроград, были настроены патриотически, стояли на точке зрения необходимости обороны. В их устах заверения о революционной сознательности выбравших их воинских частей неизменно чередовались с обещаниями, что армия до конца исполнит свой долг. Порой эти обещания принимали и более торжественную форму, переходили в клятву освободить русскую землю от вражеских полчищ. Но это была парадная, казовая часть речей представителей фронта. За нею шли доклады о положении в окопах, и выяснялось, что выборным представителям солдат там, на фронте, приходится бороться с темнотой, несознательностью избравшей их массы.

"Освободим русскую землю!"

А рядом: "Устали очень... Четыре ведь года в окопах, а конца не видать... Спрашивают, скоро ли мир... По домам хотят..."

Этот контраст между настроениями делегатов и их информацией о настроении масс бросался в глаза. То же самое пришлось мне наблюдать среди частей петроградского гарнизона. В первую половину апреля настроение солдат на митингах было патриотическое, оборонческое. Затем наступил перелом, настолько резкий, что я тогда же отметил его дату: случилось это 14 апреля. Причина перелома: накануне, 13-го, солдатская секция Совета приняла решение об отправке на фронт маршевых рот!

В дальнейшем мне пришлось принимать участие в отправке маршевых рот почти из всех частей. Картина всюду была одна и та же. Масса солдат во всех частях одинаково не желала покидать Петроград и отправляться на позиции, менялись лишь формы выражения этого нежелания: мотивировка отказа идти в окопы бывала порой "оборонческая", порой "интернационалистическая". "Полк недостаточно обучен", "в ротах мало пулеметов", "старые солдаты должны оставаться в частях для обучения новобранцев" — это один вид аргументации. "Мы в Петрограде на страже революции", "в окопы надо послать помещиков, буржуев, бывших городовых и жандармов", "нам немецкие рабочие и крестьяне —

братья", "не хотим умирать за английскую буржуазию", "мы не за войну, а за мир", "почему тайных договоров правительство не публикует?" — это был другой ряд аргументов. А суть была одна и та же: в ожидании ли пулеметов или в ожидании публикации тайных договоров, ради защиты революции или ради обучения новобранцев, — но солдат отказывался идти воевать. По всему, что я видел и слышал, я думаю, состояние армии на фронте в конце апреля 1917 года в общем мало отличалось от состояния петроградского гарнизона.

* * *

С состоянием армии и с настроением солдатской массы был тесно связан один частный вопрос, вокруг которого в конце апреля в советских кругах разгорелась крайне острая борьба, — я имею в виду вопрос о братаниях на фронте. Несколько слов о происхождении этого явления. "Братания не были ни выдумкой Ленина, ни изобретением германского генерального штаба, ни специфическим "невиданным в истории порождением русской революции". "Братания", то есть мирные сношения стоящих друг против друга солдат двух вражеских армий, так же стары, как старая война. Следы таких сношений можно найти в истории любой войны: так, например, сошлюсь на оставленное Л. Толстым¹⁰⁹ описание "братаний" при Севастопольской обороне¹¹⁰. Не новость и идея заключения мира путем "братания" сражающихся друг против друга армий — достаточно вспомнить классический рассказ об окончании римско-сабинской войны¹¹¹.

Не только в настроениях революционеров-антимилитаристов, но и в мечтах умереннейших пацифистов "братания" всегда занимали почетное место. В самом деле, возможно ли более радикальное разрешение вопроса о войне, чем "братание" людей, предназначенных для взаимного убийства! Недаром в пророческих "Зорях" Верхарна¹¹², написанных задолго до начала всемирной войны, вопрос о войне разрешается совершающимися одновременно восстанием в осажденном городе и братанием восставших с осаждавшими город вражескими войсками.

Когда вспыхнула всемирная война, мысль интернационалистов — противников войны, естественно, вернулась к этому способу прекращения кровопролития. "Братания" заняли почетное место в ряду циммервальдских лозунгов. И именно как общеизвестный лозунг революционного интернационализма Ленин включил "братания" в 1-й пункт своих знаменитых "тезисов".

Но в русской обстановке начала апреля 1917 года этот лозунг

прозвучал настолько странно, что Плеханов отметил его как один из признаков бредового характера "тезисов" Ленина. В последовавшие за приездом Ленина дни никто, насколько я знаю, не придавал этому лозунгу серьезного значения. И вдруг "братания" начались в небывалых до революции размерах почти по всему фронту сразу. Это явилось одинаковой неожиданностью и для оборонцев, и для большевиков.

В номере от 18 апреля "Правда" поместила статью-корреспонденцию Лашевича¹³, озаглавленную "Братание на фронте". "На фронте Западного фронта в Минске, — говорилось в этой корреспонденции, — всех поразил факт братания русских с немцами по всему фронту... Наши солдаты практически предлагали немцам уходить к своей границе и торжественно обещали немцам не переходить через свою границу. Они ручались честным словом, что русские солдаты их преследовать больше не будут... Немцы в ответ указывали, что простым уходом с русской территории войны не кончить, так как немцы воюют не только с русскими... Они категорически заверяли, что наступать они не будут, и просили о том же и русских. А пока они обещали не стрелять. И случилось то, чего никто не предполагал, — фронт замер..."

Свое отношение к изображаемому в корреспонденции явлению газета выразила в статье "Новое на фронте". В этой статье газета отмечает "поразительную картину новых явлений на фронте" и, само собой разумеется, выражает свое удовлетворение по поводу этих явлений, но вместе с тем предупреждает: "Братание не должно превратиться в ловушку для революционных солдат той или другой стороны".

В этот момент большевики не связывали своей политики с начавшимися помимо них братаниями. С другой стороны, и оборонцы не сразу определили свое отношение к "братаниям". Так, один представитель Петроградского совета, отвезивший на фронт солдатам первомайские подарки солдатам, решил принять на себя устройство братания с целью революционирования германской армии. Это был рабочий-меньшевик, старый партийный работник, настроенный крайне патриотически и принадлежавший к правому крылу "революционного оборончества".

Исполнительный комитет Петроградского совета столкнулся впервые с вопросом о братаниях 14 или 15 апреля (за 3—4 дня до празднования 1 Мая). Обсуждался вопрос о лозунгах для майских манифестаций. Прения по этому вопросу были прерваны прибытием делегации от солдат-фронтовиков. Не помню, представителями каких организаций были неловко вошедшие в комнату Комитета и остановившиеся около дверей солдаты, но с первого

взгляда видно было, что это — подлинные солдаты-окопники и что недаром добивались они, чтобы Комитет принял и выслушал их. Путаясь и волнуясь, говорили они о том, что на фронте началось что-то непонятное, так что скоро фронта не будет. Хорошо ли это или плохо? На пользу революции или на погибель ее? Поддерживать "братания" или бороться с ними? Мы были поражены и не знали, что ответить. Задавали солдатам вопросы: "Когда это началось? С чьей стороны была инициатива? Много ли было "братальщиков"? О чем говорили?"

По-видимому, у явившихся к нам солдат было преувеличенное представление о размерах поразившего их воображение нового явления. В их передаче картина получалась потрясающая — война, которую мы ненавидели всеми силами души и потому, что она была войной, и потому, что она грозила задушить революцию, — проклятая война казалась близкой к концу... Но что если все это — мираж, обман, ловушка?.. И мы не могли тут же, на месте, ответить солдатам на мучивший их вопрос — хорошо ли это или плохо.

Когда депутация ушла и Исполнительный комитет вернулся к вопросу о первомайских лозунгах, кто-то предложил включить в число этих лозунгов призыв к "братаниям" и именно "братаниями" ознаменовать день пролетарского праздника на фронте. Не помню точно, кто был автором этого предложения. Во всяком случае, оно исходило не от большевиков, а от оборонческого крыла Комитета, и я, со своей стороны, поддержал его. Присоединились к нему и наши представители военной секции. В пользу нового лозунга было большинство Комитета, но против него выступил Церетели. Он не осуждал "братаний", не возражал против этого метода прекращения войны, но доказывал лишь, что мы недостаточно осведомлены относительно характера начавшихся "братаний". Вывод его был: "Необходимо подождать". Церетели поддержал Чхеидзе, боявшийся как огня поспешных решений и считавший ожидание при всех обстоятельствах наилучшей тактикой. Исполнительный комитет согласился с ними — и, таким образом, призыв к "братаниям" не попал в число советских первомайских лозунгов.

Насколько я помню, не было этого призыва и среди лозунгов, выставленных в этот день большевиками, на плакатах и знаменах которых мелькали надписи: "Помещики в окопы!", "Война до победы... над буржуазией!", "Опубликуйте тайные договоры". И только Ленин писал в первомайском номере "Правды":

"...Войну невозможно кончить ни простым втыканием штыков в землю, ни вообще односторонним отказом одной из воюющих

сторон. Практическое, немедленное средство для того, чтобы ускорить мир, есть и может быть только одно (кроме победы рабочей революции над капиталистами), а именно: братание солдат на фронте.

Немедленная, энергичнейшая всесторонняя, безусловная помощь с нашей стороны братанию солдат обеих воюющих групп на фронте!

Такое братание уже началось. Давайте помогать ему".

Да еще "Новая жизнь" с нескрываемым сочувствием перепечатала в своем первом номере, вышедшем 1 мая, немецкие призывы к братанию.

Но около этого времени (может быть, на 2—3 дня раньше) решительно выступило против "братаний" наше высшее военное командование. Я думаю, что генералы так быстро определили свое отношение к этому "новому" явлению не только потому, что они ближе, чем мы, стояли к жизни армии, но также и потому, что для них это явление было не совсем новым — с ним они сталкивались не раз и в ходе всемирной войны, и раньше.

У оборонцев-революционеров этого опыта не было. 21 апреля оборонческая (меньшевистская) "Рабочая газета"¹⁴ сообщала:

"20 апреля общее собрание делегатов с фронта постановило допустить братания на фронте с целью революционной пропаганды в неприятельских армиях, но относиться к ним настолько осторожно, чтобы не отразились на военной мощи армии.

Было указано на необходимость установить на фронте особые пункты, в которых происходили бы братания..."

Я не помню, при каких обстоятельствах было принято это постановление, и думаю, что в данном случае газета приняла за решение просто мнения, которые высказывались на частном совещании случайного состава. Во всяком случае, до конца апреля было немало сторонников подобного оборонческого использования "братаний". Сторонникам такой точки зрения позиция, занятая в этом вопросе высшим командованием, представлялась досадной ошибкой, и они не выступали открыто против нее лишь из боязни уронить в глазах солдат авторитет командного состава и внести этим развал в армию. Но "Правда" в ответ на приказ Брусилова¹⁵ не останавливаться перед применением артиллерийского огня для прекращения "братаний" разразилась гневной передовицей:

"В братании солдат и рабочих — единственная надежда кончить эту братоубийственную войну, кончить ее справедливым, демократическим миром. Правительства капиталистов, правительства Бетман-Гольвегов¹⁶ и Гучковых никогда не кончат войны, если

они не увидят, что рабочие и солдаты готовы сами стать правительством и взять судьбы страны в свои руки"*.

Этим намечался совершенно новый взгляд на "братания": речь шла уже не о том, чтобы перекинуть факел революции через линию окопов и распропагандировать вражескую армию, стоящую на русской земле и угрожающую русской революции; речь шла о том, чтобы у нас подготовить замену "правительства Гучковых" правительством "рабочих и солдат".

Но если не самые "братания", то призыв к ним можно было использовать еще и по-иному. И это превосходно учитывал Ленин, когда писал:

"Ясно, что братание есть путь к миру. Ясно, что этот путь идет не через капиталистические правительства, не в союзе с ними, а против них... Ясно, что этот путь начинает ломать проклятую дисциплину казармы-тюрьмы, дисциплину мертвого подчинения солдат "своим" офицерам и генералам, своим капиталистам... Ясно, что братание есть революционная инициатива масс, есть пробуждение совести, ума, смелости угнетенных классов, есть, другими словами, одно из звеньев в цепи шагов к социалистической пролетарской революции.

Да здравствует братание! Да здравствует начинающаяся всемирная социалистическая революция пролетариата..."

И далее, предупреждая возражения противников:

"Мы всегда советовали и советуем вести братания возможно более организованно, проверяя — умом, опытом, наблюдением самих солдат, — чтобы обмана тут не было, стараясь удалять с митингов офицеров и генералов большей частью злобно клеветующих против братания"***.

Само собой разумеется, ничего общего с "начинающейся всемирной социалистической революцией" братания не имели. Их характер к этому времени вполне определился. Армейские комитеты один за другим высказывались за нежелательность и недопустимость их. С другой стороны, они утратили тот стихийный характер, который был свойственен им вначале. Германское командование придало делу планомерный, строго организованный характер, создав команды "братальшиков", выработав инструкции, назначив ответственных руководителей из офицеров генерального штаба. Этим путем достигалось разложение нашей армии и парализовался Восточный фронт, то есть подготовлялось фактическое *сепаратное перемирие* на этом фронте, что являлось в то время венцом мечтаний военных руководителей Германии.

* Правда, 1917, 27 апреля.

** Правда, 1917, 28 апреля.

Характерно, что большевистские фронтовые организации кое-где уловили это изменение характера "братаний". Так, Исполнительный комитет 436-го Новоладожского полка, прогремевшего на всю Россию своими "братаниями", а также своей "Окопной правдой"¹¹⁷, опубликовал в петроградской "Правде" пространное разъяснение, в котором, между прочим, говорилось:

"Братание с немцами, бывшее около Пасхи в нашем полку (как и на других участках фронта), продолжалось всего два дня и было прекращено полковым комитетом по той причине, что немцы стали высылать "братания" преимущественно офицеров"^{*}.

Итак, по ту сторону фронта братания ни в малейшей степени не ломали "проклятой дисциплины казармы-тюрьмы". Ломка происходила лишь с одной стороны, разбивалась, дезорганизовывалась лишь та армия, которая должна была защищать российскую революцию. В такой обстановке лозунг "братаний" получал новый смысл, совершенно непохожий на тот, который придавали ему схемы Циммервальда. "Братания" вообще, теоретически, абстрактно, означали торжество человеческих чувств над военным озверением. Массовые революционные братания означали бы восстание солдат против войны и, следовательно, приближение мира. Но братания русских революционных солдат со скованными железной дисциплиной и проникнутыми презрением к побежденному противнику солдатами Вильгельма II и с его офицерами, инструктируемыми Людендорфом¹¹⁸, такие братания — а с конца апреля речь могла идти только о них — означали поражение революции, упрочение прусского милитаризма, сепаратное перемирие и фактический отказ русской демократии от политики всеобщего демократического мира.

Большевики не видели этого — или не желали это видеть, так как все их внимание было поглощено другой стороной вопроса: "братания" — точнее, *призывы* к "братаниям" — представлялись им мощным рычагом, при помощи которого они рассчитывали поднять солдатскую массу и бросить ее против офицеров и генералов, против "правительства Гучковых", против оборонцев. И они хорошо выбрали этот рычаг. "Мир" — это было что-то далекое, отвлеченное. Солдат-окопник чувствовал, что заключить мир — дело нелегкое. А "братание" — это было просто, близко, доступно. Вышел за проволоку — и "братайся". Не будет больше стрельбы, не будет больше опасности быть убитым или раненым. Начальство мешает братаниям? Значит, оно-то и затягивает войну.

* Правда, 1917, 28 июня.

Сила нового большевистского лозунга была в особенностях антивоенных настроений фронта. Лозунг, который не имел бы большого значения, если бы в основании этих настроений лежало сознательное стремление ко всеобщему миру, приобретал силу тарана, разрушающего армию там, где каждый солдат мечтал не об общем мире всего мира и даже не о мире для родной страны, а о мире для себя, о мире для того участка, на котором стояла его рота. А именно мечты о *таком* мире подсказывала солдату его усталость.

* * *

Отношение к братаниям оборонческого большинства Совета определилось, как я упоминал, не сразу. Немалое содействие прояснению нашей позиции в этом вопросе оказала явившаяся к нам делегация от армий Северного фронта (в составе Кучина, Виленкина и Ходорова). Делегаты жаловались на растущий в армии развал и требовали от нас ясных указаний фронтовым организациям. Говорили они с непривычной для нас резкостью, но чувствовалось, что единственный источник этой резкости — сознание делегатами всей тяжести лежащей на них ответственности.

После речей делегатов я взял слово и сказал, что чувствую всю горькую правду их упреков. Наше несчастье в том, что мы не знаем жизни фронта, недостаточно подготовлены к решению встающих перед нами бесконечно сложных задач, и потому порой нашим словам, обращенным к армии, не хватает определенности, конкретности. Но по существу нет расхождения между нами и товарищами, ведущими работу в рядах армии, нас объединяет одинаково острое сознание того, что гибель фронта была бы гибелью революции, гибелью России. Меня поддержали другие товарищи.

Было решено немедленно обратиться к фронту с воззванием, в котором дать ответы на вопросы, поставленные представителями Северного фронта. Составление воззвания было поручено мне, и проект, тут же на заседании набросанный мною, был принят без изменений. В воззвании говорилось о дисциплине, о необходимости для революционной армии быть готовой к наступлению и о пагубности "братаний".

Как раз в это время в Петрограде заседала всероссийская конференция большевистской партии¹¹⁹. Конференция была не очень многолюдная и не привлекала к себе большого внимания. Но ей суждено было сыграть крупную не только политическую, но и историческую роль: она покончила с колебаниями, характеризо-

вавшими политику большевиков в первый период революции, и вернула Ленину всю его прежнюю власть вождя и диктатора партии.

Из числа резолюций, принятых конференцией, выделялась резолюция по вопросу о войне, заканчивавшаяся словами:

"...В особенности же партия будет поддерживать начавшееся массовое братание солдат всех воюющих стран на фронте, стремясь превратить это стихийное проявление солидарности угнетенных в сознательное и возможно более организованное движение к переходу всей государственной власти во всех воюющих странах в руки революционного пролетариата."

Это было прямое объявление войны Исполнительному комитету. Ответить на вызов, естественно, должны были советские "Известия". На этой почве в редакции разыгрался бурный конфликт, и я хочу рассказать здесь об этом эпизоде, так как он представляется мне характерным для того, как ставился в это время — в конце апреля — в советских кругах вопрос о братаниях.

Редакция "Известий" была в то время весьма многочисленна, так что никто даже не знал толком ее состава. В нее входили: Стеклов, Бонч-Бруевич¹²⁰, Авилов, Гольденберг, Чернышев¹²¹, Гоц, я и, помнится, еще какие-то военные. Но Гоц у нас только "числился" и фактически не принимал участия в ведении газеты. Дан вплотную взялся за газету только в мае. Чернышев интересовался лишь специально экономическими темами. Более или менее постоянно работали в газете 5 человек, из которых трое (Стеклов, Бонч-Бруевич и Авилов) принадлежали к оппозиции Исполнительного комитета, а один (Гольденберг) занимал колеблющееся положение между оппозицией и большинством. Таким образом, защита "линии" Исполнительного комитета фактически лежала на мне одном. Моя задача осложнялась тем, что весь персонал редакции, подобранный Бонч-Бруевичем, относился отрицательно к комитетской политике. В результате этого нелепого положения и газета получалась нелепая. Не приходилось мечтать о том, чтобы поднять ее на должную литературную высоту. Все силы уходили на то, чтобы не допустить уклонения советского органа в сторону большевизма и время от времени проводить в нем статьи, развивающие и обосновывающие политику Совета.

Считая совершенно необходимым ответить в "Известиях" на большевистскую резолюцию о "братаниях", я тотчас же по появлении этой резолюции в "Правде" написал статью с ее разбором. Но собрать редакцию в этот день не удалось. Поэтому я показал статью Дану, Чернышеву, Гольденбергу, Гоцу и, заручившись таким образом поддержкой со стороны большинства редакцион-

ной коллегии, сдал рукопись в набор. Статья, носившая название "О братании в окопах" и выяснявшая ту "опасность для дела революции на фронте", которая кроется в принятой большевиками резолюции, вызвала в "Известиях" целую бурю. Когда я пришел ночью в типографию, чтобы выпускать номер, наборщики сообщили мне, что Бонч-Бруевич как заведующий типографией запретил им набирать мою статью. Я потребовал от него объяснений, Бонч-Бруевич в повышенном тоне заявил, что считает мою статью контрреволюционной, погромной и печатать ее в "Известиях" не допустит. Я объяснил ему, что опираюсь на решение Исполнительного комитета и мнение большинства редакции, и снова послал рукопись в набор. Но Бонч-Бруевич не сдавался и пригрозил, что, опираясь на "своих" людей в типографии, он силой воспрепятствует появлению моей статьи. Я ответил угрозой вызвать из Исполнительного комитета воинский наряд, который обеспечит мне возможность вести газету в духе решений Комитета. Бонч-Бруевичу пришлось покинуть типографию*.

Итак, к концу апреля разногласия по вопросу о братаниях достигли у нас такой остроты, что сторонники противоположных точек зрения в единой редакции "Известий" апеллировали к силе для проведения каждый своего взгляда!

* * *

Споря о том, допустимы или недопустимы, полезны или пагубны братания, мы не сразу заметили, что речь здесь идет о том, быть или не быть на нашем фронте фактическому сепаратному перемирию, и что это лишь пролог к вопросу, быть или не быть сепаратному миру между Россией и Германией. Попытаюсь восстановить ту обстановку, при которой приходилось в конце апреля представителям различных общественных групп определять свое отношение к миру.

Солдаты не хотели воевать. На фронте установилось затишье. Немецкое командование прилагало все усилия к тому, чтобы закрепить это положение путем переговоров о сепаратном перемирии и сепаратном мире. В странах Антанты позиция революционной России в вопросе о войне вызывала раздражение — не только в буржуазных, шовинистически настроенных кругах, но и среди демократии, среди рабочих, стоявших в большинстве за войну.

* Отмечу, что описанный конфликт имел одно хорошее последствие: он ускориł реформирование редакции. Члены ее, не разделявшие политики Исполнительного комитета, постепенно устарились от работы, а затем и официально заявили о своем выходе в отставку.

Об этом недвусмысленно напоминали нам представители социалистических партий Запада, привозившие в Таврический дворец "братский привет" и всякие комплименты великой российской революции и заканчивавшие свои приветственные речи призывами "сделать последнее усилие, чтобы сокрушить германский империализм"¹²².

С другой стороны, отношение германского империализма к российской революции оказалось иным, нежели мы ожидали: Вильгельм II не спешил на помощь своему низложенному с престола "брату", давление немецких армий на наш фронт ослабло, немецкие штыки не грозили непосредственно завоеваниям революции. Больше того: не могло быть сомнения, что наша революция была встречена в воюющих с нами странах с большим удовлетворением, чем в странах, связанных с Россией союзом. При таких условиях первоначальная простая и наивная формула "революционного оборончества" ("защита фронта есть защита революции") утратила свое ясное осязательное содержание. Уста ораторов еще повторяли слова этой формулы, зажигавшие миллионы сердец в первые дни революции, но теперь эти слова были холодны, бледны, безжизненны.

Теперь при решении вопроса о войне приходилось учитывать *международную* обстановку, думать о более или менее отдаленном будущем. Либеральные и правые круги требовали "войны до конца, в полном единении с союзниками". Это была платформа "патриотизма" буржуазных цензовых кругов. Каковы были психологические основы этого патриотизма? Несомненно, известную роль здесь играли не остывшие еще настроения первых лет войны. Наряду с этим чувствовалось сознательное стремление цензовых кругов раздуть националистические стремления в народных массах, чтобы воспользоваться ими как орудием против революционных партий. За "*патриотизм*" хватались как за антитезу *революции*. Война переставала быть средством и путем к победе. Война сама по себе начинала казаться благом, как противоположное революции начало*. Если в начале марта можно было говорить о реакции, мечтающей о том, чтобы заключить сепаратный мир с Германией и вражескими штыками подавить революцию, то те-

* По-видимому, не чужд был этого взгляда П.Н. Милюков. В.Д. Набоков в своих воспоминаниях рассказывает: "Я припоминаю, как в одну из моих поездок куда-то в автомобиле с Милюковым я ему высказал (это было еще в бытность его министром иностранных дел) свое убеждение, что одной из основных причин революции было утомление войной. Милюков с этим решительно не соглашался. По существу же он выразился в том смысле, что "благодаря войне все у нас еще кое-как держится, а без войны скорее бы все рассыпалось..." (Набоков В.Д. Временное правительство, с. 41).

перь враги революции открыто заключали союз с войной, чтобы руками ее задушить демократию.

К концу апреля то или иное отношение к войне стало основным признаком общественных группировок в России: *за войну до конца* означало *против революции*; *против войны* означало *за революцию*. Но это было лишь общее, теоретическое деление. Поперек него проходило другое, практическое деление — деление в рядах демократии по признаку того или иного понимания путей, которые могли бы вывести Россию из огненного круга войны. Логически для России представлялись возможными два выхода из войны: *всеобщий мир* и *сепаратный мир*. Этому соответствовали и две мирные политики, из которых одна требовала сохранения связей России с союзниками, а другая обрывала эту связь.

Ясно было, что эти две политики взаимно исключали друг друга. Идя навстречу германскому военному командованию и вступая с ним в переговоры о сепаратном мире, Россия лишалась возможности влиять на союзников в смысле пересмотра целей войны и создания платформы всеобщего демократического мира, обрывала свои международные связи, отталкивала от русской революции симпатии социалистов и демократии в союзных странах. Наоборот, готовя совместно с социалистами Запада общую платформу мира и ведя переговоры по этому вопросу с союзными правительствами, Россия отрезала себе путь для сепаратных переговоров с генералами и министрами Вильгельма о перемирии или мире.

Приходилось выбирать. Политика сепаратного мира сулила немедленный успех: прекращение военных действий, демобилизацию армии и, быть может, возвращение (всех или части) занятых неприятелем территорий. Но, конечно, позже, при любом исходе всемирной войны за эти непосредственные выгоды Россия заплатила бы дорогой ценой. В случае победы Центральных держав¹²³ Россия попала бы в тяжелую зависимость от Германии. В случае победы Антанты она разделила бы участь побежденных стран. В обоих случаях при заключении всеобщего мира открывалась возможность пересмотра сепаратного германо-русского договора — и при том в ущерб интересам России.

Наряду с этим существовали соображения морального порядка. Заключение сепаратного мира с Германией было бы со стороны России актом вероломства по отношению к союзникам. Так был бы принят выход России из войны не только правительствами и официальными кругами союзных стран, но и широкими массами населения, которые обвиняли бы за этот шаг русскую революцию, русскую демократию. Характерно, что ни одна партия и ни одна группа в России не решалась в то время высту-

пить с предложением сепаратного мира: даже большевики, которым предстояло в дальнейшем путем политики сепаратного мира прийти к власти, в то время, к которому относится мой рассказ, отрекались от такой политики.

В резолюции Всероссийской конференции большевистской партии, принятой 27 апреля, мы читаем: "...Конференция протестует еще и еще раз против низкой клеветы... будто мы сочувствуем сепаратному (отдельному) миру с Германией". В связи с этим протестом припоминается мне сцена, которая разыгралась в Совете рабочих и солдатских депутатов 2 мая, когда в полемике с Зиновьевым я заметил, что путь, предлагаемый ленинцами, ведет Россию к сепаратному миру. Мои слова вызвали взрыв негодования со стороны кучки делегатов-большевиков. В течение нескольких минут мне не давали говорить, прерывая меня криками: "Клевета! Клеветник!". И это негодование не было притворным: если не все большевики, то часть их действительно считала политику сепаратного мира недопустимой и постыдной! О правых и либеральных кругах нечего и говорить: в их глазах "сепаратный мир" был синонимом гибели России.

Задача сводилась к тому, чтобы вести такую политику мира, которая приводила бы к *всеобщему*, а не *сепаратному* миру. Но на этом пути мы с первых же шагов сталкивались со множеством трудностей. Нужно было привлечь на нашу точку зрения не только народные массы, но и правительства обеих воюющих коалиций. Начинать кампанию мира приходилось в атмосфере, отравленной кровью, насыщенной ненавистью, посреди тайных интриг и открытого недоверия, при отсутствии активной поддержки даже со стороны наиболее близких нам политических партий в странах Антанты. Предстояла продолжительная борьба. И если была хоть малейшая надежда довести ее до конца, то это при условии, чтобы во время ее Россия сохраняла свое положение в рядах антигерманской коалиции.

Итак, политика всеобщего мира приводила к необходимости для России продолжать участвовать во *всеобщей войне*. Участвовать в ней до каких пор? До тех пор, пока союзники примут нашу платформу мира без аннексий и контрибуций? Или до тех пор, пока мы не убедимся, что союзники этой платформы не принимают? В зависимости от того или иного ответа политика борьбы за всеобщий мир превращалась либо в нечто весьма близкое к миллюковской политике "войны до победного конца", либо в политику сепаратного мира. Приходилось искать третьего ответа, идти третьим, средним путем и при этом прилагать все усилия к тому, чтобы выиграть время.

Таким образом, мы приходили к обороне, к продолжению войны во имя того, чтобы избежать сепаратного мира и успеть столкнуться с союзниками. Получалась политика, имевшая две стороны — борьба за всеобщий демократический мир — в Европе, оборона — у себя дома. Эти две стороны нашей политики были тесно связаны одна с другой: оборона была необходимым условием того, чтобы можно было сделать хоть что-нибудь для приближения всеобщего мира; борьба за мир была предпосылкой того, чтобы армия согласилась на продолжение военных действий.

Но эта двойная политика таила в себе большую опасность: *военная* сторона ее грозила оттеснить на задний план ее мирную сторону; то, что являлось *средством*, грозило заслонить то, что было *целью*. В самом деле, борясь за всеобщий мир, мы должны были, главным образом, преодолевать сопротивления, выраставшие на нашем пути в союзных странах. При развитии этой борьбы союзники должны были стать в глазах наших солдат виновниками затягивания войны. На фронте должна была создаваться психология, несовместимая с интересами обороны. Являлась тенденция — в интересах предотвращения этих нежелательных настроений смягчать столкновения с союзниками. Интересы обороны, которую мы принимали как путь ко всеобщему миру, таким образом связывали нам руки при борьбе за этот мир.

Из этого противоречивого положения был только один выход. Одновременно с обороной со всем напряжением сил и энергии вести борьбу за всеобщий мир, не останавливаясь ни перед возможным столкновением этой политики с интересами обороны, ни перед тем, что, исчерпав все средства воздействия на союзников, Россия в определенный момент может оказаться перед перспективой сепаратного мира...

Этого выхода мы не видели, и потому оказались пленниками политики, которая *стремилась* к миру, но к намеченной цели *не вела* и практически в известных вопросах делала нас союзниками наших врагов, сторонников "войны до конца", поднимая тем самым против нас волну недовольствия в рядах тех классов, на которые мы опирались и интересы которых мы, по мере наших сил и разума, защищали.

* * *

В глазах противников политики советского большинства, усвоенная им в конце марта и получившая дальнейшее развитие в течение апреля, политика укрепления фронта была разрывом с политикой известного воззвания "Ко всем народам мира". Не буду

доказывать здесь, что наши тревоги за состояние армии проистекали не из желания угодить французской бирже, английским империалистам и отечественным капиталистам, а из нашего стремления ко всеобщему демократическому миру. Отмечу лишь, что как раз в конце апреля, когда наша военная политика приобрела наибольшую отчетливость, одним из центральных вопросов советской политики стал созыв международной социалистической конференции. Это не была новая идея. За годы войны мысль о необходимости для представителей социалистических партий Европы встретиться и сговориться о совместных действиях в пользу мира высказывалась не раз. Но практически дело не шло дальше совещаний представителей интернационалистически настроенных "меньшинств", тогда как пропасть между руководящими партиями становилась все глубже, все шире.

Только российская революция создала возможность практической постановки на очередь вопроса о встрече на международной конференции социалистических партий, входивших в правительства обеих воюющих коалиций. Инициатива созыва такой конференции, как известно, принадлежала партиям нейтральных стран — Голландии, Швеции и Норвегии, — вместе с которыми действовал и секретарь Бюро разрушенного войной Интернационала¹²⁴ Камиль Гюисманс¹²⁵. Но удельный вес голландско-скандинавского комитета¹²⁶, создавшегося для проведения в жизнь этой мысли, был недостаточен, чтобы преодолеть сопротивление социалистов Англии, Франции и Бельгии и побудить их встретиться с представителями германской социал-демократии.

Посещавшие Таврический дворец представители социалистических партий Запада — от Кашена¹²⁷ и Тома¹²⁸ до Вандервельда¹²⁹ и Гендерсона¹³⁰ — прямо говорили о своем нежелании переговаривать о чем бы то ни было с Шейдеманом¹³¹. Ясно было, что если они согласятся на такие переговоры, то лишь скрепя сердце, уступая требованию русских социалистов. Насколько я помню, это и явилось главным основанием для решения Исполнительного комитета взять в свои руки дело, начатое голландско-скандинавским комитетом.

В конференции должны были принять участие как "большинства", так и "меньшинства" всех стран, как воюющих, так и нейтральных, — все партии, готовые встать на платформу советского воззвания от 14 марта. Особым постановлением Исполнительный комитет призывал партии "большинства" оказать на свои правительства давление, чтобы обеспечить за представителями "меньшинства" возможность участия в конференции. 30 апреля

Петроградский совет принял воззвание к социалистам Западной Европы, в котором говорилось:

"Русская революция — это восстание не только против царизма, но и против ужасов мировой войны. Это первый крик возмущения одного из отрядов международной армии труда против преступлений международного империализма. Это не только революция национальная, это первый этап революции международной, которая вернет человечеству мир".

И далее мы призывали социалистов союзных и вражеских стран на помощь русской революции. В частности, обращаясь к германским социал-демократам, мы говорили:

"Вы не можете допустить, чтобы войска ваших правительств стали палачами русской свободы, чтобы, пользуясь радостным настроением свободы и братства, охватившим русскую армию, ваши правительства перебрасывали войска на западный фронт, чтобы сначала разрушить Францию, затем броситься на Россию и в конце концов задушить вас самих и весь международный пролетариат в объятиях империализма..."

В Совете воззвание было принято с большим подъемом — была вера, что слова его дойдут до тех, к кому мы их обращали. Была вера, что вопрос о войне получит свое разрешение на широком международно-социалистическом фронте и что политика укрепления армии даст нам возможность продержаться до этого момента. Но эта вера не шла дальше стен Совета. В широких рабочих и солдатских массах ни в это время, ни позже мне не пришлось наблюдать живого горячего интереса к международной социалистической конференции. Наоборот, можно было отметить скептическое отношение к ней, как к непонятной, хитрой затее. Причин для этого было много.

Идея социалистического Интернационала еще не была в должной мере усвоена массами. Они понимали обращение к *народам* всего мира, но механика переговоров с *партиями*, да при этом еще особо с "*большинствами*" и "*меньшинствами*", была для них слишком сложна. Затем, убивала всякий энтузиазм по отношению к предстоящей конференции деятельность антантовских министров-социалистов в России: речи Тома, Вандервельда, Гендерсона, доходившие до казарм и до заводов в упрощенном, нередко извращенном, виде, производили здесь крайне неблагоприятное впечатление. Наконец, на отношение масс к конференции оказала некоторое влияние и ожесточенная травля, поднятая против конференции большевиками. Предстоявшие переговоры с социалистами Запада большевистская печать изображала в виде совещания прислужников русского империализма с аку-

лами французско-английской и американской биржи. Чего доброго могла ждать русская революция от такого совещания?

Забегая несколько вперед, я должен отметить, что и в советских кругах интерес к международной социалистической конференции быстро потускнел. В этом сказалась отмеченная мною выше слабая сторона нашей двойной политики укрепления фронта и борьбы за мир. Расходуя все силы, весь оставшийся у нас пафос на оборону, на осуществление военной части нашей программы, мы упускали из виду другую, *главную* часть этой программы и делали слишком мало для вовлечения широких народных масс в борьбу за мир. Создавалось представление, что наше дело — удержать солдат на позициях, а условия всеобщего демократического мира явятся сами собой.

30 апреля было решено послать в Стокгольм для переговоров относительно созыва конференции Скобелева. Но не успел он доехать до места назначения, как его телеграммой вернули обратно, так как явилась мысль ввести его в состав коалиционного правительства. После этого в подготовке конференции наступила заминка. О ней говорили мало, без веры в успех. В Стокгольм послали с информационными целями Вайнберга¹³², который для этой задачи совершенно не годился, послали его просто потому, что он первый подвернулся под руку. Бесконечно долго, вяло тянулись работы специальной комиссии, подготовлявшей связанные с созывом конференции вопросы... Огня в кампании не было. Только в июне была сделана попытка оживить интерес демократии к вопросу о международной социалистической конференции, но без успеха. Впрочем, об этом ниже.

Вернусь к рассказу о событиях, непосредственно следовавших за манифестациями 21—22 апреля.

ПРИ ПЕРВОМ КОАЛИЦИОННОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ

Я отмечал уже, что вопрос об армии, об обороне сыграл решающую роль при ликвидации правительственного кризиса, наступившего после апрельских дней. Правительство не могло остаться у власти уже в силу ненависти, которую оно вызвало к себе в солдатской массе. Не только интересы внутреннего мира и порядка в стране, но и интересы обороны требовали немедленного обновления кабинета — устранения из него наиболее одиозных имен и введения в его состав представителей советских партий.

Я не буду подробно описывать ход переговоров, которые привели к образованию нового кабинета. Напомню лишь главные вехи событий. 26 апреля появилось воззвание Временного правительства, подводившее итоги его двухмесячной деятельности и заканчивавшееся обещанием "с особенной настойчивостью возобновить усилия, направленные к расширению состава (правительства)¹³³ путем привлечения к ответственной государственной работе представителей тех активных творческих сил, которые доселе не принимали прямого и непосредственного участия в управлении государством". Это было публичное предложение советским партиям делегировать в правительство своих представителей. Чуть ли не в тот же день кн. Львов письмом к Н.С. Чхеидзе официально поставил перед Исполнительным комитетом вопрос о коалиции. Казалось бы, в этом не было ничего неожиданного: коалиция с буржуазными партиями была предreshена той политикой, которую Совет с самого начала занял по отношению к кабинету кн. Львова—Милюкова—Гучкова.

Мне лично позиция моей партии в данном вопросе казалась довольно шаткой: ведь в глазах народных масс мы все равно несли ответственность за каждый шаг правительства. И сложить с себя эту ответственность, по соотношению реальных сил в стране, мы не могли. Участвуя в правительстве, мы, по крайней мере, знали бы, за что отвечаем. Но среди руководителей Исполнительного комитета мысль о вступлении в правительство не встречала сочувствия. Решительнее всех восставал против нее Церете-

ли, считавший, что этот шаг свяжет нас как во внешней, так и во внутренней политике и оттолкнет от нас народные массы. На такой же точке зрения стоял Чхеидзе.

29 апреля Исполнительный комитет обсуждал ответ на письмо кн. Львова. Прения были беспорядочные. Привычные группировки внутри Комитета перепутались. Против коалиции возражали, с одной стороны, Церетели, с другой стороны — большевики и интернационалисты. Церетели оспаривал целесообразность коалиции с точки зрения интересов обороны и политики мира. Большевики громили коалицию как перенесение на русскую почву "шейдемановщины". И все же при голосовании голоса разбились: 23 против коалиции, 22 — за при 8 воздержавшихся. Это было почти победой сторонников коалиции: их противники получили, правда, одним голосом больше, но это "большинство" состояло из чересчур разнородных элементов и, очевидно, должно было распасться при первом внешнем толчке. Таким толчком явилось известие о выходе в отставку Гучкова.

1 мая вопрос о вступлении в правительство вновь обсуждался в Исполнительном комитете. В начале заседания Церетели заявил, что при сложившейся обстановке он не может дольше возражать против вступления представителей Совета в правительство. Проголосовали вопрос о коалиции: за — 41, против — 18 при 3 воздержавшихся. На этот раз против коалиции голосовала лишь левая оппозиция Комитета. Приступили к выработке условий соглашения с буржуазными партиями. Вопрос о числе и распределении портфелей представлялся второстепенным по сравнению с вопросом о платформе. Всю ночь продолжалось заседание Исполнительного комитета, всю ночь кипел бой между сторонниками и противниками коалиции.

Переговоры представителей Исполнительного комитета с Временным правительством продолжались три дня. В правительство из советских людей вошли Церетели, Скобелев и Чернов. Кроме них два портфеля получили социалисты, стоявшие в стороне от Советов — Пешехонов¹³⁴ и Переверзев¹³⁵. Одновременно Керенский с поста министра юстиции перешел на пост военного и морского министра. Портфель министра внутренних дел был сохранен за председателем правительства кн. Львовым. Милюков в обновленный кабинет не вошел, и его портфель был передан Терещенко. В общем, в новом правительстве социалисты получили 6 мест, а цензовики — 9¹³⁶. Но платформа, принятая обновленным кабинетом, почти полностью воспроизводила программу, составленную нами в ночь с 1-го на 2 мая.

5 мая новые министры-социалисты выступили перед торжественным собранием Петроградского совета. Их ждала восторженная встреча. Совет подавляющим большинством голосов принял резолюцию, в которой выражалось "полное доверие" новому правительству, демок-

ратия призывалась оказать ему "деятельную поддержку, обеспечивающую ему всю полноту власти" и устанавливался принцип ответственности министров-социалистов перед Петроградским советом впредь до создания всероссийского органа Советов.

Вступление социалистов в правительство огромным большинством депутатов было встречено не как компромисс, не как уступка социалистов буржуазии, а как победа демократии, как шаг революции вперед. То же настроение преобладало в эти дни в рабочих кварталах и казармах. В этом я лично мог убедиться, выступая на полковых митингах, устроенных с целью ознакомления солдатской массы с новым положением и с практическим значением перехода от формулы "поддержки постольку-поскольку" к новой формуле "полного доверия и деятельной поддержки".

Солдатская масса встречала вступление социалистов в правительство с подлинным энтузиазмом; особенно радовало ее то, что министром земледелия будет Чернов и что военное министерство из рук ненавистного Гучкова переходит в руки "товарища Керенского". В дни, когда Керенский переменял свой выигрышный, эффектный пост "министра юстиции революции" на бесконечно тяжелое положение военного министра при непопулярной и безнадежно проигранной войне, он был подлинным кумиром солдатской толпы. Полковые комитеты и митинги один за другим выносили резолюции, обещавшие ему беспрекословное повиновение. На заводах такого энтузиазма не замечалось. Но и здесь у нового правительства было больше друзей, чем противников.

* * *

Декларация, опубликованная правительством 6 мая, вызывала всеобщее одобрение. Приведу здесь текст этого документа в части, излагающей правительственную программу:

"1. Во внешней политике Временное правительство, отвергая в согласии со всем народом всякую мысль о сепаратном мире, открыто ставит своей целью скорейшее достижение всеобщего мира, не имеющего своей задачей ни господства над другими народами, ни отнятия у них национального их достоинства, ни насильственного захвата чужих территорий — мира без аннексий и контрибуций, на началах самоопределения народов. В твердой уверенности, что с падением в России царского режима и утверждением демократических начал во внутренней и внешней политике для союзных демократий создан новый фактор стремлений к прочному миру и братству народов, Временное правительство предпримет подготовительные шаги к соглашению с союзниками на основе декларации Временного правительства 27 марта.

2. В убеждении, что поражение России и ее союзников не только явилось бы источником величайших бедствий для народа, но и отодвинуло бы или сделало невозможным заключение всеобщего мира на указанной выше основе, Временное правительство твердо верит, что революционная армия России не допустит, чтобы германские войска разгромили наших союзников на западе и обрушились всей силой своего оружия на нас. Укрепление начал демократизации армии, организация и укрепление боевой силы ее, как в оборонительных, так и в наступательных действиях ее, будут являться важнейшей задачей Временного правительства.

3. Временное правительство будет неуклонно и решительно бороться с хозяйственной разрухой страны дальнейшим проведением государственного и общественного контроля над производством, транспортом, обменом и распределением продуктов, а в необходимых случаях прибегнет и к организации производства.

4. Мероприятия по всесторонней защите труда получают дальнейшее энергичное развитие.

5. Предоставляя Учредительному собранию решить вопрос о переходе земли в руки трудящихся и выполняя для этого подготовительные работы, Временное правительство примет все необходимые меры, чтобы обеспечить наибольшее производство хлеба для нуждающейся в нем страны и чтобы регулировать землепользование в интересах народного хозяйства и трудящихся населения.

6. Стремясь к последовательному переустройству финансовой системы на демократических началах, Временное правительство обратит особое внимание на усиление прямого обложения имущих классов (наследственный налог, обложение военной сверхприбыли, поимущественный налог и т.д.).

7. Работы по ведению и укреплению демократических органов самоуправления будут продолжены со всей возможной настойчивостью и спешностью.

8. Временное правительство приложит все усилия к скорейшему созыву Учредительного собрания в Петрограде".*

Это была *наша* программа, выработанная в Исполнительном комитете, с небольшими и неуловимыми для массового читателя поправками, внесенными во время переговоров с цензовиками. Прием, оказанный этой программе и вообще новому правительству в Петрограде и в провинции, в городах и в деревне, в тылу и на фронте, заставил поколебаться даже противников коалиции из интернационалистского лагеря. Это проявилось на всероссийской конференции РСДРП, открывшейся 9 мая¹³⁷. Здесь, на

* Суханов Н. Записки о революции, кн. 4, с. 9.

первом же собрании, большинством в 44 голоса против 11 (при 13 воздержавшихся) была принята резолюция, одобрявшая вступление социал-демократов в правительство и обещающая новому кабинету доверие и поддержку.

* * *

Правительство приступило к работе при наилучших предзнаменованиях. Но меньше, чем через неделю, все изменилось: в рабочих кварталах Петрограда и в казармах поднялась волна недоверия, раздражения против коалиции, и день ото дня, час от часу эта волна поднималась все выше, все грознее. Не апрельские дни и не июньское наступление¹³⁸, а именно *середина* и *вторая половина мая* принесли нам в Петрограде наиболее тяжелые поражения. На этом переломе в низах должен с пристальным вниманием остановиться историк.

Стремительный поворот настроения в народных низах объяснялся, думается мне, тем, что массы ждали от коалиции *чуда*. Из первого пункта правительственной декларации массы уловили лишь одно слово — *мир*; из второго пункта, посвященного вопросу об армии, до их сознания дошло лишь слово *демократизация*; дальше шли широкие формулы — "государственный контроль", "всесторонняя защита труда", "переустройство финансовой системы на демократических началах"... Но прошло пять дней, прошла неделя, и все оставалось по-старому. Правда, газеты сообщили о каких-то шагах министерства иностранных дел, о разработке законопроектов в каких-то комиссиях... Но не этого ждали массы. Где мир? Где хлеб? Где чудо? Вместо ожидаемого мира — слухи о готовящемся наступлении на фронте. Вместо хлеба — дальнейший рост разрухи, дороговизны, безработицы. Вместо земли — какая-то статистика. Чудо не пришло! И независимо от будущих ошибок и грехов коалиции в *этом* был ее *первородный*, ее основной грех. Утопический максимализм низов — против реально достижимого путями демократии, — вот формула расхождения, наметившегося в мае между рабоче-солдатским Петроградом и руководителями советского большинства. И это расхождение сразу учли большевики. В начале апреля они представляли собой крошечное меньшинство, гонимую кучку, и мы должны были защищать их от клеветы врагов и от ярости толпы. В конце апреля они уже оспаривали у нас политическое господство на заводах и в казармах. В мае они начинают штурмовать Петроградский совет, пытаясь выбить из него укрепившееся там течение, — и каждый день приносит им новые успехи. Ибо теперь они уже не ищут новых путей, не предлагают революции своих схем, а плывут со стихией, возглавляя и выражая ее. 11 мая Ленин пишет в "Правде":

"Коалиционное министерство ничего не изменило. Тайные

договоры царя остаются святыней для него. И вы хотите, господа, чтобы это не "будило страсти"? За кого же принимаете вы сознательных рабочих и солдат? Или вы и впрямь считаете их "взбунтовавшимися рабами?".

"Коалиционное министерство ничего не изменило", хотя оно у власти уже 4 дня, уже 5 дней, уже целую неделю! В этой демагогии была основа большевистской агитации и ее сила. Заводские митинги один за другим выносили резолюции с выражением недоверия коалиционному кабинету. На многих заводах большевики предлагали потребовать, чтобы такой-то "товарищ министр" явился на митинг для доклада и объяснений. Такие предложения встречали горячее сочувствие со стороны рабочих — хотя бы потому, что каждому любопытно было увидеть и послушать министра. Когда меньшевики и эсеры, сторонники коалиции, доказывали, что министрам некогда ездить по заводам, в ответ раздавалось: "С рабочими им говорить некогда, а с буржуями небось целый день разговаривают!". А когда в назначенный день никто из министров-социалистов на завод не являлся, это давало большевикам повод вынести новую резолюцию — с выражением порицания, требованием отставки и т.д.

На одном из утренних совещаний "звездной палаты" я поднял вопрос о необходимости принять меры против растущего недоверия рабочей массы к правительству. Решили провести однодневную митинговую кампанию на крупнейших заводах с участием министров-социалистов и советских работников. Митинги были назначены на 17 мая. На мою долю выпало выступить вместе с Пешехоновым на Трубочном заводе, где как раз накануне большевики провели резкую резолюцию против правительства и избili противников этой резолюции. Встретили нас холодно. Пешехонов произнес деловую речь, обходя все "опасные" вопросы (о войне, о власти Советов, о тайных договорах и т.д.). Его слушали сдержанно. Когда он кончил, немного похлопали. Такие результаты не удовлетворяли меня, и я сделал попытку переломить настроение толпы, ребром поставив перед ней наиболее волнующие ее вопросы. Но лишь только я заговорил о том, что Россия не может сразу выйти из огненного круга войны, поднялись крики "Долой!", мне пришлось прервать речь. Неожиданно попросил слова "для разъяснения" незнакомый мне молодой человек — это был левый интернационалист Чудновский¹³⁹, позже перешедший к большевикам и погибший на фронте гражданской войны. Его на заводе знали, и при его появлении на трибуне все стихло. Чудновский начал говорить о том, что я только что вернулся из Сибири, что отбыл каторгу и десять раз сидел в тюрьме за рабочее дело. Прием, оказанный толпой моей речи, он характеризовал как хулиганство. После этого я мог продолжать, и рабочие даже устроили мне овации. Но в

смысле политическом эти овации ничего не стоили — они относились к моему прошлому, а не к той политике, которую я защищал, — завод был прочно в руках наших противников.

После этой неудачи я принялся с большой энергией за посещение рабочих митингов. Не всюду дело обстояло так плохо, как на Трубочном заводе. Кое-где настроение в пользу коалиции и всей политики Петроградского совета было еще достаточно сильно; кое-где имена Керенского, Церетели, Чернова еще пользовались популярностью. Но общее положение было тяжелое — в рабочих кварталах почва уходила у нас из-под ног. То же самое наблюдалось и в казармах.

* * *

Отдавали ли себе руководители Совета отчет в серьезности положения? Почему не учли они своевременно царившее в Петрограде настроение?.. Но что значит для политического деятеля *учесть* настроения толпы? Значит ли это *подчиниться* данным настроениям и держать курс по течению слепой стихии?

Стихийность определенного настроения — не гарантия *спасительности* его для народа и не клеймо *пагубности*. Порою о кликах толпы мы говорим "Глас народа — глас Божий", но бывают условия, когда мы *обязаны* противопоставить этим кликам все силы нашего разума и нашей воли. Бывают условия, когда стихийные силы, разнудываемые революцией, увлекают ее в сторону утопий, эксцессов, гибели, и тогда долг революционера — встать на пути стихийных сил, и вероятная его участь — быть раздавленным этими силами. И таковыми представлялись условия в середине мая 1917 г.

Что могло быть "стихийнее" волны экономических забастовок, которая началась в это время по всей России? Стремление рабочих добиться улучшения своего положения было трижды законно:

1) После падения самодержавия, неизменно стоявшего на страже интересов имущих классов, пролетариат не мог не заявить о своем праве на лучшее существование.

2) Рост дороговизны делал неизбежным пересмотр ставок заработной платы, а добиться такого пересмотра рабочие могли лишь упорной борьбой.

3) Прямым вызовом рабочим являлись скандальные прибыли военных лет.

Итак, все наши симпатии а priori¹⁴⁰ были на стороне забастовщиков. Но мы не могли не сознавать, что *не все* выдвигаемые забастовщиками требования осуществимы, не могли не видеть, что иные из них ведут к увеличению хозяйственной разрухи. И мы выступали против стихийного потока забастовок, апеллировали к сознательности рабочих, зывали к "самоограничению" масс.

Но призыв к "самоограничению" принадлежит к числу тех призывов, которые всего труднее находят доступ к разуму и сердцу людей. Против этого призыва скорее всего просыпаются подозрения. А вся обстановка русской жизни должна была возбуждать в рабочих массах особенно острое недоверие к тем, кто выступал против их экономических требований.

П. Милюков в своей "Истории" приводит справку из заявления, поданного в правительство промышленниками и характеризовавшего положение в Донецком бассейне: 18 металлургических предприятий в этом районе, владея основным капиталом в 195 миллионов рублей, получили за последний год 75 миллионов валовой прибыли и выдали дивиденд в 18 миллионов; между тем рабочие требовали увеличения заработной платы на 240 миллионов в год; промышленники в ответ предлагали им прибавку, выражающуюся в сумме 64 миллионов, но рабочие не хотели и слышать об этом*. Если эти данные соответствовали действительности, то призыв к самоограничению был в этом случае необходимым.

Но рядом вот другой факт, о котором напоминает Суханов: пароходная фирма, имевшая за год прибыль в 2 1/2 миллиона рублей, объявляет локаут рабочим и служащим, предъявившим требование прибавок в общей сумме на 36 тысяч**.

С подобными примерами рабочие встречались на каждом шагу, и в этих случаях проповедь "самоограничения" должна была производить на них впечатление возмутительного лицемерия.

Между коалиционной организацией власти и лозунгом "самоограничения" не было прямой связи, к этому лозунгу мы пришли бы и при чисто буржуазном, и при чисто социалистическом правительстве. Но в обстановке, сложившейся к середине мая, каждое выступление против чрезмерных требований рабочих так же, как каждый обращенный к солдатам призыв о поддержании дисциплины, об укреплении фронта, каждое слово, шедшее против максималистски-бунтарских настроений, развивавшихся в массах, принимало характер защиты "коалиции".

Авторитет Совета был все еще настолько велик, что, может быть, нам удалось бы в конце концов преодолеть в рабочей среде настроения социального утопизма, максимализма, бунтарства, если бы... если бы в политике коалиции была революционная энергия, если бы в ней чувствовалась твердая воля, несмотря на все препятствия осуществить возведенные в декларации 6 мая обещания. Но этого не было. Наталкиваясь в области внешней политики на глухую стену в виде сопротив-

* Милюков П. Указ. соч., с. 189.

** Суханов Н. Записки о революции, кн. 4, с. 145.

ления союзников, в вопросах внутренней политики правительство встречалось с упорным противодействием цензовых элементов, считавших всякую уступку требованиям демократии — "расточением государственных ценностей". Оппозиция была не только внешняя, но и внутренняя — в частности, в ней видели весь смысл своего участия в правительстве представители партии народной свободы. Они открыто сказали об этом в своем заявлении, опубликованном одновременно с правительственной декларацией, "всецело одобрявшем внешнюю политику Милюкова" и требовавшем от правительства, чтобы ни в социальных, ни в национальных, ни в конституционных вопросах оно "не предвосхищало" Учредительного собрания! Это была их платформа коалиции.

Но и эта коалиция с демократией была принята не всеми цензовыми кругами и даже не всей конституционно-демократической партией: в партии оставалась весьма влиятельная оппозиция, которая была вообще против всякого соглашения с социалистами и предпочитала политику "твердой власти" без Советов и против Советов. На такой точке зрения стоял, между прочим, П.Н. Милюков, который, по собственному его рассказу, перед самым образованием коалиционного кабинета указывал кн. Львову альтернативу: или последовательно проводить программу твердой власти и, в таком случае, отказаться от идеи коалиционного правительства, пожертвовать А.Ф. Керенским... и быть готовым на активное противодействие захватам власти со стороны Совета — или же пойти на коалицию, подчиниться ее программе и рисковать дальнейшим ослаблением власти и дальнейшим распадом государства*.

Люди и группы, разделявшие такую точку зрения, должны были не только тормозить деятельность правительства, но и приветствовать каждый признак охлаждения между ним и народными массами.

Отсутствие искреннего соглашения между представленными в коалиционном кабинете группами накладывало на решения правительства отпечаток половинчатости, нерешительности, робости. Требования демократии если и осуществлялись, то с опозданием, с урезками, с оговорками — так что у масс каждый раз являлось подозрение, нет ли здесь подвоха, обмана. И в отдельных случаях эти подозрения не были лишены основания**.

* Милюков П. Указ. соч., с. 108.

** Набоков так характеризует министра иностранных дел при коалиции Терещенко: "В своей деятельности как министр и[ностранных] д[ел] он задался целью следовать политике Милюкова, но так, чтобы С[овет] р[абочих] д[епу-татов] ему не мешал. Он хотел всех надуть — одно время это ему удавалось" (Набоков В. Д. Временное правительство, с. 46).

Больше твердости, больше смелости в давлении на цензовые элементы коалиции, с одной стороны, и в сношениях с союзниками, с другой стороны, — в этом, казалось бы, было спасение. Но для твердой, смелой, энергичной политики нам нужно было иметь вокруг себя и за собой сплоченные народные массы, а их уже не было, была лишь недовольная, глухо ропшущая толпа.

А затем — и это главное — "энергичная" внешняя политика приводила к разрыву с союзниками и упиралась в сепаратный мир; "энергичная" внутренняя политика взрывала коалицию и прямым путем вела к диктатуре Советов. Мы хотели избежать того и другого, но не видели путей к решению этой двойной задачи, — и отсюда то убийственное топтание на месте, которым характеризовалась описываемая фаза революции.

Я думаю, что среди руководителей Исполнительного комитета не было в это время ни одного человека, который не чувствовал бы, что дела принимают в высшей степени опасный оборот. Настроенные в Комитете были нервное, подавленное, тяжелое. Но в одном отношении мы оставались неисправимыми оптимистами: мы верили в *мудрость* народных масс, верили, что рабочие и солдаты в конце концов поймут, что есть в революции предел осуществимого. Эту ошибку мы делили с руководителями крестьянского ЦИК: и они надеялись путем уговоров овладеть крестьянской стихией, удержать крестьян от самочинных захватов земель и эксцессов.

* * *

В это время в Исполнительном комитете окончательно определилась группировка политических течений: демаркационная линия между большинством и оппозицией стала отчетливее, резче и передвинулась вправо. Оборонческому большинству, по-прежнему возглавляемому Церетели, теперь противостояли большевики и меньшевики-интернационалисты¹⁴¹.

Я не хочу сказать, что "интернационалисты" лишь в мае появились на советском горизонте — нет, они работали в Таврическом дворце с первых дней революции, еще до прибытия в Петроград нашей "сибирской группы". Но в марте и апреле они выступали против оборонческого большинства просто как люди с особо радикальными устремлениями; а теперь они сплотились в особую группу, теперь у них были свои опорные пункты в заводских районах, свой печатный орган, свои признанные руководители.

Выступления "интернационалистов" — против коалиции, против Временного правительства, против подготовки наступления на фронте, против займа свободы — были водой на мельницу большевизма.

Но если они были свободны от характерной для партии Ленина демагогии, они вносили в умы солдат и рабочих другой яд — путаницу, которая была опаснее всякой демагогии.

На майской всероссийской конференции меньшевиков победило "правое" течение. Это течение утвердилось и в руководящем центре партии ("Организационном комитете"). Но в петроградской организации уже в середине мая господствующее влияние получило противоположное направление. Таким образом, группа меньшевиков-оборонцев, руководившая Петроградским советом, оказалась лишена опоры собственной партии в *рабочих районах столицы*. Это отсутствие поддержки со стороны местной партийной организации лишь в малой степени компенсировалось голосованиями Организационного комитета, который сам висел в воздухе, и усилиями "Рабочей газеты", которая, увы, не имела ни влияния, ни читателей. Слабость этой газеты особенно подчеркивалась сравнением с "Новой жизнью", бывшей неофициальным органом "интернационалистов".

Выше я говорил о своей первой встрече с руководителями "Новой жизни". Расскажу здесь о своих дальнейших сношениях с этой группой.

Платформа газеты выяснилась не сразу. Выработке ее был посвящен ряд совещаний, происходивших в конце марта и в начале апреля на квартире Горького. Не помню, кто составил первоначальный проект платформы. Во всяком случае, большая часть его не вызвала споров. Лишь вокруг вопроса об отношении к проблемам внешней политики и к войне разгорелась борьба. Я отстаивал положения "революционного оборончества" и предлагал с самого начала заявить, что газета разделяет в вопросах войны и обороны позицию Исполнительного комитета (или Всероссийского совещания) и будет поддерживать их политику. На этой точке зрения стоял и Горький, ему нравилась идея связать газету с политикой советского большинства. Поддержали мое предложение также Базаров и Гольденберг; против нас с большой энергией выступил Суханов, на стороне которого оказались Авилов и Тихонов¹⁴².

Все же большинство членов редакции склонялось в пользу того, чтобы в платформу газеты была внесена формула "революционного оборончества". Вопрос был окончательно решен в этом смысле по приезде из Москвы Ст. Вольского¹⁴³. Таким образом, была выработана *оборонческая* платформа "Новой жизни". Но "победа" оборонцев в редакции оказалась призрачной. Когда 18 апреля вышел № 1 "Новой жизни", выработанной после стольких споров платформы там не оказалась. Не вошла в него и моя статья о рабочей политике в революции. В этой статье я исходил

из того положения, что рабочие не только имеют право, но *должны* добиваться в ходе революции улучшения своего положения. Но помимо экономических интересов у рабочего класса имеются и политические интересы, и главный из них — укрепление революции. Этим определяется граница экономических требований рабочих: недопустимо предъявление требований неосуществимых, грозящих усилением хозяйственной разрухи, т.е. ослаблением революции и, в конечном счете, ослаблением пролетариата.

Моя точка зрения показалась руководителям газеты чересчур умеренной ("кадетской", по характеристике Авилова), и рукопись была возвращена мне для переработки. Для меня стало ясно, что со времени выработки платформы в редакции произошло самоопределение в чуждом мне направлении, и я отказался от дальнейшего участия в газете.

Но, не принимая участия в "Новой жизни", я до конца оставался ее читателем. Газета была в смысле *литературном* талантливая. Ей удалось широко поставить и заграничную информацию, и местную хронику. Порой в ней появлялись положительно блестящие статьи. А главное, это была единственная *настоящая*, большая газета *левого* направления.

Но в смысле политическом "Новая жизнь" велась ниже всякой критики. В ней странным образом уживались две тенденции: "умеренная", представителями которой были Горький, Гольденберг, Базаров, Ст. Вольский, и безответственно доктринерская, возглавляемая Сухановым. Тон задавали газете представители второго течения. А соединение на одном листе бумаги того и другого направления было будто нарочно рассчитано на то, чтобы сбить с толку читателя и стереть в его понимании грань между возможным и невозможным в революции. Это был орган интеллигентского революционизма, упивающегося радикальными словами, но отступающего перед действием; орган маниловского максимализма, не знающего пределов в требованиях, но мечтающего о том, чтобы все требования были осуществлены "по-хорошему", без насилий, без крови; орган лишенного пафоса и страсти, оскопленного большевизма.

"Новая жизнь" не завоевала себе в рабочих кварталах такого влияния, как "Правда" с ее прямолинейными лозунгами, чутко отражавшими затаенные, стихийные стремления рабочих масс. Но, будучи *как газета* неизмеримо лучше "Рабочей газеты" — не говоря уже о советских "Известиях", — "Новая жизнь" сыграла свою роль в ряду факторов, подмывавших почву под "революционным оборончеством" в Петрограде.

В середине мая среди рабочих и солдат в Петрограде со дня на день усиливалось раздражение против политики Исполнительного комитета, Совет все больше отрывался от масс, все в меньшей степени отражал волю своих избирателей. Казалось бы, для выборной демократической организации мог быть лишь один выход из этого положения: перевыборы Совета и Исполнительного комитета. И, конечно, руководители Исполнительного комитета без всяких колебаний приняли бы этот выход, поставили бы на голосование петроградских солдат и рабочих вопрос о политическом доверии и ни одного дня не стали бы "цепляться за власть", если бы дело шло о вопросе, который мог быть разрешен перевыборами *Петроградского* совета. Но с мартовского Всероссийского совещания Советов Исполнительный комитет не только по существу, но и формально был *всероссийским* органом. Решая вопросы общегосударственной политики, он обязан был считаться не только с настроениями столичного гарнизона и петроградских рабочих, но и с бесчисленными провинциальными Советами и армейскими организациями. А отсюда непрерывным потоком неслись в Петроград резолюции, одобрявшие нашу политику.

Таким образом, намечалось глубокое расхождение между настроениями революционной демократии в Петрограде и в провинции. Правда, дальнейшие события показали, что это расхождение было в значительной мере кажущееся, что *здесь и там* протекал один и тот же процесс, с той лишь разницей, что в столице он начался раньше и протекал более бурно, более стремительно, чем в провинции. Правда и то, что, констатируя расхождение между столицей и провинцией, мы склонны были настроения провинции оценивать исключительно по резолюциям местных организаций, упуская из виду, что и против них, как против нас в Петрограде, подымается уже из низов волна оппозиции.

Но так или иначе, в мае мы имели основания считать, что огромное большинство революционной демократии России поддерживает *нашу* политику. И это обязывало нас относиться с большой осторожностью к вопросу о перевыборах Петроградского совета. Перевыборы, устраиваемые наспех, без серьезной предвыборной кампании, зачастую на почве случайных лозунгов, при демагогическом использовании оппозицией местных поводов неудовольствия, те перевыборы, которые проводились в это время большевиками, лишь вносили деморализацию в рабоче-солдатскую массу. Исполнительный комитет должен был выступить против таких перевыборов. Но что он мог поделать, когда рабочие того или другого завода, солдаты того или другого полка выносили резолюцию недоверия своим депутатам и выбирали вместо них новых

кандидатов? Объявить перевыборы недействительными? Сохранить мандат за людьми, заведомо не выражающими воли избирателей? Или вовсе лишить данную группу избирателей представительства?

Мало-помалу в Петроградский совет просачивались элементы, враждебные политике его большинства. Борьба внутри Совета принимала день ото дня все более острый характер. С этим приходилось мириться как с особенностью петроградской политической жизни. Приезжавшие из провинции советские работники в один голос твердили, что у них, на местах, не наблюдалось ничего подобного.

* * *

Мне лично за это время пришлось быть лишь на одном провинциальном съезде Советов — в Финляндии. И меня поразил контраст между той картиной, которую мне пришлось наблюдать здесь, и тем, что я оставил в Петрограде. Съезд собрался в Гельсингфорсе, 20 мая. Преобладали матросы и серые солдаты, представители частей, сравнительно недавно переведенных в Финляндию с фронта. Рабочих была маленькая кучка, и держались они как-то незаметно, будто робея немного посреди военных людей.

Съезд открылся обсуждением вопроса о войне. Солдаты и матросы были против войны, но и сепаратного мира они не желали, так как питали к "немцу" далеко не дружественные чувства. А так как стояли они в безопасном месте, вне досягаемости для германских батарей, имели хорошие квартиры и не терпели материальных лишений, они не видели оснований спешить с заключением мира. Сношения с союзными демократиями, созыв международной социалистической конференции и оборона фронта в ожидании результатов этой политики, короче, тактика советского большинства представлялась им вполне приемлемой. Наоборот, тактика большевиков вызывала в них недоверие, подозрительность. Рабочие, напротив, были склонны решать вопрос о войне по-ленински — всемирной революцией или, по крайней мере, братаниями.

После продолжительных прений я предложил резолюцию, повторявшую постановление предыдущего съезда и подчеркивавшую необходимость для армии быть готовой к наступательным действиям. Большевики внесли свой проект резолюции — в духе их общероссийской конференции. Большинством, 102 голосов против 17 при 8 воздержавшихся, съезд принял за основу мою резолюцию. Тогда большевики потребовали, чтобы тот пункт резолюции, в котором говорилось о готовности к наступлению, был выделен и поставлен на поименное голосование, так как большевистская организация намерена, мол, сообщить на фронт имена делегатов, посылающих солдат на смерть.

Среди членов съезда произошло движение. Часть их принялась бурно протестовать против поименного голосования. Но я поддержал требование большевиков, заявив, что ничего не стоят голоса тех, кто боится подать свой голос открыто. Произвели именное голосование: за необходимость готовности к наступлению высказалось 80 человек, против — 26, воздержалось — 16. Большинство все еще было внушительное. Но чувствовалось уже, что по внутреннему своему настроению это большинство ненадежно.

Перешли к вопросу об отношении к Временному правительству. Съезд принял сочувственно мой доклад, но еще больший успех выпал на долю солдата Сергеева, выступившего после меня в защиту коалиции. Мне запомнилась и наружность этого солдата, и его речь. Был он невысокого роста, приземистый, бородатый, круглолицый, в теплой ватной безрукавке поверх выцветшей гимнастерки. Начал он с того, что он, Сергеев, "человек деревенский, а потому натуральный и всякое дело понять может лучше, чем городские, которые все с порчей". В виде примера порченности "городских" ссылался на своего племянника, с малых лет живущего в городе, и привел кое-какие справки относительно его интимной жизни. Затем перешел собственно к вопросу о коалиции.

— Я с Исполнительным комитетом в этом вопросе очень согласен, — говорил он. — Только товарищ докладчик не так ясно показал, почему без буржуазии мы не можем. А я так полагаю, что без нее нам нельзя, мне это г. Скобелев в Петрограде объяснил. Я, это, его спрашиваю, на что нам, к примеру, г. Милюков? А г. Скобелев мне и говорит: "Вот ты, Сергеев, умный человек, так рассуди сам. Нужно нам со всеми государями разговаривать, чтобы войну кончать? Нужно! А ведь по-русски они ни бельмеса не поймут. Нужно, значит, с аглицким государем говорить, а с немецким по-немецки, а с хранцузским по-хранцузски. Вот мы пошлем тебя, что ты им скажешь?" А г. Милюков все языки превзошел, так и чешет, как по-русски, со всеми государями говорить может по-ихнему. Ему, значит, и быть министром иностранных дел.

Милюкова давно не было в правительстве, и сам Сергеев был, быть может, из тех, что месяц назад шли к Мариинскому дворцу, требуя его отставки. Но "милюковский" аргумент в пользу коалиции казался ему решающим. И не один Сергеев *так* подходил к вопросу о коалиции!

Резолюция о "полном доверии и безусловной поддержке" коалиционному правительству была принята съездом почти единогласно — против десятка большевиков, частью голосовавших против, частью воздержавшихся. Но, выступая против резолюции о доверии и поддержке, каждый большевик считал своим долгом начать и закончить

свою речь заверениями, что большевистская партия подчиняется большинству и свято чтит революционную дисциплину. "Доверять правительству мы не можем, но если большинство Советов за поддержку — мы тоже будем его поддерживать". Это была весьма сдержанная, корректная оппозиция — значительно более умеренная, чем оппозиция меньшевиков-интернационалистов в Петрограде.

Я не могу утверждать, что во вторую половину мая большевики так держались повсюду в провинции. Но на основании сообщений, поступавших в Исполнительный комитет и в редакцию "Известий", у меня сложилось впечатление, что в то время в провинции еще не замечалось тех тревожных настроений, которые окрашивали жизнь казармы и пригородов в Петрограде и нашли особенно яркое воплощение в Кронштадте, игравшем роль общероссийской цитадели большевизма.

* * *

К этому времени тактика большевистской партии окончательно выкристаллизовалась: если в апрельских тезисах Ленина на первый план выдвигалась революционная *пропаганда*, то теперь партия со всей решительностью стала на почву *бунтарской агитации*, сделала ставку на стихийные силы бунта, повернулась спиной к Марксу и лицом к Бакунину. И если бы Бакунин в мае 1917 г. восстал из гроба, он должен был бы признать, что его идеал осуществился в Кронштадте. О кронштадтской эпопее я хотел бы рассказать здесь подробнее.

В начале мая в Кронштадт был послан в качестве комиссара бывший депутат Второй Государственной думы д-р Виноградов¹⁴⁴, считавший себя меньшевиком, но слабо разбиравшийся в политике. Приезжая в Петроград, он не мог нахвалиться революционностью кронштадтцев, но жаловался на то, что петроградцы не обращают на Кронштадт должного внимания, в результате чего между местным Советом и петроградским Исполнительным комитетом нет надлежащего контакта. Он просил меня приехать в Кронштадт и прочесть там доклад на митинге.

16 мая я поехал в Кронштадт. Митинг собрался на Якорной площади. Огромная толпа — тысяч 10 человек, может быть и больше. Преобладали матросы, но были и солдаты, и рабочие. Поблизости от раскрытой лестницы, служившей ораторской трибуной, стояли тесной кучкой люди, явно поставившие себе задачей сорвать доклад. Они поминутно перебивали меня враждебными возгласами и хуже всего было то, что каждое их слово вызывало бурные выражения сочувствия со стороны толпы. Я боролся, как мог, с бившимися вокруг меня волнами недоверия и вражды. Но чувствовал, что мои слова отскакивают от сознания толпы.

После меня начали говорить "большевики" — так, по крайней мере, они сами называли себя. Я слушал их и ушам своим не верил: в одном из них можно было сразу узнать перекрасившегося черносотенца, в речи другого грубая демагогия настолько была в глаза, что казалось, будто он издевается над слушателями. Но не было такого черносотенного, демагогического вздора, который не вызывал бы кликов восторга на Якорной площади!

Вот оратор читает по бумажке о том, что Временное правительство по предложению Чернова постановило взыскать с крестьян по 1000 руб. за десятину земли в пользу помещиков.

— Товарищи! — кричит он. — Ведь таких цен мы и при царе не платили!

Я задаю оратору вопрос, откуда он взял эту нелепую выдумку. Он отвечает:

— Нам все известно!

И обращается к толпе:

— Верите вы мне, товарищи? Или тем верите, которые с вас последнюю рубашку снимают?

— Тебе верим! — ревет толпа.

На лестницу поднимается человек в матросской форме. Этот говорит о войне:

— Мы, матросы, ждать не будем, пока гг. офицеры войну кончат. Им что? Чины получают, жалованье, паек, — а мы кровь свою проливаем. Мы сами войну кончать должны: заклепывай пушки и ружья за борт — вот наша программа.

И опять в ответ бурные выражения восторга.

Одним из последних говорил человек средних лет — мне сказали, будто это был один из руководителей местной большевистской организации. Он говорил о коалиционном правительстве и специально о Церетели.

— На кого министры-социалисты стараются, я вам, товарищи, сейчас докажу. Вот Церетели — министр почт и телеграфов. У каждого из вас, товарищи, имеется или брат, или кто из родных на фронте. А много ли вы от них писем получаете?

— Ничего не получаем! — кричат из толпы.

— А теперь гг. офицеров возьмите. Им, небось, что ни день, то письма, телеграммы. Почему? Потому что министр приказ отдал: солдатские да матросские письма выбрасывать, а гг. офицерам на дом доставлять. Правильно я говорю?

— Правильно!

— Так не должны вы Временному правительству верить!

— Долой! — несется из толпы.

Эта толпа на Якорной площади до жуткости напоминала мне дру-

гую толпу — толпу арестантов в пересыльной тюрьме, затеявших "во-лынку" с начальством. Та же озлобленность, подозрительность к "чужим", слепое доверие к своим "иванам", та же беспомощность. Да и слова, висевшие в воздухе, были те же мерзкие слова, которыми пропитаны бывают самые стены в уголовных камерах. Это было тяжелое, угнетающее душу зрелище. Но всего хуже было то, что рядом с картиной "воляющихся" арестантов вставали в памяти картины "красного Кронштадта" 1905 года: не так ли 12 лет назад эти же самые темные люди, принявшись за "революцию", не знали, что им делать, и в конце концов пошли громить винные погреба и разбивать публичные дома?

Не помню, чем закончился митинг — кажется, приняли какую-то резолюцию против Временного правительства. А может быть, разошлись и без резолюции — но настроение Кронштадта после митинга стало для меня совершенно ясно. Та стихия бунта, которая *начинала* разгораться в рабочих кварталах Петрограда, здесь, в Кронштадте, уже кипела ключом, бурлила, готова была вылиться через край.

— В чем причина этого явления? — спрашивал я себя.

Само собой разумеется, не могло быть речи о высокой революционной сознательности этих слепых, темных людей. Смешно было бы говорить о том, что они проникнуты духом интернациональной солидарности и потому не разделяют нашей политики обороны. Нельзя было сослаться и на их усталость от войны: Кронштадт не нюхал пороха. Но в течение многих лет для всех этих людей крепость, живую силу которой они составляли, была бездушной, мертвящей тюрьмой. Бесправие, свирепая муштровка, издевательства, жестокие наказания за малейшую провинность — все это оставляло отпечаток в их душах, родило в них обиду, злобу, жажду мести. И вот теперь пришел их час. В их руках пушки, форты, боевые суда — весь город. С наиболее ненавистными офицерами покончено в первые же дни революции. Другие сидят под замком в тех самых казематах, в которых не так давно они гноили матросов.

Теперь все должно быть по-иному, по-нашенски! Как это "по-нашенски" — темный разум кронштадтского матроса не знал. Но он готов был идти за всяким, кто звал его мстить за старые обиды. И он загорался злобой на тех, кто удерживал его от мести, кто напоминал ему о дисциплине, о долге. В смысле марксистском это была масса, не только лишенная пролетарского классового самосознания, но деградированная, деморализованная каторжными условиями существования при царизме, масса с психологией люмпенов, то есть слой, который скорее должен был представлять угрозу для революции, нежели опору ее. Но для бунта в смысле Бакунина едва ли можно было представить себе более подходящий материал.

На другой день на квартире Скобелева я рассказал товарищам о том, что видел в Кронштадте. Но мой доклад большого впечатления не произвел: в самом Петрограде все тоже шло достаточно плохо. А между тем Кронштадту предстояло в ближайшие дни стать центром всеобщего внимания. 17 мая Кронштадтский совет вынес резолюцию, в которой объявлял:

"Единственной властью в городе Кронштадте является Совет рабочих и солдатских депутатов, который по всем делам государственного порядка входит в непосредственный контакт с Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов. Административные места в городе Кронштадте занимают членами Исполнительного комитета".

Эта резолюция вызвала целую бурю. Буржуазная печать поняла — или истолковала — ее как отпадение от России морской крепости, являвшейся ключом к Петрограду. Я думаю, что для *такого* толкования этой резолюции не было оснований, тем более что кронштадтский Совет вынес ее не в виде декларации, определяющей конституцию города, а "так себе", мимоходом, по поводу частного вопроса, в порядке разъяснения существующего положения. Да и Совет по составу был не "страшный"; на перевыборах, закончившихся всего за неделю до того, в него вошли: 93 эсера, 91 большевик, 46 меньшевиков и 70 беспартийных*. Но дело в том, что хозяином в Кронштадте был не Совет, а бунтарски настроенная, готовая на эксцессы толпа, во главе которой стояли частью опьяненные бунтарской стихией демагоги, частью психически неуравновешенные подростки (вроде Рошалья)¹⁴⁵, а частью совершенно темные элементы (уголовные преступники, черносотенцы-иоанниты)¹⁴⁶. Положение было довольно серьезное. И серьезность его усугублялась тем, что бешеная кампания буржуазной печати против Кронштадта вызвала взрыв сочувствия к кронштадтцам среди петроградских солдат и рабочих.

Исполнительный комитет сделал попытку уладить инцидент и вызвал к себе представителей Кронштадтского совета. Кронштадтцы не заставили себя ждать. Держались они чрезвычайно скромно и миролюбиво; уверяли нас в полной своей солидарности с Петроградским советом и свою резолюцию от 17 мая объясняли тем, что для них, в Кронштадте, были не вполне ясны взаимоотношения, установившиеся в Петрограде между Советом и Временным правительством; с негодованием отвергали "клевету", будто Кронштадт собирается отделиться от России, или отказывается признавать правительство, или ведет какую-то *свою* политику.

Наша беседа с кронштадтцами закончилась обещанием делегации, что Кронштадтский совет издаст "разъяснение" к своей

* Резолюция была принята большинством в 216 голосов против 40 при 16 воздержавшихся, значит, за нее голосовала часть меньшевиков и эсеров.

резолюции. Такое "разъяснение" действительно появилось 21 мая. В нем говорилось:

"...Объявив себя для Кронштадта единственным органом местной власти, Кронштадтский совет р[абочих], с[олдатских] и м[атросских] д[епутатов] заявил, что по делам государственного порядка он входит в непосредственные сношения с Петроградским советом, р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов]. Это значит, что при решении важнейших политических вопросов, имеющих государственное значение, Кронштадтский совет р[абочих], с[олдатских] и [матросских] д[епутатов] будет прямо и непосредственно сношаться с таким же выборным органом в Петрограде. Но это вовсе не исключает сношений с Временным правительством. Такие сношения с центральной властью, кому бы она ни принадлежала, совершенно неизбежны и буквально неустранимы.

Мы признаем центральную власть Временного правительства и будем ее признавать до тех пор, пока вместо существующего правительства не возникнет новое, пока Всероссийский центральный Совет р[абочих], с[олдатских] и кр[естьянских] д[епутатов] не найдет возможным взять в свои руки центральную власть"*.

Это разъяснение не разрешало всех вопросов, всплывших в связи с резолюцией 17 мая. Но теперь была, по крайней мере, почва для дальнейших переговоров. 23-го в Кронштадт выехали Церетели и Скобелев. В их присутствии местный Совет принял огромным большинством голосов такую резолюцию:

"Согласуясь с решением большинства демократии, признавшего нынешнее правительство облеченным полнотой государственной власти, мы, со своей стороны, вполне признаем эту власть. Признание не исключает критики и желания, чтобы революционная демократия создала новую организацию центральной власти, передав всю власть в руки Совета р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов]. Но пока это не достигнуто... мы признаем это правительство и считаем его распоряжения и законы столько же распространяющимися на Кронштадт, сколько на все остальные части России. Мы решительно протестуем против попыток приписать нам намерение отделиться от остальной России в смысле организации какой-нибудь суверенной или автономной государственной власти внутри единой революционной России, в противовес нынешнему Временному правительству".

Помимо этого Церетели успел договориться с кронштадтцами по вопросу о судьбе арестованных в февральские дни морских офицеров. Было решено передать их дела следственной комиссии, которая будет прислана из Петрограда.

* Известия, 1917, 29 мая.

24-го собрался Петроградский совет. Церетели доложил ему о достигнутом соглашении с кронштадтцами. Представители кронштадтского Совета опять говорили о своей лояльности и солидарности с Петроградским советом. Дело кончилось принятием резолюции, осуждавшей вообще "захват власти местными Советами".

По отношению к Кронштадтскому совету резолюция была составлена настолько мягко, что даже кронштадтские делегаты могли со спокойной совестью голосовать за нее.

Конфликт казался окончательно ликвидированным. Но 25-го в Кронштадте на Якорной площади собрался огромный митинг, предъявивший местному Совету требование отменить решения, принятые два дня назад в присутствии Церетели, и порвать сношения с правительством. Митинг был крайне бурный. Взрывами восторга встречались речи о том, что "наши братья, немецкие рабочие и крестьяне, могут смело идти на Петроград — наши пушки готовы, чтобы поддержать их против русской буржуазии и разбойничьего правительства кн. Львова". Раздавались призывы, не дожидаясь немецких броненосцев, повернуть против Петрограда орудия крепостных фортов. Слышались угрозы расправиться с собственными депутатами, продавшимися буржуазии.

С Якорной площади толпа хлынула к местному Совету. И в этой обстановке Совет постановил телеграфировать председателю Временного правительства, что его резолюция от 23 мая недействительна, что "он остается на точке зрения резолюции 17 мая и разъяснения к ней 21 мая и что единственной местной властью в городе Кронштадте является местный Совет рабочих и солдатских депутатов".

В результате нового разъяснения получилась окончательная путаница: теперь Кронштадтский совет сам не знал, признает ли он центральное правительство или нет.

В тот же день, когда на Якорной площади бушевала толпа, громившая свой Совет за соглашательство с врагами народа, в Таврический дворец явилась группа военных — офицеров и солдат, — назвавшаяся депутацией от кронштадтского форта Ино. Я вышел для переговоров с ними. Депутаты заявили, что их форт (так же, как и форт Красная Горка) разделяет позицию петроградского Исполнительного комитета и готов всеми средствами — если понадобится, то и силой — ее поддерживать. Я спросил депутатов, что представляют собою форты Ино и Красная Горка. Один из них на это ответил:

— В нас вся сила, Кронштадт только дурака валяет.

Другой делегат взял бумажку и быстро набросал на ней схему морской обороны Петрограда: остров Котлин с окружающими еще малыми фортами и на противоположных берегах Финляндс-

кого залива два форта с дальнобойными орудиями — Ино на востоке, за Териоками, и Красная Горка на западе, со стороны Ораниенбаума. К боевому значению собственно Кронштадта представители Ино были проникнуты полным презрением, подчеркивая, что их форт может в 1/4 часа превратить весь Кронштадт в груды развалин.

Я предложил делегатам созвать немедленно на обоих фортах митинги, на которых была бы сделана своего рода очная ставка между представителями петроградского Исполнительного комитета и представителями Кронштадтского совета. 26 мая состоялся митинг в Ино. Собрание происходило под открытым небом, над высоким берегом Финского залива. Ораторская трибуна — под старой развесистой сосной, вдаль — бетонные убежища тяжелых орудий.

Гарнизон форта составляли главным образом артиллерийские команды. Они были в то время очень многочисленны, до 3000 человек. Вид у солдат был подтянутый, слушали с напряженным вниманием. От кронштадтцев выступил Рошаль. Он говорил, как избалованный ребенок, сильно картавя и то и дело спрашивая:

— Ведь вы мне верите, дорогие товарищи?

Но артиллеристы отвечали ему холодным молчанием. А порой слышались даже замечания:

— За что тебе верить? Мы тебя в первый раз видим.

Рошаль, видимо не привыкший к такой атмосфере, робел, путался и становился окончательно похож на напроказившего школьника. Играя на местном, кронштадтском патриотизме, Рошаль доказывал, что Петроградский совет несправедливо обидел кронштадтцев, так как принял резолюцию, в которой заключается порицание Кронштадту. Я же, имея в виду новое выступление кронштадтцев, доказывал, что порицание в полной мере ими заслужено и что они могут снять его с себя, лишь проявив на деле свою лояльность. В том же духе говорил приехавший со мною на митинг молодой поэт В.В. Прусак, мой товарищ по иркутской ссылке.

Резолюция, предложенная мною, была принята митингом единогласно (лишь шесть человек партийных большевиков воздержались при голосовании).

Вечером собрался Петроградский совет. Это заседание запомнилось мне как один из наиболее драматических моментов 1917 года. Церетели от лица великой и всенародной российской революции обвинял Кронштадт как очаг бунта, позорящий революцию и готовящий ее гибель. Представители Кронштадтского совета защищались. Их речи производили впечатление искренности: они считали положение в Кронштадте вполне законным "углублением" революции и не могли по-

нять, что хочет от них Церетели. Со страстной защитой Кронштадта выступил Троцкий¹⁴⁷. Позиция "интернационалистов" была, как всегда, промежуточная, расплывчатая, неопределенная. Наша резолюция, составленная на этот раз в резких выражениях, собрала 580 голосов, против нее было подано 162 голоса, 74 человека воздержались. При парламентском голосовании такой результат мог бы считаться блестящим, но Совет не был парламентом, его политика обладала устойчивостью лишь до тех пор, пока она поддерживалась *единодушно* или *почти единодушно* рабочими и солдатами Петрограда. А голосование показало, что почти треть депутатов не видит зла в переводе революции на бунтарские рельсы. Это было плохим знаком.

Во время заседания Совета мне сообщили, что после моего отъезда с форта Ино туда пришла из Кронштадта телефонограмма с предложением 27-го собрать новый митинг для *окончательного* решения всех вопросов. Вместе с Н.Д. Соколовым¹⁴⁸ я поехал на форт.

Из Кронштадта туда приехало человек 300 матросов с Рошалем и Раскольниковым¹⁴⁹ во главе — они должны были создавать "настроение". Кроме того, по требованию кронштадцев на митинг были приглашены пехотные части, стоявшие невдалеке от форта в качестве его прикрытия с суши. Твердого, однородного настроения на этот раз уже не было. Кронштадтцы говорили гарнизону:

— Вчера вы приняли резолюцию солидарности с Петроградским советом. Значит, с Петроградом у вас полное согласие. Теперь вы должны заявить, что вы солидарны и с Кронштадтским советом — тогда у вас со всеми будет мир.

Мы с Соколовым, напротив, настаивали на том, чтобы решение форта было ясно и определено: или — форт отказывается от вчерашнего решения, осуждает политику петроградского Исполнительного комитета и будет отныне поддерживать Кронштадтский совет, или — он остается при вчерашнем решении, осуждает действия Кронштадта и будет поддерживать петроградский Исполнительный комитет.

Такая постановка вопроса дала кронштадтцам повод утверждать, что они, мол, за единение и согласие, а петроградцы ищут ссоры и пытаются внести рознь между частями крепости. Но мы твердо стояли на почве принятой накануне резолюции.

При голосовании в собрании произошел раскол: артиллеристы в огромном большинстве были за нашу резолюцию; пехотинцы и прибывшие из Кронштадта матросы шумно поддерживали резолюцию, предложенную Рошалем и Раскольниковым. Решено было для окончательного определения позиции гарнизона произвести закрытое голосование по командам. Такое голосование и было произведено в ближайшие дни. Точных результатов его я не помню, но, во всяком случае, они были не в пользу Кронштадтского совета.

"Фронт" бунтарской крепости был, таким образом, прорван. Голосование Красной Горки расширило этот прорыв. В это время и среди кронштадтцев начались колебания. Часть матросов испугалась поднявшегося вокруг кронштадтской истории шума. На Якорной площади раздавались ругательства и угрозы против вожаков, которые "неизвестно чего хотят". Бунтарская волна в Кронштадте шла на убыль. Местный Совет заявил о готовности исполнять приказания правительства. В Кронштадт прибыла следственная комиссия, приступившая к рассмотрению дел арестованных офицеров. Буйные собрания на Якорной площади стали реже и малолюднее.

"Красный Кронштадт" перестал быть пугалом для правой печати. Но газеты не скрывали своего раздражения таким разрешением конфликта: зачем Церетели и Скобелев ездили разговаривать с мятежниками? Почему не проучили бунтовщиков? Впрочем, кронштадтская эпопея этим не кончилась. Большевики повели в частях петроградского гарнизона агитацию за необходимость поддержки "революционных выступлений" Кронштадта. Целый ряд полков вынес соответствующие резолюции.

Большевистские лозунги обогатились около этого времени новым требованием — перевода Николая II в Кронштадт, и этот лозунг в короткое время приобрел огромную популярность. Стал входить в употребление и кронштадтский стиль в сношениях с правительством. Так, всю печать обошла резолюция линейного корабля "Гангут", требовавшая перевода Николая II в Кронштадт и заканчивавшаяся такими словами: "Мы в третий раз выносим наше решение и не намерены шутить. Это наша последняя резолюция. После нее мы уже будем действовать открытой силой"*.

Кронштадтской бунтарской стихии суждено было проявить себя еще не раз. В июльские дни она залила кровью улицы Петрограда. В октябре она напомнила о себе стрельбой "Авроры" по Зимнему дворцу. С нею столкнулись представители демократии в день разгона Учредительного собрания¹⁵⁰.

* * *

На фронте назревали в это время события исключительной важности: подготовлялось наступление. 14 мая появился знаменитый приказ — воззвание Керенского к войскам:

"Во имя спасения свободной России вы пойдете туда, куда поведут вас вожди и правительство. Стоя на месте, прогнать врага невозможно. Вы понесете на концах штыков ваших мир, правду, справедли-

* См.: Новая жизнь, 1917, № 53, 27 мая.

вость. Вы пойдете вперед стройными рядами, скованные дисциплиной долга и беззаветной любви к революции и родине..."

Этот приказ вызвал много толков. Одни восхищались проникновенным его пафосом, другие морщились от его театральной напыщенности. Правая печать торжествовала возвращение России к традиционной политике верности союзникам. Большевики метали громы и молнии против военного министра, вновь собирающегося бросить миллионы солдат в бойню.

Но Керенскому принадлежало в данном случае лишь *выполнение*, а не *инициатива*: необходимость оживления фронта, возобновления активных боевых операций, перехода в наступление была признана *всем* правительством, и в этом вопросе между советскими министрами и ценовиками не было разногласий. Уже в правительственной декларации 6 мая, в словах "Временное правительство твердо верит, что революционная армия России не допустит, чтобы германские войска разгромили наших союзников на Западе и обрушились всей силой своего оружия на нас" было высказано решение положить конец сепаратному перемирию, фактически установленному на нашем фронте германским командованием.

Но если советские деятели сходились с представителями ценовых кругов в признании необходимости оживить застывший фронт, то мотивы у тех и у других были различные. Для ценовиков переход армии в наступление означал возврат России к политике Миллюкова и, вместе с тем, средство прибрать к рукам армию и положить конец революции. На этой точке зрения, в частности, стоял генералитет, оказывавший в то время большое влияние на правые и либеральные политические круги. Генерал Лукомский¹⁵¹ в своих "Воспоминаниях" прямо пишет:

"...Союзники настаивали на начале активных действий на нашем фронте. С другой стороны, теплилась надежда, что, может быть, начало успешных боев изменит психологию массы и возможно будет начальникам вновь подобрать вырванные из их рук возжи"*.

В советских кругах в пользу наступления приводились совершенно иные соображения. Станкевич, отмечая появившуюся в начале мая в этих кругах тенденцию в пользу наступления, высказывает уверенность в том, что "помимо соображений международной политики и действительного искания путей к миру в новых настроениях играли значительную роль соображения внутренней политики. Бездеятельная армия явно разлагалась... Надо было дать армии дело... Конечно, быть может, лучшим исходом было бы в смысле внутренней политики, если

* Ген. А.С. Лукомский. Из воспоминаний // Архив русской революции, кн. 2. Берлин, 1922.

бы наступление начал сам противник. Но он не наступал. Значит, надо было двинуться на него и ценою войны на фронте купить порядок в тылу и в армии**.

Но это не совсем точно. Станкевич в то время работал на фронте и не имел непосредственного контакта с Таврическим дворцом. Указываемые соображения были у него, у некоторых фронтовых работников, у Керенского. Но они были чужды руководящим кругам советского оборончества. Были мы правы или нет — но для нас наступление являлось необходимой ценой за приближение *всеобщего мира*, и ни за что, кроме мира, не согласились бы мы платить эту цену, в которую входили тысячи новых могил.

Положение рисовалось нам в виде дилеммы: сепаратное перемирие или наступление. Большевики защищали фактически установившееся перемирие так же, как они защищали закреплявшие это состояние фронта братания. "Правда" писала:

"...Что же дурного в фактическом перемирии?.. Нам возражают, что перемирие установилось только на одном фронте и что потому оно грозит сепаратным миром... Возражение до очевидности несостоятельное, явная выдумка, попытка засорить глаза...

Братание на одном фронте может и должно быть переходом к братанию на всех фронтах. Фактическое перемирие на одном фронте может и должно быть переходом к фактическому перемирию на всех фронтах...

Что дурного в таком переходе?***.

В таком переходе не было бы, с нашей точки зрения, ничего дурного, но дурно было то, что такого перехода в действительности не происходило и практическое сепаратное перемирие с Россией лишь давало германскому командованию возможность увеличить ожесточение боев на западных фронтах, вводя в бой новые и новые дивизии, снимаемые с русского фронта. При таком положении дел на нашем фронте у нас не могло быть никакой надежды сговориться с социалистами Запада относительно общей борьбы за демократический мир, как не было надежд и на совместный с союзниками правительственный пересмотр целей войны.

Сепаратное перемирие загоняло, таким образом, российскую революцию в тупик. Переход в наступление русских армий на фронте становился предпосылкой нашей внешней мирной политики. Но "оживление фронта" практически означало возобновление кровопролития. И каковы бы ни были мотивы *в пользу* такой политики, *против* нее было естественное элементарное чувство самосохранения

* Станкевич. Воспоминания, с. 123.

** Правда, 1917, 9 мая.

нения каждого отдельного солдата. Отсюда то сопротивление, на которое должна была натолкнуться агитация Керенского и поддерживавших его армейских организаций.

Эта агитация ставила себе воистину неблагодарную задачу. В марте—апреле мы призывали солдат к защите фронта. Но тогда затишье, установившееся на фронте, делало сравнительно малой ту жертву, которая требовалась от солдата. А теперь нам предстояло самим разрушить это затишье, привлечь вновь на русский фронт снятые с него вражеские дивизии. Теперь во имя долга, во имя блага России, во имя спасения революции от солдат требовалась величайшая, последняя жертва.

И все же агитация, начатая в этом направлении, не осталась бесплодна. В войсках разгорался революционный энтузиазм. В тылу кое-где формировались добровольческие "ударные" части. Но одновременно в солдатской массе, и на позициях, и в тыловых гарнизонах, зрели настроения неповиновения, дезертирства, бунта. Упорнее, чем раньше, отказывались от выступления на фронт маршевые роты. Начались затруднения при смене резервными частями полков, стоящих на позициях. Солдаты с растущим сочувствием слушали речи о том, что война не нужна, что буржуазия для своей выгоды толкает пролетариат в бойню, что нечего сознательным солдатам умирать за капиталистов: вот если бы власть была в руках Совета рабочих и солдатских депутатов — тогда другое было бы дело! На этих дрожжах быстро поднималось на фронте влияние большевиков. Росло число "большевистских" полков. На всю Россию прогремел Гренадерский полк, и вынесенная им резолюция-воззвание стала своего рода платформой темных солдатских масс, жаждущих сохранения затишья на фронте. Приведу здесь этот документ полностью:

"Мы, гренадеры, собравшись на митинге 29 мая с.г., постановили:

В то время, когда свобода только засветилась, как яркая звезда, перед русским пролетариатом, буржуазия для достижения своих капиталистических целей хочет толкнуть русский пролетариат в бойню.

Мы, гренадеры, при Николае, одураченные им, шли и стойко умирали, мы не хотим дальше умирать за чуждые нам интересы капиталистов.

Мы не хотим умирать, когда в душу закрадывается сомнение, что снова вовлечены в бойню капиталистами. Нет сил с легкой душой двинуться вперед.

Мы считаем, что министерство, состоящее в большинстве из буржуазии, только задерживает дальнейшее успешное развитие революции и мешает правильному и скорому разрешению вопроса о мире.

Мы умрем все за Совет с[олдатских] и р[абочих] д[епутатов]. Нам не страшна смерть, страшно сгубить свободу. Нужна уверенность перед смертью, что умираем за дело народа, а для этого требуется, чтобы вся власть была у народа, вся власть у Совета с[олдатских] и р[абочих] д[епутатов].

Тогда нет места сомнениям, тогда мы всюду за Советом с[олдатских] и р[абочих] д[епутатов], тогда мы готовы каждую минуту отдать свою жизнь.

Итак, если нужно пожар тушить пожаром, если для скорого достижения мира нужна война, нужно наступление, — то, чтобы пойти вперед, необходимо, чтобы Совет взял свою власть в свои руки.

Горе тому, кто захочет помешать этому. Всю силу своего оружия мы обратим против него.

Вся власть народу! Вся власть Совету с[олдатских] и р[абочих] д[епутатов]! Только тогда свобода наша. Только тогда может наступить конец войны".

Порою те же настроения выражались короче и проще. Помню, газеты передавали резолюцию митинга солдат какого-то тылового гарнизона: "Умрем, но на фронт не пойдем". В петроградском гарнизоне до подобных резолюций пока еще не доходило. Но и здесь толки о предстоящем наступлении, в связи с отправкой маршевых рот, вызвали сильное брожение в солдатской массе. И если в апреле Исполнительный комитет пользовался еще в казармах почти неограниченным авторитетом, к концу мая *большая часть* петроградских полков стояла уже в оппозиции к Комитету.

В Совете оставалось сплоченное оборонческое большинство; оборонцы преобладали и в полковых комитетах; а на полковых митингах солдаты освистывали собственных депутатов, с раздражением слушали представителей Исполнительного комитета и встречали овациями большевистских агитаторов, доказывавших, что "декларация прав солдата" устанавливает в армии такое бесправие, какого не было даже при Николае II.

Вообще за май большевизм сделал в петроградском гарнизоне огромные успехи. Но это был своеобразный "большевизм", не предусмотренный ни Циммервальдом, ни Кинталем, ни тезисами Ленина. Ограничусь одним примером этого настроения солдатской массы. Командование петроградского округа по соглашению с военной секцией Исполнительного комитета выработало проект переформирования гвардейских запасных частей. Не помню всех подробностей этого проекта, но суть дела была в приведении гарнизона в боевую готовность на случай наступле-

ния противника. 29 мая представители полков были созваны на совещание для обсуждения мер проведения этого проекта в жизнь. После бурных прений собрание большинством, 23 голоса против 2, вынесло резолюцию:

"Ознакомившись с проектом реформирования запасных батальонов в резервные полки и разобрав главную мотивировку проекта — защиту Петрограда при высадке десанта, — собрание пришло к заключению, что она недостаточно обоснована, так как при высадке десанта на Финляндском побережье враг встретится с миллионной армией, находящейся в этом районе. На основании вышеизложенного собрание категорически протестует против предложенного реформирования петроградского гарнизона.

В свою очередь мы предлагаем:

1) чтобы военное министерство немедленно вооружило пулеметами все батальоны, не менее 24 пулеметов на каждый батальон;

2) чтобы немедленно батальоны были пополнены офицерским составом, не менее 20 на батальон путем производства солдат в офицеры, в порядке представления таковых батальонными комитетами с одобрения рот и команд;

3) чтобы немедленно было проведено в законодательном порядке разжалование офицеров, которые, по мнению батальонных комитетов, рот или команд, недостойны носить офицерские погоны.

Лишь по удовлетворении означенных требований петроградский гарнизон будет достаточно организован, боеспособен и послужит твердой опорой для защиты революции от реакционных посягательств."

Здесь не было ни "всемирной революции", ни "власти Советов", ни громов и молний против французских и английских империалистов. Но это был подлинный гарнизонный "большевизм" — с отказом от выступления на фронт, с требованием выборного командования, с выбрасыванием из полков нежелательных офицеров и с обещанием твердо защищать революцию против реакционных посягательств — но, конечно, не против внешнего врага!

Воинские части, выносившие такие постановления, уже были "ненадежны" — не только с точки зрения командования, но и с точки зрения Исполнительного комитета. А между тем под приведенным решением были подписи представителей чуть ли не всех гвардейских полков Петрограда, то есть главной силы столичного гарнизона!

НАСТУПЛЕНИЕ НА ФРОНТЕ. РАЗВАЛ В ПЕТРОГРАДЕ

На 1 июня было назначено в Петрограде открытие Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. Съезд открылся двумя днями позже и тянулся целых три недели¹⁵². В первые дни Кадетский корпус, где происходили заседания съезда, был центром всеобщего внимания. Зал не мог вместить всех желающих присутствовать на заседаниях этого "первого парламента революции". Но затем интерес к съезду в широких слоях населения потух, а вместе с тем и от самого съезда отлетел дух живой, на заседаниях его воцарилась тяжелая, серая скука. И теперь, пытаюсь восстановить в памяти картину съезда, я вижу перед собой длинный, казенного вида зал; ряды слушателей, вяло аплодирующих оратору; усталые, поникшие люди за столом президиума; измученный, потерявший голос оратор, надрывающийся у края эстрады... И, несмотря на яркие вспышки, прорезывающие кое-где эту картину, от нее веет на меня чем-то безнадежно тоскливым.

Съезд был созван согласно постановлению мартовского совещания Советов. Формально перед ним лежала та же двойная задача, что перед совещанием: сплотить ряды революционной демократии и выяснить ее отношение к основным вопросам, поставленным на очередь дня развитием революции. Эти вопросы были все те же: о войне, о правительстве, о земле.

Но постановка вопросов была уже иная, и обсуждались они по-иному, и атмосфера Кадетского корпуса, где заседал съезд, ничем не напоминала атмосферы Таврического дворца дней первого Всероссийского совещания. За два месяца революции утекли многие годы. За это время коренным образом изменилось положение и внутри советской демократии, и вне ее. Тогда мы искали путей к соглашению всех наметившихся в Советах течений и, казалось, были недалеко от разрешения этой задачи (например, при обсуждении вопроса об отношении к Временному прави-

тельству). *Теперь* в возможность соглашения почти никто не верил. Объединительные попытки делались без веры в успех, скорее для очистки совести, и, может быть, главным их стимулом было желание руководителей обоих течений снять с себя упрек за происшедший в рядах демократии раскол.

Линия борьбы была ясна: меньшевистско-эсеровский оборонческий блок — с одной стороны, большевики — с другой. Третьей силы не было. Левые эсеры и меньшевики-интернационалисты, колебавшиеся между противоположными лагерями, не шли в счет.

На съезде было около 100 большевиков, человек 250 меньшевиков, до 300 эсеров; да еще человек 250 приходилось на беспартийных и на мелкие группки, не игравшие заметной роли. "Интернационалистов" было человек 60—70 — из них половина, с Мартовым¹⁵³ во главе, входила в меньшевистскую фракцию, а другая половина, возглавляемая Троцким и Луначарским¹⁵⁴, примыкала к большевикам.

Все голосования, насколько помню, давали одни и те же цифры: большинство в 500—600 голосов и меньшинство в 100—150 человек. Колебались эти цифры главным образом в зависимости от того, насколько полон был зал заседания. В этой обстановке не было места для развития борьбы в парламентском смысле, не было надобности в бесконечных речах, и съезд мог бы закончить свои занятия не в три недели, а в три-четыре дня. Но течение съезда определялось не фракционными группировками в его составе, а своеобразным очертанием линии раскола, которая делила в то время на два лагеря революционную демократию России.

Каждое из борющихся в Советах течений противопоставало свою политику политике *противников*, как *пролетарскую* линию в революции линии *мелкобуржуазной*. Это противопоставление было с обеих сторон неправильным или, во всяком случае, спорным: на стороне того и другого течения были и пролетарские, и мелкобуржуазные элементы; если большевики были сильны в рабочих районах Петрограда, то оборонцы почти безраздельно господствовали во многих промышленных центрах средней России; с другой стороны, главной, общепризнанной опорой большевизма был Кронштадт, гарнизон которого никак нельзя было причислить к "пролетариату" в марксистском смысле слова.

Но вот грань — четкая до осязательности и твердая, как лезвие ножа: к началу июня Исполнительный комитет, проводивший политику обороны и коалиции, имел *против* себя большинство рабочих и солдат в *Петрограде* и за себя — революционную демократию *остальной России*. Как раз перед самым съездом большевики вновь одержали победу над нами на петроград-

ской конференции фабрично-заводских комитетов¹⁵⁵. Эта конференция, собравшаяся для обсуждения экономических вопросов, волновавших рабочих, вынесла предложенную Зиновьевым резолюцию, заканчивавшуюся требованием перехода всей государственной власти в руки Советов. За резолюцию было подано 297 голосов, при 21 — против и 44 воздержавшихся.

Я думаю, что численное соотношение сторонников большевизма и оборончества на фабриках и заводах Петрограда было в начале июня близко к этим цифрам. Соотношение же сил обоих течений складывалось еще менее благоприятно для нас. Ибо как в механике при столкновении многих движущихся тел живая сила каждого из них измеряется его массой и квадратом скорости, так в революции при столкновении социальных групп численность каждой из них имеет меньшее значение, нежели ее устремленность, активность. А в петроградском пролетариате максималистские настроения охватывали в это время бесспорно наиболее *активные* элементы рабочих кварталов. За нами были чуть ли не исключительно те слои рабочих, которые оставались во власти инерции первых двух дней революции.

В провинции, как я упоминал уже, бунтарские, максималистские настроения нарастали значительно медленнее. Там в конце мая наблюдалась примерно та же картина, какую Петроград представлял в начале апреля — слабая дифференциация течений при преобладании влияния оборонческих партий. Можно было по-разному оценивать это явление, но сам *факт* не внушал сомнений. А этот факт имел своим последствием то, что нам приходилось все с большей настойчивостью искать опоры нашей политике вне Петрограда. В орган такой апелляции и суждено было превратиться июньскому съезду. Говорю "суждено", ибо огромное большинство делегатов менее всего было расположено "разбирать петроградские споры" и предпочитало, чтобы петроградские политики сами *сговорились между собою*. А между тем не было возможности обойти эти "споры", так как в них был узел революции.

С другой стороны, было бы странно, если бы партия, составлявшая меньшинство в провинции, но чувствовавшая свою силу в столице, ограничивала себя в такой момент рамками парламентских дебатов и воздержалась от демонстрирования перед Всероссийским съездом своей власти над умами солдат и рабочих Петрограда. Если для одних съезд Советов был средством преодоления усиливавшейся в столице бунтарской стихии, то для других он явился сигналом, чтобы бросить эту стихию на abordаж твердынь оборончества. Отсюда своеобразное течение съезда.

Начало съезда ознаменовалось бурным инцидентом по поводу высылки Роберта Гримма¹⁵⁶, швейцарского социалиста-интернационалиста, сыгравшего крупную роль в период Циммервальда и Кинталя и весной 1917 года приехавшего в Россию. Не буду рассказывать здесь всю эту историю. С Гриммом я встречался несколько раз. Он производил впечатление доктринера, не привыкшего лезть за словом в карман, бойкого, самоуверенного, но плохо разбирающегося в обстановке. За свое короткое пребывание в Петрограде Гримм наделал немало несуразностей и дал возможность "использовать" себя всем, кому было не лень. Широко использовали его большевики, еще шире — германский генеральный штаб, но наиболее ценные услуги он оказал, несомненно, нашим правым кругам, которым дал оружие против Советов и в особенности — против советских министров Церетели и Скобелева, поручительство которых открыло Гримму возможность въезда в Россию.

Последним подвигом Гримма была попытка прозондировать почву об условиях, на которых германское правительство согласилось бы заключить сепаратный мир с Россией. Каковы бы ни были субъективные намерения Гримма, в то время, когда он предпринимал этот шаг, сепаратный мир с Россией был предметом мечтаний германского командования, в России же все партии сходились в решительном отрицании этого решения вопроса о войне. Таким образом, непримиримый интернационалист объективно оказался в данном случае в роли агента чужого правительства.

Когда это открылось, Временное правительство предписало ему покинуть пределы России. Большевики-интернационалисты выступили на съезде с протестом против этого "акта полицейского произвола". Мартов в пламенной речи громил Временное правительство и министров-социалистов, поднявших руку на швейцарского социалиста. Ему отвечал Церетели. На всех, кто чувствовал трагическое положение революции, гнетущее, подавляющее впечатление должен был произвести этот словесный поединок. Мартов и Церетели, оба одинаково искренние, одинаково мужественные воины демократии и революции, призванные, казалось бы, идти рука об руку, защищая общее знамя от врагов справа и слева, выступили здесь непримиримыми противниками.

Мартов, защищавший Гримма в уверенности, что этим он защищает честь революции и достоинство международного социализма, вызывал чувство глубокой симпатии своей искренностью, своим энтузиазмом, искрометной талантливостью речи. Но он был в полном смысле трагичен в этот день: чувствовалась

обреченность его мысли, ходящей вокруг да около, запутавшейся в сетях диалектики и не замечающей *главного* — того, что революционная Россия находится в состоянии войны.

Церетели говорил с тем подъемом и блеском, которые свойственны ему при борьбе с сильным и честным противником. Сочувствие огромного большинства съезда было на его стороне.

Большевики отреклись от поддержки Гримма. Выступление "интернационалистов" осталось бесплодным и лишь продемонстрировало перед съездом и перед всей страной глубокий раскол в рядах социал-демократической партии. Было больно, что *этим* открылся первый съезд Советов.

* * *

Деловые занятия съезда начались прениями о власти и об отношении к Временному правительству. Прения продолжались пять дней. Наиболее интересным моментом этой части съезда явилось выступление Ленина¹⁵⁷. Здесь он бросил свою крылатую фразу об "аресте сотни капиталистов" как первом шаге истинно революционной пролетарской власти. Здесь же впервые заявил он о готовности его партии в *любую минуту* взять всю государственную власть в свои руки.

Большевистская фракция восторженно аплодировала своему вождю. Но большинство делегатов слушало его с насмешливым любопытством. И на долю Керенского, выступившего с ответом Ленину, выпал шумный успех...

Закончились прения о власти резолюцией доверия коалиционному правительству, которая была принята огромным большинством голосов. Со следующего дня, 9 июня, начались прения о войне. Но они были нарушены бурным вторжением "улицы". Застрельщиками на этот раз выступали анархисты. Это была незначительная группа, неведомо откуда всплывшая на поверхность, в течение нескольких дней приковывавшая к себе всеобщее внимание, державшая в напряженной тревоге весь Петроград и вслед за тем исчезнувшая неизвестно куда, погрузившаяся в небытие. Суть дела была, впрочем, не в этой кучке, а в той бунтарски-максималистской стихии, которую она в течение нескольких дней отражала, но которая в действительности выражалась и возглавлялась большевиками.

Еще в начале революции люди, которым предстояло сыграть в июне роль бунтарской ракеты, поселились "коммуной" на даче Дурново, на Выборгской стороне¹⁵⁸. Вначале никаких тревог обитатели дачи Дурново не вызывали, впервые я услышал о них как

о безобидных чудаках, чуть ли не толстовского склада; никто не видел преступления в том, что эти бездомные люди поселились в пустой даче бывшего министра. Но 5 июня обитатели этой дачи произвели вооруженный налет на типографию "Русской воли" и захватили ее. Вокруг типографии собралась возбужденная толпа обывателей, которая рвалась расправиться с налетчиками. Лишь вмешательство делегатов съезда, подоспевших на место происшествия, предотвратило кровопролитие. Типография была освобождена, анархисты разоружены и отправлены в Кадетский корпус, откуда после словесного внушения их отпустили на все четыре стороны.

После этого министр юстиции, по распоряжению Временного правительства, предписал анархистам в 24 часа очистить дачу Дурново. Это распоряжение, изданное с согласия Исполнительного комитета, оказалось искрой, зароненной в пороховой греб. 8 июня на Выборгской стороне вспыхнула забастовка; в парке, окружавшем дачу, собрался огромный митинг, постановивший силой оружия защищать народное достоинство против посягательств капиталистического правительства; на улицах появились группы вооруженных рабочих.

Съезд прервал свою деловую работу и занялся положением в столице. Большевики, верные своей тактике, защищали поднимавшуюся из Выборгского района волну. Напротив, большинство депутатов, отражая настроения провинции, отнеслись к начавшемуся движению с суровым осуждением. Но резолюция в этом смысле, вынесенная съездом, не потушила волнения. 9 июня на даче Дурново собрался особый "комитет" из представителей 90 фабрик и заводов. Неизвестно было, когда, где и кем избраны собравшиеся депутаты. Было известно лишь, что руководящую роль играют в комитете большевики и анархисты. Это была не политическая, а смутно-бунтарская организация — и грозным симптомом было, что между нею и самыми широкими слоями рабочих масс Петрограда сразу протянулись незримые нити. Участвовали в "комитете" и кронштадтцы, и представители столичного гарнизона.

Опираясь на поднимавшуюся волну, большевики решили на следующий день, 10 июня, вывести на улицу рабочих и солдат и бросить их против Временного правительства. Выступление готовилось с лихорадочной поспешностью и в глубокой тайне от Исполнительного комитета и партий советского большинства. Съезд узнал об этих приготовлениях на вечернем заседании 9 июня — рабочие типографии, где печаталась "Правда", передали нам корректурный оттиск еще не вышедшего номера газеты.

В помещенном в этом номере призыве на демонстрацию были выставлены следующие лозунги:

"Долой царскую Думу! Долой Государственный совет! Долой десять министров-капиталистов! Вся власть Всероссийскому совету раб(очих), солд(атских) и крест(ьянских) депутатов! Пересмотреть декларацию прав солдата! Отменить приказы против солдат и матросов! Долой анархию в промышленности и локаутчиков-капиталистов! Да здравствует контроль и организация в промышленности! Пора кончить войну! Пусть Совет депутатов объявит справедливые условия мира! Ни сепаратного мира с Вильгельмом, ни тайных договоров с французскими и английскими капиталистами! Хлеба, мира, свободы!"

Все это были обычные темы большевистской пропаганды тех дней. Но тревогу вызывало то, как подготовлялось выступление. Появившиеся откуда-то слухи, что речь идет о попытке вооруженного захвата власти, вызвали среди делегатов взрыв негодования против большевиков.

Поспешно созвали в Таврическом дворце военную секцию Петроградского совета. Б.О. Богданов¹⁵⁹ и я представили ей доклад о положении в городе и об отношении съезда к затее большевиков. Настроение собрания было вялое. Депутаты полков ничего не знали о предложенном выступлении и подтверждали лишь, что в казармах "неладно". Почти без прений приняли предложенную мной резолюцию, объявлявшую дезорганизаторским актом назначение демонстрации без ведома представительного органа революционной демократии.

Ночью — экстренное заседание съезда. Тяжелая атмосфера тревоги, неуверенности, подозрений. Провинциалы и фронтовики смотрели на большевиков с ненавистью. То здесь, то там вспыхивали бурные стычки:

— Заговорщики! Предатели!

Керенский при бурных овациях съезда докладывал о принятых правительством мерах.

Приняли набросанное мною воззвание к солдатам и рабочим: "Вас зовут на улицу для предъявления требования низвержения Временного правительства, поддержку которого Всероссийский съезд только что признал необходимой. Те, кто зовут вас, не могут не знать, что из вашей мирной демонстрации могут возникнуть кровавые беспорядки... Вашим выступлением хотят воспользоваться контрреволюционеры. Они ждут минуты, когда междоусобица в рядах революционной демократии даст им возможность раздавить революцию".

И в заключение — запрещение на три дня уличных манифестаций.

Большевики присоединились к последней мере — к запрещению демонстраций. Приняв воззвание и избрав особую комиссию, собрание закрылось.

Остаток ночи с 9-го на 10-е члены съезда провели в казармах и в заводских районах. Впечатление получилось на этот раз убийственное. На мою долю выпало "угovarивать" 3-й пехотный полк. Несмотря на ночную пору, все солдаты были на ногах, многие при оружии. На мой вопрос, почему они не легли спать в обычное время, солдаты отвечали:

— Велено быть готовыми выступать.

— Зачем вы при оружии?

— Идем резать буржуазию.

Собрав полк, обратился к нему от имени съезда Советов. Поднялись крики:

— Не знаем никакого съезда!

— Это съезд земских начальников!

Когда я сказал, что я — член Исполнительного комитета Петроградского совета, опять крики:

— Комитет жидами захвачен!

Все же выслушали меня, и казалось, что моя речь произвела некоторое впечатление. Но после меня выступил человек в солдатской форме, малоинтеллигентного вида, однако, видимо, привыкший говорить перед толпой.

— Революция ничего не дала солдатам. Министры продались буржуазии. Церетели взял взятку в 10 миллионов рублей. Нам все равно, кто будет править Россией, — хотя бы Вильгельм!

И солдаты, считавшие себя большевиками, бешено аплодировали этим словам.

Под конец все же поняли, что в Петрограде собрались представители *всех* Советов и что они *все* против демонстрации. Решили не выступать и хмуро разбрелись по ротам.

Не лучше была картина и в других воинских частях. Сильной черносотенно-погромной струей было отмечено также настроение рабочих кварталов.

Утром открылось в Таврическом дворце заседание съезда. Выяснилось, что демонстрации не будет — но, вместе с тем, выяснилось из докладов членов съезда, насколько враждебна ему клокующая в рабочих кварталах и в казармах стихия.

День 10 июня прошел спокойно. Но мы жили как на вулкане. На следующий день по инициативе Церетели собрались на закрытое совещание членов петроградского съезда и бюро всех съездовских фракций. Собрание было тяжелое и бурное. Дан внес предложение установить на будущее время, чтобы воинские части мог-

ли участвовать с оружием лишь в манифестациях, устраиваемых Советами, и чтобы вообще никакие демонстрации не устраивались без ведома и согласия Советов. Церетели говорил о "заговоре" большевиков против революции и требовал их разоружения.

Чтобы понять все значение последнего требования, нужно восстановить в памяти некоторые особенности положения в Петрограде. Еще в февральские дни в руки населения попало значительное количество оружия, частью переданного толпе солдатами, частью отобранного при разоружении полиции, частью взятого из разбитых оружейных магазинов и складов. В дальнейшем это оружие естественным образом стеклось к наиболее активным, бунтарски настроенным группам, которые продолжали непрерывно вооружаться и в последующие месяцы. Лозунг "вооружения рабочих" с начала апреля занимал видное место в большевистской агитации. Оппозиция Исполнительного комитета в глазах части рабочих лишь увеличивала обаятельность этого требования. Сочувствовали вооружению рабочих и бунтарски настроенные полки, и именно благодаря их содействию число винтовок и даже пулеметов в рабочих кварталах с каждым днем возрастало. Потом на всех крупных заводах появились вооруженные до зубов дружины. Они до поры до времени не выступали активно и даже, насколько помню, не выносили особенно "свирепых" резолюций, но ни для кого не было тайной, что они составляют "войско Ленина", готовое выступить против "войска Керенского". К разоружению этих рабочих отрядов, к роспуску заводских дружин и сводилось требование Церетели о разоружении большевиков. По соотношению реальных сил эта мера была неосуществима: дружины добровольно не сдали бы оружия, а солдаты отказались бы силой отбирать у рабочих винтовки, которые сами же в феврале и позже давали рабочим. Но поставленный Церетели вопрос о разоружении произвел на бунтарские элементы столицы впечатление "призыва к порядку" и в этом смысле не остался без последствий.

Большевики, протестуя против выступления Церетели, покинули собрание. В защиту их от несправедливых подозрений выступил Мартов. Провинциальные делегаты истерически протестовали против того, что петроградцы втягивают их в свои "домашние споры", призывали к единству, рассказывали о том, как хорошо уживаются они с большевиками "у себя" — на Волге, на Урале, в Сибири. Та постановка, которую придавал Церетели вопросу о несостоявшемся выступлении, представлялась им слишком острой и несправедливой. При голосовании резолюции голоса разбились: половина собрания считала достаточ-

ными меры, предложенные Даном, половина настаивала на более решительных шагах, и, в частности, на том, чтобы действия большевиков были осуждены как *заговор*.

Согласились, наконец, предложить съезду краткую резолюцию, устанавливавшую, что уличные демонстрации могут быть устраиваемы лишь с ведома и согласия Совета, но обходившую молчанием вопрос о разоружении большевистских организаций.

На съезде новый скандал: большевики представили письменное заявление с протестом против обвинения их партии в подготовке заговора и с шумом покинули здание. Ту же демонстрацию большевики повторили два дня спустя, 14 июня, на собрании Петроградского совета — так велико было их негодование против контрреволюционной клеветы, приписывавшей им устройство заговора.

Ну а на самом деле? Был ли налицо заговор 10 июня? Действовали ли в данном случае большевики, как бакунисты¹⁶⁰, разнуздывая бунтарскую стихию, или как бланкисты¹⁶¹, готовя технический аппарат для переворота? Материалы, опубликованные за последнее время, неопровержимо доказали, что в деле 10 июня бланкистский элемент в тактике большевиков сочетался с бакунистским: в то время как партия в целом разжигала бунтарские инстинкты, ее центр в глубокой тайне готовил план переворота. Дело должно было начаться вооруженной демонстрацией около Мариинского дворца и закончиться — в случае благоприятного хода событий — арестом Временного правительства*. Масса должна была создать обстановку, инициативная группа заговорщиков сохраняла за собой нанесение решительного удара. Именно потому большевики легко отказались от проектированного выступления, что с разоблачением его заговорщического элемента оно утрачивало в их глазах всякую ценность. К тому же другая цель, которую ставила себе партия — продемонстрировать перед провинциалами свою силу в столице, — была ею в полной мере достигнута.

* * *

История с несостоявшимся выступлением 10 июня имела свое продолжение. Чтобы сгладить оставленное ею неприятное впечатление, съезд решил назначить на 18 июня манифестацию, которая должна была бы выявить единство революционной демократии Петрограда. Затея в основе своей была нелепая: нельзя выявить то, чего нет; манифестация могла обнаружить только те

* См.: *Суханов Н.* Записки о революции, кн. 4, с. 317—323.

настроения масс, которые мы наблюдали в ночь с 9-го на 10-е — лишь внешним образом облагородив их, придав им оболочку установленной обычаем революционной фразеологии.

Но... интернационалисты искали путей для примирения с большевиками, которых так несправедливо обидел Церетели; часть меньшевиков-оборонцев хотела дать удовлетворение интернационалистам; провинциалы открыто заявляли, что ничего не понимают в петроградской "каше"; среди руководителей Исполнительного комитета нашлись люди, убежденные в том, что стихийные настроения толпы — вздор, что все дело в организации и что в их руках манифестация не может не удасться. Именно эти маги организации и навязали съезду план манифестации 18 июня.

Заодно надеялись использовать манифестацию для того, чтобы познакомить рабочие и солдатские массы Петрограда с делегацией, которую съезд Советов решил отправить в нейтральные и союзные страны для агитации в пользу мира.

Казалось бы, эта заграничная делегация должна была играть крупную роль в нашей борьбе за мир. Но, как я упоминал уже, поглощенные текущей работой, увлеченные задачей повышения боеспособности армии, мы не уделяли достаточно сил и внимания положительной стороне мирной политики, и в результате вопрос о делегации как-то отодвинулся у нас на задний план. Организовывать ее принялись только в июне, выбирали ее наспех, и состав ее оказался случайный, недостаточно яркий. В нее вошли Гольденберг, Эрлих¹⁶², Русанов¹⁶³ и два Смирновых (один — рабочий¹⁶⁴, другой — фронтовик¹⁶⁵). Широкие массы членов делегации не знали, да и интересовались ею так же мало, как и вопросом о международной социалистической конференции. Это должно было отразиться на успехах делегатов в Европе.

Но инициаторы манифестации рассчитывали помочь делу, поставив уезжающих в Европу делегатов в центр торжества и придав всей манифестации характер грандиозных проводов, устраиваемых им революционным Петроградом. В результате и рабочие, и солдаты должны были бы почувствовать, что у них есть надежда на близкий мир, и Европа должна была бы серьезно считаться с нашими посланцами.

Манифестация прошла с внешним порядком. Правда, по числу участников она сильно уступала состоявшейся два месяца тому назад первомайской манифестации, но все же и теперь демонстрантов приходилось считать сотнями тысяч. И когда правая печать на другой день утверждала, что демонстрация провалилась из-за равнодушия населения, это был, на лучший конец, самообман: манифестация была внушительна. Но действительно про-

валился наш план при помощи нее укрепить единство в рядах демократии и влить новые силы в политику советского большевизма. Вместо этого получился смотр сил большевизма. Десятки и сотни тысяч солдат и рабочих шли с красными знаменами — в этом лесе знамен и плакатов наши лозунги сиротливо тонули среди тех лозунгов, под которыми должна была протекать большевистская демонстрация 10 июня.

Для нас было бы плохим утешением объяснять это преобладание большевистских знамен тем, что партия Ленина проявила больше энергии и ловкости, чем мы. Дело было не в энергии руководителей, а в настроении масс: оно было против нас, против Исполнительного комитета, против съезда Советов, против коалиции. О заграничной делегации во время манифестации никто и не вспомнил. Подводя итоги этого дня, "Рабочая газета" писала:

"Манифестация 18 июня превратилась в манифестацию недоверия Временному правительству.

Конечно, желательно было избежать всеми силами уличного столкновения противоположных манифестаций, но не такой ценой! Лучше было предоставить ленинцам устроить исключительно свою манифестацию, но нельзя было оказывать всем своим весом, всем своим влиянием фактическую поддержку ленинцам и их лозунгам".*

Это была еще очень сдержанная оценка положения. И будто для того, чтобы дать исчерпывающее доказательство силы бунтарской стихии в Петрограде, анархисты прямо с демонстрации отправились к "Крестам"¹⁶⁶ и силой освободили из тюрьмы несколько человек, которых признали "защитниками народа" (в том числе уголовных и привлеченных по обвинению в шпионаже), и торжественно увели в свою цитадель, на дачу Дурново**.

* * *

В тот самый день, когда максималистская стихия демонстрировала в Петрограде свои силы, произошло другое событие огромной политической важности — наша армия на Юго-Западном фронте перешла в наступление.

Я говорил уже о майской кампании подготовки наступления

* Рабочая газета, 1917, № 85, 20 июня, статья Череванина.

** В последнем выступлении анархистов большевики непосредственно не участвовали, и Ленин даже осудил его на столбцах "Правды" (1917, № 87, 21 июня, статья без подписи)¹⁶⁷. Но не подлежит сомнению, что в данном случае именно большевистские настроения рабочих и петроградского гарнизона развязывали руки анархистским группам.

и о том, как связывалось в представлении сторонников "революционного оборончества" оживление фронта с борьбой за всеобщий мир. Отмечу здесь, что с начала июня политические круги в Петрограде ждали со дня на день известия о начавшихся на фронте боевых действиях. Ждали этого известия со смешанными чувствами. Правые круги частью рассчитывали на то, что наступление даст возможность "подтянуть" армию, а частью мечтали и о том, чтобы немцы показали "товарищам-солдатам", что нельзя воевать при комитетах, правах и свободах.

Среди руководителей Исполнительного комитета, как мне кажется, преобладал взгляд на подготовляемые операции как на *последнюю карту*. Не было уверенности в том, что предпринимаемый шаг принесет спасение, но было сознание, что *иного пути не дано*.

Большевики метали громы и молнии против предстоящего возобновления бойни. Но как "реальные политики" они учитывали, насколько улучшатся для них условия пропаганды, когда наступление из более или менее отдаленной *возможности* превратится в *действительность*, и потому они ничего не имели против того, чтобы Керенский "попробовал". "Меньшевики-интернационалисты", напротив, в борьбе против предполагаемого наступления развивали всю доступную им энергию. Так, при открытии съезда Советов они выступили с требованием поставить вопрос о наступлении *первым* в порядок дня. К этому же вопросу они возвращались не раз и в ходе прений о власти и войне.

Именно из интернационалистски-меньшевистских кругов вышли в это время два новых лозунга: требование немедленного всеобщего перемирия и требование разрыва с союзниками и перехода к "сепаратной войне". Лозунг "всеобщего перемирия" имел все преимущества простоты и ясности — плохо было лишь то, что выдвигался он в то время, когда Россия фактически находилась в состоянии *сепаратного* перемирия с противниками, а на Западном фронте шли упорные бои. Русскому солдату этот лозунг не давал ничего нового. Требование же "разрыва с союзниками и сепаратной войны" было словесной эквилибристикой, лишенной всякого политического смысла.

19 июня в Петрограде стало известно о начавшемся накануне наступлении армий нашего Юго-Западного фронта. Телеграмма Керенского с места боевых действий давала восторженное изображение начатой операции. На съезде весть о наступлении вызвала взрыв энтузиазма. С неподдельным подъемом принял съезд ярко оборонческую резолюцию приветствия наступающим полкам, которым, согласно предложению Керенского, было присвоено почетное звание "полков 18 июня". И этот подъем расстроил

ряды оппозиции. Выступление ее представителей — как большевиков, так и "интернационалистов" — были слабы, бесцветны, неуверенны.

В это время на Невском проспекте происходили "патриотические манифестации" с портретами Керенского, которому в этот день даже "милюковцы" готовы были простить все его прегрешения. И здесь чувствовался подъем. Но состав манифестантов был отчетливо классовый: буржуазия, интеллигенция, студенты. Рабочие и солдаты Петрограда не принимали участия в ликованиях.

На другой день собрался Петроградский совет. В порядке дня был вопрос о наступлении. Церетели делал доклад, его прерывали то взрывами аплодисментов, то свистками и враждебными криками. Я должен был защищать резолюцию приветствия войскам и во время своей речи чувствовал, как борются противоположные страсти в собрании. Одно время мне казалось даже, что резолюция не соберет большинства. Но подсчет голосов дал 472 голоса за резолюцию при 271 *против* и 39 воздержавшихся.

Итак, мы все же собрали в Совете 60% голосов! Но в низах, в рабочих и солдатских массах Петрограда, большинство было на другой стороне — после дела 10 июня и манифестации 18 июня на этот счет не могло быть никаких иллюзий. 20 июня "Рабочая газета" писала о начавшемся наступлении:

"Надо, наконец, понять, что судьбы Российской революции не могут, не должны зависеть исключительно от того, до какого момента в планы германского командования входит сепаратное перемирие на нашем фронте.

Надо, наконец, понять, что это сепаратное перемирие, в форме бездействия на фронте или братания, мешает процессу отрезвления от шовинистического угара демократий союзных стран, что оно усиливает аппетиты австро-германских империалистов...

...Пока российская демократия властна определять линию международной политики Временного правительства, пока она со всем напряжением ведет борьбу за всеобщий мир на демократических началах... — до тех пор российская демократия будет единой со своей армией, и крики недопустимости наступления ее не смутят".

Но эти крики день ото дня звучали все громче и громче.

* * *

Большевики приняли весть о наступлении как вызов. 20 июня их петроградский комитет вынес резолюцию, заявлявшую, что приказ о наступлении "на деле лишь укрепляет позицию импе-

риалистов во всех странах и усиливает организующуюся контрреволюцию в России". Но вполне очевидно, что, с точки зрения большевиков, такое значение имел вовсе не *приказ* о наступлении. Приказ, *не выполненный* войсками, или даже начавшееся наступление, окончившееся поражением, не могли, согласно их взглядам, "усилить контрреволюцию" в России. Опасно было *успешное* наступление, спланиваемое солдат вокруг командного состава, увеличивающее популярность правительства, создающее ореол вокруг тех, кто стоял за данную операцию.

Раз не удалось помешать *началу* наступления, необходимо было сделать все, чтобы помешать его *успеху*. Логика вещей заставляла, таким образом, большевиков занять по отношению к начавшимся на фронте операциям активно *пораженческую* позицию. "Меньшевики-интернационалисты" не могли пойти за ними на этом пути. Но "изолированность" в данном случае не только не вредила большевикам, а скорее была выгодна им, создавая вокруг них ореол *единственных* защитников посылаемых на смерть солдат. И вот со стороны большевиков началась энергичная кампания, задачей которой был срыв наступления.

Как шла эта кампания на фронте, описывать я не буду. Расскажу лишь, как велось дело в Петрограде. Здесь исключительно благоприятную почву для большевистской агитации представляли запасные воинские части. Каждый солдат понимал, что пока на фронте длится фактическое перемирие, ему ничто не грозит, а с оживлением операций фронту потребуются пополнения, и благополучному житью тыловых гарнизонов придет конец.

— Вот коли бы немцы всыпали хорошенько "нашим", чтоб сидели, дураки, в окопах, не лезли б на проволоку!

Мне самому много раз приходилось слышать подобные речи из уст темных солдат, считавших себя большевиками. На этой точке зрения стояли и целые воинские части. А 21 июня запасной батальон Егерского полка вынес резолюцию *порицания* 7-й и 11-й армиям за их наступление против "братьев-немцев". Впрочем, это было "слишком" — резолюция вызвала целую бурю, и большевистская партия не решилась открыто солидаризироваться с нею.

На почве тех же *пораженческих* настроений солдатской массы произошло побоище в Петергофе. Когда ученики местного юнкерского училища вздумали устроить манифестацию по поводу наступления, солдаты напали на них, стреляли в них, кололи штыками, сбрасывали с моста в реку. Съезд поручил расследование этого происшествия особой комиссией, в которую вошли представитель 1-й армии Виленкин¹⁶⁸, я и один из провинциальных делегатов-рабочих. Картина побоища, которую мы восста-

новили путем опроса свидетелей, была удручающая. Но пострадавшие просили не искать виновников, чтобы не увеличивать раздражения солдатской массы против юнкеров.

Собрали солдат на митинг. Толпа была огромная — не помню, было ли это собрание того полка, который избивал юнкеров, или всего петергофского гарнизона. Пока мы говорили о побоище, толпа соглашалась с нами, что буяннить не следовало. Но когда мы перешли к вопросу о наступлении и принялись разъяснять позицию съезда, поднялся шум, свист, крики: "Долой!"

Мне запомнилось выступление на этом митинге Виленкина. Он был в походной гусарской форме, с георгиевскими крестами на груди, и с его боевым облачением странно расходился его медлительный говор — в нос, с "пшютоватыми" нотками. Но говорил он блестяще — ярко, остроумно, смело, — и его манеры, видимо, импонировали солдатам.

После одного особенно бурного взрыва протестов, когда после пятиминутного рева толпа, наконец, утихла, Виленкин сказал:

— У вас, товарищи, свободу иначе понимают, чем у нас на фронте. Раз вы представителей Всероссийского съезда Советов не желаете выслушать, когда они вас против шерстки гладят, понятно, что вы на юнкеров с ружьями напали. Только на ружья свои вы больно не полагайтесь. Какие вы воины — с первого взгляда видно. Если бы я с моими товарищами-гусарами был здесь, когда вы на училище напали, мы бы вам так всыпали, что в другой раз вы бы не полезли!

Толпа затихла. Но никто не думал тогда, что две недели спустя Виленкин действительно приведет своих гусар в Петроград!

В эти дни много говорили о пораженческих резолюциях различных тыловых полков. Были здесь пожелания наступающим частям "сложить в бою пустые головы", "понести равные с противником потери", были приветствия "немецким крестьянам и рабочим, борющимся с русским империализмом". Насколько были *правдивы* сообщения об этих резолюциях, судить я не могу. Скажу лишь, что они представлялись мне *правдоподобными*.

Борьба в рядах революционной демократии вспыхнула с небывалой силой. Большевицкая партия отбросила оружие критики и открыто готовилась к критике силой оружия: с 20 июня она приступила к открытой подготовке вооруженных сил для свержения Временного правительства. Силы были налицо: запасные воинские части, боявшиеся отправки на фронт. Нужно было раскатать, объединить их и внушить им сознание, что "все могут". В этом направлении закипела работа. Уже 20 июня делегаты 1-го пулеметного полка открыто обратились к гренадерам с

предложением выступить с оружием в руках против Временного правительства и буржуазии, ссылаясь при этом на обещанную поддержку Московского и Павловского полков и 40000 путиловцев. В последовавшие дни хождение депутаций из полка в полк сделалось обычным делом. Выступили вновь и кронштадтцы. 22 июня митинг на Якорной площади вынес постановление отправиться в Петроград с оружием для освобождения анархистов, арестованных 20-го при "ликвидации" дачи Дурново.

* * *

24 июня закрылся Всероссийский съезд Советов. Результаты его трехнедельных занятий оказались близки к нулю. Правда, съезд вынес резолюции, утверждавшие политику революционного оборончества, принял резолюцию доверия коалиционному правительству, выпустил ряд воззваний и пр., и пр. Но все это была словесность: она не намечала новых линий политики, не меняла политических группировок, не создавала новых сил на стороне той политики, которую стремилась укрепить. Именно этой бесплодностью съезда объясняется то, что итоги его деятельности правым представлялись в виде капитуляции перед "улицей", тогда как левая оппозиция считала, что съезд сдал все позиции буржуазной контрреволюции.

Пожалуй, единственным осязательным результатом работ съезда явилось создание Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов¹⁶⁹, к которому должны были перейти общеполитические функции, до сих пор — согласно решению апрельского совещания — лежавшие на Петроградском исполнительном комитете. Новый орган состоял из 300 человек. Из них половина была избрана съездом на началах пропорционального представительства фракций; 100 человек были избраны из числа провинциальных делегатов по принципу местного, территориального представительства; 50 человек должен был делегировать Исполнительный комитет Петроградского совета. Особенностью организации было то, что треть ее членов (провинциалы) должна была сразу после избрания рассеяться по России и вести работу на местах, в готовности в любой момент выехать в Петроград для участия в пленарном заседании ЦИК. Присутствие этой трети делегатов признавалось обязательным для решения принципиальных вопросов общегосударственного значения, тогда как текущую работу комитет мог вести в составе членов, остающихся в Петрограде.

Вместе с тем были установлены взаимоотношения между на-

шим ЦИК и крестьянским центром¹⁷⁰. Руководители крестьянской организации предлагали слить оба комитета и создать, таким образом, единый представительный орган всей революционной демократии. Но авксентьевские "мужички"¹⁷¹ не внушали нам доверия: слишком часто сквозь их эсерство пробивались истинно русские нотки. Решено было поэтому с крестьянским центром не сливаться, но работать в контакте с ним, устраивая в случае надобности совместные заседания обоих комитетов.

Заседание ЦИК разрешало тот вопрос, с которым мы столкнулись в связи с большевистской кампанией в пользу перевыборов Петроградского совета: под руководящий центр общероссийской демократии подводился фундамент, делавший его независимым от колебаний в настроениях солдат и рабочих столицы. Другими словами, политика, *психологической* опорой которой были настроения большинства страны, получала теперь и *формальную* опору в виде представительства провинциальных Советов.

Наряду с несомненными преимуществами это перестроение советского центра имело и теневую сторону: входило в норму, что центральный орган демократии опирался на территориально отдаленные от него силы, в то время как непосредственно окружающие его демократические элементы не только не поддерживают его, но и открыто идут против его политики.

Делегаты разъезжались со съезда в мрачном настроении. Провинциалы, прощаясь с петроградцами, старались выразить нам свое сочувствие: они считали, что мы остаемся во рву зверином, обреченные на всевозможные испытания. Особенно тягостное впечатление о положении в Петрограде увозили с собой фронтовики. Представители армейских комитетов Северного фронта, с которыми я познакомился, объезжая вместе с ними казармы, говорили, что если дела в петроградском гарнизоне и впредь будут идти так, как они идут теперь, фронту придется активно вмешаться.

* * *

Из решений съезда по частным, конкретным вопросам два заслуживают внимания: 1) требование прекращения отпуска средств Государственной думе и Государственному совету и 2) требование скорейшего созыва Учредительного собрания. Первое из этих решений явилось уступкой настойчивым требованиям, шедшим из низов.

Вспоминая теперь борьбу, которая разгорелась на съезде вокруг вопроса о Государственной думе, я не могу не признать, что

правы были в этом споре представители оппозиции, требовавшие ликвидации Думы как пережитка царизма, а не руководители советского большинства, пытавшиеся удержать съезд от резкого, по их мнению, решения. Явившаяся в результате этой борьбы резолюция оказалась половинчатой, слабой и никого не удовлетворила.

Существеннее было решение об ускорении созыва Учредительного собрания. Напомню, что уже в платформе, выработанной в Исполнительном комитете в ночь с 1 на 2 мая, был пункт о *"скорейшем созыве Учредительного собрания в Петрограде"*. Но когда принимался этот пункт, логическое ударение в советских кругах ставилось не на времени, а на месте, где соберется Учредительное собрание. Признавалось существенным, чтоб оно было созвано именно в Петрограде, где всего напряженнее бился пульс революции, а не в Москве; вопрос же о том, соберется ли Учредительное собрание на месяц раньше или на месяц позже, считался сравнительно второстепенным.

Вообще, сознание того, что с созывом Учредительного собрания необходимо спешить, довольно поздно появилось в советских кругах. Этот вопрос — один из кардинальнейших вопросов российской революции — имел своеобразную историю. В декларации первого Временного правительства, опубликованной 6 марта, в перечне задач правительства на первом месте стояло: *"Создать в возможно кратчайший срок Учредительное собрание"*. Но этому обещанию придавалось так мало значения, что *только 25 марта* правительство приняло решение образовать *"Особое совещание"* для выработки избирательного закона. Далее, когда Исполнительный комитет получил приглашение делегировать в *"совещание"* своих представителей, этот вопрос долгое время переходил из порядка дня одного заседания в повестку следующего собрания в числе неспешных, *"вермишельных"* вопросов. *"Совещание"* собралось *лишь 25 мая*. И работало оно настолько медленно, что *"Положение о выборах"* было опубликовано *лишь 26 июля*, то есть только на исходе пятого месяца революции была исполнена та *предварительная* работа, которая *должна* была и могла быть закончена в течение 2—3 недель!

Такая медлительность объяснялась тремя причинами:

1) Временное правительство, имея в своих руках всю полностью исполнительную и законодательную власть, в первое время не считало, что для России будет лучше, если эта власть будет ограничена и если, в частности, право законодательствования перейдет из рук кабинета в руки громоздкого собрания неопределенного состава.

2) В правых кругах была с самого начала тенденция оттянуть созыв Учредительного собрания до конца войны и во всяком случае до того момента, когда рассеется "революционный угар".

3) В советских кругах в первое время преобладало безучастное отношение к вопросу об Учредительном собрании, и наличный статус-кво представлялся более благоприятным для завоеваний революции.

Это не значит, что советские деятели готовы были отказаться от Учредительного собрания. Нет, в Учредительном собрании для них с самого начала воплощалась идея суверенитета свободного народа, и отказ от этой точки зрения был бы в их глазах изменой идеалам демократии, изменой революции. Но была тенденция не спешить с выборами, дать народу время освоиться с новыми условиями, сжиться с новыми понятиями, познакомиться с программами различных партий. Отсрочка выборов представлялась предпосылкой того, чтобы выборы прошли *сознательно* и, действительно, отразили желания страны. К тому же и политическим партиям необходимо было время, чтобы наладить аппарат для предстоящей избирательной кампании.

В силу этих соображений в Таврическом дворце в первое время не было заметно стремления "форсировать" подготовку выборов. Сознание необходимости спешить явилось лишь тогда, когда выяснилось, что дела идут скверно и что нет возможности наличными средствами создать авторитетное и сильное правительство. Тогда — в середине мая — руководящая группа Совета сделала попытку ускорить работы Особого совещания. Но из этой попытки ничего не вышло: дело уже было поставлено на рельсы, все нити его были в руках противников скорого созыва Учредительного собрания, а в массах вопрос не вызывал большого интереса.

В конце мая у партии народной свободы окрепло убеждение, что "революционный угар" в стране пройдет не скоро — из этого вытекала необходимость оттянуть выборы в Учредительное собрание как можно дальше. С этого времени в вопросе о сроке созыва Учредительного собрания наступила некоторая ясность: правые открыто оттягивают выборы, демократия отстаивает ускорение их, и настойчивость ее в этом требовании возрастает по мере того, как растет разруха и анархия в стране.

Эпизодом этой борьбы и явилась резолюция съезда. Казалось, что эта резолюция имеет непосредственные практические результаты: в исполнение воли съезда Временное правительство опубликовало 15 июня постановление, назначавшее на 17 сентября выборы народных представителей и на 30 сентября созыв Учредительного собрания. Но цензовики не считали себя побежден-

ными. Одновременно с правительственным постановлением было опубликовано сообщение Особого совещания, заявлявшее, что выборы в Учредительное собрание не могут быть произведены раньше двух месяцев после повсеместного введения волостных и городских органов самоуправления на демократических началах. А так как эти органы могли быть введены *повсеместно* лишь к 1 октября, то выборы отодвигались таким образом до 1 декабря, а созыв Учредительного собрания — до конца года.

В пользу отсрочки выборов, которая могла оказаться — и оказалась — роковой для самого существования государства, приводились доводы, которые теперь, на расстоянии прошедших лет, звучат издевательством над здравым смыслом: в России нет необходимого количества конвертов для избирательных бюллетеней; нужно произвести капитальный ремонт Таврического дворца; пока не выбраны органы самоуправления, некому поручить составление списков для общегосударственных выборов...

Как будто нельзя было выборы в Учредительное собрание произвести *одновременно* с муниципальными и земскими выборами, с соблюдением *той же* процедуры, под контролем тех же межпартийных комиссий!

Но демократия не отдавала себе отчета в серьезности поставленного вопроса. Советские круги удовлетворялись словесной победой, постановлением правительства о сроке выборов, а дело осталось в руках Особого совещания, которое настойчиво проводило политику конституционно-демократической партии, политику затягивания выборов. Из всех ошибок, совершенных демократией в ходе революции 1917 года, это была, быть может, самая тяжелая.

Глава седьмая

ИЮЛЬСКИЙ КРИЗИС

К концу июня в Петрограде пахло порохом и кровью. На Выборгской стороне бурлили страсти вокруг дачи Дурново. За Нарвской заставой назревала забастовка путиловцев. Клокотала стихия бунта в Кронштадте. Волновались полки. Сильнее всего было возбуждение в воинских частях, которым в наибольшей мере угрожала отправка на позиции. А всего острее этот вопрос стоял для *пулеметчиков*, так как с фронта неслись настойчивые требования о присылке команд с пулеметами. Естественно поэтому, что именно пулеметные полки первые заговорили о вооруженных действиях против Исполнительного комитета.

21 июня 1-й пулеметный полк, обсудив требование об отправки на фронт 30 пулеметных команд, единогласно постановил:

"1) Оставляя в силе постановление о посылке 10 команд в кратчайший срок — уведомить ИК, что в дальнейшем мы будем посылать команды на фронт только тогда, когда война будет носить революционный характер, который возможен только при устранении от власти капиталистов и переходе ее в руки демократии в лице Всероссийского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

2) Если СР и СД будет угрожать нашему и другим революционным полкам раскассированием, т.е. расформированием, даже путем применения вооруженной силы, то в ответ на это мы не остановимся также перед раскассированием военной силой Временного правительства и других организаций, его поддерживающих.

3) Поручить гг. делегатам с фронта заявить от нашего имени гг. солдатам следующее:

Пусть они, солдаты на фронте, требуют вместе с нами перехода власти в руки народа, и когда мы этого добьемся, то тогда поддержки и пополнения на фронте просить не придется, тогда она явится сама".

Итак, на фронт не идти, а Исполнительный комитет и всех, кто попробует нас выгнать на позицию, — штыком! Это была формула тылового "большевизма".

Но еще характернее, пожалуй, для состояния умов петроградского гарнизона резолюция 2-го пулеметного полка:

"Мы, солдаты, собравшиеся на полковой митинг, выслушав ряд докладчиков разных партий, заявляем, что наступление русской армии, с одной стороны, нанесет удар начавшемуся революционному движению в других странах (в Штеттине, митинг протеста солдат в Лондоне и др. гор[одах]), с другой стороны, дает огромные барыши русской и англо-американо-французской буржуазии, наживающейся на самом процессе войны, ведущейся исключительно в интересах мирового капитала. Мы стоим за мир, но не за мир царей и правительств, а за честный мир всех народов, через головы всех правительств. Мы протестуем против приказа Керенского о 40-летних и об отпусках¹⁷². Мы видим только один выход из создавшегося положения: только тогда, когда власть перейдет к народу, перейдет к СР и СД, когда не Терещенко, не Милюков, а сам народ встанет у власти — тогда мы приблизимся к миру! Немедленно переизбрать делегатов Совета р[абочих] и с[олдатских] депутатов и членов полкового комитета в нашем полку, тех членов, которые не выражают мнение массы и не исполняют нашу волю, волю народа! Протестуем против расформирования революционных полков, как-то: 703-го Сурамского, Гвардии гренадерского* и др.

Требуем прекратить аресты и травлю большевиков. Да здравствует Гренадерский, Павловский полки** и примыкающие к ним другие части!

Да здравствуют путиловцы и кронштадтцы! Требуем опубликования тайных договоров! Долой женские батальоны!¹⁷³ ...Протестуем против разгрузки петроградского гарнизона!¹⁷⁴

Требуем немедленно отправить на фронт капиталистов, жандармов и казаков, буржуазию из запасных батальонов! Тех вольноопределяющихся, которые не приносят пользы в части!.. Немедленно требуем выдать паек солдаткам в таком же размере, как и офицерским женам¹⁷⁵.

Здесь лозунги, шедшие из темных "низов", сплелись с идеями, вносимыми в солдатскую массу извне — и налицо взрывчатая смесь исключительной силы. Пожар недовольства и злобы разгорался в Петрограде день ото дня все сильнее, все шире. Поводов для недо-

* Революционность 703-го Сурамского полка выразилась в избииении Н.Д. Соколова, а революционность Гренадерского полка — в бегстве с позиций.

** Это были полки, прочно "завоеванные" большевистской военной организацией и уже выразившие готовность к "выступлению" против правительства.

*** О разгрузке гарнизона вообще не было речи.

**** Правда, 1917, 4 июля.

вольства было много. Положение было тяжелое, впереди не видно было просвета, революция "обманула" темных людей, которые от победы ее ждали избавления от всех бед и лишений. Были основания и для злобы, ибо правые круги — удельный весь которых должны были измерить последующие события — вели по отношению к революции и рабочему классу политику грубой провокации. Достаточно перечесть правую либеральную печать того времени, чтобы понять, как трудно было революционно настроенным рабочим Петрограда понять нашу политику "коалиции" с буржуазией, обливавшей презрением и ненавистью все то, что было им дорого и свято, с кругами, которые на пятом месяце революции все еще не расстались с мечтой о восстановлении монархии!

Некоторое время волнения в Петербурге сдерживались вестями об успешно развивающемся наступлении на фронте. Затем на фронте наступила заминка. Последняя преграда, сдерживавшая массы, была снята!..

* * *

Взрыв был ускорен правительственным кризисом: 2 июня члены конституционно-демократической партии вышли из состава Временного правительства и этим поставили перед страной вопрос не только о составе кабинета, но и о способе создания центральной государственной власти.

Непосредственным поводом выхода кадетов из кабинета явилось, как известно, их нежелание признать соглашение, заключенное с Украинской Радой в Киеве от имени Временного правительства Терещенко и Церетели и узаконивавшее автономию Украины¹⁷⁴. Не буду останавливаться здесь на разборе этого соглашения. Отмечу лишь, что в составе правительства кроме 4 кадетов было еще 5 буржуазных министров, и из них ни один не считал возможным поддержать протест представителей партии народной свободы. Таким образом, выход последних из правительства остался в полной мере партийным шагом.

О роли, которую сыграл в этом деле украинский вопрос, П.Н. Миллюков пишет:

"Конечно, кризис разыгрался не из-за одного украинского вопроса. Но решение украинского вопроса "триумвиратом"* в Киеве, с нарушением основных положений коалиции, представляло особенно яркое и типичное доказательство невозможности дальнейшего существования коалиции"***.

* Кроме Терещенко и Церетели в Киеве был также Керенский.

** Миллюков П.Н. Указ. соч., с. 236.

Более ранние "нарушения основных положений коалиции" автор усматривает в том, что решения подготавливались "келейно в руководящей группе" кабинета и проводились в заседании Временного правительства большинством голосов, против голосов 4 кадетов.

Но корень кризиса лежал, конечно, глубже: в исключительно тяжелый момент, когда все висело на волоске и на фронте, и в тылу, наиболее влиятельная партия буржуазии решила прекратить всякое сотрудничество с демократией и направить все усилия на подготовку условий для сотрудничества с иными силами на платформе военной диктатуры.

Впрочем, как украинский вопрос был не причиной, а поводом разрыва кадетами майской коалиции, так и отставка 4 министров кадетов явилась лишь поводом, а не причиной бурных событий следующих дней. Утром 3 июня на квартире Скобелева собралась руководящая группа ЦИК. Совещание длилось недолго. Церетели, усталый, удрученный, сделал краткий доклад и изложил свой план разрешения кризиса: не делать попыток для удержания конституционно-демократической партии в правительстве; считая отставку министров-кадетов окончательной, сохранить правительство в сокращенном составе, с преобладанием в нем социалистов; деловое управление ведомствами ушедших министров временно передать их товарищам¹⁷⁵. Для окончательного решения вопроса о власти созвать пленум ЦИК. Предложение Церетели было принято без возражений. Как иначе могли мы решить вопрос, не сходя с почвы резолюций только что закончившегося съезда Советов?

Но для тех групп Исполнительного комитета, которые считали всю политику съезда пагубной и ошибочной, план Церетели был неприемлем. С наибольшей энергией выступил против него Мартов; он требовал немедленного разрыва с цензовыми кругами и создания правительства исключительно из советских партий. Большевики шли дальше и отстаивали переход всей власти непосредственно в руки Советов.

Иными словами, на основании отставки четырех министров-кадетов оппозиция требовала немедленного перехода от политики, установленной Всероссийским съездом, к политике, которая этим съездом была отвергнута.

Я показал уже, что решения съезда опирались главным образом на провинциальные организации и что рабочие и крестьянские массы Петрограда уже во время съезда были против них. Это противоречие должно было всплыть вновь в споре о разрешении правительственного кризиса. Мы не допускали пересмотра решений съезда без пленума, т.е. без делегатов провинции, которые могли бы

отразить настроения демократии всей России. Оппозиция же, прекрасно учитывая, что провинция будет против нее, в созыве пленума видела "подвох, преддрешающий новую коалицию", и требовала решения вопроса без пленума, наличными в Петрограде членами ЦИК. В этот момент вновь выступила на улицу давно уже бурлившая в рабочих кварталах и казармах бунтарская стихия.

* * *

С утра 3 июля в Петрограде было беспокойно. На заводах и в казармах шли митинги. Настроение было угрожающее. Раздавались большевистские речи, повторялись лозунги: "В отставку 10 министров-капиталистов!", "Вся власть Советам!".

После полудня солдаты принялись разбирать оружие. Как перед несостоявшимся июньским выступлением, из казармы в казарму ходили "депутации", призывавшие к выступлению и сообщавшие, что "все" уже выступили*.

Как и в апрельские дни, родились слухи. Непрерывно звонили в Таврическом дворце телефоны — из полков спрашивали, выступать или нет? Мы отвечали увещаниями — не поддаваться на провокацию, никуда не выходить из казарм, не брать оружия. Ясно было, что наши слова влияния на ход событий оказать не могут. Ведь телефонировали нам из казарм "наши" люди, представители полковых комитетов, интеллигенты-вольноопределяющиеся, иногда офицеры. А для возбужденной солдатской толпы мы были почти такими же врагами, как мифические "10 министров-капиталистов".

Многое в начинающемся движении представлялось неясным. Не видно было связи между отставкой четырех министров-кадетов и вооруженным выступлением полков. На митингах призывавшие к выступлению ораторы ни единым словом не упоминали о действительном предмете разногласия между представителями советского большинства и оппозицией (то есть о вопросе, нужно или не нужно созывать пленум ЦИК для разрешения правительственного кризиса). Но на всевозможные лады повторялось обвинение правительства в том, что оно расформирует на фронте *революционные* полки.

Был момент, когда казалось, что весь сыр-бор разгорелся из-за расформирования этих полков. Так, между прочим, расценило положение происходившее в Таврическом дворце совместное заседание нашего ЦИК и Крестьянского центра. Прервав об-

* Впоследствии на эти депутации ссылались в доказательство того, что июльское выступление было подготовленной провокацией. Доказательство неубедительное: ведь и в октябрьские дни 1905 г. каждый завод "присоединялся" к забастовке в уверенности, что "все" уже забастовали.

суждение вопроса о кризисе власти, заседание занялось выработкой мер для успокоения солдатской массы и после непродолжительных прений решило обратиться к гарнизону и к рабочим с воззванием. В этом воззвании говорилось:

"Товарищи солдаты и рабочие! Неизвестные лица, вопреки ясно выраженной воле всех без исключения социалистических партий, зовут вас выйти с оружием на улицу. Этим способом вам предлагают протестовать против расформирования полков, запятнавших себя на фронте преступлением своего долга перед революцией. Мы, уполномоченные представители революционной демократии всей России, заявляем вам: расформирование полков произведено по требованию армейских и фронтовых организаций и согласно приказу избранного нами военного министра, тов. Керенского. Выступление на защиту расформированных полков есть выступление против наших братьев, проливающих свою кровь на фронте".

О правительственном кризисе в документе не было ни слова! Равным образом, наши агитаторы, разосланные по городу, говорили о расформировываемых полках, а не о тех вопросах, которые поставил перед демократией выход из правительства министров-кадетов.

Но успеха наши агитаторы не имели. Для толпы дело шло уже не об этих злосчастных полках и не о тех вопросах, которые обсуждались в это время в Таврическом дворце, а о чем-то более общем, но еще не ясном для нее.

Волна нарастала. Раздавались призывы арестовать Временное правительство, разогнать Исполнительный комитет. Но у солдат (или у их вожаков) не хватало решимости начать. Колебания толпы были понятны: ей казалось, что путь к осуществлению всех ее стремлений лежит через "власть Советов", а выступить ей приходилось именно против Всероссийского центрального исполнительного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов! Осмыслить это противоречие было выше ее сил.

Нужно было "раскачаться", чтобы ринуться вперед через все противоречия. Около 6 часов вечера полки, батальоны, отдельные команды стали выходить из казарм на улицу — все при оружии, все под красными знаменами и плакатами с большевистскими лозунгами. Раньше других выступил 1-й пулеметный полк, угрозы которого "раскассировать" нас вооруженной силой я привел выше. Выйдя на улицу, полк построился поротно и двинулся к Таврическому дворцу. Что было в головах солдат-пулеметчиков и их руководителей, с какими мыслями шли они через город, — сказать трудно. Но когда в 10-м часу вечера полк подошел к Таврическому дворцу, солдаты шли в ногу, строго сохраняя равнение в рядах, соблюдая четкие промежутки между ротами. Остановившись перед колоннадой двор-

ца, полк потребовал к себе представителей Исполнительного комитета. Вышли Чхеидзе и я. Чхеидзе был без голоса и не мог говорить, пришлось мне держать речь к полку.

Около 1-й роты суетился унтер-офицер Жилин. Он махал руками, кричал, призывал товарищей к порядку и казался предводителем манифестации. Я спросил его, что означает появление полка перед местом заседаний Центрального исполнительного комитета и почему солдаты, вопреки требованиям Комитета, вышли на улицу при оружии. Унтер ответил, что полк взволнован слухами о том, что Исполнительный комитет хочет снова устроить коалицию с буржуазией. Солдаты на это не согласны, довольно они натерпелись. Теперь революция и свобода, а потому полк требует, чтобы Исполнительный комитет взял власть в свои руки.

Унтер говорил вполне корректно, его поддерживали из ближайших рядов. Казалось, здесь, у здания Исполнительного комитета, настроение солдат понизилось до уровня этой сравнительно умеренной речи. Соответственно этому я и обратился к полку в примирительном тоне. Вот как были переданы мои слова "Известиями":

"Товарищи, приветствую вас от имени Всероссийского исп[олнительного] комитета С[овета] р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов]. Я знаю, что привело вас сюда: боязнь за свободу. Вы боитесь, что нашей свободе, рожденной в крови и в муках, грозит контрреволюция. Товарищи, верьте мне, что завтра, во время нашего заседания, ваши желания будут приняты во внимание, но я должен сказать правду, которую вы должны выслушать. Товарищи, мы — представители всей революционной демократии, и если наше постановление разоидется с вашим, то это будет означать, что ваши требования — это только ваши требования. А потому призываю вас к преклонению перед волей всей демократии. Если же завтра в нашем постановлении восторжествует ваша мысль, то честь вам и слава. Вы, значит, тогда отразите мнение всей России"*.

Едва ли эта передача вполне точна — кое-что в ней слишком нескладно, — но тон схвачен верно: именно в этом тоне приходилось говорить с пришедшими "раскассировать" нас войсками.

Кончив речь, я предложил Жилину провести весь полк мимо колоннады и дать мне возможность повторить свои слова стоявшим в хвосте колоннады ротам. Раздались слова команды, и полк мерно двинулся мимо дворца.

Вслед за пулеметчиками подошли к Таврическому дворцу гренадеры. Затем приходили толпы рабочих с заводскими знаменами, еще какие-то полки, снова рабочие. Мы обращались к демонстран-

* Известия, 1917, 4 июля.

там с речами. Но слушали нас плохо, с открытым недоверием. Большевистских ораторов, напротив, встречали восторженно.

Дворец был полон вооруженных людей. В огромном Екатерининском зале здесь и там шли митинги. Большевики чувствовали себя хозяевами положения. Еще до прихода пулеметчиков рабочая секция Петроградского совета, вопреки уговорам Чхеидзе, приняла предложенную Каменевым резолюцию, фактически санкционировавшую движение и оформлявшую его как начало захвата власти. "Ввиду кризиса власти, — говорилось в этой резолюции, — рабочая секция считает необходимым настаивать на том, чтобы Всероссийский совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов взял в свои руки всю власть. Рабочая секция обязуется содействовать этому всеми силами, надеясь найти в этом поддержку со стороны солдатской секции".

Ночью собрались в Таврическом дворце на совместное совещание оба ЦИК (рабоче-солдатский и крестьянский). Собрание было закрытое, входы в зал охранялись караулами. Настроение было тяжелое — говорили о диких сценах, которые разыгрывались на улицах Петрограда в течение дня, о стрельбе по прохожим, о погромах, о попытках насилия над членами правительства. Под гневными укорами, сыпавшимися на них со всех сторон, большевики потеряли свой победоносный вид. О резолюции рабочей секции не вспоминали. Заседание протекало беспорядочно. С вопроса о правительственном кризисе и организации власти прения то и дело сбивались на взаимные обвинения и угрозы. Оппозиция в виде протеста покинула зал, затем вновь вернулась в собрание.

Церетели от имени президиума ЦИК внес предложение — созвать пленум в Москве, где он мог бы работать без давления улицы. Это была мера совершенно исключительная: нетрудно было предвидеть, что перенесение из Петрограда в Москву собрания руководящего органа демократии поставит вопрос о том, оставаться ли в Петрограде правительству и можно ли созывать здесь Учредительное собрание. Мы подходили, таким образом, к самой острой грани того противоречия, о котором я упоминал не раз, говоря об июньском съезде Советов. И этот вопрос обнаружил глубокое расхождение между нашим ЦИК и Крестьянским центром. Для нас перенесение пленума в Москву было крайней мерой, трагической необходимостью, несчастьем, поражением. Напротив того, "мужички" были в восторге от предложенного плана.

Собрание продолжалось до 4 часов утра и закрылось, не приняв никаких решений. Большая часть членов обоих центров разъехалась по казармам и по рабочим кварталам. Я остался в Таврическом дворце: на меня и еще двух или трех товарищей было возложено изыска-

ние мер защиты Таврического дворца на случай, если ему будет угрожать нападение толпы.

Начались переговоры с полками. Выступят ли они на улицу вопреки требованиям Центрального исполнительного комитета? Окажут ли в случае надобности помощь Комитету? Ответы поступали неутешительные. Часть полков готова была выступать *против* Исполнительного комитета. Другие колебались и обещали сохранять нейтралитет... Что же касается до защиты дворца, то, на лучший конец, давали обещание прислать во дворец наряд, если будут наряды и от других полков. Положение было скверное. Кучка вооруженных людей, человек в 200, могла без труда овладеть Таврическим дворцом, разогнать Центральный исполнительный комитет, арестовать его членов.

Оборонять дворец было нечем. С трудом удалось сохранить наружные наряды да наладить патрули, которые держали нас в курсе того, что происходило в ближайших кварталах. А с окраин шли к Таврическому дворцу многотысячные толпы рабочих. В городе с утра возобновились уличные столкновения, стрельба, грабежи. Надвигался общий погром. Пришли известия о том, что на Петроград движутся какие-то суда из Кронштадта, 1-й запасной полк из Ораниенбаума, 3-й запасной полк из Петергофа — все большевистские части.

Наша комиссия продолжала переговоры с полками и командами. Теперь чаще поступали заявления о нейтралитете — казалось, что безобразные формы, в которые начало выливаться движение, уже оттолкнуло от него часть гарнизона. Казачьи полки заявляли о своей готовности выступить на защиту "порядка", если только вместе с ними выступит и пехота. Но пехотные части ни в коем случае не пошли бы вместе с казаками против других пехотных частей и матросов. Таким образом, поддержка казаков представлялась чисто платонической.

В это время помимо нас вели переговоры с воинскими частями и члены Временного правительства. О результатах этих переговоров к описываемому моменту (около полудня 4 июля) П.Н. Милюков сообщает:

"О Временном правительстве как-то забыли... Был момент, когда положение правительства казалось безнадежным. Преображенцы, семеновцы, измайловцы, не примкнувшие к большевикам, заявили правительству, что они сохраняют нейтралитет"*.

Это был нейтралитет в борьбе между Центральным исполнительным комитетом и его большевистской оппозицией. Правительство не было в этой борьбе *стороной*. О нем действительно

* Милюков П.Н. Указ. соч., с. 242—243.

забыли — точнее, считали, что его уже не существует, и спорили лишь о том, какая власть должна прийти ему на смену.

В 2 часа дня в Таврический дворец явилась депутация от броневых дивизиона. Вызвали меня, так как незадолго до того я выступал на дивизионном митинге. Делегаты обступили меня:

— Вы спрашивали по телефону, готов ли дивизион выступить на защиту Исполнительного комитета? Мы привезли вам ответ. Если вам нужны броневые машины для демонстрации, ни один из нас с места не двинется. Но если вы решили драться и защищать революцию, мы идем с вами. Каковы же ваши планы?

— Мы сделали все, чтобы избежать кровопролития. Но если не будет другого пути, мы противопоставим силу насилию, и ответственность за пролитую кровь падет на тех, кто зажег пожар гражданской войны.

— Едемте с нами, повторите это перед командой. Машины у нас готовы.

В казарме броневых дивизиона моя речь не продолжалась и двух минут. Я чувствовал, что лишние слова только разбили бы боевое настроение команды, подготовленное работавшими в дивизионе меньшевиками и эсерами. После моей речи выборный командир дивизиона спросил солдат:

— Готовы ли умереть за революцию по слову Центрального исполнительного комитета, товарищи?

— Все готовы!

— По местам!

Шоферы и пулеметчики побежали к машинам. Я с командиром дивизиона сел в передний броневик, украшенный красным флагом, остальные машины должны были в некотором отдалении следовать за нами колонной в боевой готовности. Пришлось ехать по улицам, переполненным возбужденной толпой. Местами нас встречали криками "ура", местами свистом.

Вот и Таврический дворец. Сквер перед ним запружен толпой. В уверенности, что мы явились громить гнездо "оборонцев", кричат нам "ура", размахивают флагами, бросают в воздух шапки. Но машины медленно прорезают толпу, въезжают во двор и останавливаются перед воротами, прикрывая их своими броневыми башнями с пулеметами. Толпа свистит, улюлюкает. В ней нет страха перед броневиками, но чувствуется возрастающая ярость.

В Белом зале дворца только что закончилось заседание солдатской секции Петроградского совета, зал наполняется членами обоих Центральных исполнительных комитетов. Открывается снова совместное заседание. Настроение то же, что ночью, может быть, даже хуже. Представителей оппозиции не заметно. Говорят лишь наши да "мужич-

ки". Речи наших истерически беспомощны, речи представителей Крестьянского центра уклоняются все дальше вправо...

Впрочем, быть может, впечатление, которое осталось у меня от этого заседания, субъективно и ошибочно: я не мог следить за прениями, так как меня несколько раз вызывали то для переговоров с толпой, окружавшей дворец, то к телефону.

В 5 часов дня подошли к Таврическому дворцу кронштадтцы. Это была знакомая мне толпа Якорной площади, но уже охмелевшая от пролитой за день крови — от дома Кшесинской до Таврического дворца матросы шли "с боем", стреляя налево и направо, наводя ужас на население, кое-где громя магазины. Я был занят проверкой караулов, когда из сквера перед колоннадой дворца послышался тысячеголосый рев. Кто-то прибежал с вестью:

— Схватили Чернова, хотят убить его.

Я бросился к броневым машинам и, передав командиру отряда о случившемся, предложил ему вывести два броневика в сквер и дальше действовать сообразно обстоятельствам. Но когда, отдав распоряжения, я вышел под колоннаду, дело уже было улажено вмешательством Троцкого. Чернов, освобожденный из рук толпы, вернулся в зал заседания. Матросы, заполнившие сквер, шумели, волновались, но, видимо, не знали, что делать дальше. Впереди, между колонн, виднелись знакомые мне вожаки кронштадтской вольницы — Раскольников, Рошаль и др. Они тоже казались растерянными.

Я не был свидетелем самого патетического момента разыгравшейся здесь сцены — момента ареста Чернова, — но позволю себе привести описание ее, данное Троцким на пленуме Центрального исполнительного комитета 16 июля:

"Когда кадеты вышли из министерства, чья-то преступная рука инсценировала попытку ареста Керенского* и Чернова... Кто присутствовал при этой попытке, тот знает, что ни рабочие, ни матросы не видели и не слышали того, что происходило у колонн Таврического дворца. А именно: у колонн находилась кучка негодяев и черносотенцев, которые пытались арестовать Чернова. И еще раньше, чем они пытались это сделать, я говорил Луначарскому, указывая на них: вот это провокаторы".

Думаю, что свидетельству Троцкого можно в данном случае верить. Во всяком случае, и у меня осталось впечатление, что значительную роль в толпе играли провокаторы-черносотенцы, использовавшие в своих видах бунтарскую стихию.

* Керенского какие-то люди пытались арестовать при отъезде из Петрограда, на вокзале. Но подробности этого дела остались не выяснены, и неизвестно, была ли какая-нибудь связь между этой попыткой и всем описываемым движением.

Затем вожаки увели куда-то кронштадтцев. Перед Таврическим дворцом сменялись другие толпы — преимущественно из вооруженных рабочих. Те же знамена, те же крики, те же озлобленные лица, угрожающие жесты, заряженные винтовки.

Теперь в осаждавшей Таврический дворец толпе смешались кучки из всех манифестаций, проходивших в течение дня перед колоннадой. Наше положение становилось все тяжелее. Комиссия, заведовавшая обороной дворца, решила снять внутренние караулы, запереть наглухо боковые входы и выставить *всех* солдат, которые еще готовы были защищать Исполнительный комитет, в главном входе (у колоннады). Я лично производил это "перестроение" и потому хорошо запомнил состояние сил, которыми мы располагали в этот момент: у нас было 14 человек "пехоты" (из Павловского полка) да еще 18 человек команды броневых автомобилей.

Около 7 часов вечера, когда сквер перед дворцом был залит особенно густой толпой, вдруг раздался выстрел. Кто-то крикнул, что стреляют из дворца. Началась паника. Большая часть толпы бросилась бежать, другие принялись обстреливать фасад Таврического дворца. Убитых и раненых не было, но смятение усиливалось с каждой минутой. Несколько сот рабочих и солдат бросились вверх по лестнице, к главному входу дворца — на этот раз без всякого враждебного намерения, просто рассчитывая за дверями найти спасение от воображаемой опасности. Караул не сдержал напора, и толпа ворвалась в Круглый зал. Опасности эти перепуганные люди не представляли, но теперь была сметена наша последняя "линия обороны".

Вместе с двумя-тремя товарищами я пытался собрать разбежавшихся караульных и выпроводить из дворца посторонних — но безуспешно.

В это время подошел ко дворцу 176-й пехотный полк. Полк шел из Красного села свергать Временное правительство. Шел он с большевистскими плакатами — но в уверенности, что своим выступлением он служит делу "защиты революции" и поддерживает Центральный исполнительный комитет. Как представляли солдаты предстоящую им задачу, я не знаю. Но полк шел в Петроград, готовый к бою, с заряженными винтовками, с полными патронными сумками, с пулеметами, с запасом боевых патронов и пулеметных лент в следовавших за колонной повозках. По дороге солдаты узнали, что в Петрограде "безобразят". Вероятно, под влиянием этих сведений у них явилась смутная мысль о том, что им предстоит оборонять от "безобразников" Таврический дворец. Подойдя ко дворцу, они увидели, что дворец действительно окружен буйной и явно враждебной Центральному комитету толпой. Но странно было, что над толпой колыхались знамена с теми же лозунгами, которые красовались на

знамени полка, раздавались те же речи, которые заставили полк выступить из Красного! Не зная, что делать, полк послал во дворец своих представителей — от всех рот и команд.

Часть депутатов обратилась за справками ко мне, другие — к Дану. Не сговариваясь между собою, мы дали солдатам одно и то же указание: поступить в распоряжение Центрального исполнительного комитета, принять на себя его охрану и немедленно занять караулы. Затем мы с Даном вышли к полку — Дан говорил с одними ротами, а я с другими, — и полчаса спустя 176-й полк уже расположился лагерем в Екатерининском зале, а во всех дверях и даже у наружных окон первого этажа появились усиленные караулы.

Это был переломный момент в полном тревог и волнений дне 4 июля. Теперь из всех казарм к нам поступали сообщения о том, что солдаты возвращаются к себе, сдают оружие, выражают сожаление по поводу своего участия в "выступлении", ругают "зачинщиков", грозят им расправой, заявляют о своей преданности Исполнительному комитету.

В Белом зале шло заседание объединенных центральных комитетов. На трибуне проходили депутации демонстрантов-рабочих. Речи были возбужденные, страстные, полные упреков и угроз по адресу руководителей ЦИК. Иные из ораторов поднимались на трибуну, не выпуская из рук винтовки.

Но во дворце уже восстанавливался порядок. Появились откуда-то группы солдат Павловского полка с офицерами — они старались уверить нас, что несли непрерывно караулы последние два дня и настаивали, чтобы за ними сохранили посты, замещенные теперь 176-м полком. Я занят был улаживанием этого вопроса, когда из наружного караула дворца прибежал солдат с сообщением: к ограде подошел в полном составе Измайловский полк, солдаты хотят войти во дворец, представиться ЦИК, как в первые дни революции. Не прошло и пяти минут, как явилась группа офицеров и солдат-измайловцев: полк отдает себя в полное распоряжение ЦИК для восстановления порядка в городе.

Двери настезь! С мерным топотом, под громовые звуки Марсельезы полк вливается в Екатерининский зал. Из Белого зала выходят члены ЦИК с президиумом во главе. Приветствия, крики "ура", гремят полковые трубы...

Впечатление различных групп и отдельных лиц от этой сцены зависело от их отношения к разгулу бунтарской стихии 3—4 июля. Я лично чувствовал огромное облегчение — мы победили, не пролив ни единой капли крови! Надо было покончить с неопределенностью, и мы дали по телефону в целый ряд полков приказ приехать в Таврический дворец по одной роте для несения караульной

службы. Собственно, столько людей для караулов не требовалось — для охраны дворца хватило бы за глаза 176-го полка, измайловцев и павловцев. Но появление во дворце сводного караула из *всех* частей гарнизона имело политическое значение.

Этим распоряжением по гарнизону заканчивалась роль нашей комиссии. Измученный 40-часовым непрерывным напряжением, я опустился на крыльцо, выходящее в дворцовый сад, и заснул здесь на каменных плитах как убитый. Последней моей мыслью было: теперь дела пойдут хорошо. Увы! После июльских дней дела пошли еще хуже, чем до того.

* * *

Что произвело знаменательный перелом в настроении петроградского гарнизона вечером 4 июля? Этот вопрос представляет значительный интерес, ибо это — вопрос о силах, сломивших в июле ту стихию, которой суждено было восторжествовать три с половиной месяца спустя, в октябре.

В свое время была сделана попытка объяснить ход событий теми энергичными мерами подавления и пресечения, которые были приняты Временным правительством. Так, из сообщения кн. Львова о событиях 4 июля провинциальные губернские и уездные комиссары узнали:

"Артиллерия, дав залп, разом очистила себе дорогу, и толпы у Таврического дворца разбежались." И далее: "Принятыми начальством мерами мятеж был подавлен, и к ночи на улицах города замечалось значительное успокоение".

Может быть, такое освещение событий было необходимо в интересах престижа власти. Но в интересах исторической правды нужно признать, что никаких залпов артиллерия не давала, никакого впечатления на толпу ее появление не произвело, ни малейшего влияния на ход "мятежа" меры правительства не оказали. Действительно, около 5 часов, когда Таврический дворец был окружен кронштадтцами, командующий войсками Петроградского округа, по распоряжению правительства, послал на выручку дворца сотню (или полусотню) казаков с легкой артиллерией. Но этот отряд не добрался до места назначения: на Литейном проспекте он наткнулся на толпу солдат. Солдаты открыли огонь по казакам, и те, почти не пытаясь сопротивляться, бежали, побросав пушки и оставив на месте несколько человек убитыми и ранеными.

Ночью мне пришлось быть на месте происшествия — на мостовой еще лежали убитые лошади, тут же стояли и брошенные пушки, из которых не было сделано при столкновении ни одного вы-

стрела. А это была единственная "принятая правительством мера", единственная за два дня попытка "подавления беспорядков"! Перелом, наступивший вечером 4 июля, зависел не от кавалерийских наскоков на бушевавшую в городе стихию, а от иных, более глубоких причин. П.Н. Милюков пишет в своей "Истории":

"Наконец, около 7 часов вечера (4 июля) начали обнаруживаться первые последствия правительственных обращений к войскам, оставшимся верными... В это время пришли на Дворцовую площадь и подкрепили инвалидов 9-й кавалерийский полк, Владимирское военное училище, 1-й казачий полк. Правительство ободрилось. На вырчку Таврического дворца шли Литовский и 176-й полки**.

Это — недоразумение. Были какие-то "остававшиеся верными" войска, и правительство два дня безуспешно взывало к их верности, но почему-то они не откликались, предоставляя охрану правительства "инвалидам". А вот в 7 часов вечера 4 июля последствия повторных обращений начали сказываться...

И еще один момент, упущенный из внимания историком: Владимирское военное училище, 9-й кавалерийский полк и 1-й казачий полк не были ни в малейшей степени заражены большевизмом. И если 3 и 4 июля они не могли выступить в защиту правительства, то лишь потому, что против них оказались бы десятки тысяч штыков петроградского гарнизона (пехотных полков, артиллеристов, матросов, технических частей). В этом *солдатском* море была вся суть. Почему же *в нем* бунтарские настроения преломились, пошли на убыль?

Одним из обстоятельств, преломивших настроение нейтральных воинских частей, П.Н. Милюков считает опубликование "некоторых документов разведки", то есть известных показаний Ермоленко о связи большевиков с германским генеральным штабом¹⁷⁶. Но, во-первых, в семь часов вечера солдатские массы еще ничего не могли знать об этой истории, так как даже президиум Исполнительного комитета узнал о ней значительно позже, а во-вторых, не может быть сомнений в том, что солдаты — *если бы их настроение не преломилось по совершенно иным причинам* — отнеслись бы к разоблачениям правительственной "разведки" как к "гнусной выдумке буржуазии".

Перелом 4 июля остается в освещении П.Н. Милюкова необъясненным. Не объясняет его и Суханов. При описании того, что происходило на улицах Петрограда в июльские дни, он не прикрашивает действительности. "...Во главе солдатских групп, "выступавших" 3 июля, — признает он, — стояли не только больше-

* Милюков П. Н. Указ. соч., с. 245.

вики. Тут были, несомненно, и совсем темные элементы"* . О настроениях, царивших 4 июля, он повествует: "Чувствовалось большое возбуждение — с колоритом озлобления, но отнюдь не энтузиазма"***. И несколькими страницами далее:

"Начались небольшие частичные погромы... Под предлогом обысков начались грабежи. Пострадали многие магазины, преимущественно винные, гастрономические, табачные... Разные группы стали арестовывать на улицах кого попало... Часам к четырем число раненых и убитых уже исчислялось по слухам сотнями"****.

Но вот наступил вечером 4 июля известный *перелом*. Суханов пишет о нем следующее:

"Кровь и грязь этого бессмысленного дня к вечеру подействовали отрезвляюще. В самом деле, что же это такое делается, зачем, кто виновник, откуда эта кровь и грязь, убийства, грабежи, насилие, погромы... К вечеру стихия быстро входила в берега, улицы пустели. О новых выступлениях не было слышно. "Восстание" окончательно расплылось. Остались только *эксцессы* разгулявшейся толпы... Раненых и убитых насчитывалось до 400 человек"*****.

А между тем резкий перелом, происшедший в настроениях петроградских солдат под вечер 4 июля, должен был иметь определенную причину. Для тех, кто непрерывно следил за развитием событий, не могло быть ни малейших сомнений в характере этой причины: кризис наступил, лишь только стало известно о том, что к Петрограду движутся войска с фронта. Эта весть разнеслась по городу вскоре после эпизода с арестом Чернова перед Таврическим дворцом. Чаше стали трещать звонки дворцовых телефонов. Из казарм спрашивали, соответствует ли действительности известие о движении воинских эшелонов к Петрограду.

— Да, соответствует.

— Кто вызвал воинские части с фронта?

— Центральный исполнительный комитет.

— Зачем?

— Для защиты революции и порядка.

— Полк просит передать, что он в выступлении не участвовал. Безобразили только две роты.

Таково было содержание наших переговоров с петроградскими полками вечером 4 июля. То же самое происходило и в рабочих кварталах. Бунтарская волна схлынула в тот самый момент, когда стало известно, что фронт готов силой поддержать решения, принятые на июньском съезде при участии его представителей.

* Суханов Н. Записки о революции, кн. 4, с. 396.

** Там же, с. 411.

*** Там же, с. 416.

**** Там же, с. 433.

Кто был инициатором вызова войск с фронта? С какими чувствами, во имя чего шли в Петроград снятые с позиций полки? Правительство едва ли было осведомлено об этом деле. Да и где было правительство в те часы, когда бунтарской стихии был нанесен этот удар? Вслед за четырьмя министрами-кадетами вышел в отставку Некрасов¹⁷⁷. Исчез куда-то Терещенко. Керенский еще до начала беспорядков выехал на Юго-Западный фронт. Советские министры были поглощены борьбой внутри ЦИК. Правительство как таковое пребывало в эти часы в нетях. Войска были посланы в Петроград с Северного фронта, из 5-й армии. Станкевич, бывший в то время комиссаром Северного фронта, передает в своих "Воспоминаниях":

"Петроградский штаб требовал помощи с фронта. Я немедленно разослал во все армии и фронты предложение обсудить меры о помощи правительству"*.

Но пока вопрос обсуждался по инстанциям, в 5-й армии уже кипела работа по подготовке "сводного отряда". Здесь инициатива вмешательства в петроградские дела принадлежала председателю армейского комитета Виленкину.

Я говорил уже о том впечатлении, которое вынесли из встреч с петроградским гарнизоном представители армейских комитетов, бывшие на июньском съезде Советов. Уже тогда они говорили петроградским советским работникам о необходимости "оздоровить" и образумить гарнизон при помощи "интервенции" со стороны фронта. Вскоре после съезда Советов Искосол¹⁷⁸ 12-й армии по собственному почину предпринял шаг, являвшийся как бы прологом такой "интервенции". А именно, в разгар нашего конфликта с 1-м пулеметным полком (по поводу отправки команд с пулеметами на позиции) Искосол обратился к полку с посланием, составленным в решительных и резких выражениях и заключавшим в себе недвусмысленную угрозу. Это послание произвело на полк сильное впечатление, и большевики могли парализовать его, лишь уверяя солдат, что Искосол не имеет за собой никакой силы, что угрозы его не больше, чем пустые слова.

3 июля, лишь только до Двинска (где находился штаб 5-й армии) дошла весть о происходящем в Петрограде, армейский комитет по телеграфу предложил президиуму ЦИК прислать в его распоряжение вполне надежные воинские части. Президиум ответил, что он не видит надобности в такой мере, — не помню

* Станкевич. Воспоминания, с. 185.

текста телеграммы, но помню, что она была составлена так, чтобы "успокоить" фронтовиков и удержать их от опрометчивого шага. Но Виленкин и ген. Данилов, командовавший армией, принялись все же готовить на всякий случай "сводный отряд". Подготовка продолжалась и на другой день, 4 июля. А около 7 часов вечера, узнав о появлении перед Таврическим дворцом кронштадтцев и о насилии над Черновым, Виленкин телеграфировал Чхеидзе, что отряд составлен и эшелоны готовы к отправке.

Не помню, что ответил на эту телеграмму президиум ЦИК и ответил ли он вообще. Но весть о том, что с фронта идут на выручку нам эшелоны, с быстротой молнии разнеслась из Таврического дворца по городу, и результаты ее сказались *сразу*, за два дня до прибытия в Петроград отряда.

Таким образом, вспышка 3—4 июля была сломлена не силой оружия, а выступлением на сцену нового политического фактора — того же фактора, который противостоял большевистской бунтарской стихии во время съезда Советов*.

* * *

Насколько я мог наблюдать события июльских дней, они представляются мне бурным столкновением между двумя отрядами революционной демократии. Борьба велась между теми силами, что и в мае (вокруг вопроса о Кронштадте), и в июле (по поводу несостоявшейся манифестации 10-го числа). Правительство, как я отмечал уже, не было *стороной* в этой борьбе. Еще в меньшей степени могли считаться в ней *стороной* цензовые, буржуазные элементы. Классовый состав участников борьбы по обе стороны баррикады был приблизительно один и тот же: и здесь, и там были рабочие, крестьяне, солдаты. Но впервые в борьбе внутри демократии было пушено в ход оружие — и последствия этого не замедлили сказаться.

Из братоубийственной схватки демократия в целом вышла обессиленной, разбитой. В результате победы ЦИК над бунтарской стихией началась настоящая оргия контрреволюции на улицах Петрограда. Темные элементы, прятавшиеся 3 и 4 июля, теперь тор-

* По-видимому, в кругах, близких к Временному правительству, до конца господствовало весьма смутное представление о происхождении отряда, отправленного в Петроград с фронта. В.Д. Набоков, описывая июльские дни, замечает: "Кончилась вся эта история, как известно, прибытием верных правительству войск с фронта (кавалерийская дивизия), изоляцией и последующим разоружением восставших, полной победой правительства..." (Набоков В. Д. Временное правительство, с. 79).

жествовали. "Публика" Невского проспекта, ненавидевшая Чхеидзе и Церетели не меньше, чем Ленина, требовала мести и крови. Появились какие-то самозванные шайки "инвалидов", офицеров, юнкеров, хватавшие среди бела дня подозреваемых в большевизме людей, врывавшиеся в квартиры, производившие обыски и аресты. Штаб округа, проявивший полное бессилие во время беспорядков, теперь развивал кипучую энергию. Из всех щелей вылезли "герои", возмущавшиеся слабостью Временного правительства и двусмысленным поведением ЦИК.

Картина была отвратительная. Этот разгул черносотенства грозил уничтожить плоды нашей победы над бунтарской стихией. Ибо не "золотая молодежь", не купеческие сынки, не чиновники, не дамы с Невского положили предел распространению этой стихии — сделали это революционно-демократические силы, которые стояли за ЦИК. Но работать на именинников 5 июля революционная демократия не могла. Оргия Невского проспекта вырывала последнее оружие из наших рук и отдавала его в руки наших противников слева.

День 5 июля запомнился мне как один из самых тяжелых дней революции. В воздухе опять пахло погромом и кровью. Со всех сторон стеклись в Таврический дворец тревожные вести. Хоть бы скорей прибыли с фронта наши войска! Но эшелоны задержались где-то в окрестностях Петрограда в видах предварительного сосредоточения.

Несмотря на крайнюю усталость, я вновь остался на ночь дежурить в Таврическом дворце. Около полуночи мне сообщили, что где-то назначено тайное собрание представителей офицеров всех частей гарнизона, созванное для выработки плана действий против ЦИК. Это было крайне неприятно — не потому, что офицерство представляло собой значительную контрреволюционную силу, а потому, что слухи о ночном совещании должны были вызвать обострение антиофицерских настроений среди солдат и грозили привести к кровавым эксцессам. Помешать собранию было невозможно, оставалось объясниться начистоту с его участниками и этим путем изменить его характер. Но место собрания мне не удалось узнать. Наконец, часа в три ночи приехал в Таврический дворец незнакомый мне молодой офицер и спросил кого-нибудь из членов Исполнительного комитета. Приехал он прямо с офицерского собрания. По его словам, у большинства офицеров настроение было мирное; таинственная обстановка, приданная совещанию его инициаторами, была им не по душе, и они были бы рады, если бы представитель Исполнительного комитета приехал к ним и дал бы объяснения по волнующим их вопросам.

Я немедленно отправился в Преображенский полк, где происходило собрание. Присутствовало человек двести офицеров.

У большинства из них был вид людей, попавших в "историю" и не знающих, как из нее выбраться. Но небольшая кучка руководителей была настроена весьма воинственно. Со стороны этой кучки мне пришлось выдержать горячую атаку. Почему исполнительный комитет покрывает большевиков? Почему терпит он в своей среде заведомых немецких шпионов? Почему в дни беспорядков он отказался от помощи военных училищ и казаков?

Отвечая на эти упреки, я квалифицировал по достоинству басню о шпионах и старался объяснить политику ЦИК. Особенно настаивал я на том, что в петроградской обстановке было безумием пытаться усмирять солдат при помощи юнкеров или пехотные полки при помощи казаков. Единственным результатом такой попытки, доказывал я, явилась бы резня, первыми жертвами которой стали бы офицеры.

Послышались голоса одобрения. Но инициаторы собрания не унимались. Теперь они требовали от меня ответа на вопрос, что намерен делать Исполнительный комитет, чтобы предупредить повторение беспорядков. Я ответил, что комитет будет действовать, руководствуясь своим пониманием интересов революции, и, со своей стороны, потребовал, чтобы собравшиеся офицеры выразили полное доверие ЦИК и немедленно вернулись к своим частям, где их отсутствие может произвести нежелательное впечатление на солдат.

Не знаю, как отнеслось бы собрание к моей речи, которой я придал намеренно резкий тон, но в это время с улицы послышался странный шум. Бросились к окнам: по улице двигались войска — спереди длинные редкие пешие цепи, затем броневики, пехота, пушки, по сторонам орудий цепи всадников. Это был отряд, предназначенный для "ликвидации" Петропавловской крепости, где заперлись кронштадтцы, и дома Кшесинской.

Отряд производил внушительное впечатление. И для каждого, даже для самого заклятого врага Советов, было ясно, что появление этой силы стало возможно лишь благодаря ЦИК. Собрание почувствовало это. Раздались голоса:

- Да здравствует Всероссийский исполнительный комитет!
- Полное доверие ему!
- Все по своим частям!

И офицеры разошлись, приняв единогласно краткую резолюцию доверия ЦИК. Это ночное заседание убедило меня, что нет оснований опасаться заговорщических попыток со стороны петроградского офицерства. Хуже были контрреволюционные погромные настроения, разлитые в воздухе. А еще хуже было то, что под влиянием этих настроений правительство начало проявлять "твердую власть" мерами, которые, не устрояя солдатскую массу, вызывали в ее среде раздражение и которых мы никак не могли защищать.

6 июля прибыл в Петроград "сводный отряд". Собственно, ему уже нечего было делать — его роль была сыграна тем, что он начал 4-го вечером грузиться в вагоны. Начальником отряда стал поручик Мазуренко, назначенный на этот пост Виленкиным. Это был человек толковый, работоспособный, лояльный и, кажется, связанный с эсеровской партией. Настаивая на его кандидатуре, Виленкин ссылался на работу, выполненную им при формировании отряда, и еще на то, что при отправке солдат им говорили, что командовать отрядом будет "свой" комитетский офицер.

Прибывшие с фронта солдаты были крайне озлоблены против большевиков и не отказались бы от расправы над ними. Но озлобление их было особое. Мазуренко хорошо выразил их настроение в своем приказе о вступлении в должность:

"Мы, пришедшие с боевого фронта, обязаны избавить столицу революционной России от безответственных групп, которые вооруженной силой стараются навязать свою волю большинству революционной демократии, а собственную трусость и нежелание идти на боевой фронт прикрывают крайними лозунгами и творят насилие, сея смуту в наших рядах и проливая кровь невинных на улицах Петрограда... Мы будем действовать против тех, кто нарушает волю революционного народа, согласуя свои действия с частями петроградского гарнизона, оставшимися верными делу революции".

7 июля состоялось объединенное собрание представителей петроградского гарнизона и "сводного отряда". Фронтовики с немалым изумлением узнали от петроградских солдат, что те слышать ничего не хотят о большевизме и готовы все сложить головы за ЦИК, а кровавые дни 3 и 4 июля представляли собой какое-то наваждение, так что "концы найти" в происшедшем нет возможности.

Обмен клятвами в верности революции завершил это своеобразное "братание" представителей бунтовавшего еще так недавно гарнизона и его "усмирителей". Большевизм казался в эти дни сломленным навсегда. Массы отвернулись от обманувшей их партии. Аресты участников июльского выступления и бегство Ленина¹⁷⁹ еще более усилили развал в большевистских рядах. Но поражение большевизма было временное и кажущееся: партия, связавшая свою судьбу с развитием бунтарской стихии в стране, должна была переживать подъемы и падения, соответствовавшие приливам и отливам этой стихии.

Дни, следовавшие за ликвидацией июльских беспорядков, были полны тревог и волнений. В Таврическом дворце шли непрерывные совещания. Дни и ночи сливались в какой-то серый клубок. Никогда не принималось столько героических решений, не отмечалось на протяжении нескольких дней столько "исторических" моментов. А вместе с тем никогда не были мы беспомощнее, никогда не ощущали с большей остротой, что революция бьется в тентах, как птица с перебитыми крыльями.

Хотя я стоял близко к центру событий, присутствовал на всех "исторических" заседаниях и совещаниях "звездной палаты", участвовал в составлении большей части резолюций, деклараций, воззваний этого периода, но мне трудно было бы в рамках воспоминаний восстановить связную картину этих дней. Уже 7 июля выяснилась невозможность сохранить до созыва пленума ЦИК прежний состав Временного правительства. Кн. Львов заявил о своем выходе в отставку, и правительственный кризис вследствие этого углубился настолько, что неизбежно стало безотлагательное расформирование кабинета. Единственным кандидатом на пост председателя правительства был Керенский. Портфель министра внутренних дел — не помню, по чьей инициативе, — предложили Церетели, и он без колебаний принял на себя эту неблагодарную роль, меньше всего соответствовавшую его наклонностям и способностям.

Намеченное преобразование правительства формально усиливало его революционное, демократическое крыло за счет его правого сектора, уже ослабленного уходом министров-кадетов¹⁸⁰. Итак — новая победа демократии, новый шаг революции вперед. Но как далеки были от ликования советские круги!

С фронта ползли зловещие слухи: начатое три недели тому назад и постепенно выдохшееся наступление закончилось разгромом нашей армии и ее бегством.

Я не буду здесь останавливаться на причинах тарнопольского прорыва и поражения¹⁸¹. Отмечу только, что едва ли можно ставить эти события в *причинную* связь с петроградскими волнениями 3—4 июля: "удар в спину", нанесенный столичными большевиками доблестно сражавшейся на фронте армии, — не более чем легенда, созданная для политических целей. Но невозможно отрицать, что наше поражение на фронте имело тот же источник, что и беспорядки в Петрограде. В основе ухода полков с позиций лежал тот же дух бунта, что и в основе петроградского выступления. Армия бежала. Это было не только военным поражением России, но и поражением революции.

В этот момент лишь величайшая сплоченность, полное самообладание революционной демократии могли спасти положение. Но о какой сплоченности можно было говорить, когда на улицах Петрограда еще не стерлись следы крови и часть демократии втайне радовалась поражению и бегству нашей армии как крушению ненавистой политики революционного оборончества!

Между тем правительственный кризис затягивался, формирование кабинета наталкивалось на новые и новые трудности, шла министерская "чехарда", каждый министр считал себя "калифом на час", управление вырождалось в истерику воззваний, угроз, беспорядочных жестов. Правительства в стране не было. 9 июля собрался ЦИК. Приняли резолюцию: "1) Страна и революция в опасности. 2) Временное правительство объявляется правительством спасения революции" и т.д.

Как в ноябре 1905 г., мы повторяли слова, еще на давню бывшие ослепительно яркими, но теперь выцветшие, поблекшие.

На следующий день та же резолюция о "правительстве спасения революции" была принята, так же вяло и без подъема, в Петроградском совете.

Атмосфера в Петрограде становилась невыносимой. Черная сотня все больше поднимала голову. Бунтарские настроения притаились, ушли в подполье. Чувствовалось клочкотание бессильной злобы и в рабочих районах, и в казармах. Жуткая пустота росла вокруг ЦИК.

Настроения этих черных дней разразились кампанией по вопросу о восстановлении смертной казни¹⁸². Трудно представить себе что-нибудь более безобразное, чем та истерика, которую развели вокруг этого вопроса Савинков¹⁸³ и его адъютанты Гобечиа¹⁸⁴ и Филоненко¹⁸⁵.

Имея перед глазами ужас и позор тарнопольского поражения, мы готовы были признать необходимость восстановления "высшей меры наказания" за тягчайшие военные преступления. Но отвратительно было следить за разыгравшейся вокруг этого вопроса рекламной шумихой, которая, в конечном счете, была на руку лишь большевикам.

Крайне тяжелое впечатление произвело в советских кругах и выступление ген. Корнилова с его известными "требованиями"¹⁸⁶. Иные из "требований" генерала были бесспорны, другие вызвали серьезные возражения. Но в целом выступление главнокомандующего было окрашено ненавистью к революционным организациям, и обращался он к правительству в непонятно вызывающем тоне, который был под стать лишь военному вождю, наполнившему мир громом своих побед и метящему в наполеоны. Было очевидно, что говорящий таким образом генерал станет кумиром правых кругов, мечтающих о "твердой власти" и

диктатуре, но вызовет к себе ненависть солдат. А между тем в глазах солдат и рабочих ЦИК нес всю тяжесть ответственности не только за действия правительства, но и за выступления генералов, поставленных правительством во главе армии.

* * *

Около этого времени перед руководящими кругами демократии вырисовалась новая угрожающая российской демократии опасность, которой до сих пор они не замечали. Приходило в движение *крестьянское* море, на поверхности его уже пенились первые валы, издали неся гул рождающейся бури.

На предыдущих страницах я не останавливался на *аграрном вопросе*. Не касался я этого вопроса, который, вместе с вопросом о войне, составлял основу всей русской революции, потому что за описываемый период вопрос о земле занимал мало места в деятельности тех советских кругов, полем зрения которых ограничены рамки моего рассказа. На Всероссийском совещании Советов земельный вопрос был, правда, внесен в порядок дня. Но обсуждение его вышло до странности вялым — что-то говорили, что-то голосовали, но никто не придавал серьезного значения принятым решениям. И то обстоятельство, что резолюция совещания оказалась проникнута эсеровским духом, не тревожило меньшевиков, противников социализации: не стоило из-за клочка бумаги спорить с эсерами!

В начале мая, при выработке коалиционного соглашения между советской демократией и цензовыми кругами, вопрос о земле вновь выплыл на поверхность и вновь был скомкан и смазан, в результате чего явился приведенный мною пункт правительственной декларации:

"Представляя Учредительному собранию решить вопрос о переходе земли в руки трудящихся и выполняя для этого подготовительные работы, Временное правительство примет все необходимые меры, чтобы обеспечить наибольшее производство хлеба для нуждающейся в нем страны и чтобы регулировать землепользование в интересах народного хозяйства и трудящегося населения".

Теперь, задним числом, нетрудно видеть, что этот пункт выражал подход к земельному вопросу не с точки зрения крестьянина, а с точки зрения городского потребителя. Но в то время под приведенной формулировкой подписались руководители крестьянского съезда, и партия социалистов-революционеров не задумалась на почве этой формулировки послать в правительство, на пост министра земледелия, своего лидера В.М. Чернова.

Вскоре внутри правительства завязалась вокруг вопроса о земле глу-

хая борьба. Цензовики старались ограничить министерство земледелия рамками, намеченными в декларации: засевайте гуляющие земли, "регулируйте", но ни шагу в сторону нарушения имущественных отношений, существовавших до революции! Чтите права всенародного Учредительного собрания, чтите священную собственность!

Министр земледелия, напротив, стремился связать работу своего ведомства с аграрной революцией, которая начиналась в стране. Но это его стремление противоречило декларации, которую он подписал вместе с цензовиками, вступая в правительство, и потому в глазах правой части кабинета министерство земледелия стало подозрительным очагом смуты и анархии — чем-то вроде второго особняка Кшесинской или новой дачи Дурново. Министерство давало обещания, рекламировало свои законопроекты, но все его мероприятия парализовались кабинетом.

В результате поднималась волна земельных захватов. Деятели крестьянского движения уже на крестьянском съезде в конце апреля — начале мая столкнулись со стремлением крестьянских масс к немедленному разрешению аграрного вопроса. Для деревни представлялось вопросом второстепенным, получит ли она землю на основе торжественно изданного закона, или по правительственному декрету, или в результате захвата. Но руководители отдавали себе отчет, что для народного хозяйства в целом далеко не безразлично, в каких формах произойдет грандиозное перемещение земельной собственности. Все их усилия направлялись к тому, чтобы уговорить мужичков подождать до Учредительного собрания.

Сперва эти уговоры имели успех, мужички ждали. Но уже в начале июля до города дошли признаки того, что деревня дольше ждать не желает. На фронте — развал, в городах задавленная бунтарская стихия, готовая подняться вновь под влиянием эксцессов справа, и в это время новая волна анархии из деревни! С трех концов горела Россия. И руководители демократии метались между трех пожаров, не зная, где и как тушить огонь.

* * *

В "правительстве спасения революции", которое все еще находилось в процессе образования, не было ни единства воли, ни даже внешнего единства действий. В частности, наиболее ответственные министерства — военное и иностранных дел — работали без должной связи с руководящими органами революционной демократии. Формально господствуя в правительстве, фактически демократия лишена была возможности подчинить его деятельность своим целям. Ее силы были подорваны междоусобными, братоубийственными столкновениями июльских дней, и обессиленная, не верившая в себя, она цеплялась за "коалицию" с чуждыми ей

элементами, которые, при отсутствии прочих качеств, обладали завидной способностью говорить от имени "всей России".

15 июля представители конституционно-демократической партии предъявили Керенскому известный меморандум об условиях своего возвращения в правительство. Этот документ почти не оставлял надежд на успех дальнейших переговоров. Ибо смысл переговоров был в выработке платформы соглашения между советской демократией и цензовыми элементами, а устами кадетов цензовые элементы выставили как условие своего участия в правительстве требование об устранении от государственного управления Советов и комитетов, то есть органов, которые предотвратили вспышки анархии в мае и июне, победили бунтарскую стихию в июле и одни только располагали авторитетом и силой для сохранения порядка в государстве.

Впрочем, не буду останавливаться на перипетиях образования второго коалиционного правительства. Другие рассказали уже эту невеселую историю. Я лично не был свидетелем ее наиболее драматических эпизодов, разыгравшихся, как известно, 18—19 июля: в это время я был уже в армии, куда отправился 16 июля в качестве помощника комиссара Северного фронта.

* * *

Мой отъезд на фронт не был неожиданностью для товарищей, так как в Петрограде в течение четырех месяцев я работал преимущественно среди солдат и, в известной мере, приобрел репутацию "специалиста" по военным вопросам. Впрочем, сам я в полной мере сознавал свою некомпетентность в этих вопросах. Поехал я на новую работу потому, что деятельность в ЦИК в последнее время стала для меня невыносимо тяжела — угнетало сознание ее бесплодности. А с фронтом были связаны еще кое-какие надежды: возрождение армии вдохнуло бы новую жизнь в революцию, выпрямило бы ее линию — туда, на фронт, необходимо было бросить все силы, которыми мы еще располагали. Эту мысль я не раз высказывал в кругу товарищей — к большому неудовольствию Чхеидзе, который боялся отвлечения сил из Петрограда.

Совершенно случайно я разговорился о петроградских делах с приехавшим в Петроград комиссаром Северного фронта В.Б. Станкевичем. Тот предложил мне поехать с ним в Псков и оттуда в Ригу. Я согласился. Станкевич — как будто опасаясь, чтоб я не раздумал, — принял на себя выполнение всех формальностей, связанных с моим назначением на фронт. И на другой день вечером я вместе с ним покинул Петроград, где мне пришлось пережить столько незабываемо радостных волнений в первую революцию и столько тяжелого весной и летом 1917 года.

Глава восьмая НА ФРОНТЕ

Северный фронт, на котором мне пришлось работать, правым флангом упирался в Рижский залив (немного западнее устья Западной Двины), а левым флангом, южнее Двинска, примыкал к армиям Западного фронта. На большей части этого пространства наши позиции тянулись по правому берегу Двины, а противник стоял за рекой. Но местами — у моря, у Двинска и в изгибах реки — в наших руках были и участки правого берега.

В состав фронта входили 12-я армия (со штабом в Риге) и 5-я (со штабом в Двинске). Позже на стыке их была создана еще отдельная 1-я армия. Кроме того, к Северному фронту были причислены части, стоявшие в Финляндии, Балтийский флот и позже весь петроградский гарнизон. Но связь с этими частями была слабая, фактически приходилось иметь дело главным образом с армиями.

Штаб фронта помещался в Пскове. Здесь Станкевич познакомил меня со своими сотрудниками, служащими комиссариата — это были славные ребята, изнывавшие от скуки и не знавшие, чем заполнить время. Затем мы поехали к "Главкосеву" (Главнокомандующему Северным фронтом) ген. Клембовскому¹⁸⁷. Нескладно высокая фигура, седая голова, багрово-красное лицо, дрожащие, прыгающие по столу руки, бегающие по сторонам глаза, несвязная речь, в каждом слове, в каждом жесте выражение уязвленного самолюбия, в каждом взгляде недоверие и страх перед подвохом — таков был этот генерал "защищавший подступы к Петрограду".

Станкевич развивал ему свои планы восстановления воинского духа армии путем внесения оперативного начала в строевые занятия, пробуждения в солдатах интереса к войне, поощрения личного усердия, омоложения командного состава и т.д.

Генерал вяло соглашался, но был занят своими мыслями. Оживился он только раз, ругая, не помню за что, какого-то другого генерала.

В тот же день в Пскове состоялось совещание с участием командующих армий и представителей армейских комитетов. Командующий 5-й армией ген. Данилов¹⁸⁸ производил впечатление умного человека, с большой силой воли и выдержкой. Вновь назначенный командующим 12-й армией ген. Парский¹⁸⁹, еще не вступивший в исполнение своих обязанностей, был необычайно скромнен, молчаливо жевал губами и внимательно слушал, что говорят другие. Представители армейских комитетов держались спокойно и уверенно. И на фоне их сжатых, деловых речей особенно неприятно выделялась бестолковая болтливость "Главкосева".

Обсуждались планы Станкевича. Никто не возлагал на них больших надежд, отмечали, что все это старо, все уже испробовано. Но по существу против предложений комиссара никто не возражал, и его схемы принимались единогласно.

В общем, от этого совещания, от беседы с ген. Клембовским, от ознакомления с отделами штаба фронта и с комиссариатом, от встреч с представителями псковских фронтовых организаций у меня получилось впечатление, что вся центральная фронтовая машина работает на холостой ход, что настоящей жизни здесь нет. В первый же вечер я резюмировал Станкевичу свое впечатление от псковской обстановки:

— Ради Пскова не стоило покидать Петрограда.

Впоследствии это впечатление лишь усилилось. Псков жил жизнью тылового захолустья, почему-то переполненного солдатами. Штаб фронта делал вид, будто управляет армиями, на которые в действительности почти не мог влиять. Фронтовые организации занимались пустяками в уверенности, что помогают интендантству в снабжении армий, хотя интендантство по-иному оценивало роль своих непрошенных помощников. Острых конфликтов не было. Но была нудная, мелочная склока*.

* Насколько помню, наиболее острое столкновение вышло здесь из-за сапог. Какая-то солдатская комиссия обратилась к фронтовому интендантству с требованием, чтобы ее членам были выданы сапоги, так как они, мол, обносились, бегая по делам фронта. Интендантство обрадовалось и поспешило раздуть дело. Члены комиссии, не разобрав сразу, что их провоцируют, настаивали. Дело перешло ко мне, и я распорядился, чтобы члены комиссии получали вещевое довольствие в своих частях, в общей очереди.

Совершенно иная картина ждала меня в Риге, куда я поехал на следующий день со Станкевичем и искосольцами. В Риге сразу чувствовалась близость позиций. Долетали редкие раскаты пушечных выстрелов, и военные люди, и вообще местные жители каждый раз по звуку могли определить, на каком участке происходит стрельба. Над городом по нескольку раз в день появлялись вражеские аэропланы. Держались они на значительной высоте и бомб не сбрасывали, ограничиваясь разведкой. Но их появление каждый раз вызывало стрельбу наших "зенитных" батарей. В воздухе рвались снаряды, оставлявшие на месте разрыва медленно таявшие в синеве неба облачка — то белые, то темно-бурые, то черные. Нельзя было без волнения следить, как лавируют между этими облачками стальные птицы и как ловят их незримые орудия.

После визита к бывшему командующему армией знаменитому генералу Радко-Димитриеву¹⁹⁰, который не знал, как говорить с нами — по-русски или по-французски, мы со Станкевичем расстались: он занялся штабом армии, а я Искосолом.

Положение 12-й армии внушало военному министерству серьезную тревогу — эта армия, непосредственно прикрывавшая путь к Петрограду, слыла самой разложившейся частью фронта: здесь свил прочное гнездо "окопный большевизм", продолжавший процветать, несмотря на закрытие "Окопной правды"; здесь не проходило недели без солдатских эксцессов; здесь стояли латышские стрелковые батальоны, считавшиеся рассадниками смуты; здесь шли непрерывные трения между армейским комитетом и штабом, причем комитет обвинял штабных в контрреволюции, а штабные видели в искосольцах тайных большевиков.

Мы должны были заняться улаживанием этих трений. Станкевич предупредил меня, что нам не приходится рассчитывать на помощь комиссара 12-й армии А.Э. Дюбуа¹⁹¹, против которого в военном министерстве было большое недовольство, так как во всех конфликтах армейского комитета с командованием он поддерживал искосольцев. В министерстве было даже решено — по предложению Станкевича — отчислить неблагонамеренного комиссара от должности. Но, с одной стороны, это вызвало конфликт с Искосолом, а, с другой стороны, Дюбуа заявил, что он назначен на свой пост не министерством, а Исполнительным комитетом и уйдет лишь тогда, когда комитет отзовет его.

В Искосол я шел, почти как в львиное логово. Но мои опасения быстро рассеялись. В смысле политическом в Искосоле

царили те же настроения и взгляды, что и в руководящей группе Петроградского совета и ЦИК — быть может, еще с большим заострением оборончества. Но здесь не было петроградской подавленности, безнадежности. Работали бодро, весело, чувствовалась какая-то особенная подтянутость военных людей. Контраст с "военной секцией" Таврического дворца, где солдат представляли помощники присяжных поверенных в гимнастерках защитного цвета, был поразительный. А в неблагонамеренном Дюбуа с большим удовольствием узнал тов. "Александра Васильевича", с которым работал в 1905—1906 гг. в социал-демократической организации в Петербурге.

Познакомившись с искосольтцами, с их деятельностью и с отношением к ним солдатской массы, я убедился, что здесь — единственная возможная точка опоры для работы в армии. Станкевич против моего плана действовать в тесном контакте с армейской организацией не возражал. Но у него лично отношения с Искосолом были несколько натянутые: искосольтцы дулись на него за Дюбуа, да и вообще он был для революционной организации недостаточно левым. Ко мне, напротив, искосольтцы сразу отнеслись дружелюбно. Мы сговорились поэтому со Станкевичем поделить работу: я, в качестве помощника комиссара фронта, остаюсь в Риге и работаю в 12-й армии; а Станкевич возвращается в Псков, откуда будет вести работу в 5-й армии и при штабе фронта, а также сноситься с Петроградом. Такое разделение труда устраивало нас обоих: Станкевич избавлялся от встреч с Искосолом, а я был рад, что мне не придется иметь дело с ген. Клембовским.

* * *

Перед отъездом из Риги Станкевич вместе со мной объехал корпуса 12-й армии, устраивая при корпусных штабах собрания начальников дивизий для выяснения положения в частях и обсуждения мер к поднятию боеспособности армии.

Строевые командиры жаловались на упадок дисциплины, на своеволие солдатской массы, упоминали о повторяющихся случаях братания с неприятелем, отмечали развращающее влияние, оказываемое на фронт тыловыми пополнениями. Тон жалоб был фаталистически-унылый: люди стали негодовать, решили, что на все святая воля Господня, и теперь рассказывают безучастно о том, что творится вокруг них.

Такому фатализму соответствовало особое деление полков и дивизий на два разряда: на "больные" и "здоровые" части. С этим делением я столкнулся здесь впервые. "Болезнь" была всегда одна

и та же — большевизм. Но проявления этой болезни были разнообразными: отказ от строевых занятий, от поддержки окопов и расчистки ходов сообщения; самовольные отлучки, братание, смещение офицеров; резолюции с требованием власти Советов, опубликования тайных договоров, улучшения пищи и раздела полковых сумм между солдатами; отказ от уборки казарм, от мытья нар, от вынесения нечистот, от прививки оспы, от допущения в полк дезинфекторов и т.д., и т.д.

Полк, охваченный "большевизмом", в течение некоторого времени "дурил" подобным образом. Затем это надоедало солдатам, внешний порядок более или менее налаживался — полк признавался "выздоровевшим". Порой единственным следом "болезни" оставались загаженные казармы, осыпавшиеся ходы сообщения да высыпанные в ближайший пруд патроны; порой дело доходило до покушений на офицеров, до убийств.

Если на солдат "находило" во время пребывания полка в резерве, полк отказывался выходить на позиции. Если "болезнь" заставляла полк в окопах, начинались братания с неприятелем и конфликты с собственной артиллерией.

Многие офицеры и генералы считали, что пережитая полком или дивизией "болезнь" избавляет данную часть от опасности вторичного заболевания. К частям, в которых *пока* все шло гладко, относились с опаской, ждали от них самого худшего. Наоборот, полки, на всю Россию на шумевшие своим большевизмом, несли службу сравнительно сносно: Новоладожский полк (основавший "Окопную правду") считался — при невысоких требованиях — чуть ли не образцовым, а среди латышских батальонов были такие, где солдаты отдавали честь офицерам, как при "старом режиме".

В "больной" части всегда можно было отметить "зачинщиков", которые "мутили" темную массу; они называли себя большевиками и охотно пользовались большевистскими лозунгами и терминами при агитации. Но среди них я не помню людей с партийно-революционным прошлым. Наоборот, все это были люди, неведомым путем пришедшие к своей "крайне левой" идеологии. Заметную роль играли среди них офицеры-бурбоны, до революции отличавшиеся рукоприкладством, унтер-офицеры, опасавшиеся мести солдат за "старое", и в особенности бывшие городовые и жандармы.

Это не значит, что "окопный большевизм" был всецело результатом провокационной работы этих людей. Нет, описанные настроения носились среди солдат в воздухе, и черносотенные элементы лишь подыгрывали под них в целях самосохранения или из

других видов. Источник этих настроений был двойной: с одной стороны, солдат, чувствуя винтовку в руках, не чувствовал больше палки над головой; с другой стороны, армия не хотела воевать.

Начало принуждения в армии было разрушено не происками революционных организаций, не кознями агитаторов, не слабостью Временного правительства, а самым фактом революции: ведь революция в том — в значительной мере — и состояла, что в известный момент армия вышла из повиновения тем, в чьих руках она была до того времени послушным орудием. Восстановление павшей дисциплины было вопросом новой кристаллизации всех элементов армии, да и всего государства.

Что касается до нежелания солдат воевать, то в наличии такого настроения, и при том весьма устойчивого и решительно-го, не могло быть ни малейших сомнений. Но люди опытные объясняли, что это на так уже страшно: солдаты, мол, *никогда* не хотят воевать; в нашей армии это наблюдалось чуть ли не с самого начала войны — а армия все же держалась и даже порой шла вперед. Да и летом 1917 года, на пятый месяц революции, принуждения не было, и воевать солдаты не хотели, а фронт все же держался.

Какие же силы удерживали солдат на позициях? Отчасти — сила инерции, привычка, отсутствие чувствительного давления со стороны противника*; отчасти — чувство долга. Да, чувство долга еще было живо в солдате, даже в наиболее разложившихся частях! И уж, конечно, не правым кругам, упорно отказывавшимся от каких бы то ни было жертв ради спасения родины и ведшим в защиту своих привилегий безумную борьбу против своего народа, не правым кругам было обвинять солдатскую массу в забвении долга.

Солдат, проклиная войну, нарушая дисциплину, "бунтуясь", все же в глубине души сознавал, что бросить винтовку и уйти с фронта *нельзя*.

* * *

Авторитет командного состава в армии был в значительной мере подорван еще до революции. Падение царской власти, основы всей старой военной идеологии, нанесло этому авторитету последний сокрушительный удар. Положение офицеров было тяжелое: кругом атмосфера недоверия, озлобленная толпа, зре-

* Редкая артиллерийская перестрелка, при которой армия чуть ли не полумиллионного состава имела 5—6 человек убитых или раненых в неделю, само собой разумеется, не могла считаться "чувствительным давлением".

ющий кровавый бунт, оскорбления, угрозы, вечная опасность насилия, самосуда. В этой обстановке многие падали духом, утрачивали способность приказывать, ограничиваясь тем, что лично исполняли, как могли, свои обязанности. Некоторые, преимущественно из прапорщиков военного времени, в видах самосохранения перекинулись в лагерь бунтующей солдатчины и, подстраиваясь под ее настроения, добивались продвижения по служебной лестнице на началах "выборности". Но были также строевые начальники, активно боровшиеся с разложением армии, с неутомимой энергией работавшие над укреплением своих частей.

Из числа этих энергичных и сохранивших присутствие духа начальников одни ладили с комитетами, другие находились в открытой вражде с ними, тянули к "старому режиму". Главой "старорежимников" был генерал Балтийский¹⁹², убежденный черносотенец, антисемит, позже уволенный по требованию Искосола и... ставший правой рукой Троцкого при создании Красной армии. Из генералов, умевших согласовать свою работу с новыми условиями жизни в армии, наиболее яркие фигуры представляли собой командующий армией Парский и командир 43-го корпуса Болдырев¹⁹³.

Ген. Парский, посреди поражений, в обстановке разложения армии, сохранял неизменную пламенную веру в русского солдата. Эта вера мирила его со всем — даже с комитетами.

— Русский солдат, — говорил он, — изумительный солдат, он боевую обстановку сметкой, чутьем схватывает лучше, чем любой генерал. Военачальник у солдата должен учиться. Я так и делал, когда ротой, а потом полком командовал. Получу задание, изучу местность, а прежде, чем приказ отдавать, позову своего денщика и с ним посоветуюсь. И не помню случая, чтобы денщик дельного совета мне не подал. Земляки всегда все знают лучше, чем в штабе: и где у противника пулемет припрятан, и с какой стороны у него части покрепче стоят, с какой стороны — послабее. В эту войну, уже корпусом командуя, я и то всегда денщика выпрашивал: "Как ты, Гаврила, думаешь, будет ли на этой неделе немец наступать или нет?" А Гаврила отвечает: "Никак нет, Ваше Превосходительство, раньше чем через 10 дней ему наступать невозможно". — "Почему ты так думаешь?" — "А потому-то и потому-то..." Я и спокоен. А то Гаврила сам мне докладывает: "Ваше Превосходительство, не иначе, как немец ударить хочет", — я сразу в армию доношу, что по полученным сведениям ожидаю, мол, наступления неприятеля, и сам меры принимаю..."

Для Парского решающим фактором в войне была психология солдат и офицеров и прежде всего их взаимное доверие и спайка. Одной из причин наших военных неудач он считал рознь между различными видами оружия, особенно пехотой и артиллерией, и рекомендовал бороться с этим злом, устраивая общие батарейно-полковые праздники и гулянья для офицеров и солдат. Так же заботливо относился он к сплочению различных национальных элементов армии.

Как-то, собираясь в украинский армейский комитет, я пригласил Парского ехать со мною. Генерал согласился, но уже в дверях остановился и сказал:

— Знаете, что, Владимир Савельевич? Отправляйтесь одни. А я к ним на будущей неделе пойду, когда ко мне жена придет — она из Полтавской губернии, по-украински говорит. Я им скажу, что надо, а потом жена по-ихнему несколько слов прибавит — выйдет сердечнее, теплее, хохлы это любят...

О военных талантах генерала Парского судить я не берусь, но в прошлом за ним были крупные заслуги, и в обстановке фронта он разбирался, как мне казалось, неплохо. Во всяком случае, это был человек с оригинальным, самостоятельным умом. Политикой он мало интересовался, признаваясь простодушно:

— Этих дел я не знаю.

В спасительность репрессий он не верил:

— Русского человека, если он забрал себе что в голову, наказанием не испугаешь.

Но верил в здравый смысл и совесть солдата, и потому все настроения в армии считал явлением временным, преходящим.

Болдырев, brave генерал, гордившийся тем, что отец его сам пахал землю, был человеком другого склада. Он не философствовал, не рассуждал, а старался с размаху, напряжением воли брать все препятствия. Его решительные манеры, смелость, прямота, в сочетании с его своеобразным красноречием, внушали уважение солдатам. К комитетам сперва он относился недоверчиво, но потом, приглядевшись к их работе, понял, что они не являются помехой укреплению фронта. Искосол, со своей стороны, вначале считал негнушегося, резкого на язык генерала завзятым контрреволюционером и даже добивался его увольнения. Но позже искосольцы оценили прямоту, лояльность и энергию Болдырева и искренне жалели о его уходе, когда — после отставки ген. Данилова — ему пришлось покинуть корпус, чтобы принять командование соседней 5-й армией.

Не буду здесь останавливаться на других представителях командного состава. Перейду к комитетам.

Душой армии был Искосол. Председателем его состоял Г.Д. Кучин (Оранский)¹⁹⁴, видный деятель социал-демократической партии, в начале войны призванный в армию, прошедший всю военную страду рядовым, в окопах, и на фронте произведенный в прапорщики. Старый революционер, глубоко убежденный социалист, он ненавидел войну, но вместе с тем любил армию, считал оборону величайшей задачей революции и относился с увлечением к военному делу. Вокруг него группировались люди, подобно ему, прошедшие партийную школу и в окопах прошедшие войну: Я. Хараш¹⁹⁵, Л. Тумаркин, Б. Рабинович. Им удалось подобрать себе помощников, политически менее подготовленных, но искренних, энергичных, преданных революции и обороне.

В Искосоле царила атмосфера безграничного взаимного доверия и тесного товарищества. Это была одна дружная семья. Любимым членом ее был и А. Дюбуа. Войну он провел рядовым на фронте, разделяя политические позиции крайнего оборончества. Но, в отличие от Кучина, во время революции он потерял интерес к военному делу, по-видимому, увлекшись открывшимися перед социалистами широкими возможностями морального и интеллектуального воспитания масс. Он энергично работал в рижской партийной организации, редактировал местную социал-демократическую газету, поддерживал связи с профессиональными союзами, руководил стачками (в частности, когда я приехал в Ригу, внимание его было поглощено забастовкой прачек). Эти его занятия, по правде, имевшие мало общего с обязанностями комиссара армии, вызывали негодование штаба. Но дело от этого не страдало, так как свои официальные обязанности Дюбуа передал своему помощнику, некоему Минцу, и тот, будучи совершенным нулем в смысле политики и общественности, но обладая большой трудоспособностью и некоторым административным талантом, недурно справлялся со своими функциями. Понемногу Минц прибрал к рукам весь армейский комиссариат, отобрав у Дюбуа все атрибуты его должности: печати, бланки, квартиру и автомобиль. В штабе к Минцу относились с уважением, в Искосоле его презирали.

Со штабом Искосол, как я упоминал уже, был на ножах. Трения между ними начались с первых дней революции, и с тех пор каждый день приносил новые недоразумения. Дюбуа и Минц, которые едва разговаривали друг с другом и из которых один всегда поддерживал генералов, а другой во всем соглашал-

ся с Искосолом, не могли быть посредниками для улаживания этих столкновений. За это дело и принялись мы с ген. Парским, и к началу августа нам удалось, кажется, достичь некоторых результатов — машина 12-й армии стала работать ровнее, без перебоев.

* * *

Характеристику состояния 12-й армии, данную на предыдущих страницах, я хотел бы дополнить здесь несколькими замечаниями о 5-й армии, составлявшей левое крыло Северного фронта. С этой армией я познакомился несколько позже, чем с 12-й, в конце августа. Но в дальнейшем мне приходилось делить внимание и время между обеими армиями.

Обстановка здесь и там была различная. 5-я армия считалась одной из наименее разложившихся на всем пространстве от Рижского залива до Черного моря. Репутация "опоры порядка" особенно упрочилась за ней благодаря той роли, какую сыграл в июльские дни отправленный ею в Петроград "сводный отряд". Забегая несколько вперед, отмечу, впрочем, что позже именно 5-я армия первой оказалась в руках большевиков.

Особенностью этой армии, по сравнению с 12-й, была бедность политической жизни, преобладание инерции старых отношений, что объяснялось расположением армии в стороне от больших промышленных городов. Но не оставалось без влияния и то обстоятельство, что командовал 5-й армией энергичный и умный ген. Данилов, умевший со всеми ладить и всех в конечном счете подчинять своей воле.

Армейский комитет в 5-й армии был по составу не столь блестящ, как Искосол. Но во главе его стоял талантливый и смелый человек, гусар и георгиевский кавалер Виленкин. При царизме он был правоверным кадетом, а во время революции примкнул к народно-социалистической партии¹⁹⁶. Я думаю, что это было с его стороны действительным *полевением*, а не приспособлением к обстановке: Виленкин был человеком негнушима, не умеющим льстить толпе — эти свои качества он доказал своей смертью*.

Станкевич приводит в своих "Воспоминаниях" отзыв Виленкина о роли армейских организаций: "Задача нашего комитета довести армию до того состояния, чтобы по приказу командующего армией любая часть арестовала без колебаний комитет. Тогда

* Он был расстрелян большевиками в 1919 г.

мы, деятели комитета, скажем: наш долг перед родиной выполнен”*. Это не была бутада: Виленкин действительно так смотрел на дело. Но его точка зрения не разделялась его сотрудниками; он занимал в комитете крайний правый фланг, что не мешало ему пользоваться среди товарищей огромным влиянием.

Крупную роль играл в комитете полковник Куропаткин — кадровый офицер, искренно отдавшийся революции и сумевший привить товарищам по работе свои навыки специалиста. Политическим руководителем, идеологом оборончества был в армии социалист-революционер Евгений Колосов. Весьма энергичную деятельность проявлял армейский комиссар Ходоров. Но о нем у меня осталось неприятное воспоминание: он пытался упрятать в сумасшедший дом какого-то солдата — лазаретного служителя, уличавшего его в том, что он, Ходоров, до революции, пользуясь родственными связями, "окопался" в лазарете.

У этого армейского комиссара был еще помощник — человек огромного роста, с университетским значком, вечно выпученными глазами, широко раскрытым ртом и феноменальным голосом. Командный состав в 5-й армии был сравнительно ровный. Офицеры держались увереннее, чем в 12-й армии. Экцессов со стороны солдатской массы здесь было меньше. Но и здесь были "больные" полки и дивизии, и здесь строевые занятия производились лишь кое-где да кое-как, и здесь окопы и ходы сообщения осыпались из-за отказа солдат заниматься их укреплением и расчисткой.

Но вернусь к 12-й армии, в которой главным образом протекала моя работа.

* * *

Согласно директивам, полученным из Петрограда, я должен был особенное внимание обратить на латышские стрелковые батальоны. Таких батальонов в составе 12-й армии было, насколько помню, 10 или 12, силой всего в 20—30 тысяч штыков. Они были созданы еще в первый период войны, в 1915 году, — кажется, на основе добровольчества. Привыкшие к дисциплине, упорные в бою, как и в работе, латышские стрелки оказались превосходным боевым материалом. И даже летом 1917 года в них все еще чувствовался военный дух, которого не было и в помине в соседних расхлябанных, опустившихся "русских" дивизиях.

Но в первые годы войны латышские батальоны понесли огромные потери людьми. Зависело ли это от слепого случая или

* Станкевич. Воспоминания, с. 145.

от вины командного состава, я не знаю. Но в головах стрелков крепко засело подозрение, что их посылали на бой умышленно — потому, мол, что в штабах сидят бароны, которые рады избавиться от латышей.

К этому присоединилась глубокая рознь между солдатами и офицерами: среди офицеров-латышей преобладали представители местной интеллигенции, дети крестьян-помещиков ("серых баронов"), а стрелки набирались главным образом из батраков, городских рабочих, голытьбы. Офицеры были настроены воинственно и патриотично, в кадетском смысле этих слов. У стрелков же ненависть против своих "внутренних немцев-баронов" была сильнее, чем против Германии.

На этой почве создалось такое положение: офицеры-латыши обвиняли стрелков в готовности перейти на сторону врага; солдаты в том же самом подозревали своих командиров; а в воинских частях, стоявших на соседних боевых участках, ходили слухи, что в латышских батальонах и офицеры, и стрелки готовы открыть фронт.

Мне передавали, что разложение началось в латышских частях задолго до революции, но судить, насколько верно это утверждение, я не могу. Во всяком случае, к концу июля положение достигло крайнего напряжения. К тому же, центральный орган латышских стрелковых батальонов — Исколастрел¹⁹⁷ — был целиком под влиянием латышской социал-демократии, занимавшей в то время довольно двусмысленную позицию между интернационалистическим крылом меньшевизма и чистым большевизмом*. У Искосола отношения с Исколастрелом были настолько натянутые, что Кучин и его товарищи избегали всяких сношений со стрелками. С тем большим сочувствием отнеслись они к моему намерению выяснить до конца отношение Исколастрела к обороне и объехать батальоны.

Переговоры с Исколастрелом убедили меня, что, несмотря на свой "интернационализм", эта организация готова встать на оборонческую позицию, но только не в применении к России в целом, а по отношению к родной Латвии. Это не был еще ясно выраженный сепаратизм, но проявление подсознательно-сепаратистского настроения.

Что следовало делать? Бороться с этим настроением, доказывать латышам нецелесообразность отделения их страны от России? Но вопрос об отделении никем практически не ставился, а

* Еще в середине мая Исколастрел послал приветственные телеграммы петроградской "Правде" и Ленину, "действительному вождю революционной борьбы, выразителю нашей мысли".

возражать против готовности людей оборонять свою губернию, свой город значило отталкивать их вообще от дел обороны.

Я встал на другой путь.

— В настоящее время удар занесен над *вашим* краем. Скажите прямо, намерены ли вы отдать Ригу? Да или нет?

Ответом были жалобы на клевету, распространяемую правыми кругами против стрелков. Я обещал употребить все усилия, чтобы положить конец распространению этой клеветы и вернуть латышам доверие Временного правительства. Обещал даже поддержать старое желание стрелков о сведении их батальонов в особый корпус, с собственной артиллерией и техническими частями. Со своей стороны, Исколастрел принял обязательство поддерживать дисциплину в батальонах, прекратить братания и сделать все для повышения боеспособности латышских частей. Удалось сговориться и с офицерами латышских батальонов: хоть и не сразу, но они поняли, что своими воплями о готовности стрелков перейти на сторону врага они вредят обороне как общероссийского фронта, так и, в частности, Латвии*.

* * *

Покончив с объездом латышских батальонов, я принялся за работу по устранению бьющих в глаза настроений в других частях 12-й армии — точнее, впрягся в общую работу с Искосолом, внося в дело преимущества моего положения как представителя Временного правительства и Всероссийского ЦИК. Прежде всего мы собрали представителей всех местных революционных организаций — не исключая ни Исколастреда, ни латышской социал-демократии и рижского Совета рабочих депутатов, ни большевиков. Сделав доклад о решениях, принятых ЦИК в связи с образованием правительства спасения революции, я предложил присутствующим создать "единый фронт" на платформе укрепления боеспособности армии и выпустить общее воззвание к солдатам. Проект такого возвания был заранее составлен мною совместно с искосольцами. Оканчивался он такими словами:

"Товарищи солдаты! В час грозной опасности мы, *все без исключения* революционные организации рижского фронта, заявляем вам:

* Особенно ревностно помогал мне в улаживании недоразумений с латышскими стрелками полковник генерального штаба Вацетис¹⁹⁶. Когда я познакомился с ним, он был в непримиримой оппозиции против Временного правительства. Но его настроение переменилось после моего обещания выхлопотать ему производство в генералы. Получив генеральский чин, Вацетис окончательно постиг истину революционного оборончества. Позже он был одно время "главковерхом" у большевиков.

1) В настоящее время братания недопустимы. Всякие сношения с врагом — предательство и измена... Кто будет продолжать брататься с врагом, объявляется изменником революции и страны.

2) Неисполнение приказов привело к гибели южную армию. С этого дня беспрекословное и точное исполнение всех боевых и служебных приказов. Никаких обсуждений!

3) Во имя собственного спасения все отдельные части 12-й армии должны выкинуть из своей среды для привлечения к ответственности всех хулиганов, дезорганизаторов, которые своими преступлениями против всей армии кладут позорное пятно на революционных солдат**.

Последние два пункта не вызвали в собрании возражений. Большевики пытались лишь протестовать против заключительной фразы первого пункта. Но искосольцы поспешили заявить, что от этой фразы они ни за что не отступятся. На вопрос представителя Исколастрела, что значит "объявляется изменником революции и страны", я объяснил:

— Это значит, предается военно-революционному суду. От вас зависит, будут ли учреждены в армии эти суды или нет. Присоединитесь к нашему воззванию, объединитесь с нами — и надобности в этой мере не будет.

После некоторых колебаний интернационалисты и большевики заявили, что, стремясь к объединению сил демократии, они готовы от имени представляемых ими организаций подписать общее воззвание.

Примирительные речи, горячие рукопожатия... Воззвание тут же было подписано, отправлено в типографию и к утру в десятках тысяч экземпляров распространено в окопах.

Впечатление получилось ошеломляющее. Окопные большевики, проповедовавшие братания, чувствовали себя уничтоженными. В незавидное положение попал также рижский Совет рабочих депутатов, в свое время объявлявший братания прямым путем к миру. 3 августа состоялось экстренное заседание рижского Совета. Большинством, 84 голосов против 44, была принята резолюция, предлагающая Исполнительному комитету снять с воззвания свою подпись. Но было поздно: братаниям был нанесен такой удар, что самые разговоры о них прекратились.

Труднее представлялась задача, намеченная в 3-м пункте воззвания: извлечение из воинских частей "хулиганов" и "дезорганизаторов". В спасительную силу устрашения и репрессий на фронте я не верил, вполне разделяя в этом вопросе взгляд Парс-

* Известия, 1917, № 132, 1 августа.

кого. С точки зрения оздоровления фронта мне представлялось безразличным, будет ли такой-то "дезорганизатор" засажен в тюрьму, или дезертирует из своей части, или даже отправится в тыл с какой-нибудь командировкой. Важно было лишь освободить его полк или роту от его разлагающих влияний. Но по большей части избавиться от вредного хулигана добром оказывалось невозможным. Приходилось прибегать к насильственным мерам.

Моя попытка возложить это дело на судебно-следственную власть не привела ни к чему — представители прокуратуры смотрели на нашу борьбу с разрушением фронта как на домашний спор между меньшевиками и большевиками, и один военный следователь прямо заявил мне:

— В законах нет ни одной статьи, которую можно применить против большевиков и которая не была бы одновременно направлена и против Искосола, и — прошу у вас, г. комиссар, извинения — против г. Керенского.

Впрочем, если бы судебно-следственные власти и пожелали прийти нам на помощь — они были бессильны. Действовать приходилось Искосолу и мне. За привлекаемого к ответственности "дезорганизатора" обычно вступалась его рота. За роту вступался полк. Вслед за полком втягивалась в дело дивизия. Арест какого-нибудь темного провокатора превращался в целую военную экспедицию с окружением "бунтующей" части отрядом "верных революции" войск из пехоты, кавалерии, артиллерии и броневых автомобилей.

Особенно тягостной оказалась одна из таких операций — арест некоего унтер-офицера Виша, дезорганизовавшего целый полк проповедью немедленного сепаратного мира и месяц спустя явившегося в Искосол с докладной запиской, в которой доказывалось, что русский солдат никак не может обойтись без порки, и предлагалось восстановить в армии телесное наказание. С этим субъектом мы возились три дня, на защиту его выступили целых две дивизии — и были часы, когда фронт висел на волоске!

Отказаться от привлечения к ответственности наиболее вредных дезорганизаторов фронта или от приведения в исполнение изданного приказа об аресте — значило нанести непоправимый ущерб авторитету власти. Приходилось доводить начатые мероприятия до конца, несмотря на обидное сознание полного несоответствия между затрачиваемыми усилиями и достигаемыми результатами...

К середине августа без пролития единой капли крови "чистка" в наиболее разложившихся частях была закончена: было арестовано человек десять "дезорганизаторов" — почти сплошь черносотенно-провокаторского пошиба. Это произвело некоторое впечатление на солдатскую массу. В то же время приносили

свои плоды дружные усилия армейских организаций и командного состава: порядок на фронте восстанавливался; к армии, *казалось*, возвращалась ее былая боеспособность.

* * *

В общем и целом, состояние 12-й армии представлялось почти удовлетворительным, когда высшее командование решилось приступить к перегруппировке сил в соответствии с изменившейся стратегической обстановкой. Вкратце дело сводилось к следующему.

Как я упоминал уже, Северный фронт в большей своей части тянулся по правому берегу Западной Двины, но правый его фланг (у Рижского залива) был вынесен далеко вперед на противоположный берег. В свое время это признавалось необходимым, отчасти для прикрытия Риги, а главным образом для обеспечения плацдарма на случай нашего наступления вдоль побережья. Но мысль о наступлении была давно оставлена, и теперь сохранение фронта в виде изогнутой линии с выдвинутым далеко вперед флангом представлялось и бесцельным, и опасным, так как удар противника в точку перегиба этой линии грозил гибелью стоявшему у побережья корпусу, который оказался бы, в случае неудачи, лишенным возможности отойти на тыловые позиции, прикрывающие Ригу. Поэтому ген. Парский решил оттянуть правый фланг назад, сократить верст на двадцать линию фронта и освободившиеся части передвинуть к югу, к Иксколю, где немцы давно уже накапливали силы и где с наибольшей вероятностью можно было ожидать с их стороны попытки форсировать Двину.

Операция была довольно сложная: требовалось одновременное перемещение чуть ли не всех частей армии, и всякое замедление хотя бы одного полка в выполнении приказа внесло бы расстройство в весь маневр. К тому же, перегруппировку приходилось производить втайне от противника, ночью, временно заменяя отодвигаемые в тыл части редким сторожевым охранением. Но дело сошло гладко: в ночь с 5 на 6 августа все части в безукоризненном порядке выполнили полученное задание. При этом не только вывезли все орудия и склады, но и уничтожили мосты, сняли деревянный настил с прифронтовых дорог и даже захватили с собой свежескошенное сено с покидаемого участка! Еще более отрадным симптомом было то, что целый ряд полков выразил нежелание уходить в тыл со старых позиций — правда, довольно безопасных при наличных условиях, когда все операции ограничивались редкой артиллерийской перестрелкой.

Лишь два дня спустя противник догадался о произведенной

перегруппировке и предпринял разведку для выяснения положения. И вот тут-то оказалось, что внешний порядок и выполнение приказов еще не определяют боеспособность армии. При первом же появлении немецких разведчиков на фронте (у реки Аа) началось замешательство, закончившееся ночью на 2 августа паническим бегством одного полка, — и при том полка, который был ничем не хуже других частей армии. Правда, порядок был быстро восстановлен представителями Искосола, и никаких последствий эта ночная паника не имела*. Но это было серьезное предупреждение командованию и армейским организациям — предупреждение, смысла которого мы не поняли сразу.

Ставка разразилась по поводу этого происшествия истерической телеграммой с приказом "истребить" бегущих артиллерийским огнем. Приказ, пришедший, как водится, с опозданием, когда порядок был уже восстановлен, был до того дикий, нелепый, что ген. Парский даже не опубликовал его. А несколько дней спустя на государственном совещании в Москве¹⁹⁹ верховный главнокомандующий ген. Корнилов при сочувственных кликах справа сам огласил этот факт — к довершению неловкости, спутав номер обреченного им на "истребление" полка: по его словам вышло, что ставка предписывала уничтожить 56-й сибирский полк, тогда как замешательство произошло в 54-м полку**.

* * *

На предыдущих страницах я попытался восстановить в общих чертах состояние 12-й армии в период примерно от конца июля до середины августа. В центре, в Петрограде, это время было богато событиями. На границе этого периода стоит правительственный кризис, с отъездом Керенского в Финляндию, с "историческим" ночным заседанием в Зимнем дворце и пр., и пр. Затем новое коалиционное правительство, новые декларации, речи, планы — с ясно выраженным уклоном вправо. Безнадежная попытка "революционного оборончества" поднять дух фронта и тыла, "совещание по обороне"²⁰⁰, опять резолюции, воззва-

* В суматохе был убит один пулеметчик-вольноопределяющийся, пытавшийся образумить бегущих солдат.

** Вот это место из речи ген. Корнилова: "Несколько дней тому назад, когда было наступление немцев против Риги, 56-й стрелковый сибирский полк, столь прославленный в прошлых боях, самовольно оставил свои позиции и, побросав оружие и снаряжение, бежал. И только под давлением оружия, после того, как я по телеграфу приказал истребить полк, он вернулся..." (Известия, 1917, № 144, 15 августа.)

ния. Борьба между ставкой и правительством. Наконец, московское Государственное совещание...

Армия воспринимала все эти события по-своему. На фронте масштаб важного и незначительного был иной, чем в Петрограде. Временная отставка Чернова вызвала среди солдат много толков: баре земли отдавать не хотят. Наоборот, отъезд Керенского, повергший, по описаниям газет, весь Петроград в отчаяние, на фронте был встречен полным равнодушием: после июньского наступления популярность военного министра среди солдат померкла — его *еще* не ненавидели, но им *уже* не интересовались.

Воззвания "совещания по обороне" вызывали среди окопников раздражение: языками, мол, треплют — вот бы их сюда, на позиции, так по-иному бы заговорили. Интерес к Государственному совещанию сосредоточился на выступлениях военных — генералов Корнилова и Каледина²⁰¹, с одной стороны, Кучина и Нагаева — с другой.

Характерный пример того, насколько субъективна оценка удельного веса различных явлений в политике. В "Истории" Милюкова о речи Нагаева упоминается, как о досадном скандале, а о выступлении Кучина не упоминается вовсе — настолько не стоящей внимания показалась историку речь этого армейского прапорщика. А на фронте — по крайней мере в 12-й армии, о настроениях которой я могу говорить как очевидец, — слова этого прапорщика заглушили все остальные речи.

Тягостное впечатление осталось на фронте от выступления ген. Корнилова, выступления, явившегося политическим центром московского совещания. Верховный главнокомандующий не мог не знать, что его голос дойдет до солдатской массы. И элементарнейший расчет должен был подсказать ему, что говорить он должен как *защитник солдата*. Казалось бы, он мог взять этот тон даже при самой резкой критике армейских организаций. Что, например, мешало ему громить комитеты за то, что они, мол, обманывают, развращают солдат и, дезорганизуя армию, готовят русским солдатам новые братские могилы?

Именно так должен был бы говорить ген. Корнилов, если бы в нем был хоть грамм того материала, из которого история лепит Цезарей²⁰² и Наполеонов²⁰³. А вместо этого он выступил с резкой обвинительной речью против солдат, с речью, в которой другие могли услышать и "воплъ боли за родину", и "скорбь воина за дорогую ему армию", и еще что угодно, но в которой солдаты должны были уловить лишь одно: угрозу скрутить их в бараний рог.

Московское совещание, окончательно определившее отношение солдатской массы к верховному главнокомандующему, предрешило судьбу ген. Корнилова.

Глава девятая

ПАДЕНИЕ РИГИ

17 августа утром ген. Парский позвонил ко мне по телефону и просил приехать по спешному делу. Я застал его над картой. Озабоченно жуя губами, он смотрел на одну точку — около Иксколя — и мне указал на это место:

— Здесь будут переправляться.

Место, где ген. Парский ожидал наступления противника, приходилось против участка, занятого нашей 186-й дивизией, входившей в состав 43-го корпуса. Дивизия считалась одной из наиболее надежных в армии, и к ней при последней перегруппировке были подтянуты значительные резервы.

Само собой разумеется, я знал о смысле этой перегруппировки. Но считая, что оперативная часть находится исключительно в ведении командного состава и не касается ни комитетов, ни комиссаров, я никогда не спрашивал Парского о его предположениях на случай наступления немцев. Теперь он сам заговорил о своих стратегических планах. Выработанный им план обороны распадался на две части: 1) препятствовать переправе противника; 2) если переправа, несмотря на сопротивление, состоится, атаковать переправившиеся на правый берег части и сбросить их в реку.

Ввиду возможности сосредоточения немцами ураганного огня на нашей передовой линии, Парский главную надежду возлагал именно на вторую фазу обороны, а появление немцев на правом берегу Западной Двины, то есть временный *прорыв* нашего фронта, считал предрешенным. Но он верил, что нам удастся вслед за тем контратакой восстановить положение. Только бы дух был хороший в войсках! И он просил меня съездить в 186-ю дивизию, подготовить полковые комитеты.

Поехал. Настроение дивизии показалось мне превосходным. Солдаты ждали наступления противника с твердой решимостью "защищать революцию". Позиция с окопами, прорытыми вдоль

гребня высокого обрывистого берега Двины, казалась неприступной. Были заготовлены убежища на случай ураганного огня. Начальник дивизии, ген. Дорфман, маленький, подвижный, с седой головой и юношески веселыми глазами, обходил со мною окопы, беседуя с комитетчиками, шутя с солдатами. Он боялся лишь одного: что немцы атакуют не его дивизию, а соседний участок, так что не его молодцам достанется слава отбитого удара. Когда он при мне высказывал эти опасения в окопах, солдаты успокаивали его:

— Беспременно сюда вдарит. За теми вон кустиками, в речушке у него понтоны заготовлены...

И, подымаясь над бруствером, солдаты указывали то место, откуда должен показаться понтонный мост. Их забавляло, что они разглядели все хитрости "немца".

Возвращаясь из дивизии, я заехал в штаб 43-го корпуса к ген. Болдыреву. От него веяло решимостью и энергией. Немного смущали его лишь латышские батальоны, приданные ему в виде резерва. Я уверил его, что латыши не подведут.

Вечером в штабе армии я узнал, что атака противника ожидается на рассвете — об этом сообщил перебежчик-эльзасец. В 186-ю дивизию и на соседние участки был послан приказ — быть наготове и, в частности, иметь под рукой маски на случай газовой атаки.

Я хотел немедленно выехать на позиции, но ночью в Искосоле шли совещания, распределялась работа для предстоящих боев, давались последние указания прибывшим с фронта депутатам, и я должен был принять участие в этой работе. Перед рассветом я справился по телефону в штабе о положении. Мне ответили, что пока все спокойно, донесений о начале атаки не поступало. Я пошел к себе соснуть. Сквозь сон мне чудился отдаленный рев пушек.

Меня разбудил телефонный звонок: из штаба сообщали, что немцы ведут наступление против 186-й дивизии, но связь с ген. Дорфманом прервана и обстановка в районе боя представляется неясной. Я немедленно вытребовал автомобиль и поехал на позиции. На дороге было пустынно, автомобиль летел как стрела. С каждой минутой все ближе, все громче бухали пушки. Неожиданно мы влетели в полосу огня: снаряды ложились вправо и влево от дороги, местами полотно ее было взрыто широкими воронками, воздух был удушливый, отравленный газами. Но по-прежнему на шоссе — ни души.

Доехали до мызы Скрипте, где накануне находился штаб 43-го корпуса. Пусто, в комнатах набросаны бумаги, в кухне раз-

веден огонь, кипит вода в чугунном котле, в углу, на полу, телефонный аппарат. Видно, штаб снялся с места с большой поспешностью. Развернув карту, я соображал, куда мог передвинуться штаб. В это время послышались торжественные звуки Марсельезы: с пригорка спускалась походная колонна, с оркестром и красным знаменем впереди. Латышские стрелки!

Командир батальона сообщил мне, где находится штаб корпуса, и показал приказ, полученный батальоном: выступить в таком-то направлении, занять такие-то позиции и защищать их, а в случае встречи с неприятелем до указанного места — атаковать его и продвигаться вперед. Батальон мерным шагом проходил мимо меня. Лица у стрелков сосредоточенные, серьезные; идут, как на параде, под звуки революционного гимна.

Полчаса спустя я был в штабе корпуса. Здесь узнал о положении. От ген. Дорфмана с начала боев никаких известий. Его дивизия не то "легла костями", не то разбежалась, — во всяком случае, немцы уже в 9 часов утра навели в намеченном месте понтонный мост, переправились на наш берег, перевезли туда пушки и теперь продолжают наступление.

Я был поражен! Непрístupная позиция... все меры приняты заранее... солдаты, подсмеивавшиеся над "немцем"... генерал, боявшийся, что другому достанется честь победы!.. И вдруг!..

Ген. Болдырев объяснил мне, что в переходе противника через Западную Двину нет ничего удивительного: при современной технике боя вода — не преграда, при достаточной артиллерийской подготовке можно перейти через любую реку. Впрочем, пока что район прорыва не велик: верст 6 шириной, версты 3 в глубину — дело поправимое. Теперь задача — атаковать противника со всех сторон и уничтожить его или отогнать обратно за реку. Всем дивизиям посланы соответствующие приказы. Начальники частей сообщают о благоприятном настроении в войсках и надеются на успех маневра. Но донесений о результатах наших контратак пока не поступало — телеграфная связь с дивизиями и полками прервана и штаб корпуса не знает, что творится кругом. Равным образом, и связь со штабом армии разрушена с самого начала боя.

Присутствовавший при разговоре начальник штаба корпуса ген. Симонов объяснил мне, что это у нас обычная вещь: *всегда* в начале операции рвется связь и начинается неразбериха. Но это ничего: если дух в войсках хороший и распоряжении отданы заранее, то недостаток связи не очень дает себя чувствовать.

Бой с каждым часом приближался к мызе, в которой расположился штаб корпуса. Бухали пушки, трещали пулеметы, над

мызой рвались снаряды. Приезжали верховые с донесениями, проходили кучки солдат. Минутами устанавливалась телеграфная связь то с одной, то с другой дивизией, затем вражеский снаряд перебивал проволоку, и мы вновь оказывались отрезанными от наших частей.

К вечеру противник приблизился настолько, что пришлось перебраться верст на десять к востоку — иначе штаб корпуса мог попасть в плен. Картина понемногу выяснялась: наши части повсюду отходили под давлением противника. Отходили в порядке, взрывая оставшиеся снаряды и патроны, вынося из боя раненых. Полковые командиры доносили, что приказ об отступлении отдан ввиду совершенной невозможности держаться. Но в итоге из предложенной контратаки ничего не выходило: повсюду части, получившие приказ наступать, шли вперед, а затем, не дойдя до места назначения, потеряв связь с корпусом, по приказу начальства поворачивали и отходили назад.

Противник все дальше продвигался вперед, закрепляясь на захваченном участке. Но... бой продолжался, исход его еще не был известен, рано было падать духом! И в донесениях строевых начальников порою звучали героические ноты — они свидетельствовали о "высокой доблести" войск, сообщали о штыковых атаках, о готовности умереть, о численном превосходстве противника. За весь день не было ни одного донесения о неисполненном приказе, о нарушении дисциплины, о бегстве.

Наладилась телеграфная связь с Ригой. Болдырев послал в штаб армии донесение. Показывая мне свою телеграмму, он сказал с горечью:

— Знаю, начнут теперь ругать и позорить солдата. А это всего хуже — без того наш солдат в себя не верит, а шельмованьем и совсем в нем душу убьют.

Генерал явно просил меня заступиться за солдат, защитить их от готовой обрушиться на них клеветы — просил об этом не только потому, что любил солдата, но и потому, что боялся за армию. Тогда я написал на листке полевой книжки следующую телеграмму на имя председателя Временного правительства и председателя ЦИК:

"19 августа под прикрытием ураганного огня противнику удалось переправиться на правый берег Двины. Наши орудия не могли помешать переправе, так как большая часть орудий, прикрывающих район переправы, была подбита противником... Войска принуждены были отступить на 5 [верст] от Двины на фронте протяжением 10 [верст]. Для восстановления положения двинуты свежие войска.

Перед лицом всей России свидетельствую, что в этой неудаче нашей армии не было позора. Войска честно исполняли все приказания командного состава, переходя местами в штыковые атаки и идя навстречу смерти. Случаев бегства и предательства войсковых частей не было".

Прежде чем сдаться телеграмму на аппарат, я прочел ее Болдыреву. Он прослезился, обнял меня и сказал:

— Это — правда! Спасибо вам!

* * *

В ночь с 19-го на 20-е мы ожидали в штабе корпуса донесения из дивизии генерала Скалона²⁰⁴, которая стояла левее 186-й дивизии и первая получила приказ ударить во фланг и в тыл переправившимся на наш берег немецким частям. Придавая решающее значение этому удару, Болдырев свой приказ Скалону закончил словами: "Вам и вашей дивизии будет принадлежать *вся слава этого дня*".

Но до вечера не было никаких признаков того, что противник атакован — немецкие части медленно и неуклонно ползли вперед. Между тем связь с дивизией прервалась. Немецкие батареи долбили по дорогам между штабом корпуса и районом, где должен был находиться ген. Скалон. Посланные в ту сторону ординарцы не возвращались. Я решил проехать в дивизию, выяснить положение. Трудность была в том, что по дороге, избитой снарядами, автомобиль не мог идти без огней, а фары могли привлечь внимание неприятеля, расположение которого в точности не было известно. Шофер колебался.

— Как раз машину потеряем, а я вчера новые шины поставил...

Но в конце концов он решил рискнуть шинами — мы поехали и без больших приключений добрались до ген. Скалона. По дороге в нескольких местах мне пришлось наткнуться на отдельные кучки солдат, частью мирно сидевших вокруг костра на опушке леса, частью шедших навстречу мне из района боя. На мой вопрос, откуда они и куда идут, солдаты отвечали, что разыскивают свой полк. На мое указание, что их полк находится на позициях, а не в тылу, объясняли, что "сбились с дороги", поворачивались и отправлялись в ту сторону, откуда доносились выстрелы — не могу, впрочем, поручиться, что они вновь не "сбивались с дороги" после моего отъезда и доходили до своего полка.

Дивизия ген. Скалона — или, во всяком случае, часть ее — занимала старые позиции; правый фланг ее, к которому приста-

ли части растрепанной 186-й дивизии, оказался теперь висящим в воздухе.

— Получили приказ командира корпуса об атаке? — спросил я ген. Скалона.

— Получил и исполнил. Донести не мог из-за отсутствия связи.

— А каковы результаты?

Полился рассказ о героических боях, выдержанных дивизией. Представители дивизионного комитета горячо поддерживали своего генерала.

С начала войны не бывало такого адского ураганного огня!.. Солдаты дрались как львы!.. Командный состав выше всяких похвал!..

— А наступление?

Наступали целый день... Ходили в штыки... Теснили противника... Но при отсутствии резервов, при подавляющем перевесе сил противника пришлось в конце концов отступить на старые позиции...

Дождавшись рассвета, чтобы можно было ехать без фонарей, я вернулся в штаб корпуса и передал Болдыреву все виденное и слышанное мною в дивизии. Болдырев попрекнул Скалона за вялость действий, а о солдатах заметил:

— Их винить нечего. Делают, что с них требуется...

Телеграфная связь с Ригой была перебита. Когда телеграфисты нашли место повреждения и аппарат вновь начал работать, я отправил в Петроград второе донесение, в котором писал:

"Войска дрались честно и доблестно... Один полк почти весь день сражался без всякой связи с другими полками дивизии, будучи отрезан от них. Другой полк... почти уничтожен, третий на протяжении нескольких верст теснил превосходящего его силами противника. Н-ский артиллерийский дивизион снялся с позиции с последними цепями пехоты... Потери у нас значительны, но настроение в войсках бодрое. В районе боев я нигде не встретил паники и только на тыловых дорогах наталкивался на отдельные кучки уклоняющихся от боя. К собиранию этих кучек принимаются меры. Считаю долгом отметить дружную работу комитетов и командного состава. Положение остается чрезвычайно серьезным. Не исключена возможность новых неудач, особенно ввиду получающихся известий о дальнейшем расширении района прорыва. Но бесконечно тяжелые часы, пережитые армией, пусть не родят ни паники, ни отчаяния. Вместе с командным составом вновь свидетельствую: армия честно выполняет свой долг, и неудача не ложится позором на те части, на которые обрушиваются удары противника".

Картина была освещена здесь *односторонне*. Оставалось невыясненным, почему при столь высокой доблести наши войска все же отступают перед противником, который, как оказалось впоследствии, отнюдь не превосходил их численно. Но я передал в этой телеграмме проходившие передо мною события *по совести* — так, как я воспринимал и понимал их и как воспринимали и понимали их окружающие меня военные люди — от солдат-комитетчиков до генералов Болдырева, Симонова, Скалона.

20-го немцы продолжали наступать. Но продвигались они медленно, шаг за шагом оттесняя — точнее, отгоняя артиллерийским и пулеметным огнем — наши части. У нас были значительные потери, у противника потерь почти не было. Поэтому у нас получалось впечатление, что наша армия оказывает немцам *упорное сопротивление*, а в донесениях германского штаба в эти дни подчеркивалось, что русские полки отступают почти *без боя*.

Район прорыва увеличивался и в ширину, и в глубину. Смятица, неразбериха росли с каждым часом. Теперь в бой было втянуто с нашей стороны не меньше 10 или 12 дивизий. Но связи между ними не было, они путались на прифронтовых дорогах, посылали разведчиков навстречу одна другой, топтались на месте. Порой то одна, то другая дивизия, выполняя приказ, начинала наступление. Порой наступали отдельные полки. Были и звуки Марсельезы, и красные знамена, и комитетчики в передовых атакующих цепях — а затем все катилось неудержимо назад. Именно катилось — не бежало!

На тыловых дорогах, в лесу все чаще попадались кучки солдат, отбившихся от своих частей. Дезертиры, бежавшие с поля сражения? Нет, почти все были при оружии, и когда им говорили: "Ваш полк там-то, ступайте туда!" — они, как и в первую ночь, покорно брели в указанном направлении.

В штаб корпуса заехали представители Искосола. Сообщили, что на остальных участках фронта все обстоит благополучно и к месту прорыва двинуты свежие части. Но "свежие части" почему-то не подходили. Мы отступали верста за верстой, едва поспевая налаживать связь с ближайшими дивизиями. От корпуса остались лишь отдельные полки. Где остальные части, ген. Болдырев не знал — знал лишь, что они не погибли в огне и не бежали. Зато появились новые полки и команды, отбившиеся от своих дивизий и поступившие под начало командира 43-го корпуса. Ими Болдырев пытался заткнуть образовавшуюся во фронте дыру.

План немцев теперь был ясен: выйти на Рижское шоссе и отрезать вместе с Ригой весь правый фланг армии.

Ночь с 20-го на 21-е мы провели с Болдыревым и его начальником штаба над картой. Болдырев принимал донесения, писал приказы, но дело обороны все не налаживалось. Под утро он обратился ко мне с просьбой поехать в Ригу и лично ознакомить командующего армией с положением в районе прорыва: он считал дальнейшие попытки "контратаки" безнадежными, предвидел выход противника на шоссе и опасался за участь правифланговых дивизий армии, которым в таком случае был бы отрезан путь отступления.

* * *

Опять длинный томительный путь по обстреливаемым артиллерией дорогам. Чем дальше от боя, тем больше беспорядок. Толпы солдат, побросавших оружие. Пустые повозки, скачущие сломя голову неизвестно куда. Выбрались на Рижское шоссе. Дорога запружена обозами. Слева и справа от нее по полям и меж деревьев течет пехота. По-видимому, целые воинские части — полки, может быть, и дивизии. Но в каком они виде — базарная толпа, а не армия! То здесь, то там вспыхивает паника. Подымается беспорядочная ружейная пальба. Обозные соскакивают с телег и принимаются рубить построжки — некоторые с испугу рубят колеса. Два раза налетали эскадрильи немецких аэропланов, бросая бомбы в движущуюся по шоссе живую реку, — и тогда паника принимала формы совершенного безумия.

В Риге бросились в глаза следы недавней бомбардировки: кое-где разрушенные дома, в одном месте посреди улицы воронка, взрытая тяжелым снарядом*. Но на течении местной жизни обстрел города не отразился: нарядная толпа на тротуарах, переполненные кафе... Помню еще, в городском сквере садовник усердно трудился над цветочной клумбой...

В штабе армии я застал ген. Парского, его начальника штаба Посохова и начальников отделов. Шло совещание. Посохов разбирал какие-то бумаги, прочитывал их, передавал для подписи командующему армией и клал листки в заготовленные заранее конверты. Когда я вошел в комнату, ген. Парский приостановил эту работу:

— Погодите, Андрей Андреевич. Может, что-нибудь другое придумаем...

*Рига уже давно была в пределах огня дальнобойных немецких орудий. Но противник явно щадил город, заранее считая его своей добычей. И теперь обстрел был не очень жестокий: было пущено несколько десятков снарядов — достаточно, чтобы вызвать панику в штабе, но слишком мало, чтобы разрушить город.

И он стал расспрашивать меня о положении на фронте. Я передал все, что видел. Парский слушал, кивая головой, пожевывая губами, время от времени вставляя:

— Да. Так-так. Как всегда.

Затем обратился к Посохову:

— Ничего не подделаешь, Андрей Андреевич — рассылайте!

Начальник штаба принялся быстрее рассовывать листки по конвертам. Другой генерал клеивал и запечатывал их. Я спросил ген. Парского:

— Что это?

Тот скорбно развел руками:

— Оставляем Ригу. Могло и хуже кончиться. Армию, по крайней мере, отведем к Вендену.

Мне стало нестерпимо обидно и больно, сказала и усталость — напряжение нервов в боевой обстановке, две ночи без сна. Ген. Парский, заметив мое волнение, участливо подал мне стакан воды и со стариковской, почти отеческой лаской в голосе говорил:

— Это ничего, это с непривычки, это пройдет.

Затем отвел меня к окну и, положив руку мне на плечо, пытался успокоить меня:

— Вы, Владимир Савельевич, еще мало знаете русского солдата. Русский солдат — необыкновенный солдат, равного ему в мире нет. Он и в наступлении велик, и в отступлении. Когда он наступает, никто не устоит перед ним. А когда отступает, его не то что вражеская пехота — конница не догонит! Что теперь? Разве это бегство? Вы бы посмотрели, как наши с Карпат отступали! Вот тогда в самом деле...

Увлечшись нахлынувшими воспоминаниями, генерал принялся было рассказывать о непостижимой стремительности бегства нашей армии с Карпат. Но спохватился, что время и место неподходящие для этого рассказа, оборвал свою речь и бросился отдавать распоряжения.

* * *

Фактически эвакуация Риги началась задолго до приказа о ее оставлении. В Искосоле было пусто — Кучин и другие члены президиума не возвращались с фронта, канцелярия была отправлена на грузовике в Венден. Не задерживаясь в Риге, я вернулся к ген. Болдыреву.

За время моего отсутствия положение на фронте заметно ухудшилось. Теперь район прорыва определялся в 25—30 верст ширины и верст в 20 глубины. Насколько велики были силы

противника в этом районе, мы не знали, так как наши части по-прежнему отходили без прямого соприкосновения с врагом. Во всяком случае, неприятельская артиллерия была довольно энергично по всей 50-верстной вогнутой линии, охватывающей прорыв. У нас же артиллерии не оказалось: часть орудий была подбита еще утром 19-го, часть была брошена при отступлении; некоторые батареи успели отойти и теперь "рвались в бой", но не имели снарядов; другие тоже "рвались в бой", но запутались и пропали без вести в лабиринте лесных дорог; орудия, подвезенные с других участков фронта, не могли быть введены в дело ввиду отсутствия позиций — короче, была "каша". Войска продолжали исполнять приказания, но их боевая "упругость" быстро падала. То здесь, то там вспыхивала паника. В одном месте мчавшаяся Бог весть откуда батарея смяла пехотный полк, выступавший на позиции. В другом месте свои открыли огонь по своим...

При таком положении было непонятно, почему немцы продвигаются вперед так медленно. Казалось, некоторое усилие с их стороны, и сопротивление наших перепутавшихся частей будет окончательно сломлено, вражеская конница прорвется на Рижское шоссе — и тогда вместе с Ригой мы потеряем большую половину 12-й армии, а перед немцами откроется ничем не защищенный широкий путь к Петрограду.

А между тем немецкие войска за три дня прошли всего лишь 25—30 верст. Я и теперь не могу объяснить эту медленность их продвижения. Может быть, при мощности артиллерии у них не было в районе прорыва достаточного количества пехоты, чтобы решительным ударом закрепить свой успех? Может быть, моральное состояние их частей было ниже обычного уровня? Во всяком случае, наши войска, о которых немецкое командование так презрительно отзывалось в своих бюллетенях, все же чувствительным образом задерживали продвижение противника.

22-го ранним утром, еще до рассвета, я отправил Керенскому и Чхеидзе новую телеграмму, составленную в согласии с ген. Болдыревым:

"Положение в районе Двинского прорыва с каждым часом становится более грозным. Противник, развивая успех первых дней, наступает и теснит наши войска. Нет ни бегства, ни отказа от исполнения приказа, но складывается неуверенность войск в своих силах, отсутствие боевой подготовки и, как следствие этого, недостаток устойчивости в полевой войне. Решающее значение имеет также огромный перевес артиллерии про-

тивника. Потери наши велики, но в других частях проявляются признаки усталости..."

В это время штаб 43-го корпуса находился на расстоянии 2—3 верст от передовых немецких цепей, между нами и неприятелем не было *никакого* прикрытия, а от Рижского шоссе, по которому тянулись обозы правофланговых корпусов, нас отделяло не больше 10—12 верст. Но подошли из тыла свежие полки, и продвижение противника снова было задержано. На шоссе немцы пробились лишь 24-го или 25-го, когда наши последние обозы уже вышли из-под удара. Не пытаясь преследовать наши войска, немцы повернули на север, к Риге, куда их кавалерия успела уже выйти с другой стороны (по побережью). Между тем наша армия без соприкосновения с противником продолжала отходить в юго-восточном направлении, к венденским позициям, заранее, задолго до революции подготовленным на случай падения Риги. На этих позициях армия остановилась 26—27 августа.

* * *

Я должен прервать здесь рассказ о нашем отступлении после Двинского прорыва, чтобы остановиться на одном эпизоде, связанном с моими донесениями о положении на фронте. Дело в том, что моя вторая телеграмма пришла в Петроград одновременно с сообщением ставки о падении Риги и о положении в 12-й армии: "Дезорганизованные массы солдат неудержимым потоком устремляются по Псковскому шоссе и по дороге Видер—Лембург..."

Обе телеграммы появились в газетах в один и тот же день. Получилось скандальное противоречие между свидетельством комиссара и утверждениями высшего командования, противоречие, которое немедленно было использовано на обоих флангах — либерально-правыми кругами, с одной стороны, большевиками и интернационалистами, с другой.

Противоречие в известной мере было кажущееся. Медаль имела две стороны: в районе прорыва *действительно* не было "ни бегства, ни отказа от исполнения приказа", а тыловые дороги были *действительно* запружены потоком "дезорганизованных масс солдат". Люди опытные уверяли меня, что такую картину им приходилось не раз наблюдать на фронте и до революции. Но если можно было примирить *фактическую* сторону обоих донесений, то непримиримым оставалось противоречие их *тенденций*: ставка обвиняла солдат, комиссар их защищал. И отсюда одни делали вывод, что комиссар *покрывает* преступления солдатчины, а другие — что ставка *клеветает* на армию.

Само собой разумеется, укреплению авторитета высшего командования в армии подобная полемика содействовать не могла. Но, находясь в районе боев, я не мог думать о том, как будет освещать события ставка, и, со своей стороны, доносил правительству и ЦИК о происходивших предо мною событиях так, как я их воспринимал. И теперь, перечитывая свои телеграммы, я могу упрекнуть себя лишь в одном: я не сумел уловить истинный смысл того, что происходило вокруг меня. Этот смысл заключался в том, что армия, *не желавшая воевать*, не может сопротивляться. А это значило, что уже в июле 1917 года *продолжать войну было невозможно*.

Я не сделал этого вывода — и в этом была ошибка, которую я делил со многими, очень многими. Но сколь ни груба эта ошибка, несравненно грубее была ошибка ставки, воображавшей, будто можно *использовать* падение Риги для того, чтобы "подтянуть" армию и оправдать суровые меры репрессий! Если мои донесения хоть в малой мере способствовали срыву этой кампании "использования", то они сослужили хорошую службу армии — предотвратили эксцессы, отдалили неизбежную катастрофу.

* * *

Как я упоминал, наше отступление закончилось 26—27 августа. За неделю 12-я армия как бы описала огромную дугу: левый фланг ее остался на прежнем месте, упираясь в Западную Двину, а правый, прикрывавший Ригу, откатился верст на сто назад и остановился между Ригой и Ревелем. Ночью с 27 на 28-е собрался в Вендене Искосол. Заседали в длинной и узкой комнате, заставленной шкафами, в канцелярии какого-то уездного учреждения. Участники совещания валились с ног от усталости, многие засыпали, сидя за столом (заснул и наш председатель Кучин над списком ораторов), и я чувствовал, что веки слипаются, голова падает на стол, голос делающего доклад товарища становится похожим на далекое журчание ручья...

В этой обстановке полного физического изнеможения, после ряда бессонных ночей и длившегося несколько суток непрерывного мучительного напряжения нервов, мы пытались разобраться в случившемся, подвести итоги, сделать выводы для предстоящей дальнейшей работы.

Увы — это были напрасные усилия, так как никто из нас не подходил вплотную к тому вопросу, который являлся ключом всего положения, к вопросу о том, возможно ли продолжение войны. Я думаю даже, что если бы кто-нибудь из нас попытался

поставить вопрос в этой плоскости, его попытка вызвала бы общее возмущение. Станкевич, которого события застали в Двинске, был свежее других участников совещания и допытывался, как это случилось, что при исполнении солдатами всех приказов армия все же откатилась при первом толчке со стороны противника, да к тому же при толчке, которого мы давно ожидали и к отражению которого были заранее приняты все меры! Но для него это был вопрос о технических недостатках армии — и только. Так же ставили вопрос и другие. Говорили о нераспорядительности штаба армии, который после приказа об очищении Риги в течение чуть ли не 24 часов блуждал между Ригой и Венденом и фактически был в неизвестном отсутствии без всякой связи с корпусами. Говорили о нераспорядительности корпусных командиров и о недостатках снабжения. Обвиняли ген. Скалона в том, что он не выполнил своевременно приказа ген. Болдырева о контратаке. А попутно восхваляли доблесть и дисциплину солдат.

Выяснилось, что командный состав армии оценивает положение сравнительно оптимистично. Офицеры довольны солдатами и считают, что войска справились с выпавшей на их долю задачей. В солдатской массе, напротив, ползут слухи об измене в штабе. Но это в порядке вещей: такие же слухи ходили в войсках и до революции при каждой неудаче, при каждом отступлении! Чтобы положить конец этим слухам, Станкевич предложил передать в суд дело ген. Скалона. Искосольцы поддержали его. Я заявил, что не вижу в действиях Скалона нарушения долга и в этом смысле буду свидетельствовать перед судом. Но против судебного разбирательства я не возражал.

Подняли вопрос о ген. Парском. Шли слухи о предстоящем смещении его с поста командующего армией. Искосольцы видели в этом интригу штабных контрреволюционеров. Солдаты относились к Парскому с доверием, его увольнение произвело бы плохое впечатление на армию. Решено было, что комиссарият, так же, как и Искосол, сделает военному министерству представление в этом смысле. Той же ночью Станкевич и я выехали в Петроград для доклада правительству и ЦИК.

Глава десятая

КОРНИЛОВЩИНА

С конца июля Петроградский совет и ЦИК перебрались в Смольный институт²⁰⁵, здесь теперь был центр революционной жизни столицы. Но я попал сюда утром 28 августа впервые, и странное впечатление произвели на меня полные суеты бесконечные лестницы и белые коридоры с мелькавшими на дверях институтскими надписями.

На мой вопрос, где Чхеидзе и Церетели, мне ответили, что сейчас происходит заседание президиума ЦИК, обсуждаются вопросы, связанные с выступлением ген. Корнилова.

— Каким выступлением?

— Разве вы не слышали?

И я узнал, что два дня назад верховный главнокомандующий предъявил правительству "ультиматум", правительство постановило отрешить его от должности, но генерал приказу о сдаче командования не подчинился и двинул войска на Петроград. Тогда все министры вручили председателю кабинета прошения об отставке, так что правительства, собственно, уже не существует, и ЦИК предоставил Керенскому право формировать новый кабинет.

Я поспешил на заседание президиума. В обширной полупустой комнате, в расставленных в беспорядке кожаных креслах сидели Чхеидзе, Церетели, Б. Богданов, П. Авксентьев, В. Чернов и еще двое-трое из руководящей группы Совета, все усталые, измученные бессонными ночами, подавленные тяжелыми вестями. Церетели справился о положении на Северном фронте. Я ответил, что армия заняла указанные ей позиции и настроение солдат неплохое. Богданов мрачно спросил:

— Как велики силы ген. Корнилова на Северном фронте?

Я не понял вопроса.

— Нам необходимо знать, — пояснил Богданов, — сколько корпусов, дивизий, полков может снять Корнилов с Северного фронта для похода против Петрограда.

Я ответил:

— Ни одной роты!

Богданов в волнении вскочил с кресла:

— Опять этот оптимизм! Корнилов уже снял с фронта целый корпус.

— Какой?

— Третий конный!

— Вздор! Такого корпуса на Северном фронте никогда и не было.

— За Корнилова высказались все командующие армиями!

— Пустяки! За командующим, который присоединяется к Корнилову, не пойдет ни один солдат.

Богданов с видом отчаяния опустил в кресло. Но моя уверенность в отсутствии сил у ген. Корнилова, по-видимому, произвела некоторое впечатление на присутствовавших. Кто-то спросил меня, насколько велика популярность верховного главнокомандующего в армии. Я ответил, что об отношении к Корнилову офицерства судить не могу, но среди солдат это имя со времени московского Государственного совещания окружено всеобщей ненавистью...

Чхеидзе сообщил мне, что при ЦИК образован "военно-революционный комитет", руководящий обороной Петрограда против войск ген. Корнилова, и предложил мне войти в эту организацию. Чернов пригласил меня (по-видимому, как фронтового человека) проехать с ним в штаб округа, посмотреть, что делается там по части обороны. И вот завертелся я в лихорадочной петроградской работе.

Не помню состава "военно-революционного комитета". Общих заседаний у нас не было. Действовали отдельные комиссии, а чаще всего попросту инициативные, никем не уполномоченные группки. Кажется, и общего плана не было — ни в смысле политическом, ни в смысле военно-техническом. Все делалось по наитию, в порядке импровизации; но чувствовалось, что на этот раз советская машина работает по-настоящему, что дело спорится, что с каждым часом выше вырастает стена перед идущими на Петроград войсками ген. Корнилова — в реальность которых я, впрочем, мало верил.

В штабе округа, куда я поехал с Черновым и Гоцем, наоборот, было пустынно и мертво. Чернов поехал из штаба на "позиции". Мы с Гоцем прошли к Савинкову, на которого Керенский возложил дело борьбы с "мятежными войсками".

Энглизированный барчук в спортсменском френче, бесстрастно-неподвижное, непроницаемое лицо, папироска в зубах,

нога перекинута через ногу. Мы передали ему, что военно-революционный комитет опасается контрреволюционных выступлений со стороны военных училищ и считает полезным, в предотвращении кровопролития, обезоружить их — по крайней мере, взять из училищ пушки и отправить их на противокорниловский фронт. Савинков процедил в ответ:

— Не нахожу нужным.

Предложили ему еще какие-то меры.

— Не вижу надобности.

Справились о мерах, принятых штабом. В ответ:

— Признаю сделанное достаточным.

Мы встали и, не прощаясь, вышли из кабинета блистательного сановника. Гоц не удержался и в дверях бросил по его адресу словечко, не принятое в парламентском обиходе.

Хотели вернуться в военно-революционный комитет, но на площадке лестницы нас встретил один из офицеров июльского "сводного отряда" и потащил нас в кабинет ген. Баградуни²⁰⁶, который, по его словам, непосредственно руководил подготовкой операций против войск ген. Корнилова. Баградуни показал нам план Петрограда и его окрестностей с нанесенным синим карандашом предполагаемым фронтом и принялся объяснять план обороны. Сперва он давал объяснения в строго официальном тоне, затем оживился, стал улыбаться, подмигивать.

— Собственно, все это пустяки, — говорил он. — Вы петроградский гарнизон знаете? Если дойдет дело до боя, разбегутся от первой шрапнели. Против них не то что корпуса, и дивизии настоящей много. Но до боя *не дойдет*. Все эти позиции, заставы, окопы — ни к чему.

Рассматривая план, я обратил внимание на состав отрядов, выставленных на дорогах к Петрограду: "2 роты, 2 орудия", "1 рота, 1 орудие", "1/2 роты, 1 орудие"...

Спросил:

— Неужели вы считаете, что этого достаточно?

— За глаза! Ведь сколько ни ставь, в случае боя все разбегутся. А для психологии этого достаточно... Только бы и *нашим*, и *тем* казалось, что все готово к бою...

Когда мы вышли из кабинета Баградуни, Гоц тревожно спросил меня:

— Как вы думаете, они оба участвуют в заговоре?

— Баградуни едва ли, а Савинков несомненно.

Впрочем, роль Савинкова в завязывающейся борьбе была слишком прозрачна — и сам он почти не скрывал, что он всей

душой с ген. Корниловым *против* Советов. Сложнее была роль штаба.

Что означали бугафорские заставы Багратуни? Подготавливал ли он ген. Корнилову легкую победу над петроградским гарнизоном или в самом деле думал, что до боя дело *не дойдет*? Я склонен был верить искренности ген. Багратуни, так как считал абсолютно исключенной возможность того, что войска ген. Корнилова станут всерьез драться с кем бы то ни было — особенно с войсками, защищающими Временное правительство и Всероссийский ЦИК. Тактика выставять *небольшие* заставы на всех дорогах, где могут появиться корниловские разъезды, казалась мне правильной. Но позже Чернов передал мне, что все эти "роты и орудия" существовали лишь на штабной карте — в действительности штаб округа не выставил вокруг Петрограда ни одной заставы: на дорогах стояли лишь отряды вооруженных рабочих и солдат, организованные военно-революционным комитетом. Как согласовать эту действительность с той картой, которую показал нам ген. Багратуни, я не знаю.

Между тем в Смольном кипела работа, трещали телефоны, стучали машинки, приезжали и отъезжали автомобили, летели во все концы города воззвания, приказы, мандаты. Вместе с оборонцами работали и большевики — для петроградских рабочих, для Кронштадта, да и для иных полков участие большевиков в военно-революционном комитете имело большое — я бы сказал, решающее — значение.

Кто-то поднял вопрос о необходимости немедленно выпустить из Крестов всех арестованных после июльского выступления. Мотивировка была двойная: 1) освобожденные приняли бы участие в обороне революционного Петрограда; 2) в случае победы Корнилова заключенным грозит самосуд. Второй довод был отброшен сразу — настолько невозможным казался успех корниловского выступления. Первый довод представлялся более серьезным. Но решили, что политически целесообразнее не спешить с этим делом. И, что особенно врезалось мне в память, большевики согласились с политическими соображениями, приведенными против немедленного освобождения их товарищей: эта мера могла бы быть принята "корниловскими войсками" за доказательство того, что Петроград находится в руках большевиков, и командование не преминуло бы использовать это впечатление.

Ночь с 28-го на 29-е я провел частью в Смольном, частью в штабе. Смольный вооружал рабочие батальоны, руководил рытjem окопов вокруг Петрограда, отдавая распоряжения железно-

дорожникам, посылал команды для обысков в "Асторию"²⁰⁷ и в другие подозрительные места, производил аресты. В штабе Багратуни улыбался над своей картой, исчерканной синим карандашом, Савинков с каменным лицом курил папиросу за папиросой, а молодые офицеры и юнкера, захлебываясь от радостного возбуждения, передавали друг другу свежие новости: ген. Крымов²⁰⁸ уже в Луге... уже в Красном Селе... уже в Петрограде... уже начал вешать...

Что творилось в это время в других кругах Петрограда, я не знаю. Но вот как характеризует их настроение П.Н. Милюков:

"Общее впечатление всех известий на правительство и наиболее осведомленные круги столичного общества было самое удручающее. В течение дня впечатление это постепенно сгущалось, дойдя к середине дня до состояния полной паники. Успех Корнилова в этот момент казался несомненным"*.

Я думаю, что это свидетельство историка, поскольку оно касается кругов, настроения которых он мог непосредственно наблюдать, не должно внушать сомнений. Но в Смольном настроение было совершенно иное. Атмосфера Смольного особенно отчетливо запомнилась мне, так как я сам не вполне разделял царившее вокруг меня боевое возбуждение: я один в Смольном не верил в существование "войск ген. Корнилова" и старался умерить рвение товарищей по части арестов и обысков**. Мои уверения, что "корниловских войск" не существует в природе, вызывали ответные шутки товарищей. Я не помню другого момента, когда в советских кругах царило такое бодрое настроение, как в эту ночь.

Для восстановления картины "корниловских дней" в Петрограде интересно сопоставить эти настроения Смольного с тем, как переживалась эта ночь в Зимнем дворце. Об этом А.Ф. Керенский давал такие показания на следствии по делу ген. Корнилова:

"Была одна такая ночь, когда я почти в единственном числе прогуливался здесь — не потому, что не хотел ни с кем действо-

* Милюков П. Н. История второй русской революции, т. 1, вып. 2, с. 249.

** У деятелей корниловского лагеря была в корне ошибочная информация о настроениях демократии в эти дни. Так, ген. Деникин в своих "Очерках русской смуты" рассказывает: "Невзирая на громкие, возбужденные призывы своих вождей, призывы, скрывавшие неуверенность в собственных силах, революционная демократия столицы переживала дни смертельной тревоги. Приближение к Петрограду "ингушей" заслонило на время все прочие страсти, мысли и интересы. А некоторые представители верховной власти торопливо запасались уже заграничными паспортами". (Ген. А.И. Деникин. Очерки русской смуты. Б/т, б/м, т. 2, с. 57.)

вать. Просто создалась такая атмосфера кругом, что полагали более благоразумным быть подальше от гиблых мест..."

29-го с утра положение выяснилось. Все пути к Петрограду были перерезаны, повсюду стояли отряды военно-революционного комитета. Но... противник не показывался. Беспокоясь о положении 12-й армии, я стал собираться на фронт. Но в штабе округа мне сообщили, что Луга занята корниловцами (что не соответствовало действительности); ехать в Псков ни по железной дороге, ни по шоссе нельзя. Предложили лететь на аэроплане и тут же познакомили меня с молодым французским офицером-летчиком, вызвавшимся доставить меня куда я пожелаю. Но до сумерек мой авиатор не успел наладить свой аппарат, а в темноте лететь он не решился, так как не знал дороги. Пришлось отложить полет до следующего утра.

Вечер и часть ночи я провел в Смольном. Напряжения в работе здесь уже не чувствовалось. Казалось, все, что можно было сделать, сделано, все меры приняты — теперь остается ждать результатов. На вечер было назначено заседание Петроградского совета. Но народу собралось мало — большая часть депутатов была на "позициях". Вместо официального заседания открыли частное совещание. Говорили, главным образом, рабочие. Почти во всех речах чувствовался сильный уклон в сторону большевизма. Я не собирался выступать, но меня попросили сделать доклад о падении Риги. Я рассказал о событиях на фронте и закончил свою речь требованием, чтобы Петроградский совет энергичнее, чем до сих пор, поддерживал дело обороны. Меня встретили и проводили овациями — ясно было, что мои призы-вы отскакивают от сознания слушателей, а существенно для них лишь то, что оратор в дни боев под Ригой заступался в своих телеграммах за солдат*.

Утром мне сообщили по телефону, что ввиду ветреной погоды аэроплан вылететь из Петрограда не может. Тогда мы со Станкевичем решили отправиться в Псков на автомобиле, прямым путем через Гатчину — Лугу.

* * *

Обогнали толпы рабочих, выступавших с кирками и лопатами на позиции, рыть окопы. Миновали и самые позиции, и

* В газетных отчетах было передано, будто я приписывал ставке намеренную сдачу Риги и на этом строил обвинение ген. Корнилова в измене. Не знаю, кто выдумал и пустил в оборот этот демагогический вздор.

передовые заставы. Навстречу нам движется группа всадников. Замедлили ход. Кавалеристы окружили нас, и один из них, приложив руку к фуражке, попросил разрешения взглянуть на наши документы. Показали ему наши удостоверения. Солдат снова приложил руку к фуражке:

— Как же, мы знаем...

Станкевич счел момент благоприятным, чтобы обратиться к разъезду с речью:

— Неужели вам, ребята, не совестно? Надо с немцами воевать, а вы тут против своих войну затеяли! Стыдно, ребята!

Кавалеристы, казалось, были смущены. Старший разъезда объяснил:

— Точно так, г. комиссар, да только нам приказано.

Расступились и пропустили нас. Это были "наши".

Едем дальше. Поднялись на холм; дальнейший путь прегражден отрядом трех видов оружия: по шоссе движется навстречу нам кавалерия и артиллерия, по бокам дороги идет пехота. Мелькнула мысль: как странно ведут они наступление — толпой, в которой перемешаны все части! Но автомобиль уже врезался в ряды корниловцев. Опять вежливый вопрос:

— Ваши документы?..

К автомобилю подъехал молоденький офицер со славным, застенчиво улыбающимся лицом. Узнав в нем председателя лужского Совета солдатских депутатов Вороновича, Станкевич спросил с изумлением:

— Неужели вы с ген. Корниловым?

Воронович, в крайнем смущении, объяснил, что он, собственно, не с Корниловым, что его отряд состоит из частей лужского гарнизона, который, храня верность революции, защищает подступы к Петрограду.

Тогда я задал вопрос:

— Почему же вы ведете наступление на Петроград?

Офицер смутился еще больше и принялся объяснять, что выполняемый отрядом маневр, собственно говоря, не наступление, а *тактическое отступление*. Из его довольно сбивчивых слов Станкевич понял, что гарнизон, признав свои силы недостаточными для борьбы с казаками, остановившимися под Лугой, отступает к Петрограду для соединения с правительственными войсками. У меня же создалось впечатление, что доблестный гарнизон, не теряя надежды собственными силами отразить врага, отступал лишь в поисках подходящей позиции для генерального сражения, предусматривая, правда, возможность того, что такой позиции до самого Петрограда не найдется.

Во всяком случае, противник мог нагрянуть в любой момент, и Воронович спешил увести своих людей подальше от греха. Попрощавшись и пожелав другу всего хорошего, мы расстались — лужане продолжали путь на Петроград, а мы двинулись дальше, навстречу войскам ген. Корнилова.

Проехали Лугу — ни солдат, ни казаков. Стали расспрашивать крестьян, работавших на полях вдоль дороги. От них узнали, что штаб 3-го корпуса расположился в деревушке в нескольких верстах от шоссе. Я предложил Станкевичу проехать в штаб и арестовать его именем Временного правительства и Всероссийского ЦИК. Станкевич сперва принял это предложение за шутку, но затем согласился. И вот мы пустились по проселочной дороге в поисках штаба корниловской армии. Но разыскать нам его не удалось — оказалось, что на рассвете штаб со своими казаками поспешно покинул деревню и направился в сторону, противоположную Луге и Петрограду. Это тоже походило на "тактическое отступление" и делало бесполезным маневр лужского гарнизона. Мы послали Вороновичу записку с предложением вернуться со всем воинством в Лугу как в место, в достаточной мере безопасное; одновременно телеграфировали в Петроград о том, что противника за Лугой не видно, дорога на Псков открыта и нет надобности в дальнейшей обороне Петрограда. Продолжая путь, мы поравнялись с мотоциклистом, возившимся над опрокинутой машиной. На нем была казацкая бескозырка с желтым околышем. Остановив автомобиль, я подошел к казаку, назвал себя и спросил, откуда, куда и по какому делу он послан.

— Из Уссурийской казачьей дивизии, от ген. Губина, в штаб 3-го конного корпуса, с донесением.

— Дай пакет!

Казак, сдернув с головы фуражку, вынул из-под подкладки желтый конверт и, широко улыбаясь, протянул его мне со словами:

— Мы, господин комиссар, всегда готовы.

Разорвав конверт, я прочел донесение. Начальник дивизии извещал командира корпуса, что, согласно полученному приказу, он довел эшелоны до Ямбурга. Но здесь, вследствие проникших в среду казаков слухов о целях похода, в дивизии началось брожение. Офицеры никаких объяснений дать людям не могут, так как сами не знают, зачем приведены полки в Ямбург и каково их дальнейшее назначение. Начальник дивизии просит у командира корпуса указаний, что ему делать. Если указания не будут своевременно получены, он выгрузит эшелоны и расквар-

тирует сотни в городе и окрестных деревнях. Я оценил положение: если у ген. Корнилова имеются какие-либо колебания относительно возможности задуманного "похода", донесение ген. Губина докажет ему безнадежность начатой авантюры.

Сделав на пакете пометку, что пакет был вскрыт мною и донесение прочитано, я вернул бумагу мотоциклисту:

— Поторапливайся, товарищ, с починкой, донесение спешное.

Казак бойко ответил:

— Точно так, господин комиссар, а только казаки никуда не пойдут.

Мы двинулись дальше, к Пскову.

* * *

Итак, борьба с войсками ген. Корнилова закончилась без единого выстрела. Как правильно констатирует П.Н. Милюков: "Вопрос был решен не столько... стратегическими или тактическими успехами правительственных или корниловских отрядов, сколько настроением войск. Вопрос решили... не полководцы, а солдаты"*.

Дело было не в том, что корниловские генералы испугались открытого мятежа против законной власти, как утверждает Суханов**. И не в том, что отсутствие "выступления" со стороны большевиков лишило ген. Крымова повода для дальнейшего похода на Петроград, как полагает ген. Лукомский***. Корниловские генералы могли проявить больше смелости. Дутов²⁰⁹, который должен был в эти дни "выступить" под видом большевиков, мог выполнить это поручение. Крымов мог придумать какой-нибудь другой, более или менее благовидный предлог для операций против Петрограда. На результатах похода все это не отразилось бы ни в малейшей степени: казаки *не хотели идти* за ген. Корниловым против петроградских солдат и рабочих — и *не пошли* — этим исчерпывается реальное содержание корниловской эпопеи****.

* Милюков П. Н. Указ. соч., вып. 2, с. 263.

** Суханов. Записки о революции, кн. 5, с. 310—311.

*** См. Ген. Лукомский. Из воспоминаний.

**** Ген. Деникин так исчисляет "реальные причины" неудачи корниловского похода: "Энергичная борьба Керенского за сохранение власти и борьба Советов за самосохранение, полная несостоятельность технической подготовки корниловского выступления и инертное сопротивление массы, плохо верившей Корнилову, мало знавшей его цели или, во всяком случае, не находившей их

По приезде в Псков мне пришлось близко познакомиться с теми войсковыми частями, на которые пытался опереться верховный главнокомандующий, чтобы покончить с ненавистными Советами, а заодно и с "подпавшим под влияние Советов" правительством. Как известно, ген. Корнилов двигал против Петрограда 3-й конный корпус, который вместе с приданной ему мусульманской "дикой дивизией" должен был "развернуться" в армию. Помимо этих частей, ни один полк, ни одна рота в походе не участвовали. В дальнейшем "дикая дивизия" исчезла с нашего горизонта — кажется, ее отправили на Кавказ, в родные аулы. О политических настроениях ее я знаю лишь со слов ген. Краснова, который передавал мне то же самое, о чем он рассказывает в своих воспоминаниях, а именно, что в штабе верховного главнокомандующего его уверяли, что "туземцам все равно куда идти и кого резать, лишь бы князь Багратион был с ними"*.

Что же касается до 3-го корпуса, то он остался у нас на Северном фронте в качестве общего резерва и, приводя его в порядок, я должен был объехать чуть ли не все входившие в состав его части, причем подолгу беседовал и с офицерами, и с солдатами, и с казаками. На основании этих бесед я составил себе некоторое представление о состоянии корниловских войск перед походом, во время похода и по окончании злосчастной операции.

До начала августа это были превосходные боевые части. Стояли они на Румынском фронте, и здесь разложение совершенно не коснулось их: крепкие боевые традиции, сильно развитое чувство воинского долга, доверие к командному составу, дисциплина, порядок — короче, недаром верховный главнокомандующий выбрал именно этот корпус. В полках были выборные комитеты, но они работали рука об руку с командным составом, ограничивались хозяйственными делами и настолько слились со своеобразным бытом казачьих полков, настолько "оказачились", что трудно было открыть их революционное происхождение. К большевикам казаки относились презрительно, как к "лодырям", "дезертирам", но о своих политических настроениях не раз говорили мне:

материально ценными" (Очерки русской смуты, т. 2, с. 71). Если последнюю характеристику "масс" отнести к корниловским войскам, к 3-му корпусу, то этой ссылки будет достаточно для того, чтобы объяснить то, что случилось: никакая "техническая организация" не могла спасти в основе своей безнадежное предприятие.

* Краснов П. На внутреннем фронте // Архив русской революции, кн. 1, с. 115.

— Вы, товарищ комиссар, на нас не думайте... Мы с самого начала с народом.

Получив приказ двигаться на север, казаки бесприкословно этот приказ выполнили. Над вопросом о цели маневра в первый момент никто из них не задумывался: корпус уже не раз перебра- сывался с фронта на фронт, и воинский долг требовал идти, куда приказано. Но все повернулось, лишь только казакам ста- ло известно, что начальство намерено бросить их против "сво- их". Не требовалось ни советских агитаторов, ни прокламаций, чтобы казаки *сразу* определили свое отношение к этому плану. Настроение их было настолько недвусмысленное и твердое, что начальство, посвященное в планы ген. Корнилова, просто не могло передать им соответствующий приказ. И даже "железный" ген. Крымов* в решительный момент не придумал ничего луч- шего, как опубликовать в "приказе по корпусу" всю телеграф- ную полемику между Временным правительством и ставкой!

Казалось бы, такой "приказ" безнадежным образом дезорга- низовывал весь "поход" — но поступить иначе Крымов не мог, так как в противном случае он рисковал вызвать в корпусе бун- ты и самосуды над офицерами. Для настроения казаков 3-го конного корпуса чрезвычайно характерно, что спор между Ке- ренским и ген. Корниловым о том, кто и кому подослал Льво- ва²¹⁰, не произвел на них ни малейшего впечатления. Мало внимания обратили они и на то, что верховный главнокоман- дующий отказался сдать должность и выступил против прави- тельства. О том, что главнокомандующие фронтов поддержи- вают ген. Корнилова, они просто не знали; о том, что казачьи организации признают ген. Корнилова несмещаемым главой армии, никто из них даже не вспомнил. Для них все сосредо- точилось на одном-единственном факте: что их ведут против "своих", против народа.

Когда этот факт достиг сознания казаков и солдат, 3-й кор- пус рассыпался**. Вот и все.

Является вопрос: ну а что было бы, если бы между Керен- ским и ген. Корниловым не произошло известного конфликта,

* См. характеристику и оценку его роли в корниловском выступлении у ген. Деникина, "Очерки русской смуты", т. 2, с. 36—38.

** О состоянии корпуса при ликвидации "похода" ген. Краснов, вступивший в этот момент в командование им, рассказывает в своих воспоминаниях: "Большая часть офицеров Приморского драгунского, 1-го Нерчинского, 1-го Уссурийского и 1-го Амурского казачьих полков были арестованы драгунами и казаками. Офицеры 13-го и 15-го Донских казачьих полков были в состоянии полuarестованных. Почти везде в фактическое управление частями вместо начальников вступили комитеты" (*Краснов П. На внутреннем фронте*, с. 122).

если бы приказ о движении на Петроград был дан казакам именем верховного главнокомандующего и *Временного правительства*? В этом случае разложение в корпусе наступило бы несколько позже, а именно, при первой встрече с петроградскими солдатами и рабочими, в тот момент, когда казаки узнали бы, что их ведут против *Советов*. Утверждаю это с полной уверенностью. Ибо я в глазах казаков был не столько представителем ЦИК, сколько представителем правительства, а между тем, при объезде полков я никогда не слышал от казаков жалоб на то, что их вели против *правительства* — все в один голос жаловались лишь на то, что их пытались, как при царе, пустить в дело против "*народа*" — а понятие "народ" в их представлении было неотделимо от понятия "Советов рабочих и солдатских депутатов".

Итак, в результате "корниловского похода" 3-й корпус рассыпался и, как боевая единица, перестал существовать. Нужно было собрать рассеянные на пространстве чуть ли не пяти губерний сотни, свести их в полки, восстановить разрушенную организацию, а для этого прежде всего нужно было найти человека, который мог бы в сложившейся обстановке принять на себя командование корпусом. После самоубийства ген. Крымова естественным кандидатом на этот пост являлся ген. Краснов, которого ген. Корнилов назначил командиром 3-го корпуса при "развертывании" его в армию и переходе Крымова на пост командующего этой армией. Краснов принял назначение, в полной мере отдавая себе отчет в задаче, которую возлагал на него верховный главнокомандующий, и лишь случайные внешние обстоятельства помешали ему принять непосредственное участие в операциях — он прибыл на "фронт" слишком поздно, не смог связаться со своими частями, попал в Псков и здесь оказался в положении полуарестованного.

Можно ли было отдать корпус в руки заведомого корниловца? Мы со Станкевичем, не колеблясь, решили, что это — единственное средство спасти корпус. После некоторых усилий удалось убедить и армейские организации в целесообразности этого плана. И, таким образом, ген. Краснов, назначенный командиром 3-го корпуса для похода против Советов и Керенского, вступил в командование корпусом по приказу Керенского, в полном согласии с Советами.

Назначение оказалось удачным. Ген. Краснов обнаружил не только огромную энергию и административный талант, но и проявил много такта. К корпусу быстро стал возвращаться его "боевой дух". Но осталась глубокая трещина между казаками и

офицерами. Казаки не могли простить офицерам то, что те скрыли от них цель похода. Офицеры не могли забыть позора ареста своими же людьми. Мне пришлось выступить посредником между теми и другими. При этом пригодилось перехваченное мною на Псковском шоссе донесение начальника Уссурийской дивизии: ссылаясь на этот документ, я доказывал солдатам и казакам, что даже начальники дивизий не были посвящены в планы ставки. Вместе со мной, напрягая все силы, работали над восстановлением доверия казаков к командному составу полковые комитеты, и наше дело хоть медленно, но подвигалось вперед.

* * *

Одновременно с работой над восстановлением 3-го конного корпуса мне пришлось заниматься ликвидацией и других отголосков корниловщины. В тревожные дни, пока мы со Станкевичем были в Петрограде, образовавшийся в Пскове военно-революционный комитет произвел десятка два арестов. Обвинения и улики были по большей части незначительные — чаще всего речь шла о публичных выражениях сочувствия ген. Корнилову. Было явной нелепостью судить или держать в тюрьме какого-нибудь чиновника, выразившего пожелание, чтобы "казаки расправились с гг. товарищами", — в то время как было известно, походу Корнилова в большей или меньшей мере сочувствовали все цензовые круги и почти весь генералитет. Но и выпустить арестованных без разбора их вины было невозможно: солдатская масса с подозрительной настороженностью следила за их судьбой. Пришлось назначить для разбора возникших дел "чрезвычайную следственную комиссию" из представителей фронтовых революционных организаций. Руководство ею легло на меня, так как мы со Станкевичем и в Пскове делили работу так, что он вел дела со штабом, а я с организациями.

Работа оказалась довольно скучная — все дела оказались похожи одно на другое, как стертые пятаки. Типичное дело. Мелкий почтовый служащий арестован своими сослуживцами за речь о том, что для спасения России нужно перебить всех жидов, начиная с Керенского. На допросе он сидит ни жив ни мертв от страха.

— Говорили вы, что нужно повесить председателя правительства?

На лице чиновника испуг сменяется недоумением:

— Кто? Я?

— Ну да, вы!

— Г. председателя правительства?

— Да.

— Никак нет. Я только... Я только сказал...

Горькие рыдания и признания шепотом:

— Я только сказал, что мне... не очень нравится... г. Нахамкис²¹¹.

Комиссия постановляет чиновника освободить ввиду его безопасности для революции.

Другое дело. Допрашиваем есаула, арестованного казаками за оскорбление казачьего войска. В чем было оскорбление, свидетели не говорят. Показывают лишь:

— Всю ночь г. есаул по комнате ходили и все одно слово повторяли.

С трудом удается установить, какое слово повторял обвиняемый. Слово, оказывается, в самом деле для казака обидное и неприличное.

— Но почему вы думаете, что есаул это про казаков говорил?

— А про кого же еще? Это они в ту ночь, как наша сотня отказалась за гг. генералами идти.

Освобождаем есаула ввиду недоказанности, что употребленное им слово относилось к казакам. Свидетели тут же, в комиссии, мирятся с ним.

— Раз вы, г. есаул, не про нас говорили, мы на вас не сердимся. Так что и вы на нас не сердитесь.

— Дураки вы, вот что.

Есаул и казаки целуются в знак забвения старых обид и отправляются вместе в свою сотню.

Лишь ген. Клембовского никак нельзя было оправдать: получив от правительства приказ вступить вместо Корнилова в должность верховного главнокомандующего, он этого приказа не исполнил и не только не принял мер к тому, чтобы остановить движение 3-го корпуса, но и прилагал все усилия, чтобы "протолкнуть" к Петрограду казачьи эшелоны. На допросе он пытался выкручиваться, лгал. Комиссия сделала заключение об его отрешении от должности, и генерал покинул Псков, напоследок выпросив у Станкевича разрешение воспользоваться для переезда до Петрограда штабным вагоном.

Так ликвидировали мы "дело о мятеже ген. Корнилова на Северном фронте".

Дело, начавшееся как трагедия, заканчивалось как фарс. Но остались другие последствия злосчастного "похода", и с ними справиться было не так легко.

Впечатление, которое произвело на солдатскую массу выступление верховного главнокомандующего, было убийственное. В два дня были стерты плоды шестимесячной работы армейских организаций и командного состава, был нанесен последний, смертельный удар доверию солдат к офицерам, были разрушены остатки дисциплины, уничтожена самая возможность беспрекословного исполнения боевых приказов, была дана новая пища для подозрительности и злобы темной солдатской массы.

Я не буду останавливаться здесь на *этих* последствиях корниловщины — тем более, что о них достаточно говорили авторы мемуаров*. Я хочу остановиться на *другой* стороне дела, которая представляется мне особенно существенной.

Планы ген. Корнилова, роль окружавших его авантюристов — от Филоненко до Завойко²¹², двойная игра Савинкова, выступление Львова, переговоры Ставки с руководителями кадетской партии, сложная сеть интриг и заговоров — для фронта все это были детали. Для солдат существенно было то, что генералы сделали попытку обманно повести их против народа, против других солдат.

Но если бы дело ограничивалось *этим*, беда была бы велика, но поправима: можно было бы сместить десяток генералов, но непоколебимым остался бы авторитет центральной власти. Непоправимо, ужасно было другое: в раскрывшемся заговоре против революции и свободы вместе со ставкой участвовала часть Временного правительства. В самом деле, попробуем взглянуть на корниловское дело так, как оно представлялось солдатской массе.

Каждый солдат знал, что конфликту между Керенским и Корниловым предшествовали переговоры между ними; что речь в этих переговорах шла о смертной казни, об обуздании солдатских организаций, о возвращении власти начальникам — короче, о том, как "прижать" солдата, вернуть его под "старый режим". Правда, в этих переговорах, как и на московском Государственном совещании, верховный главнокомандующий "наседал", а председатель правительства "упирался" — и то, что он "упирался", было хорошо для авторитета центральной власти. Но вот выступает на сцену 3-й конный корпус. Он был снят с Румынского фронта и двинут на север еще в начале августа, при-

* См.: например, "Воспоминания" Станкевича, с. 242—247.

чем с самого начала предназначался не против немцев, а против "своих". На этот счет между Керенским и ген. Корниловым до конфликта между ними существовало определенное соглашение, которое было вновь скреплено 23 августа: Керенский *просил* корпус, ген. Корнилов *давал* его, причем было предусмотрено, что отправляемые к Петрограду войска станут, в случае надобности, опорой правительства против Петроградского совета*.

В таком соглашении не было бы ничего предосудительного, если бы можно было смотреть на Совет как на "частную организацию". Но ведь Совет был источником — и фактически *единственным* источником — власти коалиционного правительства! Ведь в правительство входили три члена советского президиума, и одним из них был сам Керенский!

В этой обстановке переговоры о 3-м корпусе, проведенные втайне от Совета, за его спиной, принимали характер *заговора*. Именно так и восприняла корниловщину солдатская масса: как заговор председателя правительства и верховного главнокомандующего против нее!

Что генерал, вопреки желаниям Керенского, прибавил к корпусу дивизию дикарей-головорезов и поставил во главе отряда генерала, которого Керенский не хотел видеть на этом посту; что впоследствии между Корниловым и Керенским произошла размолвка и они обвиняли друг друга — это было неважно. В результате размолвки все дело раскрылось, и тогда один из участников дела попал в тюрьму, а другой занял его место и стал верховным главнокомандующим.

Оговариваюсь: я не даю здесь юридического разбора корниловского дела, а пытаюсь лишь восстановить, как преломлялось это дело в сознании солдатских масс на фронте. На основании своих наблюдений я констатирую, что бескровный корниловс-

* Ген. Лукомский так передает обращение по этому поводу к ген. Корнилову Савинкова, действовавшего по поручению Керенского: "...Савинков сказал Корнилову, что надо договориться относительно того, как обезвредить С[овет] р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов], который, конечно, будет категорически протестовать против принятия требований ген. Корнилова; что Временное правительство, невзирая на протесты этого совета, утвердит... проект; но что, конечно, немедленно последует выступление большевиков, которое нужно будет подавить самым беспощадным образом, покончив одновременно и с Советом р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов], если последний поддержит большевиков; что гарнизон Петрограда недостаточно надежен и что необходимо немедленно подвести к Петрограду надежные конные части; что ко времени подхода этих частей к Петрограду столицу с ее окрестностями необходимо объявить на военном положении" (ген. Лукомский. Из воспоминаний).

кий поход и шумиха обличительных телеграмм, которыми обменивались Петроград и Могилев, были менее губительны для армии, чем предшествовавшие тайные переговоры в ставке и завершившее всю эту историю назначение Керенского верховным главнокомандующим. При каких условиях состоялось это назначение, я не знаю. Но это была одна из самых грубых ошибок, допущенных за все время революции. Ликвидировать корниловщину могло лишь гласное выяснение роли всех участников дела. К несчастью, был избран другой путь. И последствия сказались: недоверие солдат к командному составу достигло небывалой остроты, с каждым днем расширялось в их представлении понятие "корниловцы". Понемногу "корниловцами" становились все, кто требовал повиновения правительству — все офицеры, комиссары, члены комитетов. Подозрение в "корниловщине" ложилось и на ЦИК, и на недавно еще любимых революционных вождей...

Глава одиннадцатая

АГОНИЯ

В первой половине сентября правительства в стране не было. Кабинет, самоупразднившийся 26 августа, в начале конфликта со ставкой, с тех пор не был восстановлен. Правда, были, как будто, министры или управляющие министерствами, но было неясно, кто их назначил, где источник их власти, и никто не принимал их всерьез. Так, в военном министерстве появился Верховский²¹³, в морском — адмирал Вердеревский²¹⁴. Было до очевидности ясно, что их имена не только не разрешают правительственного кризиса, но и не приближают его разрешения.

Официально считалось, что Россией управляет "коалиция". Но коалиции давно уже не было, и политические группы, входившие раньше в состав ее, теперь противостояли друг другу, как открытые враги. В частности, стоявшая во главе цензовых элементов конституционно-демократическая партия со времени корниловщины представлялась партией гражданской войны, присутствие в правительстве ее представителей ни в малой степени не обеспечивало этому правительству ее поддержки. При таких условиях коалиционное правительство повисло в безвоздушном пространстве. Надежды на скорое образование *настоящей* государственной власти, опирающейся на Учредительное собрание, не было: в атмосфере реакции, воцарившейся после июльских дней, цензовые круги одержали в вопросе о сроке созыва Учредительного собрания решительную победу над демократией — выборы, которые должны были состояться 17 сентября, теперь были отсрочены до 12 ноября, а народные представители должны были собраться 30 ноября. Это было нарушением торжественных обещаний правительства, и ни у кого не было уверенности, что за этим не последует новых отсрочек.

По мере приближения выборов надежды на Учредительное собрание не только не возрастали, но, наоборот, тускнели.

Постепенно создавалось настроение безнадежности: и Учредительное собрание ничему не поможет, ничего не изменит... Будущая "Учредилка" многим начинала казаться никчемной канителью.

Все более безнадежным становилось и международное положение России. В июне (и еще в начале июля) впереди была перспектива международной социалистической конференции, выступления демократий Запада на помощь российской революции, межсоюзной конференции для пересмотра целей войны. Всеобщий демократический мир представлялся если не близким, то во всяком случае достижимым. Теперь этот путеводный маяк нашей внешней политики потух. Неудача июньского наступления настолько ослабила голос России в концерте Антанты, что теперь он не мог ни на волос изменить цели войны союзных правительств. К тому же Временное правительство и не делало никаких усилий в этом направлении — его внешняя политика все более возвращалась к традициям Сазонова²¹⁵ — Милюкова, с той лишь разницей, что теперь, после июльского разгрома и после корниловского выступления, при развале фронта, при полном бессилии правительства эта политика становилась явной нелепостью.

Состоянию правительства и характеру его внешней политики соответствовало в полной мере состояние высшего командования армии: здесь царил хаос. Керенский, бывший блестящим министром юстиции в первый период революции и плохим военным министром в следующий период ее, на посту верховного главнокомандующего оказался фигурой комической и трагической в одно и то же время. Он стал мишенью всеобщих насмешек, и при нем на ставку, уже скомпрометированную в глазах демократии Корниловым, легла тень всеобщего пренебрежения. Для солдат Керенский был ненавистен как соучастник Корнилова, офицерство обвиняло его в том, что он покинул Корнилова на полпути и предал его. И солдаты, и офицеры считали, что председатель правительства сидит в Могилеве лишь потому, что боится, как бы следствие по делу Корнилова не открыло чего-нибудь лишнего.

В армии стремительно развивался тот самый процесс, которым была охвачена вся страна: при отсутствии власти в центре на местах шел процесс распада государственной ткани, развивалась анархия. Политическим выражением этого процесса явилось усиление экстремистских элементов, с одной стороны, и распыление сил, мысли и воли демократии, с другой стороны.

В ночь с 31 августа на 1 сентября Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов принял большевистскую резолюцию о путях к разрешению правительственного кризиса. Президиум поставил перед Советом вопрос о доверии. Неделю продолжалась подготовительная борьба. 9 сентября состоялось решающее заседание. Победа осталась за большевиками — их резолюция собрала 513 голосов, тогда как за резолюцию старого президиума было подано 414 голосов. 67 человек воздержались при голосовании. Старый президиум вышел в отставку. Место Чхеидзе занял Троцкий, всего за несколько дней до того освобожденный из "Крестов".

В руки большевиков перешел и Московский совет: там 7 сентября была принята резолюция о необходимости установления советской власти.

Последним оплотом прежней политики демократии оставались Центральные исполнительные комитеты — рабоче-солдатский и крестьянский. Но Крестьянский исполнительный комитет висел в воздухе, крестьянские массы давно вышли из-под его руководства, и в общеполитических вопросах его голос не имел никакого веса. А наш ЦИК имел против себя не только "улицу", но и Советы Петрограда и Москвы, и чувствовалось, что все выше подымается против него волна недовольствия и на фронте. Это парализовало его волю, делало его беспомощным, вялым.

Перед демократией стоял старый вопрос о коалиции. С еще большей ясностью, чем до сих пор, вопрос стоял в виде дилеммы: коалиция или советская власть. Решено было созвать для обсуждения этого вопроса представителей всех демократических организаций России. Не знаю точно, кто был инициатором этого плана и какие задачи возлагались первоначально на "Демократическое совещание"²¹⁶. По-видимому, во главе угла стояла здесь идея консолидации сил демократии и укрепления ее *центра* против крайних течений справа и слева. "Демократическое совещание", где представители Советов, армейских организаций и рабочих профессиональных союзов должны были встретиться с делегатами вновь избранных на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования органов самоуправления, национальных организаций и кооперативов, должно было явиться противовесом как недавнему Государственному совещанию в Москве, так и тем Советам, которые уклонились за последние дни в сторону большевизма.

10 и 11 сентября вопрос о Демократическом совещании обсуждался в Петроградском совете. Большевики снова одержали

победу: Совет отнесся враждебно к идее совещания и, предвосхищая возможное решение его, вынес резолюцию против возобновления коалиции. Резолюция была принята почти единогласно — за коалицию было подано всего 10 голосов.

На следующий день тот же вопрос обсуждался в ЦИК. Меня, как члена комитета, телеграммой вызвали в Петроград для участия в заседании. Помню ощущение подавленности, растерянности, почти безнадежности. Сторонники коалиции защищали ее, как наименьшее зло, доказывая, что при ином решении вопроса будет *еще хуже*. У противников коалиции, как мне казалось, не было веры в спасительность предлагаемых ими путей, и их аргументация сводилась к тому, что *этого* все равно не избежать и что *хуже, чем теперь*, ни при какой организации власти не будет.

Подсчитали голоса: за коалицию 119 голосов, *против* — 101. Итак, голоса разделились почти поровну. ЦИК шел на Демократическое совещание без единого взгляда на сложившееся положение, без единой воли.

* * *

Демократическое совещание открылось 14 сентября. Накануне начались фракционные совещания. В меньшевистской фракции шли страстные споры: борьба велась здесь между *тремя* платформами, представителями которых выступали Мартов, Церетели и Потресов²¹⁷. Мартов был противником всякой коалиции с буржуазными партиями. Церетели отстаивал коалицию с ценовыми группами, не принимавшими участия в заговоре ген. Корнилова. Потресов склонялся к дальнейшему расширению коалиции и приводил в пользу ее доводы, которые отталкивали налево, к Мартову, многих из тех, кто готов был принять коалиции в толковании Церетели.

Впечатление разброда усилилось, когда после докладов начались прения. Каждый оратор, заявив о своем согласии — в общем и целом — с таким-то докладчиком, вслед за тем вступал в полемику с ним. К концу совещания оказалось, что среди меньшевиков имеется уже не три течения, а пять или шесть. Кто-то пытался формулировать наметившиеся точки зрения, но безуспешно. Столь же безуспешной осталась попытка выяснить точное число обнаружившихся на совещании различных взглядов.

Приступили к голосованию резолюции. Сперва: за или *против* коалиции. Голоса делятся почти поровну; за — ничтожное большинство в 4 голоса. Голосуют второй вопрос: с кем коали-

роваться? *За* или *против* коалиции с кадетами? Опять голоса разбиваются; против большинство в 25 голосов.

Но с точки зрения сторонников коалиции соглашение революционных партий с буржуазными группами, при устранении из этого соглашения партии, стоящей во главе всей цензовой общественности, было абсурдом. Получалось, таким образом, решение, не удовлетворявшее ни сторонников коалиции, ни ее противников!

С этим шла на совещание меньшевистская фракция, от которой остальные партии ждали указаний и ясных решений.

Не лучше обстояло дело и во фракции социалистов-революционеров: и там разброд взглядов, дробление голосов, неожиданные голосования, противоречивые решения. Совещание разбилось на "курии" — по представленным на нем организациям и учреждениям. Я попал в "военную курию" и в качестве ее представителя вошел в президиум.

Представительство Советов, профессиональных союзов рабочих кооперативов образовало левый фланг совещания. Здесь господствовали большевики, совершенно заслонявшие собою интернационалистов-меньшевиков и левых эсеров²¹⁸. На правом фланге совещания, вместе с представителями крестьян, сидели новые для советских кругов люди — кооператоры и представители земств и городов. Среди них преобладали сторонники коалиции и при том — коалиции непременно с кадетами. Национальные фракции колебались между обоими флангами, но больше склонялись влево — выступала на сцену новая разновидность большевизма, большевизм национальный.

Фронтная курия оказалась одной из наиболее пестрых по составу и одной из наиболее беспомощных в вопросах общей политики. Пока мы говорили о делах фронта, у нас был общий язык: усиление снабжения, присылка пополнений, доверие к комитетам, активная политика мира. Но лишь только переходили к вопросу об организации власти или к вопросу, как вести политику мира, начиналась разногласица. Мы не умели связать те практические вопросы, над которыми нам приходилось изо дня в день работать и думать на фронте, с вопросами общей политики. В частности, никто из нас не сумел сделать из своего фронтного опыта тот вывод, в котором был ключ положения: продолжать войну невозможно.

Своими докладчиками фракция назначила Кучина и меня, но при этом мы получили директиву: не касаться вопроса о коалиции, по которому у фронтного представительства не было общего взгляда. Иными словами, говорить по вопросам, не

имевшим прямого отношения к задачам совещания, и обходить тот вопрос, для решения которого совещание было созвано.

Открылось совещание в переполненном зале Александринского театра²¹⁹. За внешней торжественностью чувствовалось внутреннее бессилие. Растерянно звучала речь Керенского. Искорку энтузиазма удалось вызвать в собрании лишь ген. Верховскому. Это был новый человек для фронта. Представлялось полезным закрепить доверие к нему солдат и хоть этим возместить отсутствие доверия с их стороны к ставке. Я посоветовал новому военному министру выступить вторично после Кучина и меня с заявлением о полной солидарности военного министерства с требованиями и пожеланиями фронтовиков. Верховский так и сделал — и в ответ зал разразился дружной, шумной овацией по адресу молодого генерала. Это была, кажется, единственная единодушная овация за все время совещания.

На следующий день общего заседания не было. Шли совещания по куриям. Все речи вертелись вокруг вопроса об организации власти: за или против коалиции; если коалиция, то с кем; если без коалиции, то как? Споры становились все беспорядочнее. Все чаще возвращались к выдвинутой меньшевиками-интернационалистами идее однородного демократического правительства без цензовых элементов. Но лишь только пытались конкретизировать эту идею, становилось ясно, что это — одна из тех формул, которые манят издалека, но не претворяются в жизнь.

Без цензовых элементов, но со включением всех слоев демократии... Основа для власти казалась достаточно широкой. Но стоявшие правее нас кооператоры, так же как представители земств, муниципалитетов и крестьянских Советов, категорически заявляли, что в социалистическое правительство без буржуазии они не пойдут, так как считают такое правительство невозможным... С другой стороны, и большевики не проявляли ни малейшего желания войти в правительство вместе с другими социалистическими партиями, на компромиссной платформе, приемлемой для широких слоев демократии.

Положение казалось безвыходным. Ночью с 15-го на 16-е происходило совещание меньшевистской фракции. Бесконечные речи, бесчисленные формулы... Выяснилось лишь одно: большинство фракций *против* коалиции.

Еще четыре дня речей. Говорили министры-социалисты, говорили представители курий. Собрание понемногу утрачивало внешнюю чинность первого дня. Все чаще речи ораторов прерывались криками:

— Позор! Хлеба!

Этим новым "лозунгом" большевики хотели показать, что Временное правительство, коалиция и меньшевистски-эсеровский оборонческий блок довели страну до голода.

Председатель совещания Чхеидзе долго пропускал мимо ушей эти крики, но, наконец, решил вмешаться.

— Хлеба! Хлеба! — неслось из боковой ложи, занятой большевиками.

Чхеидзе повернул голову в ту сторону.

— Как? Что вы сказали, товарищ?

— Хлеба! — снова раздается из ложи.

— Вы ошиблись, товарищ! — кричит в сторону ложи председатель. — Здесь хлеба не дают, здесь не лавка!

Общий смех, на несколько минут настроение разрядилось, оратор мог закончить свою речь. А затем опять началось:

— Позор! Хлеба!

В этих криках не было ни негодования, ни отчаяния, ни угрозы — ничего, кроме озорства. И от этих озорных выходов сердце сжималось тревогой за дело демократии.

На работу совещания ложился налет безысходности. Скучно было и в зале, и за столом президиума, и на совещаниях по куриям, и на собраниях фракций. И даже блестящие сами по себе речи отдельных ораторов, даже такие моменты, как полемическая схватка Троцкого и Церетели, не рассеивали окрашивавшей совещание нудной тоски.

И еще одно глубоко запечатлевшееся в памяти впечатление. Выступали представители национальностей — поляков, литовцев, латышей, украинцев, белорусов, эстонцев. Их речи были проникнуты тупым шовинизмом. Казалось бы, подобные речи должны были рождать негодование. Но из большевистских рядов их встречали аплодисментами и сочувственными криками: социальный экстремизм бунтарей протягивал руку национальному экстремизму сепаратистов. И в хоре этих речей диссонансом прозвучали лишь две речи — представителя евреев и представителя грузин: они не отрекались от русской революции.

19 сентября приступили к голосованию резолюции. Как неделю тому назад в меньшевистской фракции, сперва голосовался общий вопрос — нужна ли коалиция. *За* коалицию 766 голосов, *против* — 688 голосов, воздержалось 38 человек.

Итак, коалиция *проходит*. Голосуется поправка: в коалицию не должны входить кадеты. *За* поправку 595 голосов, *против* — 483 человека, воздержалось — 72 человека. Итак, поправка *принята*.

Ставится на голосование резолюция в целом, с принятой поправкой. *За* нее — 180 голосов, *против* — 813, воздержалось

— 80 человек. Шумное ликование большевиков, растерянность среди руководителей, бурные пререкания в различных местах зала... Ночные совещания по куриям и фракциям... Все чувствовали, что дело не в случайностях голосования, не в том, что президиум неудачно поставил вопрос или голосовавшие не сумели выразить свою волю, — дело в том, что единой воли у совещания нет, как нет ее у демократии. И, сознавая это, все же искали словесной формулы, которая могла бы сгладить разногласия, сплотить большинство съезда, наметить хоть какой-нибудь выход из тупика.

В этой обстановке и всплыла идея "предпарламента"²²⁰ — идея, которая еще до совещания носилась в демократических кругах, но которой раньше не придавалось большого значения*. Теперь Церетели выдвинул эту идею вновь, связав с нею вопрос о создании правительства.

20 сентября резолюция о "предпарламенте" была принята совещанием — большинством в 829 голосов, при 106 *против*, при 69 воздержавшихся и при отказе от участия в голосовании большевиков. На другой день началась работа по организации "предпарламента": выработывали нормы представительства, намечали распределение мандатов. А в это время в Смольном происходило заседание Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов — и море рук поднялось здесь за большевистскую ярко демагогическую резолюцию, разоблачающую создание "предпарламента" как новое наступление контрреволюции, новый обман народа, воскрешение коалиции.

22-го совещание закрылось. По поручению президиума я должен был обратиться к делегатам с заключительной речью. Положение обязывало сказать что-нибудь бодрое. Искал подходящих к случаю слов — и не находил. С трудом выдавил из себя несколько фраз о том, что, может быть, в конце концов, результаты совещания окажутся более значительными и ценными, нежели они представляются в данный момент; может быть, и "предпарламент" послужит делу сплочения сил демократии, и найденный совещанием выход действительно окажется выходом из тупика.

Затянули Марсельезу. Песня оборвалась на второй строке. Зал и сцена начали пустеть.

В тот же день я выехал снова в Псков, на фронт, унося с собою из Петрограда гнетущее, тяжелое чувство бессилия и безнадёжности. Начиналась агония Февральской революции.

* По-видимому, об этом плане говорили еще во время Государственного совещания в Москве, на котором я не был.

Теперь на фронте не проходило дня без кровавых эксцессов то в одном, то в другом полку. В чудовишной мере усилилось дезертирство — солдаты толпами покидали позиции, шли до ближайшей железнодорожной станции, силой захватывали вагоны и целые поезда. В Пскове на вокзале днем и ночью толпились тысячи беглецов. Командование было бессильно бороться с этим явлением. Да оно и не боролось, Черемисов²²¹, сменивший Клембовского на посту главнокомандующего фронтом, предпочитал плыть по течению, подделываясь под солдатскую стихию, заигрывая с темной толпой даже тогда, когда в этой толпе зрела мысль о Варфоломеевской ночи²²². Но отношение нового главнокомандующего к армии не имело ничего общего с любовью к русскому солдату ген. Парского. Для Черемисова солдатская масса была "сволочью", и он заискивал перед нею лишь потому, что видел в ней силу. Вообще это был военный чиновник, совершенно поглощенный заботами о том, как использовать новую обстановку в личных целях, запутавшийся в честолюбивых махинациях, изолгавшийся, опустившийся, дошедший до полного забвения долга.

Положение на фронте все более ухудшалось. Конец сентября принес нам новый удар: десант немцев на острова Эзель и Даго. На Эзеле два полка сдались без выстрела чуть ли не двум мотоциклистам-разведчикам. А на Даго немцы не приняли наших солдат, пришедших к ним для сдачи в плен, и отослали их обратно, даже не потрудившись их обезоружить.

Операция разыгралась и закончилась здесь так быстро, что я не смог попасть вовремя на место боевых действий. Не успели туда и представители Искосола. Впрочем, наше присутствие и не помогло бы делу: для частей, на которые обрушился удар, мы были "корниловцами".

Теперь ни одно выступление на позиции не обходилось без "истории". Целые дивизии выносили резолюции о том, что они остаются на фронте лишь до 1 ноября, а после этого срока, если не будет заключен мир, уходят по домам. Армейские комитеты были бессильны. Искосол 12-й армии был фактически в плену у латышских стрелков, самовольно расположившихся в Валке. В 5-й армии собрался армейский съезд, и господами положения на нем оказались большевики. Старый армейский комитет, во главе которого стоял Виленкин, должен был выйти в отставку. На его место был выбран новый комитет — с преобладанием большевиков.

В это время Станкевич был назначен комиссаром при Ставке, а я — комиссаром Северного фронта. Пригласив к себе в качестве помощника молодого человека, заведовавшего при Станкевиче нашей канцелярией, я свалил на него всю официальную переписку, все бумажное делопроизводство, а сам с энергией отчаяния принялся за объезд наиболее беспокойных участков фронта.

Позиции тянулись от Ревеля до Двинска. Пожар вспыхивал то здесь, то там. Приходилось делать в сутки 200—300, а иногда и 500 верст. Поздняя осень, дороги разбиты, затоплены грязью, почти непрерывный дождь, холодный пронизывающий ветер. Ночи я проводил в автомобиле, а день — на позициях среди возбужденной, озлобленной солдатской толпы, под горящими ненавистью взглядами, под градом упреков, угроз, ругательств, повторяя бессильные призывы.

Бывало, ночью автомобиль застрянет в глубокой грязи. Рвутся наложенные на шины цепи. Вылезаю и иду пешком, ноги вязнут в жидкой глине, нет сухой нитки на теле. А на рассвете догоняет меня выкарабкавшаяся из грязи машина, влезая на сиденье рядом с шофером (там теплее, чем сзади), достаю свою записную книжку, стараюсь собраться с мыслями, обдумать, что буду говорить я солдатам...

Я говорил солдатам, что ненавижу войну не меньше, чем любой из них; согласен с ними, когда они жалуются, что тыловики предали их, оставляя их в окопах без поддержки и смены, — но ведь *нельзя* покинуть фронт, пока не кончилась война! *Нельзя*, и ни один полк революционной армии этого не *сделает!*

В ответ одни из солдат говорили:

— Покидать-то фронт и мы не покинем, а только чтобы к 1 ноября мир был!

А другие кричали:

— Корниловцы вы все! Довольно кровушки нашей попили!*

* * *

В эти печальные дни мне пришлось провести несколько веселых минут: на фронт прибыла французская военная миссия. После беседы с главнокомандующим французский генерал, по-

* Чтобы немного успокоить солдат и показать им, что начальство их понимает и заботится о них, я предложил Черемисову сделать в печати заявление о положении фронта. Это заявление я составил в виде отпора "гнусному поклепу", будто войска собираются покинуть фронт. Черемисов поморщился ("Какой тут поклеп? Ведь только о том и мечтают, чтобы удрать!"), но я настаивал, и в конце концов он подписал составленное мною заявление.

видимому, решил, что главнокомандующий у нас "только для чина поставлен", и выразил желание посетить комиссара фронта. В комиссариат он явился в сопровождении своих сотрудников — их было человек 10—12. Представив их мне и сказав несколько слов о своих симпатиях к русскому народу, генерал вытащил из портфеля последний номер псковской большевистской газеты и протянул его мне. В номере были отчеркнуты красным карандашом места, содержавшие резкие выпады против Антанты и Франции. Я молча взял со стола синий карандаш и принялся отмечать на том же газетном листе места с выпадами против нашего правительства, Керенского, Черемисова, командования вообще и меня лично.

Генерал некоторое время смотрел на мое занятие, затем сказал:

— Нехорошо, когда оскорбляют союзников. Что вы будете делать?

— Я ничего не могу поделать, у нас свобода печати.

— Но они нехорошо пишут!

Я протянул генералу случайно лежавшую у меня на столе вырезку из гельсингфорсской газеты — там была фраза о том, что близок час, когда я буду повешен солдатами, кровь которых я пью с самого начала войны. Генерал прочел, подумал и сказал:

— Я здесь не делаю русскую политику, я здесь делаю французскую политику. Вам это нравится, а мне это не нравится. Когда ругают ваших союзников, вы должны закрыть газету.

— Я не имею возможности осуществить ваше желание, г. генерал!

— А это очень просто: надо запечатать редакцию.

— Но печать через пять минут будет сорвана!

— Тогда поставьте часового!

Я предложил генералу другой вид удовлетворения:

— Напишите ответ и передайте мне. А если газета этого ответа не поместит, мы отпечатаем его отдельным листком в стольких же экземплярах, в скольких выходит эта газета, и разошлем в штабы всех корпусов. Это удовлетворит вас?

— О, вполне! Вы очень любезны. Еще одна просьба к вам: я хочу переговорить с представителями всех национальностей вашего фронта.

Два часа спустя состоялась встреча французского генерала с делегатами фронтовых национальных организаций. Генерал принимал их по очереди в моем кабинете.

— Вы поляк? Это хорошо, поляки очень храбрый народ. Скажите всем полякам, если мы победим, полякам будет очень хо-

рошо, а если Германия победит, полякам будет плохо. Вы должны очень хорошо воевать... Прощайте.

Вы еврей? Это хорошо, евреи очень умный народ. Скажите всем евреям: если мы победим, евреям будет хорошо, а если Германия победит, евреям будет плохо. Вы должны очень хорошо воевать... Прощайте.

— Вы латыш?..

— Вы грузин?..

Покончив с делегатами, генерал обратился ко мне. Он сиял от сознания исполненного долга:

— Я им всем сказал. Они хорошо поняли. Они будут теперь очень хорошо воевать.

Из вежливости я выразил уверенность, что теперь все пойдет на лад.

* * *

7 октября открылся "предпарламент" — и в тот же день большевики, в знак отказа от сотрудничества с буржуазными партиями, вышли из его состава. В Петрограде создалось следующее положение: Смольный против Мариинского дворца; на одной стороне Совет рабочих и солдатских депутатов, уже превратившийся в послушное орудие большевистского ЦК, на другой стороне — раздираемый спорами, сплетенный из взаимоисключающих друг друга элементов, бессильный, беспомощный Временный совет Российской республики*; вокруг Смольного — наэлектризованная рабочая толпа и гарнизон, вокруг Мариинского дворца — пустота всеобщего равнодушия, недоверия.

Не знаю, что делалось в это время в Петрограде для того, чтобы предотвратить катастрофу, навстречу которой летела власть. Все мое внимание было поглощено в эти дни задачей, которую возложило на меня военное министерство. Дело шло о том, чтобы вывести из Петрограда на фронт наиболее беспокойные части гарнизона и заменить их менее разложившимися полками из действующей армии. Задача не представлялась неразрешимой. При всем недоверии окопников к армейским комитетам и комиссарам был один пункт, в котором мы могли рассчитывать на поддержку фронта, — это в требовании смены и пополнений из тыловых гарнизонов. В частности, к петроградскому гарнизону фронтовики относились с большой подозрительностью, и в самых "большевистских" полках на позициях раздавались угрозы:

— Мы петроградских штыками в окопы выгоним...

* Официальное название "предпарламента".

Итак, предъявляя петроградским полкам требование о выступлении на позиции, мы могли сослаться на волю фронта. Это было в известном смысле повторением *июльской операции*, но только с той разницей, что *тогда* речь шла о вопросах общегосударственной политики, а *теперь* дело касалось частного вопроса, в котором интересы фронта сталкивались с интересами тыловых гарнизонов.

На это противоречие интересов мне пришлось опереться еще в сентябре при урегулировании вопроса о воинских частях, расположенных в Финляндии. Здесь в "корниловские дни" произошло избиение офицеров солдатами, и с тех пор установилось состояние почти открытого мятежа: полки не выдавали следственной власти подстрекателей и физических виновников недавних убийств, не признавали командования, выносили резолюции с угрозами по адресу Временного правительства. Этими настроениями войск поспешили воспользоваться финляндские сепаратисты.

По мнению людей, стоявших близко к местным делам, единственным средством спасти положение был вывод из Финляндии стоявшей там дивизии. Но дивизия, получив приказ о выступлении на фронт, отказалась повиниться. Так как Финляндия официально входила в состав Северного фронта и стоявшие там войска подчинялись в вопросах оперативных псковскому штабу, то вопрос перешел к нам, во фронтовой комиссариат.

Черемисов предпочел умыть руки:

— Мне на фронте эта дивизия не нужна, — говорил он, — выводится она из Финляндии по мотивам политическим, а не стратегическим. С какой стати я буду вмешиваться в это дело?

Но я апеллировал к фронтовикам, получил от них выражение протеста против действий непокорной дивизии, предъявил этой дивизии ультимативное требование с угрозой в случае дальнейшего неповиновения прибегнуть к силе оружия и в конце концов добился того, что полки, терроризировавшие Финляндию, прибыли к нам на фронт.

Правда, для нас эта дивизия, шедшая эшелонами с плакатами "Немедленный мир!", "Мир хижинам, война дворцам!" и т.п., представляла плохую помощь — но в Финляндии, благодаря этой мере, положение несколько прояснилось*.

* На фронте эту дивизию поместили в резерве, в стороне от других частей, так что "воевать" ей не пришлось и на другие полки разлагающего влияния она не оказывала.

Теперь предстояло провести ту же операцию по отношению к петроградским полкам. Так как петроградские части не считались с приказами, исходившими от правительства или от штаба округа, то я настоял, чтобы Черемисов повторил приказ о выступлении на позиции от имени командования фронтом, с ссылкой на стратегическую обстановку. В ответ на этот приказ Петроградский совет постановил отправить на Северный фронт делегацию для ознакомления на месте с положением. Я немедленно телеграфировал в Совет, что жду делегацию в Пскове, где она получит все необходимые справки по интересующим ее вопросам и возможность ознакомиться как с нуждами армии, так и с желаниями солдат-окопников.

17 октября во Пскове, в помещении комиссариата, состоялась встреча петроградских делегатов с представителями армий Северного фронта. Делегация оказалась многолюдная — человек 50, если не больше, — солдаты, матросы, рабочие. Черемисов представил собранию доклад о положении, сложившемся на фронте в результате падения Риги и последних операций противника в Ревельском районе. Говорил он с явной неохотой, вяло, подчеркивая своими манерами, что его, мол, совершенно не интересует, придут ли на фронт петроградские полки или нет, и он не знает, зачем втягивают его в это дело. Но, отвечая на мои вопросы, он подтвердил, что фронту необходимы подкрепления, что части, расположенные в Петрограде и в ближайших окрестностях столицы, в случае прорыва фронта абсолютно ничего не смогут сделать для обороны, что для защиты Петрограда они должны заблаговременно выступить на позиции.

Тогда я перевел на политический язык технические справки, данные главнокомандующим, и предложил петроградским делегатам подтвердить перед представителями фронтовиков, что они *поняли* серьезность положения и безотлагательно *исполняют* приказ о выводе полков.

Полились речи — нужно думать не о том, чтобы гнать в окопы новые дивизии, а о том, чтобы дать возможность всем солдатам-окопникам вернуться домой. Ради этих речей и прибыла к нам на фронт советская делегация. Но петроградцы не учли настроений окопников. На позициях подобные речи раздавались с утра до вечера и вызывали всеобщее сочувствие. Но когда окопники услышали, что требование немедленного мира приводится тыловиками в оправдание того, что они сидят в своих теплых казармах да "лущат семечки", в то время как другие четвертый год в окопах "вшей кормят", их взорвало, и они принялись на чем

свет стоит честить петроградцев. Опираясь на речи солдат-фронтовиков, я поставил представителям Петроградского совета три вопроса:

"1) признают ли они, что дело защиты Петрограда является лишь частицей общего дела защиты фронта и ни в коем случае не может быть выделено; 2) признают ли они, что петроградский гарнизон является лишь частицей революционной армии и обязан делить с ней все труды и лишения; 3) принимают ли они на себя обязательство добиться от петроградского гарнизона добровольного выполнения требований действующей армии о помощи или готовы своим отказом бросить вызов фронту?"

Делегаты уклонились от ответа, сославшись на отсутствие необходимых полномочий, и просили разрешения проехать на позиции. Собственно, они могли это сделать, и не спрашивая разрешения. Мне оставалось лишь, давая согласие на объезд ими окопов, поставить условием, чтобы для этой цели была выделена небольшая группа, человек в 10—12. Условие было принято, и на этом совещание закрылось.

Результаты его были благоприятные для нас: у петроградцев сложилось убеждение, что за комиссариатом и оборонческим Искосолом стоят силы фронта. Увы, эти силы стояли за нами лишь в одном-единственном вопросе — о пополнениях. На почве этого вопроса мы могли еще дать бой, но *только* на почве этого вопроса: во всех остальных вопросах солдатская масса в окопах была против нас точно так же, как солдаты тыловых гарнизонов.

* * *

В это время в "предпарламенте" шли прения об обороне. Отголоски их долетали до фронта, но не родили сочувственного эха ни в дышавших обидой и злобой солдатских массах, ни в рядах поруганного и запуганного офицерства, ни среди измотавшихся, окончательно выбившихся из сил военных работников-оборонцев. 18 октября "предпарламент" пытался выработать "формулу" своего отношения к войне, но безуспешно — ни одна резолюция не собрала большинства голосов. Оставалась, впрочем, надежда, что подходящая "формула" будет найдена в дальнейших прениях по внешней политике.

Уже две недели, как при Исполнительном комитете Петроградского совета действовал Военно-революционный комитет²²³ — орган начинающегося восстания. Газеты писали о предстоящем выступлении большевиков, но ни правительство, ни ЦИК не придавали, по-видимому, большого значения тому, что дела-

лось в Смольном. Не привлекла к себе внимания и состоявшаяся в Кронштадте, под охраной крепостных пушек, конференция Советов рабочих и солдатских депутатов Петроградской губернии²²⁴, вынесшая резолюцию о необходимости утверждения в России советской власти. Прошел почти незамеченным и Северный областной съезд Советов²²⁵, принявший сходную резолюцию. А между тем на этом съезде шла речь уже о силах, которые могут быть двинуты большевистским центром против Временного правительства — говорилось о "40000 латышских стрелков".

21 октября собрание всех ротных и полковых комитетов Петрограда постановило единственной властью над петроградским гарнизоном считать Совет рабочих и солдатских депутатов. Это было своего рода советское *пронунциаменто*²²⁶, все историческое значение которого должно было обнаружиться в ближайшие дни.

Характерно, что еще раньше, в другой форме и по другому поводу, советская власть была провозглашена в Москве. 19 октября в связи с экономической борьбой, разгоревшейся в Центральной промышленной области, Совет рабочих и солдатских депутатов принял резолюцию, в которой говорилось:

"Капиталисты создают грандиозный локаут, безработицу. Правительство не поддерживает рабочих, а открыто идет против них. Исходя из этого Совет 1) *декретирует* удовлетворение требований рабочих в отраслях, где назревает или уже идет стачка; 2) приглашает профессиональные союзы *явочным порядком* осуществлять постановления декретов на заводах и фабриках; 3) ставит капиталистов, саботирующих производство, перед угрозой неминуемого ареста их Советами; 4) принимает активное участие в создании *органов борьбы* за переход власти в руки демократии".

Фактически эта резолюция означала не участие в борьбе за переход власти, а ее явочный захват. Но на фронте о московской резолюции мы узнали как об экономическом конфликте местного характера, а о петроградской — как об очередном "недоразумении". Несравненно больше взволновало фронт неожиданное выступление в комиссии "предпарламента" Верховского с требованием немедленного заключения мира.

События оправдали этот шаг военного министра: нежелание армии воевать и общее разложение государства достигли в это время такой степени, что дальнейшее продолжение войны было *невозможно*. И политически невежественный, но неглупый и лишенный кастовых предрассудков военный техник, каким был

Верховский, понял это и сделал тот вывод из положения, которого не сумели или не решились сделать политические деятели, обладавшие большими, чем у него, знаниями и большей подготовкой. Но свое выступление Верховский предпринял до последней степени легкомысленно, и в этом была одна из причин постигшего его провала.

По-видимому, Верховский бил на театральный эффект, и *неожиданность* своего предложения прекратить войну он считал существенной предпосылкой успеха. Возможно также, что молодой генерал мечтал о том, чтобы поворот политики России был связан с его именем. Во всяком случае, глава военного ведомства выступил, не сговорившись со своими ближайшими сотрудниками, не осведомив о своих планах армейских и фронтовых комиссаров, не заручившись поддержкой армейских комитетов.

Этот образ действия представляется тем более странным, что армейские комитеты, если бы вопрос был поставлен перед ними так остро и прямо, как ставил его ген. Верховский, в огромном большинстве высказались бы за немедленный мир — обеспечить себе поддержку с этой стороны военный министр мог без большого труда. А вместо этого он сделал безнадежную попытку привлечь на свою точку зрения Центральный комитет конституционно-демократической партии, где на него смотрели, как на подозрительного выскочку-карьериста.

При таких условиях его шаг — даже если он вытекал из безупречных побуждений и был подсказан благородными мотивами — становился не только бесполезен, но и вреден: бесполезен, так как он *не мог* повлиять на правительство, вреден, так как он давал оружие в руки бунтарской оппозиции, которая до вчерашнего дня всячески поносила Верховского, а теперь поспешила поднять его на щит, как героя, спасителя России.

Но если ошибкой было выступление Верховского в том виде, как он его предпринял, то еще худшей ошибкой было увольнение военного министра, объявленное в такой форме, что и у населения, и у армии должно было получиться впечатление, что Временное правительство считает преступной самую мысль о мире. Это было повторение апрельской ноты Милюкова — но в несравненно более опасной обстановке. Если в апреле Милюков поднес зажженную спичку к стогу соломы, то теперь правительство бросило факел в пороховой погреб.

Глава двенадцатая

ПЕРЕВОРОТ

Октябрьский переворот (как и февральский) был, по внешности, переворотом по преимуществу петроградским. Такие моменты его, как постепенный захват повстанцами города, разгон "предпарламента", осада и взятие Зимнего дворца, протекали вне поля моего зрения. Но я был свидетелем того, как воспринимались и переживались события на фронте, а кроме того, мне пришлось принимать участие в одном эпизоде, связанном с октябрьскими событиями, а именно в вызове с фронта воинских частей, которые должны были, как в июльские дни, противопоставить выступлению петроградского гарнизона силы действующей армии.

Об этом эпизоде, вылившемся в пресловутый "гатчинский поход" ген. Краснова и Керенского, я должен рассказать здесь несколько подробнее.

Именно в форме требования "надежных частей" пришло на фронт первое известие о начинающихся в Петрограде волнениях. Было это 23 октября вечером. Черемисов просил меня приехать к нему по спешному делу, и когда я приехал, показал мне телеграмму Керенского (кажется, шифрованную). Телеграмма была немногословна: приказ немедленно послать в Петроград надежные войска на случай беспорядков. Черемисов смеялся:

— Они там совершенно рехнулись... "Надежные войска"! Откуда возьму я им "надежные войска"?

Я сказал главнокомандующему, что приказ правительства подлежит исполнению. Но Черемисов возразил:

— Меня этот приказ не касается. Это — политика. Если вы полагаете, что приказ *может* быть выполнен — сами и выполняйте его.

Я немедленно связался прямым проводом с Искосолом 12-й армии, с армейским комитетом новой 1-й армии и с ген. Болдыревым, в то время командовавшим 5-й армией, сообщил им

содержание телеграммы Керенского и просил выяснить, какие части могут быть немедленно отправлены в Петроград. Переговоры продолжались всю ночь, но не привели ни к чему.

Утром я получил из военного министерства запрос, как подвигается организация отряда для защиты Временного правительства, каков его состав и где находятся головные эшелоны. В ответ я телеграфировал:

"Организация и отправка отряда под лозунгом защиты Временного правительства невозможна. За этим лозунгом никто не пойдет. Необходимо, чтобы вызов войск с фронта исходил от ЦИК Советов".

На это из военного министерства последовало успокоительное разъяснение: Временное правительство действует в полном контакте с ЦИК, и формальность, которую я считаю необходимой для успеха вызова войск, будет выполнена. Я передал этот ответ в армии и просил спешить с отправкой отряда. Из армий отвечали, что приступят к делу немедленно после того, как ЦИК подтвердит приказ о вызове войск.

* * *

24-го Псков был полон слухов. Пришло сообщение о переходе Петропавловской крепости²²⁷ на сторону большевиков. Но неясно было, идет ли речь об антиправительственной резолюции, вынесенной солдатским митингом, или о чем-то более серьезном. По прямому проводу военное министерство известило нас об открытии заседания Совета республики и о выступлении перед ним председателя правительства. Сообщалось, что речь Керенского была встречена всеобщим энтузиазмом. Пришло и еще одно сообщение: ЦИК всемерно поддерживает правительство в предпринимаемых им шагах для подавления "беспорядков". Но характер событий оставался неясен.

О "мятеже", о "восстании", насколько помню, еще не было речи. Говорилось лишь о "беспорядках", "уличном выступлении" и т.п. Картина рисовалась в виде повторения июльских дней с тем различием, что *тогда* движение носило стихийный характер, а *теперь* буянит небольшая кучка злоумышленников, ей противостоит сплоченный фронт демократии, и задержка лишь за войсками, так как петроградский гарнизон ненадежен.

Входить в оценку точности этих сообщений я, само собою разумеется, не мог, ограничивался поэтому передачей их в армии фронта, снова и снова настаивая на безотлагательной отправке в Петроград хоть какого-нибудь отряда. Ответ из армий

был тот же: "За Временное правительство никто не пойдет, за ЦИК — может быть, и пойдут".

Ночью из Петрограда сообщили о резолюции, принятой Советом республики в ответ на декларацию председателя правительства, — смысл ее сводился к требованию решительных шагов в области внешней политики и в земельном вопросе, а также ускорения созыва Учредительного собрания. Это было хорошо — немного поздно, но именно то, что еще могло спасти положение. Только бы пожелания Совета республики вдохнули твердость и решимость в правительство и претворились в дело!

На имя Черемисова пришла телеграмма от главнокомандующего Петроградского округа Полковникова²²⁸:

"Доношу, что положение в Петрограде угрожающее. Уличных выступлений, беспорядков нет, но идет планомерный захват учреждений, вокзалов, аресты. Никакие приказы не выполняются. Юнкера сдают караулы без сопротивления, казаки, несмотря на ряд приказаний, до сих пор из своих казарм не выступали. Сознавая всю ответственность перед страной, доношу, что Временное правительство подвергается опасности потерять власть, причем нет никаких гарантий, что не будет попытки к захвату Временного правительства"*.

Нужно было спешить с отправкой в Петроград вооруженной помощи, но послать эту помощь без ЦИК не было никакой надежды. Я принялся вызывать к прямому проводу членов президиума ЦИК. Долго никто не откликнулся. Наконец, уже глубокой ночью к аппарату подошел один из членов президиума. Я протелеграфировал ему:

"Правительство требует присылки с фронта войск. Отношение к этому требованию ЦИК в армии неизвестно. Отсутствие заявления ЦИК понимается как доказательство того, что комитет против вызова войск. При таком положении ни один полк, ни одна рота на требование правительства не откликнется. Без призыва ЦИК Северный фронт никакого отряда в Петроград отправить не может. Прошу точных указаний"***.

Из Петрограда мне задали несколько вопросов о положении в армиях и обещали сообщить ответ президиума ЦИК. Ответ пришел час или два спустя: "Президиум ЦИК санкционирует вызов отряда с фронта. Отряд должен быть организован возможно скорее. Действуйте именем ЦИК".

Возможны, разумеется, сомнения в том, насколько целесообраз-

* См. Архив русской революции, кн. 7, с. 286.

** Цитирую по записи, сделанной мною в ноябре 1917 г.

разно было это решение президиума. Так как в конце концов из затеи с обращением к фронту ничего не вышло, то, может быть, лучше было бы, если бы президиум не давал своей санкции этой попытке борьбы. Но это — вопрос о *целесообразности* предпринятого шага, а отнюдь не вопрос о его моральной и политической *допустимости*. Морально руководители Всероссийского ЦИК в октябре (как и в июле) были *обязаны* защищаться против насильственных посягательств со стороны части петроградского гарнизона. *Политически*, оставаясь на почве принципов демократии, они имели все основания — в октябре, как и в июле — апеллировать к силам фронта против буйствующего тылового гарнизона.

Единственное, что представляется мне в решении президиума ЦИК неясным, это — как согласовать вызов войск с фронта именем комитета с тем разрывом, который в эту самую ночь произошел между комитетом и Временным правительством, отказавшимся считаться с пожеланиями, выраженными в резолюции "предпарламента".

Как бы то ни было, ни в эту ночь, ни на следующий день я ничего не знал о конфликте между Временным правительством и демократической частью Совета республики. Для меня, как и для всех армейских работников, положение осталось прежнее: ЦИК и Временное правительство — на одной стороне, безответственные кучки подстрекаемых большевиками солдат — на другой стороне. В этом смысле я и разослал телеграммы в целый ряд частей, которым Черемисов по моему настойчивому требованию отдал, наконец, приказ о движении к Петрограду.

* * *

В течение 25 октября выяснился точнее характер петроградских событий: дело шло не об уличных *беспорядках*, а о *восстании*, о попытке государственного переворота под лозунгами немедленного мира, передачи земли крестьянам, обеспечения хлеба рабочим. Во главе восстания стояла большевистская партия. Силы, которыми она располагала, представлялись неясными, но было опасение, что к ее выступлению примкнут все элементы, недовольные политикой Временного правительства. И в этот решительный момент правительство оказалось столь же бессильно, как и в июльские дни — на его стороне *в Петрограде* не было никого и ничего.

Слово было за Россией и за действующей армией. Еще ночью с 24 на 25 октября общеармейский комитет при Ставке вынес резолюцию с протестом против выступления петроградского гарнизона. С утра 25-го началось обсуждение этого вопроса во всех 14

армейских комитетах. Одна за другой поступали ко мне в комитет резолюции. Из 14 комитетов 12 выразили решительный протест против выступления большевиков. Они клеймили это выступление как предательство по отношению к революции, как удар в спину армии на фронте; призывали петроградский гарнизон образумиться, грозили ему вмешательством фронтовиков и предлагали Временному правительству свою помощь для восстановления порядка. Лишь два армейских комитета приняли резолюции, признававшие совершившийся в Петрограде переворот и заявлявшие о нейтралитете фронта по отношению к петроградским событиям.

Сам по себе этот результат опроса армейских организаций был бы неплох, но 1) оставался открытым вопрос, насколько комитеты отражают в данном случае настроения солдатских масс; а 2) в пользу переворота высказались как раз комитеты двух армий Северного фронта — 5-й и 1-й. Что же касается до Искосола 12-й армии, то он уже давно был в кольце латышских стрелков, и теперь его члены с минуты на минуту ожидали ареста. Таким образом, ближайший к Петрограду Северный фронт, спасший положение ЦИК и правительства в июльские дни, теперь выпадал из борьбы.

Тем не менее, руководствуясь приказом Временного правительства и, в еще большей степени, директивой ЦИК, я продолжал разыскивать на фронте части, которые можно было бы двинуть к Петрограду. Была надежда, что отдельные полки откликнутся на призыв. Но вскоре выяснилось, что *немедленно* могут быть двинуты лишь части 3-го конного корпуса, составлявшие общий резерв фронта: остальные части, на которые можно было рассчитывать, рисковали натолкнуться на сопротивление расположенных на их пути полков, сочувствовавших перевороту. Намечался, таким образом, план: безотлагательно отправлять части 3-го корпуса, а вслед им, в виде подкрепления, двигать другие части.

Впрочем, и из 3-го корпуса мы могли располагать лишь третью: в корпусе считалось 50 конных сотен, но из них большая часть была разбросана по фронту на охране, и собрать их в короткое время не было возможности, а в резерве было всего 18 сотен разных полков. Не будучи военным, я все же отдавал себе отчет в рискованности такого способа действий: операция началась с неизвестными силами; отряд должен был сформироваться в непосредственной близости от Петрограда; пока что эшелоны отправлялись в неведомое пространство. С точки зрения военной науки это должно было казаться абсурдом. Но я знал, что представляет собой петроградский гарнизон, помнил хорошо картины июльских дней и считал, что эшелоны фронта

должны сыграть свою роль самым фактом появления на путях к Петрограду, независимо от своей численности — подобно тому, как при ликвидации корниловского похода значение имел сам факт обороны Петрограда солдатами и рабочими, независимо от того, насколько сильна была эта оборона в военном смысле.

Приказ о выступлении отдельные части 3-го конного корпуса получили еще 23-го, но я не знаю точно, каким путем шел этот приказ и как он был сформулирован. Во всяком случае, до ночи с 24-го на 25-е никаких приготовлений к походу не было сделано — офицеры даже не решались сказать казакам, что правительство требует их в Петроград для усмирения беспорядков. Перед рассветом 25-го я телеграфировал командиру корпуса ген. Краснову о положении в Петрограде и настоятельно просил его как можно скорее отправлять к Петрограду хоть небольшие части, объясняя отходящим эшелонам, что в Петроград они вызываются с согласия ЦИК Совета рабочих и солдатских депутатов для защиты свободы и порядка и обеспечения созыва Учредительного собрания. С утра 25-го началась подготовка к отправке первых эшелонов корпуса, и я имел возможность известить об этом военное министерство и ставку. Оттуда настойчиво спрашивались у меня о судьбе батальона самокатчиков²²⁹, который был отправлен в Петроград еще до начала событий и застрял где-то в пути. Почему-то этому батальону придавалось особое значение* — но я не участвовал в его отправке и не мог ничего сообщить о его местонахождении.

25-го волна гражданской войны докатилась до Пскова. В городе образовался Военно-революционный комитет, поставивший своей целью содействие петроградскому перевороту. Местные (псковские) фронтовые организации примкнули к комитету. Псковский гарнизон и солдатские команды при штабе фронта тоже готовы были признать его власть.

Я предложил командам собраться на общий митинг и обратился к ним с речью, в которой обрисовал положение в Петрограде, выяснил позицию ЦИК и заявил, что буду руководствоваться указаниями, полученными мною от этого верховного органа революционной демократии. Солдаты слушали сумрачно. Когда я кончил, раздались крики:

— А нам что же делать теперь?

Я рекомендовал командам сидеть смирно по казармам, выполнять службу и не вмешиваться в борьбу, значение которой, по-видимому, для них неясно. Термин "нейтралитет в граждан-

* Несколько позже именно навстречу этим самокатчикам выехал Керенский, покинув заседание правительства и осажденный повстанцами Зимний дворец.

ской войне" был уже известен в гарнизоне. Многим эта тактика казалась наиболее благоразумной. Но производить голосование было бесцельно: резолюция, принятая в моем присутствии, четверть часа спустя была бы отменена.

Когда я уезжал, группа солдат пыталась остановить мой автомобиль, раздавались угрожающие крики, ругательства. Но до открытого насилия дело не дошло.

В комиссариате меня ждали телеграммы из Петрограда. Военное министерство, непрерывно сносившееся со мною по прямому проводу и через Псков поддерживавшее связь со ставкой, по видимому, неясно представляло себе положение в столице. Сообщения были сбивчивые и, в общем и целом, давали картину, далекую от той, которую восстановили позже воспоминания очевидцев. В телеграммах говорилось о вспыхнувших в различных частях города пожарах и начавшихся погромах, о всеобщей резне и анархии. Упоминалось о разгоне Совета республики, об осаде Зимнего дворца²³⁰, о решении правительства защищаться до последней капли крови. Помню, загадочной показалась мне одна фраза телеграммы: меня спрашивали, где "главоверх". Умоляли спешить с отправкой эшелонов. Часов в 7 вечера, а может быть, и позже пришла копия телеграммы заместителя председателя правительства Коновалова²³¹ на имя ген. Духонина²³²:

"Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов объявил правительство низложенным, потребовал передачи власти под угрозой бомбардировки Зимнего дворца пушками Петропавловской крепости и крейсера "Аврора". Правительство может передать власть лишь Учредительному собранию. Решило не сдаваться и передать себя защите народа и армии. Ускорьте присылку войск".

В комиссариат то и дело прибывали делегации от казачьих сотен и от пехотных частей, назначенных к отправке в Петроград. Спрашивали, кто вызывает эшелоны и зачем. Получив разъяснения, уходили, обещая, что сотня (или полк) *теперь* двинется без замедления. Часть казачьих эшелонов была уже погружена в вагоны. Но на пути их вырастали новые и новые препятствия: то нет паровоза, то пропал машинист, то занят железнодорожный путь.

Черемисов всячески тормозил начатую операцию, отговаривал собравшихся к нему офицеров от участия в ней, натравливал против меня солдат, обращавшихся в штаб за разъяснениями: он, главнокомандующий, не знает, мол, зачем отправляются в Петроград эшелоны; это дело комиссара фронта; он, Черемисов, этому во всяком случае не сочувствует, так как не дело фронта вмешиваться в гражданскую войну; слышал он, что пра-

вительство в Петрограде свергнуто; если это верно, нужно ждать образования новой власти.

У меня произошло с Черемисовым объяснение по телефону, причем я резко квалифицировал его образ действий. Черемисов заявил, что в таком случае он больше ни во что не будет вмешиваться. Но не прошло и часу, как он позвонил ко мне и торжествующим тоном, отчеканивая каждое слово, сообщил:

— Согласно приказу верховного главнокомандующего я остановил все отправленные к Петрограду эшелоны. Приказ разослан мною по линии.

Я был поражен. Напомнил генералу приказ правительства. Но он ответил насмешливо:

— Правительства уже нет. Пока — я исполняю приказ верховного главнокомандующего, а в дальнейшем, скорее всего, сам приму на себя верховное главнокомандование.

Тогда я заявил Черемисову, что слагаю с себя всякую ответственность и больше не считаю себя комиссаром фронта.

Полчаса спустя ко мне явилась депутация от псковского военно-революционного комитета: комитет, узнав о моей отставке, просил меня остаться на посту комиссара, выражая мне заранее полное доверие от своего имени, от имени солдатской массы и от имени нового правительства. Я ответил, что нового правительства не признаю, подчиняюсь лишь ЦИК и не вступаю ни в какие сношения с организациями, пытающимися силой навязать свою волю большинству демократии.

В это время — было около 10 час. вечера — со мной прямым проводом соединился Зимний дворец. Говорил помощник начальника политического управления гр. Толстой²³³ Кольцо вокруг Зимнего дворца смыкается. Силы защиты тают. Скоро ли придет помощь с фронта?

Я ответил, что Черемисов неизвестным мне путем получил от Керенского приказ остановить в Петроград части. Тем же, по видимому, путем он получил известие, что правительство более не существует. Толстой уверил меня, что это какое-то недоразумение: Керенский не мог отдать Черемисову приказа об остановке эшелонов, а правительство своей власти никому не сдавало, хотя часы его, если не подойдет помощь с фронта, сосчитаны.

Я спросил о позиции ЦИК. Толстой ответил, что ЦИК так же, как и городская Дума, со всей энергией поддерживает правительство. Но все погибнет, если не будет отменено распоряжение Черемисова. Я обещал приложить все усилия к тому, чтобы это распоряжение было отменено, и выразил надежду, что смогу этого добиться. Вслед за этим я попытался соединиться с

Искосолом, чтобы через него произвести давление на Черемисова. Но в это время из Петрограда пришла телеграмма: "Аврора открыла огонь по Зимнему дворцу, осаждающие идут на приступ..." А несколько минут спустя новое сообщение: "Дворец дольше не может держаться. Сейчас связь между нами прервется. Если вас будут вызывать по проводу, то удостоверьтесь, кто у аппарата, прежде чем отвечать".

Моя задача на основании всех полученных сведений представлялась ясной: добиться во что бы то ни стало отправки в Петроград войск, которые могли бы поддержать волю армейских комитетов и ЦИК в противовес буйствующему столичному гарнизону. Падение Зимнего дворца и арест Временного правительства, которое и раньше было лишь призраком, ничего не меняло в этой задаче. Досадной помехой было также поведение Черемисова. По телефонным запросам, сыпавшимся со всех сторон, я мог составить себе представление о том хаосе, который был внесен им в начавшуюся операцию.

* * *

После полуночи ко мне позвонил ген. Барановский²³⁴, родственник Керенского, занимавший ответственный пост в штабе фронта. Он просил меня спешно приехать к нему на квартиру. Просьба была необычайная, я сразу догадался, что застаю у генерала председателя правительства. Действительно, там был Керенский, в состоянии полного отчаяния и изнеможения. При нем были Черемисов, Барановский и его неотлучные "адъютантки". На мой вопрос о мотивах отмены приказа об отправке в Петроград эшелонов Керенский ответил, что он ни давать, ни отменять приказ не может, что на фронте распоряжается лишь ген. Черемисов, которому он передал верховное командование. Черемисов устало поправил его:

— Пока вы мне верховного командования еще не передавали. Я остановил эшелон по вашему приказанию.

Четверть часа спустя Керенский взял обратно приказ об остановке эшелонов, написал новый приказ о незамедлительном их продвижении к Петрограду, написал приказ всем должностным лицам оставаться на своих постах и заявил о своей готовности лично участвовать в экспедиции для освобождения Петрограда.

Я вернулся к себе. В комиссариате я застал ген. Краснова с его начальником штаба — они ждали меня, чтобы узнать о положении и, главным образом, получить разъяснение по поводу

смутившего их приказа об остановке эшелонов. Я сообщил им, что по линии разослан уже новый приказ о продолжении движения к Петрограду. Краснов выразил свою радость по поводу такого оборота дела. Тогда я передал генералу о приезде Керенского в Псков и предложил встретиться с ним и сговориться о дальнейших действиях. На этом мы расстались — ген. Краснов отправился к Керенскому, а я, разбудив дежурного юзиста²³⁵, принялся снова за переговоры по прямому проводу с армиями Северного фронта.

* * *

В то время как в Пскове происходили описанные на предыдущих страницах события, в Петрограде разыгрывался один из значительнейших актов революции. Всеми покинутое Временное правительство было арестовано ворвавшимися в Зимний дворец солдатами и матросами и отправлено в Петропавловскую крепость. Открывшийся под звуки стрельбы Второй Всероссийский съезд Советов²³⁶ после продолжавшегося всю ночь заседания постановил обратиться ко всему населению с воззванием, в котором говорилось:

"Опираясь на волю громадного числа рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершенное в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки. Временное правительство низложено. Полномочия соглашательского ЦИК окончены... Съезд постановляет: вся власть на местах переходит Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые должны обеспечить подлинный революционный порядок".

Казалось, что решение съезда, являвшегося верховным органом революционной демократии, должно было "покрыть" выступления "Авроры" по Зимнему дворцу и придать видимость законности происшедшему перевороту. Но этого не случилось: когда старый ЦИК заявил, что он считает собравшийся съезд незаконным и отказывается дать ему полномочия, полученные им от июньского съезда, когда стало известно, что меньшевики и эсеры покинули съезд, весь его авторитет за пределами большевистской партии оказался равным нулю. Независимо от вопроса о формальных нарушениях, допущенных при созыве съезда, одобренные им насилия, сопровождавшие октябрьский переворот, отбросили на него свою кровавую тень и превратили его в глазах многих в самозванное сборище.

Большевики, легко справившись с технической стороной петроградского переворота, не сумели использовать такой козырь политической игры, как Всероссийский съезд Советов, на

котором они были полными хозяевами. В частности, для нашего Северного фронта съезд прошел совершенно незамеченным — как будто его и не было вовсе. Обстановка после ночи с 25-го на 26-е рисовалась нам в таком виде: законное правительство арестовано, законный ЦИК ведет борьбу с арестовавшими членов правительства насильниками, в Петрограде анархия.

* * *

26-го, с утра, предо мной снова встал вопрос об эшелонах. Казаки шли охотно, некоторые пехотные части тоже как будто готовы были выступить, но поезда застревали на каждой станции, на каждом разъезде. Утром Керенский вместе с ген. Красновым выехал в Остров, где находился штаб конного корпуса. Оттуда сообщили о волнениях среди гарнизона, но все обошлось благополучно — председатель правительства и генерал выехали из Острова с казачьим эшелонам, и их поезд уже приближался к Пскову.

На псковском вокзале собралась многотысячная толпа солдат. Раздавались призывы силой остановить эшелоны. Но начальник сообщений ген. Кондратьев, выехавший навстречу отряду, дал паровозным бригадам приказ — идти мимо Пскова, не останавливаясь. Утром 27-го пришла телеграмма о вступлении в Гатчину передовых частей 3-го корпуса. Эшелоны выгрузились и без единого выстрела заняли станцию, телеграф и весь город.

С железнодорожных станций северной прифронтовой полосы получались телеграммы о постепенном продвижении казачьих эшелонов к Пскову и Гатчине. Число отправленных поездов было довольно значительно (20—30 составов), но двигались они крайне медленно, и нельзя было определить, зависит ли эта медлительность от внешних препятствий, встречаемых ими на пути, или от того, что у людей нет охоты идти на внезапно выросший "гатчинский фронт".

Я решил поехать к сосредоточивающемуся в Гатчине отряду. Глубокой ночью, сделав все необходимые распоряжения по коммисариату, я пустился с лужскими товарищами в путь.

* * *

Под Лугой наш автомобиль поломался, пошли пешком. Утром добрались до города. Здесь за вечер и за ночь настроение гарнизона изменилось, о выступлении против Петрограда в большей части батарей теперь не хотели и слышать. Выступил лишь один осадный полк, да и то далеко не в полном составе. Что

касается Пскова, та там, несмотря на все усилия большевиков, положение оставалось неопределенным: солдаты не знали, какую власть признавать. Пополнив запас бензина в автомобиле, я помчался в Псков. Но тут начались у меня неудачи.

В Луге ко мне обратились какой-то артиллерийский капитан и молоденький мичман с просьбой подвести их до Пскова. Я согласился и взял их в автомобиль. Проезжать пришлось через расположение батареи моего спутника — капитана. Солдаты узнали его. Сбежалась вся батарея. Преградили дорогу и остановили автомобиль. Держались угрожающе, но сдержанно: наведенные со всех сторон винтовки, но ни одного ругательства, ни одного грубого слова. Хотели сперва арестовать только капитана, но у мичмана оказался подложный солдатский билет, и, запутавшись на перекрестном допросе, он мужественно признался, что едет в Псков по поручению эсеровской организации. Тогда решили доставить нас всех троих в Военно-революционный комитет. Повернули автомобиль и под конвоем отправили нас обратно в Лугу.

Приехали в Военно-революционный комитет — по сведениям арестовавших нас артиллеристов, он должен был помещаться где-то на окраине города. Но там не оказалось ни души. Клочки бумаги, покрывавшие пол, говорили о том, что помещение покинуто с большой поспешностью. Лица моих конвоиров вытянулись — они решили, что комитет арестован эсерами. Но в это время подъехал автомобиль с солдатами, и от них мы узнали, что комитет с четверть часа тому назад перебрался на вокзал. Конвоиры ободрились и повели нас туда.

На вокзале происходило столпотворение вавилонское. Повсюду кучки солдат, бурно препирающиеся между собою, угрожающие друг другу. Впрочем, до физического столкновения дело не доходило, так как обе стороны в принципе отрицали "гражданскую войну в рядах демократии", и, согласно этой позиции, полагалось "крыть" друг друга, но рукам воли не давать.

Мы с капитаном и мичманом оказались первыми арестованными в Луге. Моих спутников отвели куда-то*.

Относительно меня — загорелся спор. Эсеры и меньшевики, составлявшие, впрочем, незначительное меньшинство в толпе, набросились на моих конвоиров:

— Фараоны! Жандармы! Охранники!

Случайно оказалось, что один из "фараонов" незадолго до того проворовался (продал на сторону батарейный овес).

— Ах ты, Дурново этакий! — кричали ему меньшевики. — До

* Позже я встретился с ними в Петропавловской крепости.

сих пор ты только овес воровал, а теперь принялся наших товарищей, старых революционеров, арестовывать! Подай сюда овес!

Артиллерист растерялся, бросил винтовку и убежал. Вслед за ним исчезли остальные мои конвоиры. Я был свободен. Но тут ко мне подошел молоденький солдат с румяным, улыбающимся, очень славным лицом и, представившись — "председатель Военно-революционного комитета", — заявил, что комитет, не посягая на мою свободу, принужден все же меня задержать, так как моя поездка с гатчинского фронта в Псков явно связана с гражданской войной, которой Военно-революционный комитет стремится положить конец. Я ответил, что не признаю права за случайной кучкой солдат задерживать меня. Председатель согласился, что батарея поступила неправильно, остановив мой автомобиль, но просил меня подчиниться аресту, так как страсти, мол, слишком возбуждены и проехать во Псков мне все равно не удастся. Но я все же настаивал на немедленном моем освобождении.

После долгого спора было решено передать вопрос обо мне на разрешение лужскому Совету рабочих и солдатских депутатов, который будет созван немедленно, здесь же, на вокзале. Ждать пришлось довольно долго. Наконец, открылось заседание. Меня "доставили" туда под конвоем четырех солдат с примкнутыми к винтовкам штыками. При моем появлении разыгралась бурная сцена. Рабочие-эсеры стали осыпать солдат-большевиков ругательствами.

— Погромщики! Хулиганы! Черносотенцы!

Часть солдат поддержала их. Трудно было определить, на какой стороне численный перевес, но *наши* действовали настолько дружно и энергично, что сторонники Военно-революционного комитета растерялись. Председатель Военно-революционного комитета предложил поставить на голосование предварительный вопрос, "должен ли товарищ Войтинский впредь до решения по его делу считаться арестованным, или караул может быть удален". Это предложение вызвало в собрании шумные протесты. Учитывая обстановку, я, со своей стороны, предложил сохранить караул, который, мол, нимало мне не мешает, так как я при царизме привык к виду часовых и конвойных. Собрание ответило шумной овацией, караульные отошли к дверям, и я приступил к изложению своего взгляда на происходящие события.

Гражданская война в рядах демократии — великое бедствие. На тех, кто зажег ее, ложится огромная вина перед революцией. Но это не значит, что большинство демократии обязано подчиниться воле организованного и вооруженного меньшинства. Нет! Защищать свою свободу — не только право, но и долг демократии, и это обязывает ее в определенных условиях противо-

поставить силу оружия насильственным посягательствам меньшинства. И в данном случае наше обращение к оружию имеет лишь одну цель — сохранить за революционной демократией возможность свободно, без давления с какой бы то ни было стороны решить стоящие перед нею вопросы. В заключение я призвал лужский Совет поддержать нашу борьбу. Если же гарнизон не решается выступить с оружием на защиту прав демократии, пусть он по крайней мере не мешает ее защитникам!

Моя речь была встречена бурными выражениями сочувствия не только со стороны *наших*, но и со стороны солдат, еще не так давно смотревших на меня с нескрываемой враждой. По-видимому, их пленила перспектива того, что спор будет решаться в стороне от Луги, так что им, лужским, драться не придется. Предложенная мною резолюция была принята почти единогласно. Я мог продолжить свой путь. Но за это время пропали куда-то мои шоферы. Когда их отыскивали, они решительно отказались ехать раньше утра: бензина мало, дорога плохая, фонари испорчены и т.д. — все это были отговорки, ребята попросту трусили.

Пришлось заночевать в Луге. Поздним вечером прошли в направлении к Гатчине два казачьих эшелона. А утром меня вызвали к железнодорожному проводу из Пскова: из штаба фронта просили не приезжать — боялись, как бы мое появление не взбудоражило гарнизон.

Больше мне нечего было делать в Луге, и с первым же поездом, отходившим в сторону Петрограда, я вернулся в Гатчину.

* * *

Поезд полз черепашьям шагом, задерживаясь на каждом полустанке, на каждом разъезде. В Гатчину мы прибыли в четвертом часу — а может быть, и позже. Около самого вокзала я повстречал кучку офицеров человек в пятьдесят с винтовками и карабинами в руках. Я узнал лица, мелькавшие в буфетной Гатчинского дворца. Один из офицеров подбежал ко мне:

— Все пропало, большевики захватили дворец... Керенский бежал, предал всех... Теперь будут с офицерами расправляться... Спасайтесь!

Но другой перебил его:

— Вас во дворце ищут! Людей сбивали, а как до расправы, никого из политиков нет, опять офицерам отвечать...

Офицеры двинулись к стоявшему на запасном пути около вокзала бронированному поезду, а я прошел во дворец. На вид там почти ничего не изменилось. Та же суета, толкотня, бестолочь.

Только офицеров стало меньше, да появились солдаты — с винтовками в руках они бродили кучками по коридорам, заглядывали во все комнаты, будто искали чего-то. Казаки встретили меня жалобами на Керенского, который, мол, заманил их сюда, а в решительный час бросил и бежал неизвестно куда. От ген. Краснова я услышал ту версию разыгравшихся в мое отсутствие событий, которую он впоследствии неоднократно излагал в печати.

С утра казачьи заставы вступили в переговоры с большевистскими парламентарями и, сговорившись с ними о прекращении борьбы, привели их во дворец; Керенскому передали, что казаки хотят выдать его большевикам; в то же время среди казаков прошел слух, что Керенский собирается бежать: он, Краснов, сперва советовал Керенскому отправиться в Смольный для переговоров, но, когда Керенский отверг этот план и выяснилось, что казаки хотят его арестовать, генерал помог ему скрыться из дворца. Теперь объединенный комитет отряда ведет переговоры с большевистскими парламентарями об условиях прекращения борьбы.

Я прошел на заседание комитета. Небольшая комната, набита битком. Посреди стол. За столом друг против друга сидят президиум комитета и парламентары петроградского гарнизона. Вокруг них толпятся казаки. Парламентаров было двое, оба матросы. Один — огромного роста, силач и красавец, с окладистой бородой и насмешливыми глазами. Другой — шуплый, с землисто-серым, испитым лицом. Это были народный комиссар по морским делам Дыбенко²³⁷ и Трухин. К происходящему они относились, как к "плевому делу". Казаки, напротив, придавали вырабатываемому соглашению огромное значение и торговались за каждое слово. Председатель комитета, молодой казак с нервным, усталым лицом, вел переговоры с большим искусством. Матросы сердились, ругались непечатными словами, но в конце концов уступали.

Когда я вошел, речь шла об арестованных в Петрограде юнкерах. Казаки требовали их освобождения. Матросы не соглашались, доказывая, что все арестованные — "сволочь", что казаков это дело не касается и что говорить здесь вообще не о чем, так как большевики все равно никого в тюрьмах держать не будут и всех освободят, лишь только все "маленько успокоится". Но казаки настаивали.

Дыбенко спросил Трухина:

— Уважить им, что ли?

Тот выругался и махнул рукой.

Записали в протокол, что все арестованные в Петрограде юнкера будут освобождены.

Затем перешли к вопросу о Ленине и Троцком. Казаки требовали их устранения из Совета народных комиссаров, пока суд не разберет тяготеющего на них обвинения в сношениях с германским генеральным штабом. Этот вопрос был уже предметом переговоров между парламентарями и казачьей заставой, и матросы тогда же заявили, что им на Ленина и Троцкого "наплевать". Но теперь они не хотели включать этот пункт в протокол и угрожали казаков:

— Что вам Ленин-то сделал?

— А что вам Керенский сделал? — парировал один из казаков.

Дыбенко ответил:

— Керенский меня в тюрьму запер.

Казаки настаивали.

— Нельзя, чтобы Россией такие люди управляли.

Дыбенко хитро подмигнул:

— А ежели суд их оправдает?

Председатель комитета ответил:

— Тогда мы ничего не имеем...

Дыбенко обратился к Трухину:

— Уважить?

— А ну их... Кончать пора...

Председатель записал: "Ленин и Троцкий выходят из Совета народных комиссаров и не будут участвовать в общественной деятельности, пока не оправдаются от тяготеющих на них обвинений".

Дыбенко пытался протестовать:

— О деятельности разговору не было, говорили, чтобы им из правительства уйтить... А "деятельность" ты от себя вставил...

Но ему объяснили, что это одно и то же, и он успокоился.

Перечли вслух все соглашение пункт за пунктом. Начиналось оно с того, что казаки прекращают вооруженную борьбу против петроградского гарнизона и отказываются поддерживать Керенского, который должен дать ответ за все свои действия перед всенародным судом... В этом месте я прервал чтение и внес поправку:

— Предлагаю вместо "ответ" поставить "отчет", а вместо "всенародного суда" — "всенародное Учредительное собрание". Только Учредительное собрание правомочно судить председателя правительства.

Дыбенко ответил с угрозой:

— Вас, комиссар, мы и без Учредительного собрания судить будем, а Керенского поймем, так и его будем судить.

Казачья поддержка не состоялась, и первый пункт соглашения остался в старой редакции*. Перешли к следующим пунктам.

Казачьям предоставляется беспрепятственный пропуск домой, с оружием, боевым снаряжением и прочим имуществом. То же предоставляется и остальным частям 3-го конного корпуса. К возвращающимся на Дон казачьим частям могут присоединиться члены Совета Союза казачьих войск, все находящиеся в Петрограде казачьи офицеры и их семьи. Всем участникам похода гарантируется полная личная неприкосновенность. Юнкера, офицеры и другие лица, арестованные в Петрограде за участие в гражданской войне, будут немедленно освобождены. В заключение шел приведенный выше пункт об отставке Ленина и Троцкого.

Таково было соглашение, подписанное 1 ноября, с одной стороны, матросами Дыбенко и Трухиным как представителями петроградского гарнизона и Совета народных комиссаров, а с другой стороны — объединенным комитетом отряда**.

С этим соглашением президиум комитета отправился к ген. Краснову. Генерал, прочитав документ, отдал приказ снять заставы и стянуть всех казаков ко дворцу. Я прошел на дворцовый телеграф и послал телеграмму по железнодорожной линии всем идущим к Петрограду эшелонам: "Сосредоточенный в Гатчине отряд заключил с представителями петроградского гарнизона соглашение о прекращении вооруженной борьбы; эшелонам, идущим на соединение с этим отрядом, остановиться".

* * *

К вечеру Гатчинский дворец наполнился солдатами. Подходили полки из Петрограда, хлынули во дворец и гатчинцы. Собрав казаков во дворце, Краснов обратился к ним с речью. Он прочел им текст соглашения, заключенного комитетом с петроградцами, сказал, что теперь его задача отвезти донцов на "Тихий Дон", и закончил словами:

— Сделали мы, что могли. Другие нас не поддержали. Не на нас вина, не на нас позор за то, что начнется теперь на Руси!

* Я привел этот пункт по записи, сделанной мною на память в ноябре 1917 г. Совершенно точно помню, что в соглашении говорилось не о "выдаче" Керенского, а об отказе ему в поддержке. Обе стороны уже знали, что Керенского нет во дворце.

** Позже Совет народных комиссаров отказался утвердить это соглашение, но выполнил часть его, непосредственно касавшуюся казаков. Они были пропущены с оружием по домам.

В это время на дворе набралось уже тысяч 20—30 большевистского воинства. В этой толпе казаки, с напряженным вниманием слушавшие генерала, составляли едва заметную горсточку. Я прошел во дворец и сел в уголке буфетной, обдумывая, что делать дальше и как пробраться в Петроград, чтобы сообщить ЦИК о случившемся. В комнате было шумно. Петроградские солдаты и офицеры доедали остатки закуски. Вошел Дыбенко. К нему подскочил благообразный старичок с белыми баками и, подобострастно изогнувшись, пригласил его:

— Сюда, ваше превосходительство, пожалуйста!

И он указал ему столик, за которым обычно обедал Керенский. Дыбенко, сев за столик, добродушно распорядился:

— Тащи, отец, что там у вас есть, с утра не жрал.

Пять минут спустя благообразный старичок, согнувшись дугой, стоял за стулом матроса, протягивая ему огромное блюдо с какой-то снедью. Но Дыбенко уже задремал, склонив голову на стол, и лакей, не смея нарушить его сон, лишь слабым шепотом повторял:

— Ваше превосходительство, ваше превосходительство, покушать не изволите-с?

Ко мне подошел незнакомый молодой человек высокого роста, в форме студента Горного института.

— Товарищ комиссар, — обратился он ко мне, — я должен предупредить вас — среди солдат кто-то пустил слух, что именно вы привели сюда казаков, грозятся убить вас.

Я заметил на это, что к угрозам привык и не придаю им значения. Но горняк считал положение серьезным: какие-то полки будто бы уже вынесли резолюцию — немедленно покончить со мною. Солдаты могут в любой момент ворваться во дворец. При таких условиях президиум гатчинского Совета признал необходимым арестовать меня и под конвоем вывести из дворца в безопасное место.

— Но мы не можем это сделать без вашего согласия! — смущенно объяснял мне студент, оказавшийся товарищем председателя Совета.

Я прошел к казачьим офицерам, толпившимся в коридоре около буфетной, и спросил их совета. Офицеры подтвердили, что против меня среди солдат царит большое возбуждение, и рекомендовали мне не задерживаться во дворце. Тогда я сказал студенту, что согласен "арестоваться".

Не прошло и десяти минут, как горняк снова подошел ко мне, уже в сопровождении десятка солдат с винтовками, и объявил мне официально и строго:

— Гражданин комиссар! По постановлению президиума гатчинского Совета, согласно требованию солдат, вы арестованы.

Солдаты цепью окружили меня и повели. Площадь перед выходом была запружена толпой. Там и сям горели костры. Меня узнали. Поднялся зов о немедленной расправе. Студент, надрывая голос, требовал уважения к Совету, пленником которого является комиссар. Мои конвоиры, усердно работая локтями, прокладывали себе и мне дорогу через толпу. Им помогали вынырнувшие из темноты казаки. Около меня очутилась смертельно перепуганная девица, оказавшаяся тоже членом гатчинского Совета. Она кричала на напиравших солдат и все повторяла, что я спас гатчинский Совет, когда хулиганы хотели расстрелять его из пушек.

Наконец мы выбрались из толпы и вышли на пустынные улицы. Мои конвоиры расступились и пропустили меня вперед, подчеркивая, что смотрят на меня не как на арестанта, а как на товарища. Студент спрашивал меня, как "оформить" дело с моим арестом, чтобы избежать недовольства со стороны гарнизона. Я посоветовал:

— Доставьте меня в Совет, а завтра соберите президиум, допросите меня и составьте постановление о моем освобождении из-под стражи.

В Совете поместили меня в библиотеке; для порядка взяли с меня слово, что я не убегу, и, пожелав мне доброго сна, оставили меня одного.

Примостившись на столе, я сразу заснул как убитый. Но долго мне спать не пришлось. Явившиеся в помещение Совета представители власти в лице Троцкого и полковника Муравьева²³⁸ потребовали, чтобы я следовал за ними, и, посадив меня в свой автомобиль, отвезли в Петроград.

С неделю я присидел в арестном помещении Смольного института, затем два с половиной месяца — в Петропавловской крепости. Потом был освобожден, но через два или три дня получил извещение, что моим освобождением многие "недовольны". Я получил совет покинуть Петроград. Тогда я уехал на юг, в Тифлис. То, что я видел и пережил там — в пути, потом в Грузии, — выходит из рамок моих воспоминаний о 1917 годе.

КЕРЕНЩИНА И ЧЕРЕМИСОВЩИНА

Джон Рид, назвав октябрьско-ноябрьские события 1917 г. в Петрограде "десятью днями, которые потрясли мир", был неточен. Мир потрясли не сами эти события, а их последствия, многие из которых впрямую уже и не были связаны с тем, что тогда произошло. И именно они, эти последствия, вынудили многих историков смотреть на октябрьско-ноябрьские дни 1917 года, на большевистский переворот словно бы в увеличительные линзы бинокля. Особенно постарались, конечно, историки советской школы. Октябрьский переворот стал представляться результатом всероссийского движения "широких народных масс". Дело дошло до того, что чуть ли не вся предыдущая история России изображалась "устремленной к Октябрю". Октябрь становился как бы ее венцом.

Между тем подлинно исторический подход требует такого рассмотрения того или иного события, которое было бы максимально адекватно взгляду на него современников — тех, кто не мог ни предвидеть, ни знать последствий случившегося. Бывший видный эсер М. Вишняк в статье "Пятилетие", опубликованной в "Современных записках" в 1922 г., писал: "Мы, современники, заранее опротестовываем действия будущего историка, который неминуемо захочет привнести от себя смысл и разум в весь хаос и нелепицу наших дней. Мы заранее оспариваем будущую легенду..." "Хлеб" историка — документальный источник и мемуары. Они переворачивают исторический бинокль так, что "раздутые", деформированные его увеличивающими линзами события и факты приобретают возможно близкие к действительности пропорции.

Справедливость этого в отношении документальных свидетельств, пожалуй, не может вызвать спора. Но мемуары? Ведь они пишутся спустя много лет, и на них почти всегда лежит отпечаток прошедшего времени и личности мемуариста. Это верно. Так же, впрочем, как и то, что мемуарист мемуаристу рознь. Это почти всегда сравнительно легко обнаруживается. Есть мемуары, которые сразу хочется отложить в сторону, а есть такие,

которые ценнее любого документа. Предлагаемая читателю книга В. Войтинского, безусловно, принадлежит к последним.

Один из основателей российской социал-демократии А. Потресов еще в 20-х годах, в эмиграции, касаясь характера исторических трактовок революции 1917 г., задавался вопросом: наступит ли такое время, когда о ней будут писать без политических и идеологических пристрастий? Не наступило. И, вероятно, еще не скоро наступит. Нынешний президент России Б. Ельцин призвал отметить празднование Октября и отмечать 1917 год как год национального примирения, согласия, гражданского мира. Менее подходящей даты для этой идеи трудно было найти. Уже февраль 1917-го глубоко расколол общество, а Октябрь и последовавшая гражданская война, попросту говоря, разорвали его (и страну) на куски. Этот раскол и развал ощущался в нескольких поколениях, ощущается и теперь. И историческая наука не могла стоять в стороне, "возвышаясь над схваткой". Каким бы исследовательским "инструментарием" ни оснащалась та или иная работа, посвященная 17-му году, более или менее опытный глаз без особого труда определит позицию автора как монархическую, либеральную, социал-демократическую, анархистскую.

Мемуары В. Войтинского — это мемуары социал-демократа (меньшевика, хотя ранее, в период первой революции, Войтинский побывал и в большевиках). Приехав во второй половине марта 1917 г. в Петроград, Войтинский стал членом Исполкома Петроградского совета, а затем Исполкома Всероссийского совета. Большинство во Всероссийском ЦИКе вплоть до Октябрьского переворота принадлежало эсерам и меньшевикам. Войтинский разделял "тактическую линию советского большинства" и "отстаивал ее против враждебных ей течений". Этих враждебных течений в основном было два: слева — большевизм, набиравший силу на волне бунтарства "масс", которые требовали мира и земли; справа — назревавшая "корниловщина", опиравшаяся на "цензовиков" и офицерство, шокированные усиливавшейся анархией. И те, и другие жаждали диктатуры.

Большевики клеймили социал-демократию (и социалистов-революционеров) за "соглашательство" с цензовиками; цензовики — за соглашательство с большевиками.

Это, мягко сказать, своеобразное положение социал-демократии (и всего советского большинства) находит полное отражение в мемуарах В. Войтинского. Войтинский в сущности — трагическая фигура. Если для правых все ясно, что большевики — это предатели России, агенты германского Генерального штаба и т.п., то Войтинский не может не видеть в большевизме

"какую-то грозную загадку". В нем "чувствовалась напряженная сила, страстная устремленность, в нем слышался гром революции". Он признает и их, особенно Ленина, "политическую ловкость". Во многом от них, большевиков, зависело "предотвратить вспышку гражданской войны или толкнуть страну в пучину анархии".

Большевики со своей стороны платили правым, "цензовым" элементам, офицерству также классовой, партийной ненавистью. Как враги народа и революции, они фактически подлежали уничтожению. Но для Войтинского, сознающего, что судьбу революции, демократии и России будет решать армия (летом 1917 г. он стал комиссаром Северного фронта), положение солдата-окопника так же близко и понятно, как положение офицера, потерявшего после февраля привычную опору под ногами. И он мотается по фронтовым дорогам под проливными дождями, по колено в грязи. Выступает на солдатских митингах и говорит, говорит до хрипоты в горле, призывая солдат через "не могу" держать фронт ради новой, свободной России: ведь развал фронта — это анархия, гражданская война, за которой неминуемо последует диктатура, все равно какая — левая или правая. Как фронтовой комиссар, Войтинский активно боролся с "корниловщиной", но считал, что тот же Корнилов мог реализовать свой план борьбы с анархией, не угрожая солдатам "скрутить их в бараний рог". К сожалению, Корнилов не был "слеплен" из материала, из которого история делает Цезарей и Наполеонов.

Именно тут и возникает, может быть, коренной вопрос истории "смуты 17-го года": могли ли в ней удержаться демократические силы (значительную часть которых составляли социал-демократы и социалисты-революционеры)? Мог ли сохраниться демократический строй или он был обречен на то, чтобы быть раздавленным экстремизмом — большевистским или корниловским?

Конечно, во всяком случае сегодня, спустя 80 лет после указанного события, этот вопрос является чисто теоретическим. И ответы на него даются разные в зависимости от идеологической и политической склонности отвечающих. Ценность же мемуаров Войтинского, на наш взгляд, состоит в том, что они позволяют, абстрагируясь от идеологии и политики, увидеть события такими, какими они были и как воспринимались тогда, в момент их свершения. Пожалуй, особенно это справедливо по отношению непосредственно к Октябрьскому, большевистскому перевороту и первым послеоктябрьским дням. Хотя может показаться странным, но в историческом описании этого краткого, но исключительно важного периода все еще существуют "белые пятна". Прежде речь идет о том, что условно можно было бы

назвать "черемисовским эпизодом".

Как все-таки случилось, что большевистское выступление (его лишь условно можно назвать восстанием) против Временного правительства (которое больше чем наполовину было социалистическим) и практически против ВЦИКа (социалистического) не завершилось таким же провалом, как в начале июля 1917-го? Да, конечно, на сей раз большевики лучше подготовились, организованных ими сил у них было больше. Да, конечно, противостоящие им силы (правительство и ВЦИК) были ослаблены анархией, усиливавшейся после "корниловщины". Да, конечно, раскол в демократическом антибольшевистском лагере стал глубже. Да, конечно, политическая апатия "молчаливого большинства" стала сильнее. Да, конечно, параноидальная воля Ленина вынудила сомневающихся и колеблющихся в "большевистской головке" пойти на риск. Все это так. Но ведь риск для большевиков все-таки был немалый. Ленин сам был удивлен легкости своей победы. Ему приписывают слова, которые он вполне мог произнести: "Самое удивительное в том, что произошло, — это почему никто так и не решился вывести нас на тачке". Большевистские вожди долго считали, на сколько дней они пережили Парижскую коммуну. Вот свидетельства А. Луначарского, писавшего в "октябрьские дни" жене в Швейцарию. 23 октября (по новому стилю): "Мы на вулкане, Анюта... Вряд ли мы при зашедшей так далеко разрухе сможем наладить сколько-нибудь жизнь страны. И тогда мы, вероятно, будем смыты той же волной, которая вознесет нашу партию к власти". 9 ноября (по новому стилю): "Страшные, страшные времена, на кончике остря. Много страданий, волнений, может быть, преждевременной гибелью они грозят нам..."

Где же, в каком пункте судьба повернулась лицом к большевикам и отвернулась от тех, кто в конце октября — начале ноября пытался противостоять им?

Известный писатель Р. Гуль, много раз встречавшийся с Керенским в годы эмиграции, вспоминал: "Однажды, сидя у нас на 113-й улице в Нью-Йорке, он (Керенский) показал напротив в окно, где жил меньшевик В. Абрамович и другие меньшевики, и сказал: "Ведь они, они меня погубили!" (см. Р. Гуль. Я унес Россию — "Новый журнал", кн. 144, 1981, с. 34). Самооправдание Керенского и поиски им "виноватого" в случившемся в октябре 1917 г. общеизвестны. Тем не менее в его словах была своя правда. Какая?

24 октября Керенский прибыл в предпарламент, выступил перед его членами, квалифицировав действия большевиков как попытку свержения существующего строя и прося санкции на подавление ее вооруженной силой. Речь шла о переброске в Петроград фронтовых воинских

частей. Однако главным образом голосами представителей левой, революционно-демократической части предпарламента (меньшевики и эсеры) была принята резолюция, рекомендовавшая правительству действовать политическими методами: объявить о готовности к мирным переговорам, о немедленной земельной реформе и пр., т.е. выбить таким образом пропагандистскую почву из-под ног большевиков. Лидеров меньшевиков и эсеров понять можно. Июльская история, закончившаяся поражением большевиков, привела к значительному усилению правых сил, в конечном счете закончившемуся "корниловским путчем". Они не хотели повторения июля с непредсказуемыми последствиями. Контрреволюции справа они боялись больше, чем большевиков. Этот страх во многом был иллюзорным (корниловцы были деморализованы поражением в конце августа), но иллюзорный страх часто бывает хуже страха перед реальной опасностью...

Утром 25 октября Керенский решил действовать на свой страх и риск. Он выехал из Петрограда для того, чтобы форсировать движение войск с Северного фронта к Петрограду. Распоряжения об их вызове последовали еще до того, как Керенский выступил в предпарламенте. Тут и начинается "черемисовский эпизод", "черемисовщина", которая могла либо спасти "керенщину", либо помочь отправить ее в политическое небытие.

Несколько ключевых фигур оказались "задействованными" в "черемисовщине": сам Керенский, командующий Северным фронтом (штаб в Пскове) генерал Черемисов, генерал-квартирмейстер фронта, свояк Керенского В. Барановский, командир 3-го конного корпуса генерал П. Краснов и комиссар Северного фронта В. Войтинский. От них зависело принятие, возможно, судьбоносных решений. Керенский писал об этих событиях не раз. Но он слишком заинтересованное лицо, чтобы без всяких "скидок" полагаться на его утверждения. Им руководила мысль представить себя жертвой измен и предательств. Черемисов после Октября был арестован, потом исчез с горизонта. В газете "Голос России" (1921 г.) он опубликовал свои весьма фрагментарные и откровенно "самооправдательные" воспоминания. В них он писал, что сам Керенский создавал неразбериху, мешавшую ему действовать решительно. Он старался снять с себя обвинения в пособничестве большевикам. Краснов, после того как вынужденно ушел от политики (он был донским атаманом, сотрудничал с немцами, потерял власть после поражения Германии в войне), стал романистом. Он оставил обширные мемуары "На внутреннем фронте", но они беллетризованы, а главное, Краснов в "черемисовском эпизоде" играл все-таки вторую роль. К тому же Краснов ставил своей задачей "объяснить" свою неспособность разбить "красных" при их "рожде-

нии". Барановский не оставил ничего. Мемуары Войтинского долгое время пролежали в архиве. Все названные мемуары давно известны, и мы можем адресовать к ним интересующегося читателя. Из всех ключевых участников "черемисовщины" свидетельства Войтинского вызывают наибольшее доверие. Как уже отмечалось, он был комиссаром Северного фронта и писал свои мемуары тогда, когда ему не перед кем и незачем было оправдываться или кого-либо обвинять. Даже монархист Краснов характеризовал его как человека высокоидейного.

На страницах воспоминаний Войтинского находим немало положительных характеристик бывших царских генералов и офицеров (Парский, Балтийский, Болдырев и др.). Но вот Черемисов. "Черемисов, сменивший Клембовского на посту главнокомандующего фронтом, предпочитал плыть по течению, подделываясь под солдатскую стихию, заигрывая с толпой даже тогда, когда в толпе зрела мысль о Варфоломеевской ночи. Но отношение нового главнокомандующего (он сменил Клембовского, уволенного как сторонника Корнилова) не имело ничего общего с любовью к русскому солдату ген. Парского. Для Черемисова солдатская масса была "сволочью", и он заискивал перед ней лишь потому, что видел в ней силу. Вообще, это был военный чиновник, совершенно поглощенный заботами о том, как использовать новую обстановку в личных целях, запутавшийся в честолюбивых махинациях, изолгавшийся, опустившийся до полного забвения долга".

Черемисов не поддержал "корниловский путч", за что и получил повышение, став главкомом Северного фронта. С Корниловым у него старые "счеты". Впрочем, как, возможно, и с Керенским. Когда 19 июля 1917 г. Корнилов стал Верховным главнокомандующим, Черемисов вместо него был назначен главкомом Юго-Западного фронта. Это, однако, вызвало резкий протест Корнилова; последний потребовал, чтобы Керенский отменил приказ о назначении Черемисова. В ответ Черемисов заявил, что будет защищать свое право "хотя бы с бомбой в руках". Конфликт с трудом удалось уладить. Черемисова оставили на посту главкома Юго-Западного фронта, но тут же перевели в резерв. Надо думать, он не забыл этого ни Корнилову, ни Керенскому. В конце августа 1917 г. он поддержал Керенского против Корнилова, а в конце октября фактически поддержал Ленина против Керенского.

Когда начиналась "петроградская передряга", его самого в Петрограде не было. "Все мое внимание в эти дни, — пишет он, — было поглощено задачей, которую возложило на меня военное министерство. Дело шло о том, чтобы вывести из Петрограда на

фронт наиболее беспокойные части гарнизона и заменить их менее разложившимися полками из действующей армии".

Февральские события 1917 г. в решающей степени стали успешными благодаря выступлениям запасных батальонов гвардейских полков петроградского гарнизона, не желавших покидать "теплых казарм" и выделять маршевые роты на фронт. В честь особых "революционных заслуг" петроградского гарнизона по соглашению с Временным правительством и ВЦИК части гарнизона не должны были выводиться на фронт. Поскольку большевики требовали немедленного мира, петроградский гарнизон быстро "большевизировался". Естественно, что вокруг вопроса о выводе его войск на фронт шла напряженная политическая борьба. Большевики защищали право солдат гарнизона оставаться в Петрограде, видя в них свою, может быть, главную опору. Временное правительство старалось избавиться от большевизированных войск в столице.

Войтинский пишет, что задача вывода гарнизона на фронт "не представлялась неразрешимой". Фронтовики, даже в самых "обольшевизировавшихся" полках, относились к столичному гарнизону с презрением и даже ненавистью. "На позициях раздавались угрозы: мы петроградских штыками в окопы вгоним!"

Поскольку в стратегическом отношении петроградский гарнизон подчинялся штабу Северного фронта, Черемисов, ссылаясь на нужды фронта и поддержку фронтовых комитетов, обязан был потребовать передислокации войск, находившихся в Петрограде, его окрестностях и Финляндии. Но он всячески уклонялся, заявляя, что это — дело не столько военное, сколько политическое, а он к политике отношения иметь не желает. "Невмешательство" Черемисова затягивало решение вопроса, что было на руку большевикам. Председатель исполкома Петроградского совета и созданного (в частности, для противодействия выводу гарнизона) при нем ВРК Л. Троцкий хорошо понимал, что большевизированные полки Петрограда и петроградского военного округа в критический час станут главной большевистской опорой. Невывод петроградского гарнизона стал, может быть, одной из главных причин победы большевиков.

Но 23 октября было уже не до переброски петроградских частей на фронт; напротив, дело шло уже о переброске фронтовых частей в Петроград. То, о чем рассказывает Войтинский, — поразительное свидетельство политической слепоты, скрытых намерений, амбиций и претензий, сиюминутных расчетов, шкурничества, т.е. причудливой "смеси" далеко не лучших человеческих качеств, в большинстве случаев проявляющихся в критические минуты хаоса и неразберихи. Эта "смесь" могла дать самые

разнообразные результаты, не поддающиеся предсказаниям. Альтернатив было множество. Наиболее вероятной была бы та, за которой стояла бы личность, способная действовать решительно и целенаправленно.

Войтинский свидетельствует, что требование правительства о присылке в Петроград "надежных частей" пришло в штаб Северного фронта (Псков) вечером 23 октября. Значит, Керенский еще до своего выступления в предпарламенте, где он просил санкции на вооруженное подавление большевистского путча, уже решился на этот шаг. Он был либо уверен в получении такой санкции, либо уже не придавал ей особого значения. Теперь все зависело от Черемисова, фронтового и армейских комитетов. Что же Черемисов? Он "гнул" свою линию — заявлял, что у него нет "надежных частей", и к тому же он не желает лезть в петроградскую "политическую передрыгу". Ничем иным, кроме невыполнения приказа премьер-министра и верховного главнокомандующего (Керенского), это нельзя квалифицировать. Черемисов должен был быть немедленно смещен со своего поста и отдан под суд. А армейские комитеты? Они заявили, что отправка воинских частей в Петроград невозможна под лозунгом защиты Временного правительства. Нужна санкция ВЦИКа Советов. Если такая санкция будет, армейские комитеты приступят к делу. Черемисов фактически совершал предательство, армейские комитеты медлили в ситуации, когда промедление "смерти подобно". Выяснение "отношений" продолжалось до поздней ночи с 24 на 25 октября. Наконец, Войтинскому пришел ответ: "Президиум ЦИК санкционирует вызов отряда с фронта. Отряд должен быть организован возможно скорее. Действуйте именем ВЦИК." Поздно, поздно хватился меньшевистско-эсеровский ВЦИК. Еще днем его представители в предпарламенте отклонили просьбу Керенского о подавлении "большевистского выступления", но теперь, видя, куда идут события, хватились. Теперь Черемисову было труднее вести свою "уклончивую линию", и он, как пишет Войтинский, "наконец отдал приказ о движении к Петрограду". Наступило 25 октября. В Петрограде большевики уже захватили жизненно важные городские центры и готовились к "штурму" Зимнего дворца. Но далеко не все еще было потеряно. Нужно было только действовать энергично и без промедления. Казалось, все теперь благоприятствуют этому. 12 из 14 армейских комитетов, так же как и Общеармейский комитет при Ставке, вынесли резолюции с решительным протестом против "восстания" большевиков. Но как раз армейские комитеты 1-й и 5-й армий Северного фронта, который

должен был формировать отряд для отправки в Петроград, высказывались в пользу переворота! А комитет 12-й армии был прочно блокирован большевизированными латышскими стрелками.

Черемисов не помогал. Теперь он саботировал. Снова Войтинский должен был колесить по фронту, разыскивая воинские части, которые можно было бы отправить в Петроград. Выяснилось, что, пожалуй, только части 3-го конного корпуса (командир — генерал П. Краснов), находившиеся в резерве фронта, могут принять участие в "походе" на Петроград, который практически уже находился в руках большевиков. Эскадрон и сотни корпуса были разбросаны по разным местам, и собрать из них достаточный по мощи кулак было невозможно. Но Войтинский хорошо знал, что собой представляет петроградский гарнизон: его разложившиеся части не выдержали бы удара даже небольшого, но хорошо организованного дисциплинированного армейского отряда. Так могло произойти и в феврале 1917 г., но тогда движение царских войск к столице было сорвано политическими маневрами лидеров Государственной думы и высшего генералитета.

Теперь (Войтинский прямо пишет об этом) начало операции всячески тормозил Черемисов. Он отговаривал офицеров от участия в ней, возбуждал солдат, говорил, что "не дело фронта вмешиваться в гражданскую войну", что Временное правительство уже свергнуто и надо ждать создание новой власти. Наконец, им было заявлено Войтинскому, что по приказу самого Керенского он останавливает движение отряда к Петрограду и, возможно, в ближайшее время возьмет на себя верховное главнокомандование. Действия Черемисова многократно усиливали хаос и неразбериху на Северном фронте. Тем временем "Аврора" уже пальнула по Зимнему. Войтинский бросился разыскивать Керенского. Нет, не надо все валить на Черемисова. Если его можно было судить за предательство и саботаж, то Керенского следует порицать за слабость духа, проявленную в момент, когда решалась судьба страны. Нет, не по нему была шапка Мономаха, в слабых руках оказалась власть. Войтинский застал Керенского на квартире Барановского "в состоянии полного отчаяния и изнеможения".

На вопрос Войтинского, как случилось, что приказ об отправке войск в Петроград отменен, Керенский ответил, что тут, на Северном фронте, распоряжается Черемисов, и поэтому он, Керенский, и передал все в руки Черемисова. Конечно, чего не сделаешь в состоянии отчаяния и изнеможения, но только не находясь в должности главы государства и армии...

Через 15 минут Керенский взял обратно приказ о приостанов-

ке эшелонов и подписал новый приказ о их незамедлительном движении на Петроград.

Утром 26 октября "очнувшийся" Керенский вместе с генералом Красновым выехали в Остров, где находился штаб корпуса. Теперь почти все зависело от Краснова. Утром 27 октября несколько казачьих сотен Краснова без единого выстрела взяли Гатчину. До Петрограда оставалось рукой подать. Нет нужды подробно описывать то, что произошло здесь. Лучше Войтинского не расскажешь. В Гатчину прибыли парламентарии большевиков. "Один — огромного роста, силач, красавец, с окладистой бородой и насмешливыми глазами. Другой — щуплый, с землисто-серым, испитым лицом. Это были народный комиссар по морским делам Дыбенко и Трухин. К происходившему они относились как к "плевому делу". На переговорах с казаками охотно "уважили" просьбу об освобождении всех арестованных в Петро-граде юнкеров (хотя, по словам Дыбенко, они "сволочь"). "Уважили" и требования устранить Ленина и Троцкого от власти. Дыбенко и Трухин сказали, что им и на это "наплевать". "Уважить?" — спросил Трухин Дыбенко. "А ну их... Кончать пора", — лениво ответил тот. Подписали, что Ленин и Троцкий не будут участвовать в политике, "пока на оправдаются от тяготеющих на них обвинений". "Плевое дело"... В одном из буфетов Гатчинского дворца "обмыли" сделку. Дыбенко распорядился, сказав какому-то старичку: "Тащи, отец, что там у вас есть, с утра не жрал..." Керенский, конечно, в "обеде" не участвовал. Переодевшись матросом, он бежал из Гатчинского дворца. Сначала скрывался, затем по чужому паспорту ему помогли выехать за границу.

1 ноября Краснов держал перед казаками речь: "Сделали мы, что могли. Другие нас не поддержали. Не на нас вина, не на нас позор за то, что начнется теперь на Руси". Не на них? Легче и проще всего сказать: виноваты все.

Мемуары Войтинского, на наш взгляд, — убедительное свидетельство того, что в конце октября — начале ноября 1917 г. большевиков действительно могли "вывести на тачке", если не что-либо худшее. И мир не был бы "потрясен". Когда попытка переворота кончается провалом, его вполне могут назвать даже "плевым делом", когда победой — он может превратиться и в "великую революцию". Все в руках политиков и историков. Найдутся, конечно, те, кто не согласится с этим, кто будет доказывать некую предопределенность большевистского триумфа. Тогда давайте, по крайней мере, согласимся с Тацитом, который писал: "Я не могу решить — идут ли человеческие дела по закону судьбы и необходимости или подчиняются случаю".

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В первые дни Февральской революции на предприятиях Петрограда были избраны депутаты в городской Совет рабочих депутатов, который был образован 27 февраля (12 марта) 1917 г. 28 февраля он был провозглашен объединенным Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов. Совет выделил Исполнительный комитет, в который вошли в основном представители меньшевиков и эсеров. Председателем и товарищем (заместителем) председателя Совета были лидеры меньшевиков Н.С. Чхеидзе, А.Ф. Керенский и М.И. Скобелев. До I Всероссийского съезда Советов Петроградский совет руководил всеми Советами страны. Совет образовал контактную комиссию (в нее в разное время входили Чхеидзе, Суханов, Стеклов, Скобелев, Церетели, Чернов и др.), через которую осуществлял сотрудничество с Временным правительством. Фактической властью был не Совет, а его Исполком, в котором доминировали интеллигенты-социалисты.

² Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК) был избран I Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов 17 июня 1917 г. (съезд происходил 3—24 июня). Абсолютное большинство членов ВЦИК составляли меньшевики и эсеры.

³ Таврический дворец в Петербурге — бывший дворец князя Г.А. Потемкина Таврического. Был построен в 1783—1789 гг. архитектором И.Е. Старовым. В 1906—1917 гг. во дворце заседала Государственная дума. В 1917 г. (до начала августа) — резиденция ВЦИК. Один день, 5 (18) января 1918 г., в этом здании работало Учредительное собрание.

⁴ Распутин (Новых) Григорий Ефимович (1872—1916) — фаворит царя Николая II и его жены Александры Федоровны. Происходил из крестьян Тобольской губернии. В качестве "провидца" и "исцелителя" приобрел огромное влияние на царскую семью и ее окружение. Активно вмешивался в государственные дела. Был убит в ночь на 17 декабря 1916 г. монархистом В.М. Пуришкевичем, князем Ф.Ф. Юсуповым и великим князем Дмитрием Павловичем, которые считали влияние Распутина губительным для российской монархии. Распутинщина была проявлением разложения правящей верхушки Российской империи.

⁵ Рабочие группы военно-промышленных комитетов были образованы в конце 1915 — начале 1916 г. Это были общественные организации, ставившие цель активизировать усилия рабочего класса в военно-промышленном производстве и в то же время способствовать улучшению условий труда. Во главе рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета в Петербурге стоял меньшевик К.А. Гвоздев. Являясь легальными организациями национального масштаба, рабочие группы не пользовались поддержкой большинства рабочих, так как ассоциировались с капиталистами и, кроме того, они придерживались курса на продолжение войны.

Но рабочие группы добивались, чтобы представители буржуазного большинства в комитетах признавали их в качестве равноправных партнеров, требовали автономии и возможности поддерживать контакты со своими сторонниками. В марте 1916 г. в этом духе были составлены программа и организационные правила намечавшегося Всероссийского рабочего съезда (Галили З. Лидеры меньшевиков в русской революции: Социальные реалии и политическая стратегия. М., 1993, с. 46). В конце января 1917 г. члены рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета были арестованы и освобождены с началом Февральской революции.

⁶ Имеются в виду настроения в пользу прекращения первой мировой войны и восстановления всеобщего мира, созвучные манифесту Циммервальдской международной социалистической конференции 5—8 сентября 1915 г., состоявшейся в Швейцарии. В ней участвовали 38 делегатов от Франции, Германии, Италии, России, Польши, Швейцарии и других стран. Ленин выступил с обоснованием своего экстремистского лозунга превращения империалистической войны в гражданскую. Большинство участников не поддержало этого требования. Конференция приняла манифест, акцентировавший внимание на "империалистическом характере" войны, но не содержавший прямого призыва к революции. Ленин, а также другие левые присоединились к манифесту, но создали на конференции свою фракционную группу (Циммервальдскую левую). Возникшее Циммервальдское объединение являлось временным блоком, существовавшим фактически до 1917 г. Официальное решение о "ропуске" Циммервальдского объединения было принято I конгрессом Коммунистического Интернационала в марте 1919 г.

⁷ Князев Л.М. — генерал-губернатор Восточной Сибири (губернатором Иркутска был полковник Бантыш).

⁸ Речь идет о Монгольско-Сычуанской экспедиции (1907—1909) Козлова Петра Кузьмича (1863—1935) — русского генерала, а затем советского исследователя Центральной Азии, академика АН Украинской ССР (1928). Козлов руководил также монголо-тибетскими экспедициями (1899—1901 и 1923—1926). Он открыл остатки древнего города Хара-Хото, множество курганных могильников, собрал обширный археологический, этнографический и географический материал.

⁹ Гоц Абрам Рафаилович (1882—1940) — эсер. В 1906 г. был членом эсеровской боевой организации. В 1907—1917 гг. находился на каторге и в ссылке. Председатель Петроградского бюро партии эсеров в 1917 г. На I Всероссийском съезде Советов был избран заместителем председателя ВЦИК. После Октябрьского переворота 1917 г. был членом антибольшевистского Комитета спасения родины и революции. Был арестован. Один из главных обвиняемых на судебном процессе над лидерами эсеров в 1922 г. Был приговорен к расстрелу, затем смертный приговор был заменен пятилетним заключением. Позже был освобожден по амнистии. Занимал второстепенные хозяйственные посты. Неоднократно подвергался арестам. Скончался в концлагере в Красноярском крае.

¹⁰ Церетели Ираклий Георгиевич (1881—1959) — один из лидеров партии меньшевиков. Депутат II Государственной думы. Во время первой мировой войны стоял на позициях оборончества. После Февральской революции 1917 г. был признанным руководителем партии, являлся министром Временного правительства. С 1918 г. — член правительства независимой Грузинской республики. После оккупации Грузии советской Россией эмигрировал (в 1921 г.). С 1923 г. был представителем грузинских социал-демократов в Социалистическом Рабочем Интернационале. С 1929 г. не участвовал в политической деятельности. С 1940 г. жил в США.

¹¹ Бубликов Александр Александрович (1875—1936?) — инженер российского железнодорожного ведомства, предприниматель. Поддерживал тесные контакты с торгово-промышленными кругами. Депутат IV Государственной думы. Член партии прогрессистов. Был руководителем транспортного отдела Центрального военно-промышленного комитета. Стоял во главе железнодорожного ведомства Временного правительства. Участвовал в Государственном совещании в августе 1917 г. Выступал за сотрудничество либеральных партий с меньшевиками. После Октябрьского переворота 1917 г. эмигрировал. В эмиграции политической деятельностью не занимался.

¹² Временный комитет Государственной думы был образован в условиях начавшейся в России революции 27 февраля (12 марта) 1917 г. после того, как председатель Думы получил указ царя о ее роспуске. Инициаторами его создания были лидеры либеральных и правых партий. Председателем Временного комитета был октябрист Родзянко. Комитет носил переходный характер, облегчил создание Временного правительства на преемственной, легитимной базе. Фактически Временный комитет перестал функционировать после образования Временного правительства, юридически он был распущен вместе с IV Государственной думой постановлением Временного правительства от 3 (16) октября 1917 г.

¹³ Родзянко Михаил Владимирович (1859—1924) — один из лидеров партии "Совет 17 октября" (октябристы). В 1911—1917 гг. председатель III и IV Государственных дум, в 1917 г. — председатель Временного комитета Государственной думы. После Октябрьского переворота 1917 г. пытался организовать защиту Временного правительства. Затем смог пробиться на Дон. В 1920 г. эмигрировал. За границей опубликовал воспоминания "Крушение империи" и "Октябрьская революция".

¹⁴ Меньшевизм — течение в Российской социал-демократической рабочей партии, возникшее в 1903 г. Меньшевики выступали за приложение марксизма к условиям России, учитывая те изменения, которые произошли в развитии общества после смерти Маркса и Энгельса, но в принципе придерживались марксистского тезиса о возможности социалистической революции только на базе превращения рабочего класса в большинство общества в условиях развитого капитализма. В 1917 г. образовали самостоятельную РСДРП (объединенную), которая сохраняла полуполюгальное положение в первые годы большевистской власти. Решительно осудив Октябрьский переворот 1917 г., партия меньшевиков после ряда расколов и реорганизаций продолжала свою деятельность за границей, издавая газеты и журналы, участвуя в работе так называемого "21/2-го Интернационала" — "Второго с половиной", а затем Социалистического Рабочего Интернационала. Постепенно прекратила свою деятельность после второй мировой войны.

¹⁵ Цензовыми элементами в России именовались имущие слои населения. Четко понятие их не определялось.

¹⁶ Временное правительство в России было образовано 2 (15) марта 1917 г. Временным комитетом Государственной думы по соглашению с руководством Петроградского совета. Правительство возглавил князь Г.Е. Львов. 6 (19) мая, после апрельского кризиса, было создано первое коалиционное Временное правительство, в состав которого наряду с представителями либеральных и правых политических сил вошли лидеры эсеров и меньшевиков В.М. Чернов, А.Ф. Керенский, И.Г. Церетели, М.И. Скобелев. Третье (второе коалиционное) Временное правительство было образовано 24 июля (6 августа). В него входили 7 кадетов и примыкавших к ним, 5 эсеров и народных социалистов, 3 меньшевика. Возглавил правительство А.Ф. Керенский. Четвертое (третье коалиционное) правительство

было образовано 1 (14) сентября и сразу передало власть Совету пяти (Директории), которая объявила Россию республикой (возглавлял Керенский). Наконец, последнее Временное правительство под председательством Керенского (6 кадетов и примыкавших, 2 эсера, 4 меньшевика, 6 беспартийных) существовало с 25 сентября (8 октября) по 25 октября (7 ноября) 1917 г.

¹⁷ Керенский Александр Федорович (1881—1970) — российский политический деятель, адвокат. Лидер фракции трудовиков в IV Государственной думе. С марта 1917 г. — эсер, министр юстиции, позже военный и морской министр, а затем министр-председатель Временного правительства. С конца августа — Верховный главнокомандующий. После Октябрьского переворота 1917 г. предпринял неудачную попытку оказать сопротивление большевикам, в 1918 г. эмигрировал во Францию. В 1922—1932 гг. был редактором газеты "Дни". С 1940 г. жил в США. В последние годы жизни являлся профессором Стенфордского университета. Автор обширных воспоминаний, составитель документальных публикаций по российской истории.

¹⁸ Львов Георгий Евгеньевич (1861—1925) — князь, российский политический деятель. Председатель Всероссийского земского союза. Депутат I Государственной думы. Был первым министром-председателем Временного правительства. После большевистского переворота был арестован, затем освобожден. В 1918 г. эмигрировал.

¹⁹ Хвещидзе Николай Семенович (правильное имя Карло) (1869—1926) — один из лидеров меньшевиков. Депутат III и IV Государственной думы. В 1917 г. председатель Петроградского совета, затем председатель ВЦИК. Член Организационного комитета партии меньшевиков, а затем ЦК РСДРП (объединенной). В 1918—1921 гг. — председатель Закавказского сейма, а затем Учредительного собрания Грузии. После оккупации Грузии Красной армией в 1921 г. эмигрировал. Покончил жизнь самоубийством.

²⁰ "Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов" — ежедневная газета. Начала выходить 28 февраля (13 марта) 1917 г. После избрания ВЦИК на I Всероссийском съезде Советов выходила как его орган. Находилась в руках меньшевиков и эсеров. После Октябрьского переворота 1917 г. стала официальным органом большевистской государственной власти. Выходит по настоящее время (с августа 1991 г. как независимая газета).

²¹ Эсеры — сокращенное наименование партии социалистов-революционеров. Процесс ее создания был длительным (во второй половине 90-х годов XIX в. — начале XX в.) Первый съезд партии состоялся в декабре 1905 — январе 1906 г. Партия была создана на базе существовавших ранее народнических организаций. До 1917 г. она находилась на нелегальном положении. Основные политические требования заключались в создании демократической республики, введении рабочего законодательства, социализации земли. Эсеры вели пропагандистскую работу, главным образом в крестьянской среде, применяли тактику индивидуального террора. Основными руководителями партии были В.М. Чернов, А.Р. Гоц, Н.Д. Авксентьев. Непосредственно после Февральской революции 1917 г. эсеры составляли вместе с меньшевиками большинство в Советах, входили во Временное правительство. Летом 1917 г. от партии откололось течение левых эсеров, образовавших затем свою партию. Эсеры осудили Октябрьский переворот, разоблачали диктатуру партии большевиков и ее террористическую политику, входили в состав антибольшевистских правительств, возникших в годы гражданской войны. После гражданской войны партия эсеров была в России запрещена. Ряд руководителей эмигрировал. В эмиграции партия социалистов-революционеров продолжала попытки сохранить свои структуры и выпускать периодические издания, но вскоре фактически прекратила существование.

²² Большевики — политическая партия, зародившаяся сначала в качестве течения в РСДРП в 1903 г. и официально именовавшаяся большевистской партией с 1917 г. Термин входил в название партии до 1952 г. С 1918 г. основным наименованием партии стало "коммунистическая". Созданная под руководством В.И. Ленина большевистская партия стала главным носителем советского тоталитаризма. После запрещения в августе 1991 г. распалась на ряд конкурирующих между собой партий под разными названиями, в некоторых из которых сохранился термин "большевистская".

²³ Государственная дума — законосовещательное представительное учреждение Российской империи в 1906—1917 гг. Была утверждена манифестом царя Николая II 17 октября 1905 г. IV Государственная дума существовала с 15 ноября 1912 г. по 27 февраля 1917 г. (фактически), официально же была распущена Временным правительством 6 (19) октября 1917 г.

²⁴ Петровский Григорий Иванович (1878—1958) — советский государственный деятель, в 1919—1938 гг. председатель Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета. Кандидат в члены политбюро ЦК ВКП(б) в 1926—1939 гг. В связи с арестом и расстрелом сына Петровский был отстранен от всех постов. В последние годы жизни работал заместителем директора Музея революции СССР.

²⁵ Набоков Владимир Дмитриевич (1869—1922) — один из активных деятелей партии кадетов, юрист, публицист. Депутат II Государственной думы. Редактор "Вестника партии народной свободы". В 1917 г. управляющий делами Временного правительства. Член предпарламента. После Октябрьского переворота 1917 г. участвовал в борьбе против большевистской власти. Министр юстиции антибольшевистского Крымского краевого правительства в 1919 г. В этом же году эмигрировал в Великобританию, а затем в Германию. Был убит русским правым экстремистом при попытке Набокова защитить П.Н. Милюкова во время покушения на его жизнь в Берлине. В.Д. Набоков — отец писателя В.В. Набокова (Сирина).

²⁶ Гессен Иосиф Владимирович (1866—1943) — один из лидеров кадетов, адвокат и публицист. Депутат II Государственной думы. Редактор газеты "Речь". После Октябрьского переворота 1917 г. эмигрировал в Германию. С 1921 г. издавал в Берлине "Архив русской революции", который содержал ценные публикации документов из истории революции 1917 г. и гражданской войны.

²⁷ Эктения (от греческого "эктенес" — продленный, продолженный) — церковная процедура провозглашения "многих лет" носителям государственной власти.

²⁸ Милюков Павел Николаевич (1859—1943) — русский политический деятель, историк, публицист. Один из создателей партии кадетов, член ее ЦК, редактор газеты "Речь". В годы первой мировой войны выступал за расширение территорий Российской империи и получил прозвище Милюков-Дарданелльский. В 1917 г. был министром иностранных дел в первом составе Временного правительства. После Октябрьского переворота эмигрировал. Жил в Париже. За границей опубликовал ряд трудов по истории России, о революции 1917 г. Автор "Воспоминаний (1859—1917)".

²⁹ Терещенко Михаил Иванович (1886—1956) — русский капиталист, сахарозаводчик, политический деятель. Был близок к партии прогрессистов. Во время мировой войны — председатель киевского военно-промышленного комитета. В 1917 г. министр финансов, а затем министр иностранных дел Временного правительства. После Октябрьского переворота был арестован. Освобожден весной 1918 г. Бежал за границу. В 20—30-е годы был крупным французским финансистом.

³⁰ 14 марта 1917 г. Петроградский совет выступал с обращением "К народам всего мира". В документе извещалось о свержении "векового деспотизма царя", намерении созвать Учредительное собрание на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании. Содержался призыв к решительным выступлениям в пользу мира. В то же время указывалось, что "русская революция не отступит перед штыками завоевателей и не позволит раздавить себя внешней военной силой". В воззвании содержался также призыв к восстановлению и укреплению международного единства трудящихся.

³¹ Суханов (настоящая фамилия Гиммер) Николай Николаевич (1882—1940) — участник российского революционного движения, экономист, публицист. С 1903 г. — эсер, в 1917 г. — народный социалист, по ряду вопросов поддерживал меньшевиков-интернационалистов. С мая 1917 г. меньшевик-интернационалист. После Октябрьского переворота работал в советских учреждениях. В 1920 г. порвал с меньшевиками. Автор многотомных "Записок" о революции в России. В 1931 г. был приговорен к 10-летнему заключению на провокационном судебном процессе по делу "вредительской" организации — "Союзного бюро меньшевиков". Позже заключение было заменено ссылкой. Во время "большого террора" вновь арестован. Расстрелян без суда.

³² Вильгельм II Гогенцоллерн (1859—1941) — германский император и прусский король в 1888—1918 гг. Был свергнут в результате Ноябрьской революции 1918 г., провозгласившей республику, после чего проживал в Голландии.

³³ Николай II Романов (1868—1918) — последний российский император (1894—1917), сын Александра III. Был свергнут Февральской революцией 1917 г., после чего находился вместе с семьей под домашним арестом. После Октябрьского переворота был отправлен в Тобольск, а затем в Екатеринбург, где по приказу высшего большевистских иерархов (Ленин, Свердлов) был расстрелян вместе с семьей и близкими.

³⁴ Интернационалисты-циммервальдисты — сторонники политики, провозглашенной международной социалистической Циммервальдской конференцией (см. примеч. 6).

³⁵ Социал-демократы втородумцы — депутаты II Государственной думы. II Государственная дума была созвана 20 февраля 1907 г., заседала всего полгода и была распущена правительством 3 июня 1907 г. Члены социал-демократической фракции были арестованы накануне роспуска Думы. Одновременно был издан новый избирательный закон, обеспечивший в III Государственной думе абсолютное большинство представителям правых партий и групп. На последовавшем судебном процессе 55 членов фракции были приговорены к различным срокам заключения.

³⁶ "Марсельеза" — французская революционная песня, ставшая при Третьей республике (с 1875 г.) национальным гимном Франции. Слова и музыка принадлежали К.Ж. Руже де Лиллю. Вначале называлась "Боевой песней Рейнской армии". В России получила распространение "Рабочая Марсельеза" на слова П.Л. Лаврова, опубликованные в газете "Вперед" 1 июля 1875 г.

³⁷ Речь идет о III Государственной думе (1 ноября 1907 г. — 9 июня 1912 г.), избранной после государственного переворота 3 июня 1907 г., произведенном главой правительства П.А. Столыпиным. В этот день была распущена II Государственная дума и издан закон о выборах в III Государственную думу. Акт 3 июня положил начало так называемой столыпинской реакции. Но автор ошибается. В данном случае речь идет не о III, а о IV Государственной думе.

³⁸ Приказ № 1 Петроградского совета был издан 1 (14) марта 1917 г. Он содержал положения о гражданском равноправии солдат и офицеров, самоуправлении солдат во всем, кроме сугубо военных вопросов. Предусматривал решения повседневных дел выборными комитетами, а политических вопросов солдатскими представителями в Совете, лояльность солдат офицерам лишь при соблюдении первых двух положений. Приказ решительно подрывал воинскую дисциплину, столь необходимую в условиях продолжавшейся войны.

³⁹ Великая французская революции — французская революция 1789—1799 гг. (единственная из всех буржуазных революций, которой в марксистском, а затем в марксистско-ленинском лексиконе было присвоено наименование великой) решительно покончила с феодально-абсолютистским строем, расчистив почву для прогрессивного развития Франции. В ходе революции шла острая борьба политических течений фельянов (правых), жирондистов (умеренных), якобинцев, илимонтаньяров (левых радикалов). Вначале у власти стояли фельяны, затем (в августе 1792 — мае 1793 г.) жирондисты. Они были свергнуты и уступили власть якобинцам. После свержения тиранической, кровавой диктатуры якобинцев в июле 1794 г. вновь возобладали умеренные течения. Революция завершилась переворотом Наполеона Бонапарта в ноябре 1799 г.

⁴⁰ Стеклов (настоящая фамилия Нахамкис) Юрий Михайлович (1873—1941) — революционер, публицист, историк. Социал-демократ с 1893 г. В 1917 г. был активным меньшевиком, членом Исполкома Петроградского совета, редактором газеты "Известия". После Октябрьского переворота стал большевиком. Оставался редактором газеты "Известия" в 20-е годы. Опубликовал ряд трудов по истории революционного движения (о М.А. Бакуине, Н.Г. Чернышевском и др.) Арестован во время "большого террора". Расстрелян без суда.

⁴¹ "Правда" — ежедневная газета, созданная большевиками в 1912 г. Название повторяло заголовки газеты Л.Д. Троцкого, выходившей в это время в Вене, из-за чего произошел острый конфликт между Троцким и Лениным. В связи с запрещениями в 1912—1914 гг. название большевистской "Правды" несколько раз изменялось. В 1914 г. она была окончательно закрыта. Выход возобновился 5 (18) марта 1917 г. В течение всего периода коммунистической власти "Правда" являлась главным печатным органом, проводившим официальный курс партийных лидеров, вследствие этого играла чрезвычайно важную роль в коммунистической тоталитарной системе. В связи с тем, что "Правда" поддержала попытку государственного переворота в августе 1991 г., она была закрыта, но вскоре возобновила выход как орган Коммунистической партии Российской Федерации.

⁴² Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870—1924) — лидер большевиков, экстремистского течения в Российской социал-демократической рабочей партии, а затем самостоятельной большевистской партии. В российском и международном социал-демократическом движении постоянно придерживался курса непримиримой борьбы против всех тех, кто не был с ним согласен, используя все доступные ему средства, включая клевету. Во время первой мировой войны, в том числе после Февральской революции 1917 г., использовал крупные суммы денег, предоставленных большевикам германскими властями для подрывной работы. Возглавив большевистское правительство после Октябрьского переворота 1917 г., был на грани лишения власти во время дискуссии по поводу подписания Брестского мирного договора с Германией, однако путем хитрых маневров сумел сохранить власть в своих руках. В последние годы жизни тяжело болел и был фактически отстранен не только от власти, но и от возможности получать партийную информацию. После кровоизлияния в мозг в марте 1923 г. полностью утратил возможность сознательной деятельности.

⁴¹ Скобелев Матвей Иванович (1885—1938) — социал-демократ с 1903 г., меньшевик, советский политический деятель. Депутат IV Государственной думы. После Февральской революции 1917 г. член Исполкома Петроградского совета, затем заместитель председателя ВЦИК. В мае—августе 1917 г. министр труда Временного правительства. После Октябрьского переворота выехал в Закавказье, откуда эмигрировал в конце 1920 г. В начале 20-х годов объявил о переходе на большевистские позиции, в 1922 г. вступил в РКП(б). Работал в советских торговых миссиях в Лондоне и Париже. В 1926—1930 гг. работал в Главконцесском СССР и возглавлял Концесском РСФСР. Позже работал во Всесоюзном радиокомитете. Арестован во время "большого террора". Расстрелян без суда.

⁴² Горький Максим (Пешков Алексей Максимович) (1868—1936) — русский писатель и общественный деятель. Автор многочисленных романов, пьес, рассказов, стихотворений в прозе, автобиографической трилогии. В романе "Жизнь Клима Самгина" (1925—1936) запечатлена панорама общественной жизни России начала XX в. После Октябрьского переворота 1917 г. Горький резко критиковал политику большевистской власти (Очерки "Несвоевременные мысли"). Вскоре он выехал за границу, где жил до 1928 г. После возвращения на родину был объявлен классиком, удостоен всевозможных почестей, пользовался дружеским расположением И.В. Сталина, многократно его посещавшего. Сталин использовал Горького для унификации художественной литературы под лозунгом "социалистического реализма", который был сформулирован именно Горьким. В последние годы жизни Горький фактически находился под домашним арестом. Обстоятельства его смерти не ясны. Не исключено, что он был убит агентами советских спецслужб.

⁴³ Авилов Б.В. (1874—1938) — социал-демократ, статистик. В 1917 г. вышел из большевистской партии и присоединился к группе "внефракционных социал-демократов", объединенных вокруг газеты "Новая жизнь". Был депутатом Петроградского совета. После Октябрьского переворота отошел от политической деятельности. Работал в советских учреждениях. Арестован во время "большого террора" и расстрелян без суда.

⁴⁴ Базаров (Руднев) Владимир Александрович (1874—1939) — российский философ и экономист, социал-демократ с 1896 г. В 1907—1909 гг. вместе с И.И. Скворцовым-Степановым перевел на русский язык "Капитал" К. Маркса (тт. 1—3). После Февральской революции 1917 г. меньшевик-интернационалист. Один из редакторов газеты "Новая жизнь". После Октябрьского переворота служил в советских учреждениях. С 1921 г. работал в Госплане СССР. Позже занимался педагогической деятельностью. На провокационном процессе по делу якобы существовавшей меньшевистской организации в 1931 г. был приговорен к заключению, где и умер.

⁴⁵ Имеется в виду курс реформизма и сотрудничества с правительством Германии в период первой мировой войны, проводившийся правым крылом Социал-демократической партии Германии, в частности одним из ее лидеров Ф. Шейдеманом (см. примеч. 131).

⁴⁶ "Новая жизнь" — ежедневная социал-демократическая газета левого направления, в основном выражавшая позиции левых меньшевиков-интернационалистов. Выходила с апреля 1917 по июль 1918 г. Финансировал газету М. Горький, который входил в редакцию. Была закрыта большевистскими властями.

⁴⁷ Особняк Кшесинской — здание в Петербурге, принадлежавшее до Февральской революции 1917 г. балерине М.Ф. Кшесинской, фаворитке императора Николая II. В марте — начале июля 1917 г. в этом здании находились ЦК

и Петербургский комитет РСДРП(б). Руководящие органы большевиков были выдворены властями из особняка после событий 3—5 июля в Петрограде.

⁵⁰ Большевицкое издательство "Прибой" было основано в Петербурге в начале 1913 г. Находилось на легальном положении. Осенью 1914 г. в условиях преследований прекратило деятельность и возобновило ее в 1917 г.

⁵¹ 21 марта 1917 г. германские войска начали наступление на реке Стоход (приток Припяти) в районе Табол-Геленин. Потерпел поражение Третий корпус Третьей армии Западного фронта (14 тыс. солдат и офицеров), погибло около 1 тыс. солдат и офицеров, около 10 тыс. человек попало в плен и пропало без вести. Наступление было предпринято по приказу начальника штаба германской армии на Восточном фронте генерала М. Гоффмана без ведома высших германских политических кругов. По распоряжению верховного командования наступление было прекращено, так как усилия Германии были направлены на заключение сепаратного мира с Россией. В германской печати о наступлении почти не сообщалось. В России известие о поражении на Стоходе вызвало серьезные политические волнения.

⁵² Status quo (лат.) — прежнее положение.

⁵³ Филиппики (греч.) — обличительные речи афинского демократического оратора Демосфена (ок. 384—322 до н.э.), который являлся вождем антимакедонской группировки, против македонского царя Филиппа II. В переносном смысле — гневные обличительные речи.

⁵⁴ Маркс Карл (1818—1893) — германский экономист и философ, критик капиталистического общества второй половины XIX в., основоположник политико-экономической и философской системы, которая по его имени получила название марксизм. Для теории Маркса характерно сочетание тонкого анализа современной ему действительности с крайней категоричностью и догматичностью выводов, связанных с его безуспешной попыткой "превратить социализм из утопии в науку". Несмотря на псевдонаучную атрибутику коммунистической концепции Маркса, его система сохранила характер утопии. Маркс участвовал в создании Международного товарищества рабочих (I Интернационала) в 1864 г. и добился постепенного устранения из его руководства сторонников других социалистических теорий. В начале 70-х годов до перевода в США в 1872 г. Интернационал находился под его авторитарным руководством. Попытки реализации утопии Маркса в России и ряде других стран обернулись созданием тоталитарных режимов, причинивших тяжчайшие страдания многим народам.

⁵⁵ Энгельс Фридрих (1820—1895) — германский экономист и философ, критик капитализма второй половины XIX в. Вместе с К. Марксом, ближайшим учеником и соратником которого он был на протяжении почти 40 лет, участвовал в разработке философской и политико-экономической доктрины, которая должна была стать научной основой реализации коммунистического идеала. Попытки придать научный базис коммунизму были изначально обречены на провал. В последние годы жизни Энгельс энергично занимался созданием социал-демократических партий в странах Западной Европы и фактически руководил II Интернационалом, основанным в 1889 г.

⁵⁶ Лассаль Фердинанд (1825—1864) — германский социолог, организатор и руководитель Всеобщего германского рабочего союза (1863—1875). Считал основными средствами борьбы за социализм введение всеобщего избирательного права и создание с помощью государства рабочих производственных ассоциаций. Последователи Лассаля играли видную роль в Международном товариществе рабочих (I Интернационале), где боролись против установок К. Маркса.

³⁷ Станкевич Владимир Бенедиктович (Станка Владос) (1884—1968) — юрист, приват-доцент Петербургского университета, член партии народных социалистов. В 1917 г. был комиссаром Временного правительства при штаб-квартире Верховного главнокомандующего. После Октябрьского переворота принимал участие в вооруженном сопротивлении большевикам, находился в подполье. В августе 1919 г. нелегально выехал за границу. В январе 1920 г. организовал в Берлине группу "Мир и труд", издававшую газету "Голос России" и журнал "Жизнь", в которых содержались призывы покончить с гражданской войной и восстановить мир в России. Выражалась надежда на позитивную эволюцию большевизма. Группа высказывалась за возобновление западноевропейскими странами торговых и дипломатических отношений с Россией. Группа "Мир и труд" существовала немногим более года. В дальнейшем Станкевич вел активную публицистическую деятельность и сотрудничал с берлинским издательством "Знание". С 1923 г. жил в Литве, где стал профессором Каунасского университета. После второй мировой войны эмигрировал в США. Работал в Арктическом институте. Написал обширные воспоминания, которые многократно цитируются В.С. Войтинским.

³⁸ Севрук П.Н. — большевик из Гомеля, перешедший в 1917 г. на позиции революционного оборончества и присоединившийся к меньшевикам. Участник съезда меньшевистской партии в декабре 1917 г.

³⁹ Крестинский Николай Николаевич (1883—1938) — советский партийный и государственный деятель. Социал-демократ с 1903 г. В 1918—1921 гг. нарком финансов РСФСР. В 1919—1921 гг. член политбюро и секретарь ЦК РКП(б). С 1921 г. на дипломатической работе. Был полпредом в Германии. В 1930—1937 гг. заместитель наркома иностранных дел СССР. Один из обвиняемых на провокационном судебном процессе по делу "правотроцкистского блока" в марте 1938 г. Был единственным из подсудимых, пытавшихся опровергнуть нелепые обвинения. Приговорен к смертной казни и расстрелян.

⁴⁰ Каменев (Розенфельд) Лев Борисович (1883—1936) — советский партийный и государственный деятель. Социал-демократ с 1901 г. Член политбюро ЦК РКП(б) в 1919—1925 гг. В октябре и ноябре 1917 г. дважды выходил из ЦК в связи с политическими разногласиями с Лениным. В 1918—1926 гг. председатель Московского городского совета. С 1922 г. заместитель председателя Совнаркома РСФСР, затем СССР. В январе—августе 1926 г. нарком внутренней и внешней торговли СССР, затем недолгое время полпред СССР в Италии. В 1923—1924 гг. совместно с Г.Е. Зиновьевым поддерживал Сталина в борьбе за власть против Троцкого (этот союз некоторые авторы неточно называют "триумvirатом"). В 1925 г. вместе с Зиновьевым образовал "новую оппозицию" против Сталина, осужденную на XIV съезде ВКП(б) в декабре того же года. В 1926 г. вошел в состав объединенной антисталинской оппозиции. На XV съезде ВКП(б) (декабрь 1927 г.) был исключен из партии, но сразу же раскаялся и вскоре был восстановлен в ВКП(б). В 1929—1934 гг. занимал ряд второстепенных административных должностей. В 1932 г. опять исключался из партии, но был восстановлен. В декабре 1934 г. в третий раз исключен из партии, а затем арестован, обвинен в соучастии в убийстве С.М. Кирова и приговорен к тюремному заключению. На провокационном судебном процессе по делу "антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра" (август 1936 г.) был приговорен к смертной казни и расстрелян.

⁴¹ Плеханов Георгий Валентинович (1856—1918) — деятель российского и международного социал-демократического движения, философ. В 1875—1880 гг. был одним из руководителей народнических организаций. В 1880 г. эмигрировал. В 1883 г. создал в Швейцарии российскую социал-демократическую

группу "Освобождение труда". Был одним из создателей РСДРП и ее газеты "Искра". С 1903 г. один из лидеров меньшевизма. Во время первой мировой войны занимал решительную оборонческую позицию. Организационно порвал с меньшевиками и возглавил социал-демократическую группу "Единство". После Февральской революции 1917 г. возвратился в Россию. Поддерживал Временное правительство. К Октябрьскому перевороту отнесся резко отрицательно. Скончался в санатории в Финляндии.

⁴² Всероссийское совещание большевиков состоялось в Петрограде 27 марта (9 апреля) — 4 (17) апреля 1917 г. Участвовали большевистские депутаты Всероссийского совещания Советов. Проходило под руководством Л.Б. Каменева. По его предложению совещание оценило буржуазно-демократическую революцию в России как незавершенную, а движение к социалистической революции как преждевременное. Оно взяло курс на условную поддержку Временного правительства и оказание давления на него, на объединение с меньшевиками. Было принято предложение И.В. Сталина начать соответствующие переговоры на основе принципов Циммервальдской конференции 1915 г. Сталин, полностью поддерживавший на совещании позицию Каменева, был избран в состав комиссии для переговоров с меньшевиками. Утверждение В.С. Войтинского, что совещание закрылось до приезда в Петроград В.И. Ленина, неверно. Правда, приезд Ленина не внес изменений в принятые решения. Ленин выступил на совещании с докладом по своим "Апрельским тезисам" в ночь на 4 апреля. Уже после доклада Ленина совещание приняло резолюцию об условной поддержке Временного правительства. "Апрельские тезисы" были опубликованы в "Правде" с примечанием, что они отражают личную точку зрения автора. Протоколы совещания опубликованы в книге: Троцкий Л. Сталинская школа фальсификации: Поправки и дополнения к литературе эпитонов. М., 1990, с. 225—290.

⁶³ "Коммунистический манифест" (правильно "Манифест Коммунистической партии") — документ, написанный К. Марксом и Ф. Энгельсом в начале 1848 г. в качестве программы Союза коммунистов — формально международной, а по существу немецкой эмигрантской коммунистической организации, существовавшей в 1847—1852 гг. В документе обосновывалось утверждение о неизбежности гибели капитализма и роли пролетариата в его ликвидации, излагалось отношение к другим социалистическим доктринам, определялась тактика коммунистов по отношению к иным оппозиционным политическим партиям и т.д.

⁶⁴ Автор ошибся. Ленин выступал не перед работниками петроградской большевистской организации, а на Всероссийском совещании большевиков.

⁶⁵ Гольденберг Иосиф Петрович (1873—1922) — социал-демократ с 1892 г. Большевик с 1903 г. С 1914 г. меньшевик. Весной 1917 г. был направлен меньшевистской партией за рубеж, где остался после Октябрьского переворота. В 1920 г. заявил о переходе на позиции большевиков, в 1921 г. возвратился в Россию и стал членом большевистской партии.

⁶⁶ Зиновьев (Радомысльский, в молодости носил также фамилию матери Апфельбаум) Григорий Евсеевич (настоящие имя и отчество Евсей Герш Аронович) (1883—1836) — советский партийный и государственный деятель, один из ближайших соратников В.И. Ленина в дооктябрьский период. С 1919 г. был председателем Исполкома Коммунистического Интернационала. Являлся также председателем Петроградского совета. В 1923—1925 гг. вместе с Л.Б. Каменевым поддерживал И.В. Сталина. Многие авторы неточно полагают, что они составляли "триумvirат", реально стоявший у власти. В 1925 г. совместно с Каменевым возглавил "новую оппозицию", осужденную на XIV съезде ВКП(б)

в декабре того же года. В 1926—1927 гг. был одним из руководителей объединенной антисталинской оппозиции. В ноябре 1927 г. исключен из ВКП(б). После раскаяния (в декабре того же года) был восстановлен в партии, а затем издевательски назначен на работу в Центросоюз СССР. Через несколько лет Л.Д. Троцкий писал, что Зиновьев боролся "против сталинизма в тех пределах, в которых разрешил Сталин" (Троцкий Л. Портреты революционеров. М., 1991, с. 209). В 1932 г. Зиновьев опять был исключен из партии и в следующем году восстановлен в ней. В 1934 г. исключен в последний раз, в 1935 г. арестован и осужден на 10 лет заключения по клеветническому обвинению в соучастии в убийстве С.М. Кирова. В августе 1936 г. на первом "открытом" провокационном судебном процессе в Москве по делу "антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра" приговорен к смертной казни и расстрелян.

⁶⁷ Речь Ленина на объединенном собрании социал-демократов — большевиков и меньшевиков — делегатов Всероссийского совещания Советов в Таврическом дворце была произнесена 4 (17) апреля 1917 г. Содержала известные "Апрельские тезисы", развитые в статье "О задачах пролетариата в данной революции", опубликованной в "Правде" 7 (20) апреля.

⁶⁸ "Единство" — социал-демократическая газета, выходившая в Петрограде в мае—июле 1914 г., а затем с марта 1917 г. С декабря 1917 г. носила название "Наше единство". Была закрыта большевистскими властями в январе 1918 г. Вокруг газеты "Единство" сложилась группа правых социал-демократов, не примыкавших к меньшевистской партии, важнейшими представителями которой были Г.В. Плеханов (руководитель группы), Л.Г. Дейч, В.И. Засулич, Г.А. Алексинский, Л.И. Аксельрод. Газета и группа защищали позиции полной поддержки России в первой мировой войне. После Октябрьского переворота 1917 г. они заняли решительную антибольшевистскую позицию.

⁶⁹ Имеются в виду "Апрельские тезисы" (см. примеч. 62, 67).

⁷⁰ Бакунин Михаил Александрович (1814—1876) — русский революционер, теоретик анархизма, один из идеологов народничества. С 1840 г. жил за границей, участвовал в революции 1848—1849 гг. Был арестован австрийскими властями и выдан России в 1851 г. Находился в заключении в Петропавловской крепости, а затем в ссылке, откуда в 1861 г. бежал за границу. С 1864 г. был одним из руководителей Международного товарищества рабочих (I Интернационала), в котором вел решительную борьбу против стремления К. Маркса навязать международному рабочему движению свои взгляды и монополизировать руководство. В 1872 г. Бакунин был исключен из I Интернационала, однако продолжал руководить международной анархистской организацией, сохранившей то же название.

⁷¹ "Заем свободы" был выпущен Временным правительством для финансирования военных расходов 26 марта (8 апреля) 1917 г. на 54 года с погашением начиная с 1922 г. Подписка была объявлена 6 (19) апреля. Исполком Петроградского совета призвал население поддержать заем. Большевики развинули против него энергичную кампанию. Подписка не удалась. К 28 июня (11 июля) было собрано всего 250 млн. рублей.

⁷² Кинтальская (Вторая Циммервальдская) конференция социал-демократов проходила 24—30 апреля 1916 г. (в первый день в Берне, а затем в деревне Кинталь в Швейцарии). Был принят манифест с призывом к борьбе против войны, за социализм. На конференции наряду с социалистами-центристами присутствовали левые, в том числе представители экстремистского течения во главе с В.И. Лениным. Экстремисты и примыкавшие к ним составили так называемую Циммервальдскую левую, поддержавшую лозунг превращения империалистической войны в гражданскую, выдвинутый Лениным.

⁷³ "Русская воля" — еженедельная газета, основанная министром внутренних дел А.Д. Протопоповым. Выходила с декабря 1916 г. Решительно выступала против большевиков. Закрыта сразу после Октябрьского переворота 1917 г.

⁷⁴ "Новое время" — еженедельная газета, выходившая в Петербурге в 1868—1917 гг. Вначале носила либеральный характер, а с 1876 г., перейдя в руки А.С. Суворина, стала консервативным изданием, пропагандировавшим великорусский национализм. После Февральской революции 1917 г. занимала контрреволюционную позицию. Была закрыта большевиками сразу после Октябрьского переворота.

⁷⁵ "Вечернее время" — ежедневная правая бульварная газета, основанная в 1911 г. А.С. Сувориным. В 1917 г. выражала в основном взгляды правого офицерства. Закрыта сразу после Октябрьского переворота.

⁷⁶ "Речь" — ежедневная газета, центральный орган партии кадетов в 1906—1917 гг. Выходила в Петербурге (Петрограде). Редакторами были И.В. Гессен и П.Н. Милоков. Была закрыта большевиками после Октябрьского переворота.

⁷⁷ "День" — ежедневная либеральная газета. Выходила в Петербурге с 1912 г. После Февральской революции 1917 г. перешла в руки меньшевиков. Закрыта сразу после Октябрьского переворота.

⁷⁸ "Маленькая газета" — бульварная правая газета. Выходила в Петрограде с лета 1914 г. по июль 1917 г. После Февральской революции была близка к внефракционным социал-демократам. Решительно выступала против большевиков.

⁷⁹ "Газета-Копейка" — ежедневная бульварная газета, выходившая в Петербурге с июня 1908 г. Закрыта большевиками в 1918 г.

⁸⁰ "Живое слово" — ежедневная правая бульварная газета. Выходила в Петрограде с марта 1917 г. (с августа "Слово", затем "Новое слово"). Закрыта сразу после Октябрьского переворота.

⁸¹ "Современное слово" — видимо, имеется в виду ежедневная газета "Русское слово", выходившая в Москве в 1895—1917 гг. Носила либеральный характер. Была закрыта большевиками после Октябрьского переворота.

⁸² "Петроградские ведомости" — ежедневная газета. Была основана Петром I в 1703 г. в Москве под названием "Ведомости". С 1713 г. преимущественно, а с 1720 г. полностью издавалась в Петербурге. С 1820 г. газета выходила под названием "Санкт-петербургские ведомости". Являлась органом министерства просвещения России. С 1914 г. называлась "Петроградские ведомости". Была закрыта большевиками после Октябрьского переворота 1917 г.

⁸³ "Петроградский листок" — либеральная газета, выходившая в 1917 г. Была закрыта большевиками сразу после Октябрьского переворота. Затем возобновил выход утренний выпуск газеты, который также был закрыт через две недели.

⁸⁴ "Петроградская газета" — газета, выходившая в 1917 г. Носила либеральный характер. Была закрыта большевиками в ноябре 1917 г., но вскоре возобновила выход. В январе 1918 г. вновь была закрыта, однако затем недолгое время выходила под названием "Новая петроградская газета".

⁸⁵ Удельной землей в России до 1917 г. называлась земля, являвшаяся собственностью членов императорской фамилии, кабинетная земля — земля, являвшаяся собственностью императора.

⁸⁶ Дан (Гурвич) Федор Ильич (1871—1941) — один из лидеров меньшевиков. В 1917 г. член Исполкома Петроградского совета, член ВЦИК. Член ЦК РСДРП (объединенной) с августа 1917 г. После Октябрьского переворота служил в

Красной армии. Неоднократно подвергался арестам. В 1922 г. был выслан из России. В эмиграции вел активную политическую, научную и издательскую работу. Был одним из руководителей издания журнала "Социалистический вестник". До 1933 г. жил в Германии, затем во Франции, с 1940 г. в США. В 1940 г. основал свой журнал "Новый мир" (позже "Новый путь"). Автор книги "Происхождение большевизма" (1946).

⁸⁷ Анисимов Василий Анисимович (1878—1938) — социал-демократ с 1902 г., меньшевик. Депутат II Государственной думы. Был арестован и сослан в Иркутск. В 1917 г. возвратился в Петроград. Был членом Исполкома Петроградского совета. Во время гражданской войны жил в Сибири, издавал газету "Наше дело". Был членом Учредительного собрания Дальневосточной республики. В следующие годы — писатель. Арестован во время "большого террора", расстрелян без суда.

⁸⁸ Ермолаев Константин Михайлович (псевдоним Роман) (1884—1919) — меньшевик, революционный оборонец. Член ЦК РСДРП (объединенной) с августа 1917 г. Член ВЦИК. Член предпарламента.

⁸⁹ Вайнштейн Семен Лазаревич (псевдоним Звездин, Звездич) (1876—1923) — член Бунда, меньшевик, революционный оборонец. Член Исполкома Петроградского совета. Член ВЦИК. Член предпарламента. В 1922 г. эмигрировал в Германию.

⁹⁰ Рожков Николай Александрович (1869—1927) — русский политический деятель, историк. Большевик в 1905—1910 гг. В 1910 г. в ссылке примкнул к меньшевикам. В 1917—1922 гг. член меньшевистской партии. После Октябрьского переворота 1917 г. критиковал политику большевистской власти. Подвергался арестам. С 1924 г. отошел от политической деятельности. Вел научную работу. Автор трудов по истории сельского хозяйства, государственного аппарата XVI—XVII вв., развития капитализма в Германии. В 1918—1926 гг. вышел его фундаментальный труд "Русская история в сравнительно-историческом освещении" (12 томов). Профессор с 1922 г.

⁹¹ Чернов Виктор Михайлович (1873—1952) — один из основателей партии эсеров, ее руководитель и теоретик. В 1917 г. министр земледелия Временного правительства. Председатель Учредительного собрания. В 1919—1920 гг. жил нелегально в Москве. Затем выехал за границу. Опубликовал мемуары "Перед бурей", а также ряд исторических трудов и документальных сборников. Во время второй мировой войны участвовал в движении Сопротивления во Франции. После войны переехал в США.

⁹² Авксентьев Николай Дмитриевич (1878—1943) — один из лидеров партии эсеров. В 1907 г. эмигрировал. После Февральской революции 1917 г. возвратился в Россию. Был председателем Исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов и предпарламента. Министр внутренних дел Временного правительства. После Октябрьского переворота 1917 г. стоял на решительно антибольшевистских позициях. Был арестован, но вскоре освобожден. В сентябре—ноябре 1918 г. председатель антибольшевистского государственного органа — Директории, избранной на Государственном совещании в Уфе. Директория была свергнута переворотом 18 ноября 1918 г., в результате которого верховным правителем России был объявлен адмирал А.В. Колчак. Авксентьев был арестован и выслан в Китай. В 1919 г. переехал в Париж. С 1940 г. жил в США. Автор книги "Государственный переворот Колчака: Гражданская война в Сибири и Северной области" (1927).

⁹³ Либер (Гольдман) Михаил Исаакович (1880—1937) — один из лидеров Бунда и меньшевистской партии. Социал-демократ с 1898 г. В 1917 г. член Исполкома Петроградского совета, член ВЦИК. Входил в Организационный комитет

меньшевистской партии, а затем в ЦК РСДРП (объединенной) Стоял на оборонческих позициях После Октябрьского переворота отошел от политической деятельности С 1923 г подвергался систематическим арестам В 1935 г арестован в Казани, где отбывал ссылку вместе с другими лидерами меньшевиков Расстрелян без суда

⁹⁴ "Не все ладно в Королевстве Датском" — перефразировка высказывания из трагедии У Шекспира "Гамлет"

⁹⁵ Имеется в виду Всероссийское совещание советов рабочих и солдатских депутатов, состоявшееся в Петрограде 29 марта — 3 апреля (11—16 апреля) 1917 г Преобладающее влияние имели партии меньшевиков и эсеров Совещание высказалось за условную поддержку Временного правительства и заняло позицию революционного оборончества

⁹⁶ Напомним, что до 14 февраля 1918 г в России действовал Юлианский календарь (старый стиль) Различие между старым стилем и новым стилем (Григорианским календарем) в XX в составляет 13 суток У автора оговорка Первомайская демонстрация состоялась не 16, а 18 апреля 1917 г В воскресенье, 16 апреля, петроградские рабочие работали, чтобы иметь возможность 18 апреля провести демонстрацию

⁹⁷ Ллойд-Джордж Дэвид (1863—1945) — британский политический деятель, лидер Либеральной партии В 1905—1908 гг министр торговли, в 1908—1915 гг министр финансов и фактический руководитель правительства Премьер-министр Великобритании в 1916—1922 гг Автор нескольких мемуарных трудов, наиболее значительный из которых "Правда о мирных договорах", посвященный первой мировой войне и послевоенному устройству

⁹⁸ Клемансо Жорж (1841—1929) — французский политический деятель, радикал, премьер-министр в 1906—1909, 1917—1920 гг Занимал также другие министерские посты Был председателем Парижской мирной конференции 1919—1920 гг

⁹⁹ Вильсон Томас Вудро (1856—1924) — президент США в 1913—1921 гг от демократической партии По профессии историк, автор ряда научных трудов, профессор Будучи президентом, провел ряд законов либерально-демократического характера Был инициатором вступления США в первую мировую войну на стороне Антанты В январе 1918 г выдвинул программу мира ("Четырнадцать пунктов"), носившую в целом демократический характер, но в то же время содержавшую претензии на более активную руководящую роль США в мире.

¹⁰⁰ Мариинский дворец был построен в 1844 г на Исаакиевской площади в Петербурге для великой княжны Марии Николаевны, старшей дочери царя Николая I В 1917 г резиденция Временного правительства Позже во дворце находился Исполком Ленинградского совета В настоящее время резиденция мэра Санкт-Петербурга.

¹⁰¹ Кадеты — сокращенное наименование Конституционно-демократической партии, известной также под названием Партии народной свободы Образовалась в 1905 г Выступала за либеральное преобразование России путем создания конституционной монархии, введения демократических свобод, улучшения социально-экономического положения крестьян и рабочих законодательным путем Лидерами партии были П Н Милоков, А.И Шингарев, В Д Набоков и др Партия участвовала во Временном правительстве 1917 г Непосредственно после Октябрьского переворота партия кадетов, решительно осудившая насильственные действия большевистских властей, была запрещена Многие ее деятели погибли от большевистского террора Части удалось эмигрировать В эмиграции П Н Милоков и

другие лидеры партии вели публицистическую работу, но организационная структура кадетов за границей восстановлена не была

¹⁰² Гучков Александр Иванович (1862—1936) — русский предприниматель и политический деятель, лидер партии "Союз 17 октября" (октябристы), существовавшей в 1905—1917 гг Депутат III Государственной думы, ее председатель с 1910 г В 1915—1917 гг был председателем Центрального военно-промышленного комитета В марте—мае 1917 г военный и морской министр Временного правительства После Октябрьского переворота эмигрировал Жил в Берлине, затем в Париже

¹⁰³ Линде Ф Ф (1881—1917) — меньшевик, член Исполкома Петроградского совета, один из организаторов солдатских демонстраций в апрельские дни 1917 г Комиссар Временного правительства на Юго-Западном фронте Был убит солдатами, распропагандированными большевиками

¹⁰⁴ Пирр (319—273 до н э) — царь Эпира в 307—302 и 296—273 гг Воюя против Рима, одержал победы при Гераклее (280) и Аускулуме (279) ценой огромных потерь Выражение "пиррова победа" стало нарицательным для обозначения победы, достигнутой слишком высокой ценой, или фиктивной победы

¹⁰⁵ Корнилов Лавр Георгиевич (1870—1918) — русский генерал от инфантерии Во время первой мировой войны попал в германский плен, откуда бежал В 1917 г был командующим войсками Петроградского военного округа, а затем (июль—август) Верховным главнокомандующим В конце августа попытался выступить за установление твердой государственной власти в России, но не получил поддержки политических сил Глава Временного правительства Керенский, вначале вступивший в переговоры с Корниловым, прервал их и заявил о мятеже генерала Корнилов был взят под стражу После Октябрьского переворота он пытался оказать сопротивление большевикам Бежал на Дон и стал одним из организаторов Добровольческой армии, ставившей целью свержение большевистского режима Был убит во время боя в районе Екатеринограда

¹⁰⁶ Бутада (*устаревш*) — бутафория, нечто поддельное, ненастоящее

¹⁰⁷ В торжественном заседании 90 депутатов четырех Государственных дум 27 апреля 1917 г принимали участие представители либеральных и умеренных социалистических партий Большевики собрание игнорировали Значительного общественного отклика оно не получило, в печати были опубликованы лишь краткие сообщения

¹⁰⁸ Алексеев Михаил Васильевич (1857—1918) — русский генерал от инфантерии Во время первой мировой войны был начальником штаба Юго-Западного фронта, командующим Северо-Западного фронта, с 1915 г начальник штаба Ставки В марте—мае 1917 г Верховный главнокомандующий После Октябрьского переворота возглавил Добровольческую армию, вступившую в вооруженную борьбу с большевистским правительством

¹⁰⁹ Толстой Лев Николаевич (1828—1910) — русский писатель, граф, почетный академик (1900) Петербургской Академии наук В романах, повестях, пьесах, автобиографической трилогии, философско-религиозных трудах, публицистике Толстой выражал стремление личности к постижению своей внутренней сущности, к нравственному совершенствованию, к поискам религиозно-нравственных идеалов В эпопее "Война и мир" показаны перипетии русско-французских войн начала XIX в , особенно Отечественной войны 1812 г "Севастопольские рассказы" посвящены обороне Севастополя во время Крымской войны. Толстой оказал огромное воздействие на развитие русской и мировой культуры

¹¹⁰ Севастопольская оборона во время Крымской войны 1853—1956 гг. продолжалась с 13 сентября 1854 по 27 августа 1955 г. Русские войска вице-адмирала В.А. Корнилова, а затем вице-адмирала П.С. Нахимова обороняли город от вооруженных сил Франции, Великобритании и Турции. Южная сторона была покинута, остальной город удержан русскими войсками.

¹¹¹ Сабини — италийские племена, жившие в древние времена между реками Тибр, Атернус и Анио. Часть сабинов, живших на холмах Рима, сыграла ведущую роль в образовании древнеримской народности. С другими племенами Рим вел войны и покорил их.

¹¹² Верхарн Эмиль (1855—1916) — бельгийский поэт и драматург. Произведения Верхарна выражали трагическое восприятие жизни в духе символизма и социальные противоречия общества. Верхарн был также автором книг о Рембрандте и Рубенсе.

¹¹³ Лашевич Михаил Михайлович (1884—1928) — советский партийный и военный деятель. Социал-демократ с 1901 г. С 1918 г. находился на руководящей работе в Красной армии. В 1925—1926 гг. заместитель наркома по военным и морским делам, заместитель председателя Реввоенсовета СССР, затем заместитель начальника Китайско-Восточной железной дороги. Был участником объединенной оппозиции в ВКП(б) в 1926—1927 гг. Выступил с докладом на нелегальном собрании, организованном в лесу под Москвой членами оппозиции, что послужило поводом для массовой травли в прессе. Исключен из ВКП(б) в декабре 1927 г. В мае 1927 г. попал в автомобильную катастрофу. После неудачной операции умер в Харбине.

¹¹⁴ "Рабочая газета" — ежедневная газета меньшевиков. Выходила с марта по 30 ноября (13 декабря) 1917 г. С августа 1917 г. была органом ЦК РСДРП (объединенной). После Октябрьского переворота закрыта. Вместо "Рабочей газеты" меньшевики начали выпускать газету "Новый луч".

¹¹⁵ Брусилов Александр Александрович (1853—1926) — русский генерал от кавалерии (1912). Командующий 8-й армии, а затем главнокомандующий Юго-Западным фронтом во время первой мировой войны. В июне—августе 1916 г. провел успешное наступление против австро-венгерской армии (Брусиловский прорыв). В мае—июле 1917 г. Верховный главнокомандующий. С 1920 г. служил в Красной армии. В 1923—1924 гг. инспектор кавалерии.

¹¹⁶ Бетман-Гольвег Теобальд (1856—1921) — рейхсканцлер Германии и министр-президент Пруссии в 1909—1917 гг. В 1905—1907 гг. был министром внутренних дел Пруссии, в 1907—1909 гг. имперским министром внутренних дел и заместителем рейхсканцлера.

¹¹⁷ "Окопная правда" — фронтовая большевистская газета. Редактор Ф.П. Хаустов. Выходила в апреле 1917 — феврале 1918 г. (в июле—октябре 1917 г. под названием "Окопный набат").

¹¹⁸ Людендорф Эрих (1865—1937) — германский военный деятель, генерал. Во время первой мировой войны помощник генерал-фельдмаршала П. Гинденбурга, руководил всеми военными действиями на Восточном фронте в 1914—1916 гг. В 1916—1918 гг. был фактическим руководителем всех вооруженных сил Германии. Участник антиправительственного заговора в 1920 г. (Капповского путча) и руководитель (вместе с А. Гитлером) нацистского мятежа в Мюнхене в ноябре 1923 г. (Пивной путч).

¹¹⁹ Речь идет о Седьмой (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП (большевиков) 24—29 апреля (7—12 мая) 1917 г., проходившей в Петрограде. Конференция осудила позицию некоторых большевистских деятелей

непосредственно после Февральской революции (Каменев, Сталин и др.), выступавших за условную поддержку Временного правительства и оказание давления на него, приняла в качестве программы действий "Апрельские тезисы" В.И. Ленина, ставившие цель непосредственной подготовки перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую в условиях двоевластия мирным путем под лозунгом "Вся власть Советам".

¹²⁰ Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873—1955) — участник революционного движения в России, социал-демократ с 1895 г. Участвовал в организации большевистских печатных изданий. Во время первой мировой войны руководил издательством "Жизнь и знание". В 1917—1920 гг. управляющий делами Совнаркома РСФСР. Затем занимался научной работой. Автор трудов по истории революционного движения, религиозно-общественных движений в России.

¹²¹ Чернышев И.В. — социал-демократ, член петербургского "Союза борьбы за освобождение рабочего класса". Затем перешел к эсерам.

¹²² Весной и летом 1917 г. в Петрограде побывал ряд представителей социал-демократических партий стран Антанты. Объединенная делегация во главе с французским министром вооружений А. Тома посетила Петроград в апреле, тогда же в России побывал французский социалист М. Кашен. В мае нанес визит бельгийский министр социалист Э. Вандервельде. Россию посетили также представители Социалистической партии Соединенных Штатов Ч.Э. Рассел и Дж. Дункан.

¹²³ Имеются в виду Германия и Австро-Венгрия.

¹²⁴ Речь идет о Международном социалистическом бюро — постоянном информационно-исполнительном органе II Интернационала, созданном в 1900 г. с местопребыванием в Брюсселе. В начале первой мировой войны Международное социалистическое бюро прекратило существование. Возобновило деятельность после войны.

¹²⁵ Гюисманс Камиль (1871—1968) — бельгийский социалист, один из руководителей Бельгийской рабочей партии. В 1905—1922 гг. председатель Международного социалистического бюро II Интернационала. В 1910—1965 гг. депутат бельгийского парламента. Был председателем палаты представителей. В 1946—1947 гг. премьер-министр, в 1947—1949 гг. министр просвещения.

¹²⁶ Голландско-скандинавский комитет — инициативный орган по созыву международной социалистической конференции, которая планировалась в 1917 г. Комитет был создан в Гааге в 1916 г. В него входили К.Я. Брантинг (Швеция), П.Й. Трульстра (Голландия), Т. Стаунинг (Дания). В помощь этому комитету в 1917 г. была выделена делегация российских Советов, состоявшая из эсеров и меньшевиков. В нее входили И. Гольденберг, Г. Эрлих, В. Розанов, А. Смирнов и Н. Русанов. Конференция была сорвана из-за резко отрицательного отношения к ней со стороны правительств Великобритании и Франции.

¹²⁷ Кашен Марсель (1869—1958) — деятель французского социалистического, а затем коммунистического движения. В 1905—1920 гг. участвовал в руководстве социалистической партии. Во время первой мировой войны стоял на позициях решительной поддержки французского правительства. Затем резко изменил политическую ориентацию. Был одним из основателей компартии в декабре 1920 г. В 1918—1958 гг. директор газеты "Юманите" (центрального органа партии). В 1924—1943 гг. был членом Президиума Исполкома Коминтерна.

¹²⁸ Тома Альберт (1878—1932) — французский социалист. С 1910 г. один из лидеров партии. Во время первой мировой войны министр по делам вооружений. Один из инициаторов восстановления II Интернационала в 1919 г. В 1919—1932 гг. возглавлял Международное бюро труда при Лиге наций.

¹²⁹ Вандервельде (употребленное автором написание Вандервельд неточно) Эмиль (1866—1838) — бельгийский политический деятель, социалист. С середины 90-х годов руководитель Бельгийской рабочей партии. С 1900 г. председатель Международного социалистического бюро II Интернационала. Член парламента с 1894 г. В начале первой мировой войны Вандервельде вошел в состав правительства Бельгии в качестве министра юстиции. Позже неоднократно занимал посты министра иностранных дел, юстиции и т.д.

¹³⁰ Гендерсон Артур (1863—1935) — британский политический деятель, один из лидеров лейбористской партии. В 1911—1934 гг. секретарь партии. В 1915—1917 гг. был министром без портфеля, в 1924 г. министром внутренних дел. В 1929—1931 гг. министр иностранных дел. Был удостоен Нобелевской премии за активные выступления в защиту мира и за разоружение.

¹³¹ Шейдеман Филипп (1865—1939) — германский политический деятель, один из лидеров социал-демократической партии, член ее правления с 1911 г. Стоял на реформистских позициях. В ноябре 1918 — феврале 1919 г. один из председателей (вместе с Ф. Эбертом) Совета народных уполномоченных (правительства), в феврале—июне 1919 г. глава правительства.

¹³² Вайнберг Ю.С. — российский социал-демократ, меньшевик, член делегации ВЦИК в Стокгольме в 1917 г. Руководил в Стокгольме Информационным бюро Петроградского совета.

¹³³ Слово "правительства" вставлено Войтинским.

¹³⁴ Пешехонов Алексей Васильевич (1867—1933) — русский общественный деятель, публицист. В начале века был близок к эсерам, с 1904 г. член редакционного комитета журнала "Русское богатство", один из организаторов и лидеров партии народных социалистов. В мае—августе 1917 г. министр продовольствия Временного правительства. После Октябрьского переворота участвовал в антибольшевистских правительствах. В 1922 г. был выслан из России. Жил в Риге, Праге, Берлине. С 1927 г. был консультантом советского торгпредства в странах Прибалтики.

¹³⁵ Переверзев Павел Николаевич — российский политический деятель, член IV Государственной думы. Партийная принадлежность указана в различных источниках по-разному (трудовик, эсер, кадет). Министр юстиции Временного правительства. После Октябрьского переворота жил на нелегальном положении. В 1930 г. эмигрировал.

¹³⁶ Речь идет о создании второго Временного правительства (первого коалиционного), образованного в результате апрельского кризиса 1917 г. 6 (19) мая во главе с князем Г.Е. Львовым. В правительство вошли один октябрист, восемь кадетов и примыкавших к ним три эсера, два меньшевика.

¹³⁷ Всероссийская конференция РСДРП 7—12 (20—25) мая 1917 г., состоявшаяся в Петрограде, рассмотрела доклад Организационного комитета меньшевистской партии, вопросы о Временном правительстве и коалиционном министерстве, о войне, о восстановлении Интернационала и созыве международной социалистической конференции, об отношении к Советам, об объединении и подготовке партийного съезда, о выборах в Учредительное собрание, аграрный, рабочий и национальный вопросы. На конференции был избран Организационный комитет в составе 17 человек (Аксельрод, Гольдман, Хинчук, Исув, Дан, Богданов, Ежов, Батурский и др.). Среди участников преобладали революционные оборонцы. Конференция способствовала известной консолидации меньшевистской партии, хотя в ней сохранялись серьезные политические расхождения.

¹³⁸ Июньское наступление 1917 г. было предпринято Временным правительством на Юго-Западном фронте 18—30 июня (1—13 июля). 6—15 (19—28) июля австро-германские войска нанесли контрудар, приведший к поражению русской армии и являвшийся одной из причин июльского политического кризиса.

¹³⁹ Чудновский Григорий Исаакович (1890—1918) — участник российского революционного движения, меньшевик. В 1917 г. член группы межрайонцев, затем большевик. Принимал участие в подавлении вооруженного выступления Керенского-Краснова непосредственно после Октябрьского переворота. Погиб в бою во время гражданской войны.

¹⁴⁰ *A priori* (лат.) — заранее.

¹⁴¹ Большевики-интернационалисты — фракция меньшевистской партии, оформившаяся непосредственно после Февральской революции 1917 г. Выступала за подписание демократического мира, отстаивала право на автономию нерусских народов. В мае 1917 г. было образовано Центральное бюро меньшевиков-интернационалистов. Фракция пользовалась особым влиянием на Украине, в Туле, Минске и некоторых других городах. В Петрограде и Москве влияние интернационалистов было слабее, но также значительным. После создания в августе 1917 г. РСДРП (объединенной) интернационалисты фактически сохранили свою фракцию. В Третьей Циммервальдской конференции они участвовали отдельно от оборонцев. После Октябрьского переворота выступали за достижение компромисса с большевиками. Участвовали в переговорах о создании однородного социалистического правительства. Осудили сепаратный мир с Германией, считая, что он приведет к поражению русской революции. Лидером меньшевиков-интернационалистов был Л. Мартов.

¹⁴² Тихонов А.Н. (псевдоним Серебров А.) (1880—1956) — писатель. В 1915—1916 гг. издатель журнала "Летопись", а затем газеты "Новая жизнь".

¹⁴³ Вольский С. (псевдонимы Соколов А., Андрей и др.) (1880—?) — социал-демократ. В 1903—1907 гг. большевик, затем отзовист. Боролся против большевистской власти. Эмигрировал, затем возвратился в Россию. Работал в Госплане и Наркомторге СССР. По-видимому, был расстрелян во время "большого террора".

¹⁴⁴ Виноградов С. (псевдоним Деревенский) — меньшевик, публицист. Работал в Новгороде. Автор брошюры "О земле", выпущенной меньшевистской партией в 1917 г. Участник объединительного съезда в августе 1917 г. Комиссар Петроградского совета в Кронштадте.

¹⁴⁵ Рошаль Семен Григорьевич (1896—1917) — большевик с 1914 г. Один из руководителей большевистской организации в Кронштадте в 1917 г. Был убит на Румынском фронте вскоре после Октябрьского переворота.

¹⁴⁶ Иоанниты (госпитальеры) — члены духовно-рыцарского ордена, основанного в Палестине крестоносцами в начале XII в. В конце XIII в. ушли с Востока. В 1530 г. основали Мальтийский орден (на о. Мальта), существовавший до 1898 г. С 1834 г. резиденция иоаннитов в Риме. В царской России иоанниты являлись опорой политической реакции.

¹⁴⁷ Троцкий (Бронштейн) Лев Давыдович (1879—1940) — политический деятель, социал-демократ с конца 90-х годов XIX в. В 1905 г. был председателем Петербургского совета рабочих депутатов. Находясь затем в эмиграции и не примыкая ни к большевикам, ни к меньшевикам, издавал в Вене газету "Правда", пропагандировавшую восстановление единства социал-демократов. Возвратившись в Россию в мае 1917 г., примкнул вначале к социал-демократической группе "межрайонцев", а в июле 1917 г. стал большевиком и

тотчас же выдвинулся в число виднейших руководителей партии. Являясь осенью 1917 г. председателем Петроградского совета, руководил Октябрьским переворотом. После прихода большевиков к власти был вначале наркомом иностранных дел, а затем наркомом по военным и морским делам, председателем Революционного военного совета (до 1925 г.). Вместе с Лениным и другими руководителями партии нес главную политическую ответственность за большевистский террор. С 1923 г. выступал против Сталина, которого обвинял в насаждении бюрократизма и отказе от "ленинизма". В 1926 г. стал руководителем объединенной оппозиции в ВКП(б). Политическая непримиримость, нежелание идти на компромиссы, недооценка хитрости и расчетливости Сталина во многом способствовали поражению объединенной оппозиции. В ноябре 1927 г. Троцкий был исключен из партии, в январе 1928 г. сослан в Алма-Ату, в феврале 1929 г. выслан из СССР, в 1932 г. лишен советского гражданства. Находясь в эмиграции (Турция, Франция, Норвегия, Мексика), продолжал активно отстаивать свои взгляды, издавал журнал "Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)", был идейным вдохновителем создания IV Интернационала (сложился в середине 30-х годов и был официально провозглашен в 1938 г.), написал ряд публицистических и мемуарных книг. Был убит в августе 1940 г. агентом НКВД Р. Меркадером по прямому заданию Сталина. Талантливый публицист, эрудированный человек, фанатик революции, Троцкий был одним из виднейших среди большевистских деятелей, которые сознательно отдали свои силы и жизнь утверждению антинародного тоталитарного режима у себя на родине.

¹⁴⁸ Соколов Николай Дмитриевич (1870—1928) — адвокат, до 1917 г. большевик, затем нефракционный социалист, поддерживавший меньшевиков. Член Исполкома Петроградского совета. Член предпарламента. После Октябрьского переворота работал в советских учреждениях.

¹⁴⁹ Раскольников (Ильин) Федор Федорович (1892—1939) — большевик с 1910 г. В 1917 г. руководитель военного отдела Кронштадтского совета матросских депутатов. После Октябрьского переворота — комиссар Генерального штаба военно-морского флота, член Реввоенсовета РСФСР. В декабре 1918 г. попал в плен к англичанам, но был в мае 1919 г. обменян на британских офицеров, после чего занимал различные командные должности во время гражданской войны. После гражданской войны перешел на дипломатическую работу, был полномочным представителем РСФСР (СССР) в Афганистане, Эстонии, Дании, Болгарии. Одновременно писал пьесы. В 1938 г. отказался возвратиться из Софии в Москву, бежал во Францию, где выступил с разоблачениями Сталина в открытом письме, адресованном советскому диктатору. Умер при странных обстоятельствах. По всей видимости, был убит советскими агентами.

¹⁵⁰ Учредительное собрание было создано 5 (18) января 1918 г. в Таврическом дворце в Петрограде. Большинство Учредительного собрания, в котором преобладали эсеры, отказалось утвердить большевистские декреты и передать власть Советам. Собрание было разогнано вооруженной силой на рассвете 6 (19) января. В ночь на 7 (20) января ВЦИК принял декрет о его роспуске.

¹⁵¹ Лукомский Александр Сергеевич (1868—1939) — русский военный деятель, генерал-лейтенант. Помощник главнокомандующего, затем главнокомандующий Добровольческой армии (1918—1919), председатель правительства Юга России при генерале А.И. Деникине (1919—1920). В марте 1920 г. эмигрировал.

¹⁵² I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов проходил в Петрограде 3—24 июня (16 июня — 7 июля) 1917 г. За меньшевиками шли 248 делегатов, за эсерами 285. Большевистская фракция имела 102 места. Ленин, выступая на съезде, заявил о готовности большевиков взять власть в свои руки.

¹⁵³ Мартов Л. (Цедербаум Юлий Осипович) (1873—1923) — участвовал в социал-демократическом движении с 1895 г. С 1903 г. был одним из лидеров меньшевиков. В 1917—1918 гг. лидер меньшевиков-интернационалистов, добившихся в конце 1917 г. господствующего положения в РСДРП (объединенной). Член ЦК партии. В 1920 г. выехал в Германию на съезд Независимой социал-демократической рабочей партии, но в Россию не возвратился, став эмигрантом. В 1921 г. был основателем меньшевистского журнала "Социалистический вестник". Один из основателей центристского "Второго с половиной Интернационала".

¹⁵⁴ Луначарский Анатолий Васильевич (1875—1933) — советский государственный деятель. Социал-демократ с 1895 г. В 1917—1929 гг. нарком просвещения РСФСР. В 1933 г. был назначен полномочным представителем СССР в Испании, но к исполнению обязанностей не приступил в связи с состоянием здоровья. Был автором многочисленных работ по истории общественной мысли, а также догматических и крайне слабых в художественном отношении пьес.

¹⁵⁵ Фабрично-заводские комитеты (фабзавкомы) существовали на предприятиях России с марта 1917 г. до начала 1919 г. Осуществляли контроль над производством, вводили восьмичасовой рабочий день, участвовали в найме и увольнении рабочей силы и т.д. В первые месяцы 1919 г. большевистские власти, опасаясь влияния фабзавкомов, подчас выходявшего за пределы партийных директив, слили их с профсоюзами.

¹⁵⁶ Grimm Роберт (1881—1956) — один из лидеров Социал-демократической партии Швейцарии. Председатель партии в 1909—1919 гг. Был председателем Циммервальдской (1915) и Кинтальской (1916) конференций, руководил Циммервальдским объединением. Центрист. Участвовал в создании "Второго с половиной Интернационала". Весной 1917 г. посетил Россию и агитировал за выход из мировой войны путем заключения сепаратного мира с Германией. Во время пребывания Гримма в Петрограде было установлено, что он обменивался секретными письмами с швейцарским министром Гофманом по поводу германских условий заключения сепаратного мира с Россией. Grimm был выслан Временным правительством из России. Его действия были признаны Интернациональной социалистической комиссией (исполнительным органом Циммервальдского движения) несовместимыми с этим движением, и он был освобожден от обязанностей председателя Комиссии. Grimm являлся одним из организаторов "Второго с половиной Интернационала". В 1945—1946 гг. был председателем Национального Совета Швейцарии.

¹⁵⁷ Имеется в виду речь В.И. Ленина об отношении к Временному правительству 4 (17) июня 1917 г., опубликованная в "Правде" 15 (28) и 16 (29) июня.

¹⁵⁸ Вскоре после Февральской революции 1917 г. группа, называвшая себя анархо-коммунистами, захватила особняк (дачу) П.Н. Дурново, бывшего царского министра внутренних дел, в Выборгском районе Петрограда. Власти не признали этого захвата, но и не приняли мер, чтобы выдворить анархистов. 5 (18) июня группа захватила типографию правой газеты "Русская воля" и стала выпускать на ее базе свои листовки. 7 (20) июня П.Н. Переверзев, министр юстиции Временного правительства, передал анархистам ультиматум с требованием в течение суток покинуть дачу Дурново. Рабочие нескольких предприятий Выборгского района и моряки Кронштадта поддержали анархистов. 9 (22) июня последние сформировали "Временный революционный комитет", который существовал до начала июля. Во время событий 3—5 (16—18) июля анархисты были разогнаны, часть их арестована.

¹⁵⁹ Богданов Борис Осипович (псевдоним Б. Оленич) (1884—1960) — деятель меньшевистской партии. Во время первой мировой войны был одним из руководителей рабочей группы при Центральном военно-промышленном комитете. В мае—августе 1917 г. член Организационного комитета партии. В августе был избран кандидатом в члены ЦК РСДРП (объединенной) на объединительном съезде меньшевиков. Стоял на позициях революционного оборончества. Был членом Исполкома Петроградского совета. К Октябрьскому перевороту отнесся отрицательно. В 1918 г. был одним из инициаторов антибольшевистского движения на промышленных предприятиях Петрограда. Начиная с 1918 г. подвергался многочисленным арестам. Был освобожден из концлагеря после XX съезда КПСС.

¹⁶⁰ Бакунисты — сторонники М.А. Бакунина (см. примеч. 70).

¹⁶¹ Бланкисты — сторонники французского социалиста Бланки Луи Огюста (1805—1881). Бланки был участником революций 1830 и 1848—1849 гг. В 30-е годы руководил тайными революционными обществами. Придерживался сектантской тактики, успех революции связывал с заговором тайной организации революционеров, которых, по его мнению, в решающий момент поддержали бы народные массы. Меньшевики часто упрекали большевиков в том, что они следуют тактике бланкистов.

¹⁶² Эрлих Генрих Моисеевич (1882— ?) — меньшевик. Был кооптирован в состав ЦК РСДРП (объединенной) после объединительного съезда в августе 1917 г.

¹⁶³ Русанов (Кудрин) Н.С. — меньшевик. Член ВЦИК, член Заграничного представительства РСДРП (объединенной). После Октябрьского переворота 1917 г. эмигрировал.

¹⁶⁴ Смирнов А.Н. — петроградский рабочий-металлист, меньшевик, революционный оборонец, кандидат в члены ЦК РСДРП (объединенной) с августа 1917 г.

¹⁶⁵ О фронтовике Смирнове сведений обнаружить не удалось.

¹⁶⁶ "Кресты" — тюрьма в Петрограде, построенная в 1892 г. в форме креста с центральной башней, которая позволяла контролировать четыре корпуса. К 1917 г. в "Крестах" содержались в основном политические заключенные.

¹⁶⁷ Названная статья в Собрания сочинений В.И. Ленина не включена. Авторство остается под сомнением.

¹⁶⁸ Виленкин А.А. — трудовик, председатель комитета V армии, член ВЦИК.

¹⁶⁹ Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК) был избран I Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов 17 (30) июня 1917 г. (съезд проходил 3 (16) июня — 24 июня (6 июля) в составе 256 членов и 64 кандидатов. Партийный состав ВЦИК был следующим: меньшевики — 107 членов и 16 кандидатов, эсеры — 101 и 18, большевики — 35 и 21, трудовики и народные социалисты — 4 и 2, 1 место имела Еврейская социалистическая партия.

¹⁷⁰ Речь идет об Исполнительном Комитете, избранном на I Всероссийском съезде крестьянских депутатов, проходившем в Петрограде 4—28 мая (17 мая — 10 июня) 1917 г. В Исполком входили 125 эсеров, 5 трудовиков и народных социалистов. Большинство имели правые эсеры. Исполком поддерживал Временное правительство, считая его правительством спасения революции.

¹⁷¹ Речь идет о сторонниках лидера эсеров Н.Д. Авксентьева (см. примеч. 92), имевших, как только что было отмечено, большинство в Исполнительном Комитете, избранном I Всероссийским съездом крестьянских депутатов.

¹⁷² Речь идет о приказе военного министра А.Ф. Керенского, предписавшего возвратить в армию солдат 1877 г. рождения (т.е. 40-летних и старше), прекратить предоставлять им отпуска из действующей армии для участия в полевых работах. Приказ был издан в июне 1917 г.

¹⁷³ Женские добровольческие батальоны (их часто называли "батальонами смерти") были сформированы после Февральской революции. Их участницы отличались фанатизмом и готовностью к самопожертвованию. Женский ударный батальон участвовал в охране Зимнего дворца, когда он был резиденцией Временного правительства. Сразу же после Октябрьского переворота женские батальоны были разогнаны.

¹⁷⁴ Образовавшаяся в марте 1917 г. Центральная Рада (Совет) Украины (в ее состав вошли представители Украинской партии социалистов-революционеров, Украинской социал-демократической партии, Украинской партии социальной революции, а также представители общественных организаций) работала под председательством видного историка М.С. Грушевского. В июне Рада потребовала признания автономии Украины, включая выделение украинских солдат и офицеров в особые воинские части. 10 (23) июня был издан Универсал (Декларация) Рады о намерении создать автономную Украину. 27 июня (10 июля) в Киев прибыли представители Временного правительства Керенский, Терещенко и Церетели, которые подписали соглашение с Радой об автономии Украины, создании национальных воинских частей, включении в состав Рады представителей неукраинских национальностей и т.д. Соглашение было одной из причин отставки из правительства кадетов, протестовавших против него, и в целом июльского политического кризиса.

¹⁷⁵ Товарищами министров назывались их заместители.

¹⁷⁶ Прапорщик 16-го Сибирского стрелкового полка Ермоленко Д.С. (1874— ?) был военнопленным в Германии. В апреле 1917 г. он перешел линию фронта, явился в расположение русского командования и дал показания, что был завербован немцами с целью вести агитацию в пользу мира с Германией и всеми силами подрывать доверие к Временному правительству. Он сообщил, что аналогичную агитацию поручено вести Ленину и другим большевикам, что эта деятельность финансируется германским генеральным штабом, и назвал каналы получения денег. В печати появились разоблачительные статьи Г.А. Алексинского, В.М. Бурцева и других авторов. Сенсационное сообщение "Ленин, Ганецкий и К° — немецкие шпионы" опубликовала бульварная газета "Живое слово". Печатались документы, свидетельствующие о финансировании большевиков германскими правящими кругами. 4 июля 1917 г. министр юстиции П.Н. Переверзев начал расследование. Правительство издало распоряжение об аресте большевистских лидеров. Некоторые из них (а также Троцкий, который формально еще не был большевиком) действительно были арестованы. Ленин и Зиновьев ушли в подполье, где находились вплоть до Октябрьского переворота.

¹⁷⁷ Некрасов Николай Виссарионович (1879—1940) — один из лидеров кадетов, инженер-технолог, профессор. Депутат III и IV Государственной думы. Один из руководителей Союза земств и городов (Земгора). В 1917 г. министр путей сообщения Временного правительства. После Октябрьского переворота признал большевистскую власть, отошел от политической деятельности. С 1921 г. работал в Центросоюзе. В 1931 г. был арестован, в 1933 г. освобожден. Вновь был арестован во время "большого террора" и расстрелян без суда.

¹⁷⁸ Искосол — Исполнительный комитет Совета солдатских депутатов.

¹⁷⁹ Об арестах большевиков в начале июля 1917 г. и бегстве Ленина см. примеч. 176.

¹⁰⁰ Преобразование правительства после событий 3—4 (16—17) июля 1917 г. было связано с тем, что 2—7 (15—20) июля в связи с неудачей наступления на фронте, разногласиями по вопросу о взаимоотношениях с украинской Центральной Радой и, главное, бурными событиями в Петрограде 3—4 июля часть министров Временного правительства (кадеты) подала в отставку. 24 июля (6 августа) было образовано третье (второе коалиционное) Временное правительство во главе с А. Ф. Керенским, в состав которого вошли семь кадетов и примыкавших к ним пять эсеров и народных социалистов, три меньшевика.

¹⁰¹ 18 июня 1917 г. по приказу военного министра Керенского русские войска Юго-Западного фронта перешли в наступление. Вначале оно развивалось успешно. 28 июня (11 июля) был взят г. Галич и началось продвижение к Калушу. 6 (19) июля немецкие войска перешли в контрнаступление, прорвали фронт русской армии в районе Тарнополя (ныне Тернополь). Немецкое наступление продолжалось около двух недель и постепенно затихло.

¹⁰² После длительных дискуссий Временное правительство в начале июля 1917 г. приняло решение о восстановлении смертной казни по приговору военно-полевых судов в отношении военнослужащих на фронте, совершивших тяжкие преступления. Это решение вызвало широкое общественное недовольство, тем более что смертная казнь была отменена сразу же после Февральской революции.

¹⁰³ Савинков Борис Викторович (псевдоним В. Ропшин) (1879—1925) — русский политический деятель и писатель. С 1903 г. эсер, один из руководителей Боевой организации эсеров, организатор многих террористических актов. Товарищ (заместитель) и исполняющий обязанности военного министра во Временном правительстве. Был представителем правительства в штабе Верховного главнокомандующего Корнилова и способствовал выступлению Корнилова в августе 1917 г. за создание сильной государственной власти. После Октябрьского переворота активный участник антибольшевистских выступлений. Руководитель антибольшевистского вооруженного выступления в Ярославле летом 1918 г. В следующие годы эмигрант. Автор ряда стихотворений, повестей и романов. В 1924 г. стал жертвой провокации ОГПУ, заманившего его на советскую территорию. Был арестован. На суде заявил о признании большевистской власти. Был приговорен к тюремному заключению. Покончил жизнь самоубийством (официальная версия) или был убит по приказу властей (версия В. Шаламова).

¹⁰⁴ Гобечня — летом 1917 г. исполняющий обязанности комиссара Временного правительства на Юго-Западном фронте.

¹⁰⁵ Филоненко М. М. — штабс-капитан, правый эсер, верховный комиссар Временного правительства при Ставке Верховного главнокомандующего в августе 1917 г. Способствовал выступлению генерала Корнилова за установление сильной государственной власти в России. Во время продвижения войск Корнилова к Петрограду прибыл в город якобы для отражения, а на деле для содействия им. Был отстранен от должности.

¹⁰⁶ В качестве командующего Юго-Западным фронтом, а затем Верховного главнокомандующего Л. Г. Корнилов выступал с требованием наведения в России жесткого государственного порядка, который обеспечил бы успешное ведение военных действий. На следующий день после назначения командующим фронтом потребовал введения смертной казни и создания военно-полевых судов на театре военных действий. После назначения Верховным главнокомандующим разработал программу стабилизации положения в стране, в основу которой была положена идея создания армии в окопах, армии в тылу и армии железнодорожников. С требованиями такого рода Корнилов выступил на Государственном совещании в Москве в августе 1917 г. Прибытие Корнилова в Москву было восторженно

встречено правыми кругами. С его речи на Государственном совещании началась подготовка к вооруженному выступлению против Временного правительства, которое обвинялось в "бесхребетности".

¹⁸⁷ Клембовский Владислав Наполеонович (1860—1921) — генерал от инфантерии (1915). Во время первой мировой войны был командиром корпуса, начальником штаба Юго-Западного фронта, заместителем начальника штаба Верховного главнокомандующего. В 1917 г. командовал Северным фронтом. После Октябрьского переворота перешел на сторону большевистской власти. Занимался историей первой мировой войны. Был обвинен в измене и расстрелян.

¹⁸⁸ Данилов Николай Александрович (1867— ?) — генерал от инфантерии с начала первой мировой войны. Был командиром корпуса, командующим 2-й армией. После Октябрьского переворота 1917 г. перешел в Красную армию, был военным советником советской делегации на мирных переговорах с Германией в Брест-Литовске. Преподавал в Академии Генерального штаба. В 1928—1931 гг. был начальником Военно-технической академии Красной армии. Автор ряда работ по теории и истории войн. Обстоятельства смерти неизвестны. Видимо, был арестован и расстрелян во время "большого террора".

¹⁸⁹ Парский Дмитрий Павлович (1866—1921) — генерал-лейтенант. Во время первой мировой войны руководил армией. В феврале 1918 г. присоединился к Красной армии, командовал обороной Ямбурга и Нарвы во время германского наступления в феврале 1918 г. Затем командовал Северным фронтом.

¹⁹⁰ Речь идет о генерале, известном в русской армии по фамилии и имени Димитриев Радко (правильные фамилия и имя Русков Радко Димитров) (1859—1918). Р. Димитриев был болгарским военным деятелем, генералом. Участвовал в национально-освободительном движении болгарского народа против турецкого владычества и в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. Окончил российскую военную академию, после чего возвратился в Болгарию, участвовал в Первой Балканской войне 1912—1913 гг. Командуя войсками, добился нескольких крупных побед. В 1913—1914 гг. был полномочным министром Болгарии в России. Затем поступил на службу в российскую армию. Во время первой мировой войны командовал 3-й и 12-й армиями. После Октябрьского переворота недолгое время находился на советской военной службе. Был задержан в качестве заложника в штабе Кавказской Красной армии во время наступления Добровольческой армии Деникина на Кубани и расстрелян.

¹⁹¹ Дюбуа Анатолий Эдуардович (1881—1958) — в 1903—1906 гг. большевик, затем меньшевик. Работал в Петрограде, Ревеле в Риге. Во время первой мировой войны находился на фронте под Ригой, был комиссаром 12-й армии. Участник объединительного съезда РСДРП в августе 1917 г. Стоял на оборонческих позициях. После Октябрьского переворота подвергался арестам. В 1922 г. эмигрировал в Германию.

¹⁹² Балтийский А.А. — генерал русской армии, с февраля 1918 г. служил в Красной армии.

¹⁹³ Болдырев Василий Георгиевич (1875—1936) — генерал-лейтенант русской армии, участник борьбы против большевистской власти во время гражданской войны. Командовал войсками украинской Директории в 1918 г. С 1926 г. служил в советских учреждениях.

¹⁹⁴ Кучин (псевдоним Оранский) Георгий Дмитриевич (1896— ?) — меньшевик, в 1917 г. фронтовик, оборонец, представитель воинских организаций на объединительном съезде РСДРП в августе 1917 г. и других съездах и совещаниях меньшевиков. После Октябрьского переворота участвовал в выступлениях против

большевистской власти. Подвергался арестам. В 1935 г. был приговорен к пяти годам ссылки. Видимо, был расстрелян во время "большого террора".

¹⁹⁵ Хараш Я.А. — правый меньшевик. Осенью 1917 г. комиссар Временного правительства в армиях Северного фронта. Выступал за направление частей петроградского гарнизона на фронт. На II Всероссийском съезде Советов выступил с резкой критикой большевистского переворота. Был инициатором ухода меньшевиков со съезда.

¹⁹⁶ Трудовая народно-социалистическая партия существовала в 1906—1918 гг. Выделилась из правого крыла партии эсеров. Программа включала создание демократической республики, отчуждение помещичьих земель за выкуп, сохранение крупного крестьянского землевладения. Лидерами были Н.Ф. Анненский, В.А. Мяхотин, А.В. Пешехонов. В июне 1917 г. партия объединилась с трудовиками. Была запрещена большевистскими властями.

¹⁹⁷ Латышские стрелковые части (части латышских стрелков) были созданы в 1915 г. В 1916 г. были развернуты в Латышскую стрелковую дивизию. В 1917 г. в среде латышских стрелков велась острая политическая борьба, средоточием которой был Исполнительный комитет латышских стрелков (Исколастрел), в котором возобладали большевики.

¹⁹⁸ Вацетис Иоаким Иоакимович (1873—1938) — советский военный деятель, командарм 2 ранга (1936). Во время гражданской войны командовал латышским полком, затем латышской стрелковой дивизией. В 1918—1919 гг. Главнокомандующий Вооруженными силами республики. Автор трудов по стратегии и военной истории. Арестован во время "большого террора", расстрелян без суда.

¹⁹⁹ Государственное совещание 12—15 (25—28) августа 1917 г. было создано Временным правительством. Присутствовало около 2500 человек — 488 депутатов Государственной думы всех созывов, 313 представителей кооперативов, 150 — торгово-промышленных кругов, 176 — от профсоюзов, 147 — от городских дум, 158 — от земств, 117 — от армии и флота, 129 — от Исполкома Всероссийского съезда крестьянских депутатов, 100 — от ВЦИК и т.д. Председательствовал А.Ф. Керенский. Были заслушаны доклады министров внутренних дел, продовольствия, финансов. Резолюции на совещании не принимались.

²⁰⁰ В мае—июне 1917 г. под руководством А.Ф. Керенского состоялось несколько совещаний, рассматривавших вопросы укрепления военного министерства и подготовки наступления русской армии.

²⁰¹ Каледин Александр Михайлович (1861—1918) — генерал от кавалерии. С 1917 г. атаман Донского казачьего войска. В октябре 1917 — феврале 1918 г. возглавил восстание в Донской области против большевистской власти, жестоко подавленное вооруженными отрядами, верными большевикам. Покончил жизнь самоубийством.

²⁰² Цезарь Гай Юлий (102 или 100 — 44 до н.э.) — римский диктатор в 49, 48—46, 45 гг., с 44 г. пожизненно. Видный полководец. Сосредоточив в своих руках ряд республиканских должностей (диктатора, консула и др.), стал фактическим монархом. Был убит в результате заговора республиканцев. Цезарь был автором "Записок о галльской войне" и "Записок о гражданских войнах". Провел реформу календаря — ввел Юлианский календарь.

²⁰³ Наполеон I (Наполеон Бонапарт) (1769—1821) — французский император в 1804—1814 г. и в марте—июне 1815 г. Участник революции 1789—1799 гг. в качестве офицера, а затем генерала республиканской армии. В ноябре 1799 г. совершил государственный переворот (18 брюмера по революционному

календарю), в результате которого сосредоточил в своих руках государственную власть в качестве первого консула. Переворот означал окончание революции. В 1804 г. Бонапарт провозгласил себя императором. Вел ряд успешных войн. В результате поражения в России в 1812 г. начался распад империи Наполеона. После вступления армий антифранцузской коалиции в Париж весной 1814 г. Наполеон отрекся от престола и был сослан на о. Эльба в Средиземном море. В марте 1815 г. вновь захватил власть во Франции ("100 дней"), но после поражения при Ватерлоо в июне того же года опять отрекся от престола и был сослан на о. Св. Елены в Атлантическом океане, где провел последние годы жизни.

²⁰⁴ Скалон — генерал русской армии, командовавший соединением на Северном фронте во время первой мировой войны. За неисполнение приказа во время военных действий под Ригой в августе 1917 г. был арестован и предан военному суду.

²⁰⁵ Смольный институт благородных девиц — учебное заведение закрытого типа для детей дворян. Здание Смольного было построено в 1806—1808 гг. архитектором Дж. Кваренги. С августа 1917 г. в здании находились ВЦИК и Петроградский совет. После Октябрьского переворота (до марта 1918 г.) резиденция Совнаркома РСФСР, затем партийных органов Петрограда (Ленинграда).

²⁰⁶ Багратуни Я.Г. — полковник русской армии, в 1917 г. служил в штабе Петроградского военного округа, один из организаторов защиты Петрограда от наступления войск генерала Корнилова в августе 1917 г.

²⁰⁷ "Астория" — фешенебельная гостиница в Петрограде.

²⁰⁸ Крымов Александр Михайлович (1871—1917) — генерал-лейтенант (1919). Во время выступления Корнилова командовал конным корпусом, двигавшимся на Петроград. После неудачи похода застрелился.

²⁰⁹ Дутов Александр Ильич (1879—1921) — генерал-лейтенант (1919). В ноябре 1917 г. возглавил восстание казаков против большевиков в Оренбурге (Южный Урал). Командовал Оренбургской армией в вооруженных силах Колчака. После разгрома Колчака бежал в Китай, где был убит.

²¹⁰ 26 августа 1917 г. бывший обер-прокурор Святейшего Синода В.Н. Львов явился к Керенскому и заявил, что по поручению генерала Корнилова он требует передачи всей власти последнему для формирования нового правительства. Керенскому был предложен пост министра юстиции. Львов предложил Керенскому выехать в Ставку для окончательных переговоров. Керенский позвонил Корнилову, который отрицал, что Львов был его представителем. Вслед за этим на Петроград были двинуты войска Корнилова. Львов был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Выступление Корнилова, заявившего, что он берет власть в свои руки, было подавлено. В манифесте Корнилова "К русскому народу" говорилось: "Не я послал Львова к Керенскому, а, наоборот, Керенский первый послал Львова ко мне и провокационно вынудил меня на выступление".

²¹¹ Нахамкис — настоящая фамилия Стеклова (см. примеч. 40).

²¹² Завойко Василий Степанович — политический советник Л.Г. Корнилова, родственник банкира А.И. Путилова, помещик и предприниматель. Исполнял функции связного Корнилова с представителями крупного капитала во время выступления Корнилова за установление в России сильной государственной власти. Значительная роль Завойко во время этого выступления была подтверждена Специальной комиссией по расследованию корниловского выступления, созданной Временным правительством. Завойко был арестован. Дальнейшая судьба неизвестна.

²¹³ Верховский Александр Иванович (1886—1938) — генерал-майор. В августе—октябре 1917 г. военный министр Временного правительства. С 1919 г. служил в Красной армии. С 1921 г. находился на преподавательской работе. Автор ряда трудов по военной истории. В 1931 г. Верховскому было присвоено звание комбрига. Арестован во время "большого террора", расстрелян без суда.

²¹⁴ Вердеревский Дмитрий Николаевич (1873—1946) — военный деятель, моряк. В 1917 г. командующий Балтийским флотом, а затем военно-морской министр Временного правительства, адмирал. После Октябрьского переворота 1917 г. краткое время был на службе большевистского руководства. В 1918 г. эмигрировал. Жил в Париже. Во время второй мировой войны участвовал во французском движении Сопротивления.

²¹⁵ Сазонов Сергей Дмитриевич (1860—1927) — российский государственный деятель, министр иностранных дел (1910—1916) в России. В 1918—1919 гг. был членом правительств А.И. Деникина и А.В. Колчака. Затем эмигрировал.

²¹⁶ Всероссийское Демократическое совещание было созвано ВЦИК для решения вопроса о власти. Проходило 14—22 сентября (27 сентября — 5 октября) 1917 г. в Петрограде. Присутствовало свыше 1500 делегатов. Совещание приняло решение о создании Временного Совета Российской республики (предпарламента).

²¹⁷ Потресов (псевдоним Старовер) Александр Николаевич (1869—1934) — социал-демократ. В 1896 г. был членом Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса. С 1900 г. член редакции газеты "Искра". С 1903 г. один из лидеров меньшевиков. Возглавлял правое крыло меньшевистской партии. После Октябрьского переворота 1917 г. занял резко враждебную позицию в отношении власти большевиков. В 1918 г. вышел из меньшевистской партии в связи с политическими разногласиями. В 1925 г. по состоянию здоровья получил разрешение на выезд во Францию. Издавал журнал "Записки социал-демократа". В 1927 г. выпустил книгу "В плену у иллюзий. (Мой спор с официальным меньшевизмом)".

²¹⁸ Партия левых социалистов-революционеров (левых эсеров) образовалась в результате раскола партии эсеров в 1917 г. и окончательно оформилась непосредственно после Октябрьского переворота. Издавала газету "Земля и воля". Левые эсеры вошли в коалицию с большевиками. Представители партии вступили в правительство В.И. Ленина и другие органы большевистской власти, заняв второстепенные посты. Лидерами партии были М.А. Спиридонова, Б.Д. Камков, М.А. Натансон, П.П. Прошьян. Левые эсеры выступили против Брестского мира с Германией. В начале июля 1918 г. в результате провокаций властей и убийства 6 июля германского посла Мирбаха партия левых эсеров была обвинена в организации мятежа, которого на самом деле не было. Это послужило поводом для ареста лидеров и фактического запрещения партии, установления не только фактического, но и формального большевистского единовластия. Разрозненные группы бывших левых эсеров в 1918 и 1920 гг. присоединились к большевистской партии.

²¹⁹ Александринский театр в Петербурге был основан в 1756 г. Получил название в 1832 г. в честь императора Александра I. В 1920 г. был переименован в Петроградский (с 1924 г. Ленинградский) академический театр драмы.

²²⁰ Предпарламент (Временный Совет Российской республики) был образован на Всероссийском Демократическом совещании в начале октября 1917 г. Это был первый и единственный в то время шаг к созданию в России парламентского строя. В день открытия предпарламента Троцкий от имени большевиков огласил декларацию о несовместимости этого органа с интересами развития революции. Большевики покинули предпарламент.

²²¹ Черемисов В.А. — российский генерал, с сентября 1917 г. командующий Северным фронтом. Отказался участвовать в выступлении Корнилова и в то же время фактически саботировал приказы Керенского о подавлении выступлений большевиков. Пытался направить на фронт войска Петроградского гарнизона.

²²² Варфоломеевская ночь — массовая резня гугенотов католиками в ночь на 24 августа 1572 г. (день Св. Варфоломея) в Париже. Резня была организована французской королевой Екатериной Медичи и Генрихом Гизом — главой Католической лиги.

²²³ Военно-революционный комитет (военревком) Петроградского совета был создан 12 (25) октября 1917 г. формально для организации обороны города в случае приближения германских войск, фактически для проведения большевистского переворота. Военревкомом непосредственно руководил председатель Петроградского совета Л.Д. Троцкий. Был ликвидирован 5 (18) декабря 1917 г.

²²⁴ Конференция Советов Петроградской губернии в Кронштадте состоялась в середине октября 1917 г. Проходила под большевистскими лозунгами. Конференция приняла резолюцию о текущем моменте, в которой потребовала передачи всей власти в руки Советов.

²²⁵ Областной съезд Советов Северной области состоялся в ходе подготовки ко II Всероссийскому съезду Советов в Петрограде 10—13 (23—26) октября 1917 г. Рассматривались доклады с мест, текущий момент, земельный вопрос, военно-политическое положение, о Всероссийском съезде Советов, об Учредительном собрании, организационные вопросы. В избранный Северный областной комитет вошли 11 большевиков и 6 левых эсеров.

²²⁶ Пронунциаменто (пронунсиомьенто) (исп.) — название государственного переворота в Испании и странах Латинской Америки.

²²⁷ Петропавловская крепость расположена напротив Зимнего дворца на другом берегу Невы. Заложена Петром I в 1703 г., затем достраивалась (архитекторы Д. Трезини, Н.А. Львов). В крепости содержались политические и другие "государственные" заключенные. Имела арсенал и являлась важным стратегическим пунктом Петрограда. Ныне исторический музей.

²²⁸ Полковников Георгий Петрович (1863—1918) — полковник русской армии. В 1917 г. командовал войсками Петроградского военного округа. Один из руководителей юнкерского сопротивления большевикам в октябре 1917 г. Бежал на Дон. Был схвачен сторонниками большевиков и расстрелян.

²²⁹ Во время первой мировой войны были сформированы небольшие воинские части (как правило, батальоны), передвигавшиеся на мотоциклах и велосипедах. Они получили название самокатчиков. Непосредственно в военных действиях участия не принимали. В запасных самокатных ротах, размещенных в Петрограде в 1917 г., было значительное влияние большевиков.

²³⁰ Зимний дворец — памятник архитектуры русского барокко в Петербурге. Построен в 1754—1762 гг. В. Растрелли. Являлся резиденцией императоров. В июне—октябре 1917 г. резиденция Временного правительства. С 1918 г. часть, а с 1922 г. все здание передано Эрмитажу и превращено в музей.

²³¹ Коновалов Александр Иванович (1875—1948) — русский текстильный фабрикант и политический деятель. Лидер Партии прогрессистов и Прогрессивного блока (объединение прогрессистов, октябристов, кадетов и других групп) в IV Государственной думе, образованного в 1915 г. под лозунгом проведения либеральных реформ. Коновалов был министром торговли и промышленности Временного правительства. После Октябрьского переворота

1917 г. участвовал в борьбе против большевистской власти, а затем эмигрировал во Францию. Выступал за продолжение борьбы против большевиков. В 1924—1940 гг. был председателем правления редакции газеты "Последние новости", издававшейся Милоковым. С 1940 г. жил в США.

²³² Духонин Николай Николаевич (1876—1917) — российский военный деятель, генерал-лейтенант (1917). После Октябрьского переворота 1917 г. был назначен главнокомандующим, но отказался выполнить приказ Ленина о переговорах о перемирии с Германией. 9 (22) ноября 1917 г. был отстранен от должности (главнокомандующим был назначен прапорщик большевик Н. Крыленко). После занятия Ставки в Могилеве частями, распропагандированными большевиками, Духонин был убит солдатами.

²³³ Толстой Павел Михайлович — журналист, кадет. Был помощником начальника политического управления Временного правительства.

²³⁴ Барановский Владимир Львович — полковник русской армии в 1917 г. Брат жены А.Ф. Керенского. Был руководителем личного секретариата Керенского в качестве военного министра, а затем министра-председателя Временного правительства. Осенью 1917 г. генерал-квартирмейстер штаба Северного фронта.

²³⁵ Юзист — телеграфист, работавший на так называемом аппарате Юза (буквенный телеграфный аппарат, созданный изобретателем Д.Э. Юзом в 1855 г.)

²³⁶ II Всероссийский съезд Советов состоялся 25—27 октября (7—9 ноября) 1917 г. в Петрограде. Принимали участие 670 делегатов. При открытии съезда в нем участвовали 50 меньшевиков-оборонцев, 33 меньшевика-интернационалиста (включая членов группы "Новая жизнь", которые организационно в РСДРП (объединенную) не входили), около 200 эсеров (две трети левые эсеры), свыше 300 большевиков. На рассвете 26 октября съезд объявил о низложении Временного правительства и переходе власти в руки Советов. Перед этим почти все меньшевики и эсеры покинули зал заседаний, и декларация была принята при 2 голосах против и 12 воздержавшихся. Столь же беспрепятственно были вслед за этим утверждены декреты о мире и земле и образовано правительство во главе с В.И. Лениным. Съезд избрал новый состав ВЦИК (101 член, в том числе 62 большевика, 28 левых эсеров, 6 социалистов-интернационалистов, 3 украинских социал-демократа, 1 эсер-максималист).

²³⁷ Дыбенко Павел Ефимович (1889—1938) — советский военный деятель, большевик с 1912 г. Матрос Балтийского флота. В 1917 г. председатель Центрального комитета Балтийского флота (Центробалта) — выборного органа флотских комитетов. В 1918 г. нарком по морским делам. Во время гражданской войны командовал группами войск. Позже был командующим войсками военных округов. Командар второго ранга (1935). Арестован во время "большого террора" и расстрелян без суда.

²³⁸ Муравьев Михаил Артемьевич (1880—1918) — левый эсер, участник Октябрьского переворота 1917 г. в Петрограде и гражданской войны. Начальник обороны Петрограда во время выступления Керенского и Краснова против большевистского государственного переворота. Командующий войсками на юге Украины, а затем на Восточном фронте в 1918 г. В июле 1918 г. поднял мятеж в Симбирске, подавленный Красной армией. Убит при попытке ареста.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамович В. - 275
Авилов Б.В. - 45, 103, 122, 123, 289
Авксентьев Н.Д. - 76, 219, 285, 295, 304
Аксельрод П.Б. - 12, 17, 300
Александр I - 310
Александр III - 51, 287
Александра Федоровна - 282
Алексеев М.В. - 94, 297
Алексинский Г.А. - 293, 305
Анисимов В.А. - 76, 77, 295
Анненский Н.Ф. - 308
Бааде Ф. - 12
Багратион - 228
Багратуни Я.Г. - 221-223, 309
Базаров В.А. - 45, 122, 123, 289
Бакунин М.А. - 69, 127, 129, 288, 293, 304
Балтийский А.А. - 277, 307.
Бантыш - 283
Барановский В.Л. - 261, 276, 277, 280, 312
Батурский Б.С. - 300
Бем-Баверк Э. - 5
Берлин П.А. - 12
Бетман-Гольвег Т. - 99, 298
Бланки Л.О. - 304
Бобровский - 34
Богданов Б.О. - 147, 219, 220, 300, 304
Болдырев В.Г. - 194, 195, 207, 208, 210, 211-215, 277, 307
Бонч-Бруевич В.Д. - 103, 104, 299
Брантинг К.Я. - 299
Брудерер - 39
Брусиллов А.А. - 99, 298
Бубликов А.А. - 23, 24, 284
Бурцев В.М. - 305
Вайнберг Ю.С. - 111, 300
Вайнштейн С.Л. - 7, 35, 39, 76, 77, 295
Вандервельде Э. - 11, 109, 110, 299, 300
Вацетис И.И. - 200, 308
Вердеревский Д.Н. - 236, 310
Верхарн Э. - 96, 298
Верховский А.И. - 236, 241, 251, 252, 310
Виленкин А.А. - 155, 156, 178, 179, 182, 197, 198, 244, 304
Вильгельм П. - 37, 101, 105, 106, 147, 148, 287
Вильсон Т.В. - 80, 296
Виноградов С. - 127, 301
Виш - 202
Вишняк - 272
Войтинская Н.С. - 4
Войтинский В.С. - 3—17, 273, 274, 276-281, 292, 300
Войтинский И.С. - 4
Войтинский Н.С. - 4
Вольский С. - 122, 123, 301
Воронович - 225, 226
Галили З. - 283
Ганецкий Я.С. - 305
Гвоздев К.А. - 282
Гендерсон А. - 109, 110, 300
Гессен И.В. - 34, 49, 286, 294
Гиз Г. - 311
Гинденбург П. - 298
Гитлер А. - 298
Гобечиа - 184, 306
Гольденберг И.П. - 66, 69, 103, 122, 123, 151, 299
Гольдман Л. - 39, 300
Гопкинс Д. - 14
Горький М. - 10, 44, 45, 122, 123, 289

- Гофман - 303
 Гоффман М. - 290
 Гоц А.Р. - 23, 35, 39, 76, 77, 103, 220, 221, 283, 285
 Гржебин З.И. - 3, 17, 53
 Гримм Р. - 144, 145, 303
 Грушевский М.С. - 305
 Губин - 226
 Гуль Р. - 275
 Гучков А.И. - 89, 92, 93, 99, 100, 112-114, 297
 Гюисманс К. - 299
 Дан Ф.И. - 7, 76, 77, 87, 101, 103, 150, 174, 294, 300
 Данилов Н.А. - 179, 189, 195, 197, 307
 Дейч Л.Г. - 293
 Демосфен - 290
 Деникин А.И. - 223, 227, 229, 302, 307, 310
 Димитриев Р. - 307
 Дмитрий Павлович - 282
 Дорфман - 207, 208
 Дункан Д. - 299
 Дурново П.Н. - 145, 146, 152, 157, 162, 186, 303
 Дутов А.И. - 227, 309
 Духонин Н.Н. - 259, 312
 Дыбенко П.Е. - 267-270, 281, 312
 Дюбуа А.Э. - 190, 191, 196
 Ежов В. - 300
 Екатерина Медичи - 311
 Ермолаев К.М. - 76, 295
 Ермоленко Д.С. - 176, 305
 Жилин - 168
 Завойко В.С. - 233, 309
 Засулич В.И. - 293
 Зиновьев Г.Е. - 67, 107, 143, 291-293, 305
 Иоффе Г.З. - 4, 272
 Исув И.А. - 300
 Каледин А.М. - 205, 308
 Каменев Л.Б. - 60, 84, 169, 291, 292, 299
 Камков Б.Д. - 310
 Кашен М. - 109, 299
 Каутский К. - 12
 Кваренги Д. - 309
 Керенский А.Ф. - 9, 28, 36, 92-94, 113, 114, 118, 120, 135-138, 145, 147, 149, 153, 154, 163, 164, 167, 172, 178, 183, 187, 202, 204, 205, 215, 219, 220, 223, 227, 229-231, 233-235, 237, 241, 246, 253, 254, 258, 260-263, 266-270, 275-277, 279-282, 284, 285, 297, 301, 305, 306, 308, 309, 312
 Киров С.М. - 291, 293
 Клемансо Ж. - 80, 296
 Клембовский В.Н. - 188, 189, 191, 232, 244, 277, 307
 Князев Л.М. - 22, 283
 Козлов П.К. - 22, 283
 Колосов Е. - 198
 Колчак А.В. - 295, 309, 310
 Кольшко - 89
 Кондратьев - 263
 Коновалов А.И. - 259, 311
 Корнилов В.А. - 92, 298
 Корнилов Л.Г. - 9, 184, 204, 205, 219-226, 228-234, 237, 239, 274, 277, 278, 297, 306, 309, 311
 Краснов П.Н. - 9, 10, 17, 228-230, 253, 258, 261-263, 267, 269, 276, 277, 280, 281, 301, 312
 Крестинский Н.Н. - 57, 291
 Кругликов А. - 39
 Крыленко Н.В. - 312
 Крымов А.М. - 223, 227, 229, 230, 309
 Куропаткин - 198
 Кучин Г.Д. - 196, 199, 205, 217, 240, 241, 307
 Кшесинская М.Ф. - 62, 66, 68, 69, 172, 181, 186, 289
 Лавров П.Л. - 287
 Лавров - 34
 Лассаль Ф. - 51, 290
 Лашевич М.М. - 97, 299
 Ленин В.И. - 8-10, 18, 41, 42, 61-63, 65-69, 71-75, 77, 90, 96-98, 100, 103, 116, 122, 127, 139, 145, 149, 152, 180, 182, 199, 268, 269, 274, 275, 278, 281, 283, 286-288, 291-293, 299, 302-305, 310-312

- Либер М.И. - 76, 77, 295
 Линде Ф.Ф. - 89, 297
 Ллойд-Джордж - 80, 296
 Лукомский А.С. - 136, 227, 234, 302
 Луначарский А.В. - 142, 172, 275, 303
 Львов В.Н. - 309
 Львов Г.Е. - 28, 36, 50, 68, 90—94, 112, 113, 120, 132, 175, 183, 284, 285, 300
 Львов Н.А. - 311
 Людендорф Э. - 101, 298
 Мазуренко - 182
 Мария Николаевна - 296
 Маркс К. - 5, 51, 64, 127, 284, 289, 290, 292, 293
 Мартов Л. - 142, 144, 149, 165, 239, 301, 303
 Меркадер Р. - 302
 Милюков П.Н. - 36, 55, 56, 70, 80—86, 88—92, 105, 112, 113, 119, 120, 126, 136, 163, 164, 170, 176, 205, 223, 226, 227, 237, 252, 286, 294, 296, 297, 312
 Минц - 196
 Мирбах - 310
 Муравьев М.А. - 271, 312
 Мякотин В.А. - 308
 Набоков В.В. - 286
 Набоков В.Д. - 34, 70, 88, 94, 105, 120, 179, 286, 296
 Нагаев - 205
 Наполеон I - 205, 288, 308, 309
 Натансон М.А. - 310
 Нахамкис. См. Стеклов Ю.М.
 Нахимов П.С. - 298
 Некрасов Н.В. - 178, 305
 Николаевский Б.И. - 3, 4, 10, 12, 13, 17
 Николай I - 296
 Николай II - 37, 47, 135, 138, 139, 282, 286, 287, 289
 Парский Д.П. - 189, 194, 195, 197, 201, 203, 204, 206, 213, 214, 218, 244, 277, 307
 Переверзев П.Н. - 113, 300, 303, 305
 Петр I - 294, 311
 Петров. См. Войтинский В.С.
 Петровский Г.И. - 30, 286
 Пешехонов А.В. - 113, 117, 300, 308
 Пильц - 22—24, 27, 29, 34
 Пиналов С.А. - 4
 Пирр - 297
 Плеханов Г.В. - 12, 17, 61, 68, 97, 291, 293
 Полковников Г.П. - 255, 311
 Посохов - 213, 214
 Потемкин Таврический Г.А. - 282
 Потресов А.Н. - 239, 273, 310
 Протопопов А.Д. - 294
 Прошьян П.П. - 310
 Прусак В.В. - 133
 Пуришкевич В.М. - 282
 Путилов А.И. - 309
 Рабинович Б. - 196
 Радко-Димитриев - 190
 Раскольников Ф.Ф. - 134, 172, 302
 Распутин Г.Е. - 21, 282
 Рассел Ч.Э. - 299
 Растрелли В. - 311
 Рембрандт Х. - 298
 Родзянко М.В. - 24, 39, 49, 284
 Рожков Н.А. - 76, 295
 Розанов В. - 299
 Рокфеллер - 14
 Рошаль С.Г. - 130, 133, 134, 172, 301
 Рубенс П.П. - 298
 Руже де Лиль К.Ж. - 287
 Рузвельт Ф.Д. - 13
 Русанов Н.С. - 151, 299, 304
 Савинков Б.В. - 184, 220, 221, 223, 234, 306
 Сазонов С.Д. - 237, 310
 Свердлов Я.М. - 287
 Севрук П.Н. - 57, 66, 291
 Сергеев - 126
 Симонов - 208, 212
 Скалон - 210—212, 218, 309
 Скворцов-Степанов И.И. - 289
 Скобелев М.И. - 43, 44, 76, 77, 87, 111, 113, 126, 130, 131, 135, 144, 165, 282, 284, 289
 Смирнов А.Н. - 151, 299, 304
 Смирнов, фронтовик - 151, 304

- Соколов Н.Д. - 134, 163, 302
Спиридонова М.А. - 310
Сталин И.В. - 289, 291-293, 299
Станкевич В.Б. - 53, 82, 83, 94, 136, 137, 178, 187-191, 197, 198, 218, 224-226, 230, 232, 233, 245, 291
Станчев М.Г. - 4
Старов И.Е. - 282
Стаунинг Т. - 299
Стеклов Ю.М. - 40, 43, 44, 58, 59, 75, 103, 115, 282, 288
Столыпин П.А. - 287
Суворин А.С. - 294
Суханов Н.Н. - 36, 44, 45, 53, 84, 119, 123, 176, 177, 227, 282, 287
Тарнов Ф. - 12
Терещенко М.И. - 36, 113, 120, 163, 164, 178, 286, 305
Тимофеев Е. - 39
Тихонов А.Н. - 122, 301
Толстой Л.Н. - 96, 297
Толстой П.М. - 260, 312
Тома А. - 109, 110, 299
Трезини Д. - 311
Троцкий Л.Д. - 134, 142, 172, 194, 238, 242, 268, 269, 271, 278, 281, 288, 291-293, 301, 302, 305, 310, 311
Трульстра П.Й. - 299
Трухин - 267-269, 280
Туган-Барановский М.И. - 5
Тумаркин Л. - 196
Фелицын - 33
Фелькерзам - 89
Фельштинский Ю.Г. - 3, 4
Филипп II - 290
Филоненко М.М. - 184, 233, 306
Фризер - 38
Хараш Я.А. - 196, 308
Хаустов Ф.П. - 298
Хинчук Л.М. - 300
Ходоров - 198
Цезарь Г.Ю. - 205, 308
Церетели И.Г. - 7, 10, 23, 26, 30-32, 35, 39, 41, 42, 44, 54-56, 58, 59, 61, 66, 68, 69, 75-77, 81, 82, 84, 86, 87, 98, 113, 118, 121, 128, 131-135, 144, 145, 148, 149, 151, 154, 164, 165, 180, 183, 219, 239, 242, 243, 282-284, 305
Череванин - 152
Черемисов В.А. - 244-246, 249, 253, 255, 256, 259, 260, 261, 276-281, 311
Чернов В.М. - 76, 77, 84, 113, 114, 128, 172, 179, 185, 205, 219, 220, 222, 282, 284, 285, 295
Чернышев И.В. - 103, 299
Чернышевский Н.Г. - 288
Чернявский Г.И. - 3, 4
Чудновский Г.И. - 117, 302
Чхеидзе Н.С. - 28, 39, 43, 61, 76, 77, 82, 83, 98, 112, 113, 168, 169, 179, 180, 187, 215, 219, 220, 238, 242, 282, 285
Шаламов В. - 306
Шахдан Э. - 8
Шейдеман Ф. - 109, 289, 300
Шекспир У. - 296
Шингарев А.И. - 296
Шкинский - 32, 33
Эберт Ф. - 300
Энгельс Ф. - 51, 64, 284, 290, 292
Эрлих Г.М. - 151, 299, 304
Юз Д.Э. - 312
Юсупов Ф.Ф. - 282

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Аа - 204
Австро-Венгрия - 299
Алма-Ата - 302
Ангара - 22
Англия (Великобритания) - 74,
109, 286, 296, 298, 299
Анио - 298
Атернус - 298
Атлантический океан - 309
Аускулум - 297
Афганистан - 302
Бельгия - 109, 300
Берлин - 3, 12, 17, 34, 49, 53,
57, 89, 136, 286, 291, 297, 300
Берн - 293
Болгария - 302, 307
Брест-Литовск - 307
Брюссель - 299
Валка - 244
Ватерлоо - 309
Вашингтон - 14
Великий океан - 29
Вена - 301
Венден - 214, 217, 218
Видер - 216
Владивосток - 37
Волга - 149
Выборг - 78
Гаага - 299
Галич - 306
Гатчина - 224, 263, 266, 269, 281
Гельсингфорс - 78, 125
Гераклея - 297
Германия - 11—13, 89, 100, 104—
107, 199, 247, 277, 283, 286,
288—291, 295, 298, 299, 301,
303, 305, 307, 310, 312
Голландия - 109, 287, 299
Гомель - 291
Грузия - 10, 11, 271, 283, 285
Даго - 244
Дания - 77, 299, 302
Двинск - 178, 188, 215, 218, 245
Дон - 269, 284, 297, 311
Донская область - 308
Европа - 15, 86
Екатеринбург - 287
Екатеринодар - 297
Екатеринослав - 6
Жилкино - 22
Закавказье - 289
Западная Двина - 188, 203, 206—
209, 217
Икскуль - 206
Илкино - 8
Индия - 16
Иркутск - 6—8, 16, 20—25, 27—
29, 31, 33—35, 38, 39, 41, 43,
45, 49, 295
Испания - 303, 311
Италия - 11, 283, 291
Кавказ - 228
Казань - 296
Калуш - 306
Карпаты - 214
Каунас - 291
Киев - 164, 305
Кинталь - 139, 144
Китай - 295, 309
Котлин - 132
Краков - 7
Красное Село - 223
Красноярский край - 283
Кронштадт - 127, 129—135, 142,
162, 170, 179, 222, 251, 301,
303, 311

- Кубань - 307
 Латвия - 199, 200
 Латинская Америка - 14, 311
 Лембург - 216
 Литва - 291
 Лондон - 162, 289
 Луга - 223—226, 263, 264, 266
 Мальта - 301
 Мексика - 302
 Минск - 97, 301
 Могилев - 234, 237, 312
 Москва - 12, 22—24, 38, 53, 159,
 169, 204, 238, 243, 251, 295,
 298, 301, 302, 306
 Мюнхен - 298
 Нарва - 307
 Нева - 36
 Новгород - 301
 Норвегия - 109, 302
 Омск - 39
 Ораниенбаум - 133
 Оренбург - 309
 Остров - 263, 281
 Палестина - 301
 Париж - 11, 286, 289, 295, 296,
 309-311
 Петербург (Петроград) - 4, 6, 8—
 10, 14, 17, 20—26, 33, 38—40,
 43, 45—47, 49, 51—53, 56, 61,
 65, 68, 71, 74, 78, 80, 83, 85,
 86, 91, 94, 95, 102, 115, 116,
 118, 121, 123, 124—127, 129,
 130—135, 140—146, 148—159,
 162, 164—166, 169, 170, 172,
 173, 176—180, 182—184, 187,
 189—191, 197, 198, 204, 205,
 211, 215, 216, 218—228, 230—235,
 238, 239, 247, 249, 250, 253—
 263, 266—270, 272, 273, 276,
 278—281, 282, 287, 289, 290,
 292, 294—304, 306, 307, 309—312
 Петергоф - 155, 170
 Петроградская губерния - 251
 Польша - 283
 Прага - 300
 Прибалтика - 300
 Припять - 290
 Пруссия - 298
 Псков - 187—189, 191, 224, 226,
 227, 230—232, 234, 244, 249,
 254, 258, 259, 262—266, 276,
 279
 Ревель - 217, 245, 307
 Ревельский район - 249
 Рига - 187, 188, 190, 191, 196,
 200, 203, 204, 209, 211—218,
 224, 249, 300, 307, 309
 Рижский залив - 188, 197, 203
 Рим - 297, 298, 301
 Россия (РСФСР) - 9, 12, 14, 16,
 21, 23, 29, 34, 37—41, 51, 53,
 54, 57—60, 62, 65, 66, 68—70,
 72, 77, 80, 81, 89, 93, 101,
 102, 104—108, 110, 114, 115,
 117, 118, 124, 130, 131, 136—
 138, 142, 144, 145, 148, 153,
 155, 157, 159, 161, 165, 167,
 168, 183, 186—188, 199, 210,
 231, 236—238, 251, 252, 256,
 268, 273—275, 283—287, 289—
 293, 296, 297, 299—303, 306,
 307, 309
 Св. Елены, остров - 309
 Севастополь - 297
 Северная область - 251, 295, 311
 Сибирь - 7, 17, 20, 23, 24, 30,
 37—39, 45, 117, 149, 283, 295
 Симбирск - 312
 София - 88, 302
 Средиземное море - 309
 СССР - 11
 Стокгольм - 89, 111, 300
 Стоход - 49, 290
 США - 3, 5, 12—14, 283, 285,
 290, 291, 295, 296, 299
 Табол-Геленин - 290
 Териоки - 133
 Тернополь - 306
 Тибр - 298
 Тифлис - 10, 20, 271
 Тобольская губерния - 282
 Тула - 301
 Турция - 298, 302
 Украина - 164, 283, 301, 305, 312

- Урал - 40, 149
Усолье - 7, 23
Уфа - 295
Ушаковка - 28
Финляндия - 78, 125, 188, 204,
248, 278, 292
Финский залив - 133
Франция - 11, 13, 109, 110, 246,
283, 285, 287, 288, 295, 298,
299, 302, 310, 312
Харбин - 298
Центральная Азия - 283
Циммервальд - 139, 144
- Черное море - 197
Швейцария - 13, 275, 283, 291,
293, 303
Швеция - 109, 299
Штеттин - 163
Эзель - 244
Эльба - 309
Эпир - 297
Эстония - 302
Якутск - 30
Ямбург - 226, 307
Япония - 14
Ярославль - 306

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Г.И. Чернявский. ВОЙТИНСКИЙ И ЕГО ВРЕМЯ</i>	3
1917-й. ГОД ПОБЕД И ПОРАЖЕНИЙ	
ПРЕДИСЛОВИЕ	20
<i>Глава первая. В ИРКУТСКЕ</i>	21
<i>Глава вторая. В ПЕТРОГРАДЕ</i>	43
<i>Глава третья. НАЧАЛО РАЗБРОДА В РЯДАХ ДЕМОКРАТИИ</i>	70
<i>Глава четвертая. ВОЙНА ИЛИ МИР?</i>	93
<i>Глава пятая. ПРИ ПЕРВОМ КОАЛИЦИОННОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ</i>	112
<i>Глава шестая. НАСТУПЛЕНИЕ НА ФРОНТЕ. РАЗВАЛ В ПЕТРОГРАДЕ</i>	141
<i>Глава седьмая. ИЮЛЬСКИЙ КРИЗИС</i>	162
<i>Глава восьмая. НА ФРОНТЕ</i>	188
<i>Глава девятая. ПАДЕНИЕ РИГИ</i>	206
<i>Глава десятая. КОРНИЛОВЩИНА</i>	219
<i>Глава одиннадцатая. АГОНИЯ</i>	236
<i>Глава двенадцатая. ПЕРЕВОРОТ</i>	253
<i>Г.З. Иоффе. КЕРЕНЩИНА И ЧЕРЕМИСОВЩИНА</i>	272
Примечания	282
Указатель имен	313
Указатель географических названий	317

Владимир Савельевич Войтинский

1917-й.

ГОД ПОБЕД И ПОРАЖЕНИЙ

Редактор *О. Гусева*

Художественные редакторы *И. Марев, Д. Барковский*

Технический редактор *Т. Фатюхина*

Корректор *О. Смирнова*

ЛР № 071673 от 01.06.98 г. Изд. № 0599203.

Подписано в печать 28.04.99 г. Гарнитура Таймс. Формат 60×90¹/₁₆.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0. Уч.-изд. л. 20,91. Заказ № 570.

ТЕРРА—Книжный клуб. 113093, Москва, ул. Щипок, 2, а/я 27.

Отпечатано в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат».

150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

ТАЙНЫ

Владимир Савельевич Войтинский (1885 – 1960) был непосредственным участником событий 1917 г. в России. Выступая на стороне меньшевиков, он являлся членом Исполкома Петроградского совета и комиссаром Временного правительства на Северном фронте. Воспоминания В. С. Войтинского воссоздают яркую картину эпохи и являются ценным источником истории Октябрьской революции.

ИСТОРИИ

ISBN 5-300-02711-1

9 785300 027117